Вячеслав Попов,
Борис Фрезинский

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Хроника жизни и творчества
(в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников)

Том I
1891-1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЛИНА"
Санкт-Петербург, 1993

Вячеслав Попов,
Борис Фрезинский

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Хроника жизни и творчества
(в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников)

Том I
1891-1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЛИНА"
Санкт-Петербург, 1993

ISBN 5—86983—002—8

Замечания, предложения и дополнения, а также заявки (для определения тиража) на тт.1 и 2 “Хроники жизни и творчества Ильи Эренбурга” просим присылать по адресу: 191028, Санкт-Петербург, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 20, кв. 13.

Попов В., Фрезинский Б. "Хроника жизни и творчества Ильи Эренбурга", т. 1. С.Пб., 1993.

Первый том летописи и творчества знаменитого писателя и публициста Ильи Эренбурга, относящийся к периоду 1891 - 1923 гг., является итогом тридцатилетних изысканий авторов. Книга служит одновременно и единственным в своем роде биографическим справочником, и, вместе с тем, благодаря обилию приведенных в ней документов, писем, воспоминаний, откликов критики, материалов хроники из центральной и провинциальной, российской и зарубежной прессы (собранных и представленных с максимальной полнотой), - интересным чтением по истории литературной и общественной жизни России и Европы первой четверти XX века. Подавляющее большинство материалов в литературоведческий оборот вводится впервые.

Сдано в набор 10 октября 1992 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом открывается издание летописи жизни и творчества Ильи Григорьевича Эренбурга /1891-1967/, которая составит предположительно 4-5 томов. Работа над ней форсированно велась последнее десятилетие, причем со второй половины 1980-ых годов все более реальным становилось ее издание в относительно полном об'еме /без серьезных цензурных из'ятий/; в целом же сбор материалов для эренбурговской летописи занял у нас около тридцати лет.

За столь длительное время литературная и политическая репутация Ильи Эренбурга в различных общественно-литературных кругах заметно менялась. В 1960-ые годы Эренбург был знаменем либеральной интеллигенции и едва ли не все поколение шестидесятников в той или иной мере испытало на себе влияние его работы. Для этого поколения Эренбург стал живым мостом, связавшим настоящее русской литературы с ее прошлым /замалчиваемым и растоптанным/ и, с другой стороны, русскую культуру с западной. Книга "Люди, годы, жизнь" впервые /и из первых рук/ познакомила советского читателя со звездами отечественной и мировой культуры и заставила задуматься над многими политическими тайнами и загадками эпохи. Издание книг Эренбурга наталкивалось и тогда на значительное сопротивление властей /достаточно вспомнить скандальное выступление Хрущева против мемуаров Эренбурга в марте 1963 г./, а после смерти писателя его лучшие книги практически не имели шансов быть переизданными в СССР, более того - даже упоминание имени Эренбурга в прессе зачастую считалось нежелательным.

Одновременно и отчасти независимо от того снижался читательский интерес к наследию Эренбурга. Поляризация общественного сознания разделила читающую публику на два лагеря /условно - западников и почвенников/, причем интерес к Эренбургу падал в обоих лагерях /почвенники, сблизившиеся с официальной госпартидеологией, не принимали европейской ориентации Эренбурга, а радикалов диссидентов огорчал его недостаточный, как они считали, радикализм/. Существенными были и изменения в настроениях еврейской части общества, неизменно поставлявшей наиболее пристрастных эренбурговских читателей. Эренбург не был сторонником обособления евреев, и его еврейство сводилось, главным образом, к борьбе с антисемитизмом; поэтому становившаяся все более массовой после 1960-ых годов /в ответ на рост государствен-

ного антисемитизма/ произраильская ориентация советского еврейства также сокращала число эренбурговских почитателей. В итоге в России выросло новое поколение, в лучшем случае знавшее Эренбурга лишь понаслышке.

Перестройка, которая на первых порах шла по рельсам хрущевской оттепели /и, кстати сказать, сделала эренбурговское обозначение первых хрущевских лет употребимым и в России, где прежде слово"оттепель" использовалось в политическом контексте лишь в кавычках, как ошибочное/, не открыла дорогу широкому переизданию книг Эренбурга /отношение к ним в кабинетах на Старой плащади оставалось настороженным, если не враждебным/. Илья Эренбург, так много сделавший для либерализации общественного сознания в хрущевские годы и для просвещения поколения будущих перестройщиков, баловнем перестройки не стал. Лишь в 1989 году был напечатан его роман "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца", а в 1990-м после нескольких лет работы удалось опубликовать полное, комментированное издание мемуаров "Люди, годы, жизнь" и на чать выпуск собрания сочинений, впервые представлявшего читателю лучшие страницы наследия Эренбурга без цензурных вымарок. Однако это произошло уже на излете относительной стабильности государства, и как только идеологическое небо расчистилось для Ильи Эренбурга, всеобщий кризис, особенно ощутимо поразивший издательскую сферу, остановил начавшийся было процесс переиздания его книг. Что касается их критического осмысления, то и столетний юбилей писателя не стал поводом для глубокого анализа его наследия; дело ограничилось публикацией многословных банальностей в духе устоявшихся стереотипов, либо хлестких, хотя и столь же поверхностных, реплик /исключение составили работы Б.Парамонова и Ш.Маркиша, перепечатанные из зарубежных изданий/.

Первый том летописи оказался подготовленным к изданию, таким образом, не в лучшее для Эренбурга время. Тем не менее мы рассчитываем на то, что и сегодня ему будет обеспечено читательское внимание. За долгие годы изучения эренбурговского наследия, ознакомившись с тысячами единиц архивного хранения /рукописи, письма, документы, мемуарные свидетельства/, узнав Эренбурга со многих, прежде незнакомых нам сторон и представляя его сегодня куда более об'емно, чем приступая к этой работе, мы, если говорить о главном, ни разу не испытали разочарования в нашем герое /бывало, что огорчались тем или иным его словам, но всякий раз понимали, в каких именно исторических обстоятельствах они произносились/.

Писателю выпало жить и работать в одну из самых трагических эпох российской истории. "Об Илье Эренбурге можно было бы сказать, - писал недавно Д.С.Лихачев, - что он "служил в семи ордах при семи королях". В наше время это было бы уже своего рода заслугой, ибо, служа, он исправлял и смягчал, но себя, конечно, портил" /Д.Лихачев "Заметки и наблюдени". Л.,1989, с.190/. Трагичными были судьбы художников - и тех, что погибли, и тех, кому оставлена была жизнь. Трагедии

непризнания, страха и бесстрашия, рокового компромисса, заблуждения, ослепления, молчания, одиночества; в русской литературе XX века нет не трагических фигур - Мандельштам и Маяковский, Цветаева и Ахматова, Булгаков и Замятин, Бабель и Зощенко, Есенин и Заболоцкий, Гроссман и Твардовский, но даже А.Толстой, даже Шолохов, даже Фадеев... Трагичность судьбы Ильи Эренбурга в условиях российской действительности была предопределена и тем, какое место в его жизни с юности заняла политика, и природой его дара, точно определенной Евг.Шварцем: "жить искренне, жить теми интересами, что выдвинуты сегодняшним днем, и писать о них приемами искусства сегодняшнего дня" /Е.Шварц "Живу беспокойно". Л.,1990, с.294-295/; и тем, что Эренбург никогда не забывал прошлого и, как проницательно заметил Виктор Шкловский, "из Савла не стал Павлом. Он Павел Савлович" /В.Шкловский "Жили-были". М., 1964, с.194/.

При всей сложности и неоднозначности фигуры Ильи Эренбурга, как писателя и общественного деятеля, ему обеспечено прочное и заслуженное место в истории и русской литературы, и общественной жизни нашего века. Несколько фактических соображений в подтверждение этого утверждения здесь стоит привести.

Что касается литературы, то многое в огромном по объему литературном наследии писателя, всегда жившего тревогами дня, принадлежит своему времени. Однако его сатирической прозе 1920-ых годов, стихам, мемуарам "Люди, годы, жизнь", лучшим страницам публицистики 1918-67 годов, несомненно, суждена долгая жизнь.

Если говорить о политике, то и с учетом сегодняшнего понимания исторического пути России в XX веке, многое в общественных деяниях Ильи Эренбурга выдержало самое жесткое испытание - временем.

Прежде всего, это его газетные выступления 1918-19 годов, в которых писатель не только страстно обличал антидемократический характер большевистской диктатуры и предупреждал о непоправимых бедах, которые она несет стране и народу, но вместе с тем и столь же решительно отвергал попытки реставрировать в России рухнувшую в одночасье монархию, последовательно отстаивал программу построения свободного, демократического российского государства. Голос Эренбурга, как и голоса Горького и Короленко, не был тогда услышан; Россия пошла по иному пути, и писателю после долгих и воистину мучительных раздумий пришлось принять этот выбор.

Затем - антифашистская деятельность Эренбурга 1935-45 годов, его статьи, переводившиеся тогда на всех континентах и снискавшие писателю славу едва ли не первого публициста антигитлеровской коалиции. Испытывая горечь от того, что народам сталинской империи, более других пострадавшим от гитлеровского нашествия и внесшим наибольший вклад в сокрушение германского фашизма, меньше всех удалось воспользоваться плодами своей дорого стоившей победы, мы не вправе преуменьшать ее значение для всего человечества, и, стало быть, не вправе

преуменьшать значение беспрецедентной работы Ильи Эренбурга, полутора тысяч его яростных статей.

С позиций сегодняшнего понимания сути сталинского режима легко обвинять не порвавших с ним открыто деятелей культуры в компромиссах и сомнительном сотрудничестве /мера которого, разумеется, у каждого была своя/. Уязвим тут, понятно, и Эренбург - официально /хотя и не всегда по своей воле/ занимавшийся в сталинские годы международной публицистикой. О мере своей ответствености он достаточно откровенно и покаянно сказал в книге"Люди, годы, жизнь" и в стихах. Но, обращаясь сегодня к его выступлениям тех лет, даже к статье "Большие чувства" /1949/,в которой кровавый палач изображен добрым садовником, заботливо выращивающим деревья, нельзя забывать об условиях, в которых писались эти вещи /как и соответствующие стихи Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Заболоцкого/. Отказ от официальной работы мог означать для Эренбурга только гибель, а жить и работать с реальным образом диктатора в сознании было самоубийственно. Не стоит сталкивать строки стихов Эренбурга

Додумать не дай, окажи, молю, эту милость /1939/

с пастернаковскими

Во всем мне хочется дойти до самой сути /1956/

- они написаны в существенно разные эпохи; Эренбург ведь тоже пытался дойти до самой сути, когда писал сталинские главы мемуаров /другое дело, что эта попытка оказалась безуспешной/.

Поверим Эренбургу, что он никогда не любил Сталина, но всегда его боялся. И признаем, что и в тех тягчайших обстоятельствах всеобщего умопомрачения он никогда не предавал друзей, чтобы купить себе жизнь, не подписывал публичных восторгов по поводу очередных смертных приговоров, клеветы и глумления, хотя над ним не раз нависал топор палача /так было в 1938-м, и в 1945-м, и в 1949-м, и в 1953-м/. Он открыто выступил против травли "формалистов" в 1936-м, отказался хоть одним словом поддержать ждановщину в 1946-м и борьбу с "космополитизмом" в 1949-м. А в феврале 1953-го не только отказался подписать предложенный ему текст в поддержку депортации евреев на Колыму /было еще трое смельчаков/, но, обратившись лично к Сталину, нашел такие аргументы, которые заставили палача приостановить чудовищный план.

Деятельность Эренбурга в послесталинское время сыграла существенную роль в либерализации общественного сознания, в возвращении культуре ее законного места в жизни народа, в восстановлении культурных связей страны с Западом. Она требовала от уже немолодого писателя необычайного упорства, последовательности и силы духа как в преодолении смертельного сопротивления партаппарата, так и в борьбе с самим собой, "с тем, что сделала с нами жизнь", как он выразился в мемуарах, имея в виду казалось необратимую деформацию личности за два десятилетия сталинского пресса.

Все годы работы над этой летописью приведенные здесь соображения поддерживали нашу уверенность в полезности и нужности ее.

Приступая к составлению хроники жизни и творчества И.Г.Эренбурга, мы, естественно, стремились сделать ее как можно более полной. Эта задача оказалась не легкой по двум, казалось бы, взаимоисключающим причинам - из-за обилия материалов и из-за их острой нехватки.

Эренбург отдал литературе почти 60 лет жизни и был чрезвычайно плодовитым автором; его наследие насчитывает почти 800 стихотворений, поэмы, десятки романов, повестей, новеллы, тысячи статей, очерков, эссе, переводы, пьесы, мемуары, необозримую переписку. Он писал о современной ему жизни России и стран Европы, о прошлом и о будущем, о политике, о войнах и революциях, об экономике, о литературе и искусстве, о путешествиях, о любви и ненависти, о собственной жизни, о жизни близких друзей и о тех, кого никогда не видел. Его наследие остается все еще не только не изученным, но и не собранным /нет серьезной библиографии ни публикаций, ни критики/. Поэтому одно только перечисление публикаций Эренбурга в периодике за 60 лет его жизни в литературе оказалось весьма объемным.

С первых же книг призведения Эренбурга вызывали активный отклик прессы - массу рецензий и критических статей; среди их авторов были и такие значительные деятели русской литературы как Брюсов, Гумилев, Мандельштам, Волошин, Замятин, Тынянов, Шкловский, Лунц, Соболь, В.Гроссман, Твардовский и др. В десятые-двадцатые годы, да и позже Эренбург не был безразличен к отзывам критики и в письмах часто просил присылать ему все отклики на его книги; многие из них становились, таким образом, фактами его биографии. Упоминая в хронике все сколько-нибудь значительные статьи и рецензии, мы довольно часто приводим из них отрывки, дающие представление не только о точке зрения критика, но и о времени в целом.

Эренбург смолоду был яркой фигурой, неизменно привлекавшей к себе внимание, и в русской прессе, начиная с 1918 года, подчас довольно подробно освещались его выступления, встречи, поездки. Эти свидетельства, ранее никем не собранные, дают возможность существенно дополнить представление о жизнедеятельности Эренбурга, о его встречах с деятелями искусства и политики, создать своего рода мозаику литературной и общественной жизни.

Эпистолярное наследие Эренбурга, весьма внушительное при его не слишком большой любви к этому жанру, сохранилось достаточно полно - особенно значительны фонды эренбурговских писем В.Я.Брюсову, М.А.Волошину, Е.Г.Полонской, М.М.Шкапской, Е.И.Замятину, Г.Издебской, В.Г.Лидину, Н.С.Тихонову, М.Е.Кольцову, В.А.Мильман; за рубежом опубликован архив берлинского журнала “Русская книга” с очень ценными для хроники письмами Эренбурга А.С.Ященко. Не сохранились письма Эренбурга Б.Л.Пастернаку, И.Э.Бабелю, Н.И.Бухарину, Т.И.Сорокину, Б.А.Букиник; остаются недоступными нам письма, хранящиеся в зарубежных архивах и ряде частных собраний.

Существенными для хроники 1906-10 годов оказались материалы полицейских архивов и Московской судебной палаты; они заметно обогатили наше представление об этих годах жизни Эренбурга.

Достаточно ценными являются и многие мемуарные свидетельства о писателе, как опубликованные /и в России, и - в большей степени - за рубежом/, так и не опубликованные до сих пор /некоторые из них писались специально для нашей работы/.

Особое место среди источников эренбурговской летописи занимают многотомные мемуары "Люди, годы, жизнь". Эта книга, которой по вескому утверждению А.Твардовского, "суждена прочная долговечность", дает широкую панораму политических и художественных событий первой половины XX века, портреты многих видных детелей культуры, науки, политики, повествует о многих раздумьях, сомнениях и заблуждениях автора, но для летописи его жизни дает куда меньше, чем могла бы. И дело тут не только в том, что Эренбург довольно часто, по его собственному выражению, "опускал занавеску исповедальни", но и в его небрежном отношении к датам /там, где речь идет о событиях его жизни/; практически все даты, приводимые в мемуарах, приходилось проверять. Даты ряда событий нам пришлось устанавливать путем сопоставления многих документов; в этих случаях мы оставляли наши расчеты за бортом хроники[1]. В хронике жизни писателя никак нельзя было обойтись без многих его высказываний и свидетельств, содержащихся в книге "Люди, годы, жизнь", но, как заметит читатель, они все же занимают относительно малую часть составленного нами жизнеописания.

Располагая огромным фондом неопубликованных документов, мы стояли перед соблазном опубликовать здесь как можно больше неизвестных материалов и, понятно, вынуждены были ограничивать себя в этом, чтобы не превратить хронику в том публикаций /отметим, что тем не менее только по периоду 1905-08 гг. мы полностью или фрагментарно привели здесь впервые около 80 документов/.

Мы старались не упускать ничего из документов, проливающих свет на взаимоотношения Эренбурга с выдающимися деятелями русской и зарубежной культуры, и в этом смысле надеемся, что эренбурговская хроника окажется полезной и тем, кто интересуется жизнью и деятельностью тех или иных мастеров мировой культуры XX века.

Другая трудность, возникшая перед нами, состояла в почти полном отсутствии материалов личного архива Эренбурга /письма, дневники, записные книжки/ за весь период до 1940 года /дореволюционный архив Эренбурга погиб при его возвращении на родину в июле 1917 г., а архив 1917-40 гг. писатель уничтожил сам, когда гитлеровцы вошли в Париж/; уцелели лишь некоторые книги с дарственными надписями, да несколь-

---

1 События, происходившие в России до февраля 1918 г. датируются по юлианскому календарю.

ко черновиков писем к Эренбургу Брюсова, Цветаевой и Волошина. Эти пробелы, понятно, остаются невосполнимыми.

При работе над летописью нами были обстоятельно изучены все материалы об Эренбурге в собраниях крупнейших книгохранилищ страны /ГБЛ,ГПБ, БАН, и др./, фонды архивов ЦГАЛИ, ЦГАОР, ЦГИА МО, ОР ГЛМ, ОР ИРЛИ, ЛГАЛИ, а также многие частные архивы. Помогала нам в работе определенная специализация поисков: В.В.Попов преимущественно занимался библиографией и поиском материалов об Эренбурге в русскоязычной периодике, Б.Я.Фрезинский - архивными разысканиями и записью воспоминаний об Эренбурге. Наибольшие пробелы следует ожидать в части зарубежных материалов - здесь мы вынуждены были ограничиться тем, что хранится в отечественных хранилищах, а также сведениями, которые представляли нам зарубежные коллеги.

Русская периодика за 1910-67 годы была исследована досконально, прежде всего - те издания, где мог печататься Эренбург или материалы о нем. Это дореволюционная периодика Петербурга, Москвы, Киева, Иркутска и некоторых других городов, петроградские издания лета 1917 г., московские - первой половины 1918-го, харьковские, киевские, гомельские, полтавские, ростовские, тифлисские издания времени пребывания в этих городах Эренбурга в 1918-20 гг., а также рижские, берлинские и парижские издания за 1920-ые годы, и, разумеется, вся советская центральная печать за последующее время, а также издания Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова и других городов. К сожалению, не удалось найти многих номеров киевских газет за 1919 год, феодосийской газеты "Крымская жизнь" за 1920 год, некоторых журналов, про которые нам известно, что там печатался Эренбург.

Занявшая несколько десятилетий работа в определенной мере была продолжением библиографических изысканий Я.З.Бермана /1889-1973/ и историко-литературных штудий Е.И.Ландау /1916-1970/, неизменно делившихся с нами результатами своих поисков.

В течение всей работы мы пользовались заинтересованной и безотказной помощью Ирины Ильиничны Эренбург, предоставившей в наше распоряжение все материалы ее архива. Не можем не отметить также поддержки, которую оказывали нам Лазарь Ильич Лазарев и Бенедикт Михайлович Сарнов, много сделавшие для издания и осмысления эренбурговского наследия.

Наш долг вспомнить здесь покойных Я.И.Соммер, А.Я.Савич, Б.А.Букиник, А.В.Эйснера, Л.А.Зонину, Н.И.Столярову, И.П.Рачек, щедро делившихся с нами своими воспоминаниями.

Мы приносим благодарность всем, кто помогал нам различными материалами о жизни и деятельности Эренбурга - в частности: А.М.Аренштейн, Н.А.Богомолову, А.Д.Гдалину, А.Г.Ирлину, И.В.Кудровой, В.П.Купченко, Е.В.Лидиной, В.В.Манукяну, А.П.Мацкину, П.М.Нерлеру, А.Е.Парнису, Е.В. и Е.Б.Пастернакам, А.Н.Пирожковой, М.Л.Полонскому, Дж. Рубенстайну, И.И.Слонимской, В.Н.Тихоновой, А.В.Щекин-Крото-

вой, сотрудникам выше названных архивов и прежде всего - Н.Б.Волковой и О.Рожковой.

Мы будем признательны за все замечания и дополнения к этой работе.

В заключение приведем список сокращений, которые употребляются в настоящем томе:

АФ	- архив Б.Я.Фрезинского /С.Петербург/
АЭ	- архив И.И.Эренбург /Москва/
ВЛ	- журнал "Вопросы литературы"
ЗК-1917	- записная книжка Эренбурга за 1917-18 гг. /ЦГАЛИ, фонд 1204, оп.2, ед.хр.386/
КдВ	- "Книга для взрослых"
ЛГЖ т.1-3	- "Люди, годы, жизнь", т.1-3. М. Сов.писатель, 1990
ЛГЖ-К	- комментарий в издании ЛГЖ т.1-3
НРК	- журнал "Новая русская книга" /Берлин, 1922-23 гг./
ПГИ	- письма Эренбурга Г.Издебской /ЦГАЛИ, фонд 2712, оп.1, ед.хр. 163/
РБ	- Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз "Русский Берлин 1921-1923". YMCA-PRESS, PARIS, 1983.
РО ГЛМ	- Рукописный отдел Гослитмузея /Москва/
СС т.1-8	- И.Эренбург Собрание сочинений т.1-8. М. Художественная литература, 1990-93.
СС-К	- комментарий к изданию СС т.1-8
ФВ	- Фонд М.А.Волошина /ИРЛИ фонд 562, ед.хр. 1338/
ФШ	- Фонд М.М.Шкапской /ЦГАЛИ, фонд 2182, оп.1, ед.хр. 543/
ЦГАОР	- Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва)
ЦГАЛИ	- Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва)
ГПБ	- Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (СПб)
ИМЛИ	- Институт мировой литературы (Москва)
ИРЛИ	- Институт русской литературы ("Пушкинский Дом", СПб)
ЛГАЛИ	- Ленинградский государственный архив литературы и искусства (СПб)

1891 год

14 января

В Киеве на Институтской улице родился Илья Григорьевич Эренбург[1].

В метрической книге еврейского населения города Киева за 1891 год ч.1 о родившихся, мужской графы под N36 значится следующая запись: "января 14 дня, в городе Киеве от отца киевского 2-ой гильдии купеческого сына Герша Гершановича Эренбурга и матери Ханы Берковны, урожденной Аренштейн[2], родился сын и наречен именем Илья.

Раввин /подпись/, место печати. № 440

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.180, т.2, л.36

Родители И.Э. - Григорий Григорьевич /Герш Гершанович/ Эренбург /1852-1921/ и Анна Борисовна /Хана Берковна/, урожденная Аренштейн /1857-1918/, поженились 9 июня 1877 года и до конца 1880-х годов жили в Харькове. К моменту рождения сына Ильи у них было уже трое дочерей - Мария /1881-1940?/, Евгения /1884-1965/, и Изабелла/1886-1965/.

Дед И.Э. по отцу Герш Ильич Эренбург в молодости жил в Новгороде-Северском, затем - в Харькове. У него было 12 детей: шестеро сыновей - Лазарь, Борис, Захарий /ск. в 1918г./, Григорий, Давид и Лев, и шестеро дочерей - Мария, Евгения, Анна /по мужу Гуревич/, Софья /по мужу Гаркави/, Фаня и Изабелла.

Дед И.Э. по матери - Дойвбер /Берка/ Аренштейн /1827-1904/ был известным в еврейском мире Киева религиозным и общественным деятелем. У него было пять детей - Мария /1848-1938/, по мужу Лурье, Клара /1849-1941/, по мужу Скловская, Анна - по мужу Эренбург, Наум и Михаил /1867-1917/.

По традиции российские евреи называли сыновей в память покойных близких родственников, как бы продляя их жизнь на земле. Г.Г.Эренбург назвал сына в память своего покойного деда. Так у Герша Ильича Эренбурга, проклявшего шесть сыновей за то, что учились они в русской школе, появился третий внук Илья /первый Илья - сын Захария, будущий поверенный в делах; второй - сын Лазаря, будуший социал-демократ и художник; третий - сын Григория, будущий писатель/.

---

1 В дальнейшем везде - И.Э.

2 В некоторых источниках фамилия пишется - Аринштейн.

Б.Фрезинский. "Родословная И.Г.Эренбурга" (Рукопись, АФ)

Я родился в буржуазной еврейской семье. Мать моя дорожила многими традициями: она выросла в религиозной семье, где боялись и бога, которого нельзя было назвать по имени, и тех "богов", которым следовало приносить обильные жертвоприношения, чтобы они не потребовали кровавых жертв. Она никогда не забывала ни о Судном дне на небе, ни о погромах на земле. Отец мой принадлежал к первому поколению русских евреев, попытавшихся вырваться из гетто. Дед его проклял за то, что он пошел учиться в русскую школу. Впрочем, у деда был вообще крутой нрав, и он проклинал по очереди всех детей; к старости, однако, понял, что время против него, и с проклятыми помирился...

Дед по матери был благочестивым стариком с окладистой серебряной бородой. В его доме строго соблюдались все религиозные правила. В субботу нужно было отдыхать, и этот отдых не позволял взрослым курить, а детям проказничать. /Еврейская суббота столь же уныла, как английское пуританское воскресенье/. В доме деда мне было всегда скучно.

ЛГЖ, т.1, с.53, 55

1895 год

Сентябрь

Семья Эренбургов переезжает из Киева в Москву.

Октябрь

Г.Г.Эренбург получает место директора Хамовнического пиво-медоваренного завода с окладом 300 р. в месяц и поселяется в Долго-Хамовническом переулке в доме Общества.

ЦГИА МО ф.1204, оп.1, д.60, Л.118, д.79, л.319, д.107, л.32

1896 год

Лето

А.Б.Эренбург вместе с сыном отправляется в Швейцарию для лечения.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.180/458 л.10

1897 год

4 октября

Октября 4 дня сын Илья включен в общую книжку отца Г.Г.Эренбурга, выданную ему из управления 1 участка Хамовнической части 16 августа 1897 года в Москве за N4266

ЦГИА МО ф.131, д.180, т.2, л.36

1900 год

Август

И.Э. сдает вступительные экзамены в 1 Московскую гимназию и зачисляется в параллельный подготовительный класс.

ЦГИА МО ф.371, ед.хр.580, л.91

Я блестяще выдержал экзамены в приготовительный класс, потом в первый: знал, что существует "процентная норма" и что меня примут только в том случае, если у меня будут одни пятерки. Я решил задачу, не сделал ни одной ошибки в диктанте и с чувством продекламировал "Поздняя осень. Грачи улетели".

ЛГЖ, т.1, с.55-56

1901 год

1 января

Помню встречу 1901 года. К нам приехали ряженые в масках. Один был в костюме китайца, я узнал в нем весельчака инженера Гиля; я его схватил за косу. Ряженые изображали страны Европы, венгерец танцевал чардаш, испанка щелкала кастаньетами, и все кружились вокруг китайца - в Пекине в ту зиму шли бои. Все также пили “за новый век”; не думаю, чтобы кто-нибудь из них догадывался, каким будет этот век и за что именно они пьют среди сугробов Москвы.

ЛГЖ. т.1, с.57

Весна

- Наслушавшись разговоров о героизме буров, я сначала написал письмо бородатому президенту Крюгеру, а потом, стащив у матери десять рублей, отправился на театр военных действий. Ночью меня поймали, и я не любил вспоминать о злополучном начинании.

ЛГЖ. т.1, с.57

- Помню, что я организовал небольшую группу “боксеров” - так называли восставших китайцев. Мы дрались ремнями и пускали в ход медные пряжки, хотя джентельменское соглашение этого не допускало: начинался двадцатый век.

ЛГЖ, т.1, с.57

- Рядом с заводом был дом Л.Н.Толстого. Часто я видел, как Лев Николаевич гулял по Хамовническому переулку, по Божениновскому. Мне подарили “Детство и отрочество”; книга показалась мне скучной. Я вытащил из кладовки комплект “Нивы” с “Воскресеньем”; мать сказала: "Это тебе еще рано читать". Я прочел роман залпом и подумал, что Толстой знает всю правду. Отец дал мне переписать запрещенное цензурой обращение Толстого; я был горд, переписал аккуратно - печатными буквами.

Как-то Лев Николаевич пришел на завод и попросил отца показать ему, как варят пиво. Они обходили цехи, я не отставал ни на шаг. Мне казалось почему-то обидным, что великий писатель ростом ниже моего отца. Толстому подали горячее пиво в кружке, он, к моему изумлению, сказал:"Вкусно" - и вытер рукой бороду. Он объяснял отцу что пиво может помочь в борьбе с водкой. Я долго потом думал о словах Толстого и начал сомневаться: может быть и Толстой не все понимает? Я ведь был

убежден, что он хочет заменить ложь правдой, а он говорил о том, как заменить водку пивом /.../

Иногда на заводе начиналась тревога: говорили, будто студенты идут к Толстому. Запирали наглухо ворота, ставили охрану. Я тихонько выбегал на улицу - поджидал таинственных студентов, но никого не было.

ЛГЖ, т.1, с.59-60

- И.Э. занимается с репетитором М.Я. Имханицким для подготовки к экзаменам в первый класс гимназии:

Я ненавидел арифметику. Был один человек, которого я слушался беспрекословно. Его звали Михаилом Яковлевичем; он готовил меня к экзаменам. Он никогда меня не наказывал, и, однако, с ним я решал все задачи на проценты. Иногда он давал мне тянучки: я был сластеной. Я кидал бумажки на пол. Потом он спрашивал: "А бумажки где?" Я глядел на пол - бумажек не было; Михаил Яковлевич смеялся. Я никому не говорил об этих таинственных тянучках. Я боялся Михаила Яковлевича, и я его ненавидел. Родители считали, что он превосходный педагог. Ему приглянулась подруга сестры. Он ее усыпил и внушил ей, что она должна приехать вечером на дачу. Помню негодование домашних. Меня повезли к профессору по нервным болезням: кто-то сказал матери, что я могу навсегда лишиться воли. Профессор прописал мне бром. Бром был соленый, но я утешался тем, что Михаила Яковлевича больше нет и, следовательно, никто не заставит меня решать задачи на проценты. Потом мне об'яснили, что Михаил Яковлевич меня гипнотизировал. Я не мог, однако, забыть, что тянучки, которые он мне давал, были вкусны, как и все тянучки.

КдВ (СС, т.3, с.445-446)

- И.Э. сдает экзамены за подготовительный класс и зачисляется в 1-й параллельный класс гимназии, где училось 49 гимназистов; классным наставником был преподаватель русского языка и словесности В.А.Соколов.

ЦГИА МО ф.371 ед.хр.580, л.79-80

1903 год

Июль

Г.Г.Эренбург увольняется с должности директора завода с выдачей пособия за 4 месяца по 100 р.

ЦГИА МО ф.1204, оп.1, д.169

- В 1903 году Бродский решил прогнать отца. Мать, сглатывая слезы, слушала у закрытой двери кабинета, где происходило годичное собрание правления, как отец настойчиво просил освободить его от должности. Я тоже слушал и ничего не понимал - знал, что отца прогоняют, что дела теперь плохи, что Бродский упрям, и вдруг услышал, как отец уверял, что он больше не может работать на заводе. Это был первый урок дипломатии.

ЛГЖ, т.1, с.54

- И.Э. с матерью побывал в Германии, Швейцарии, Италии.

Август

И.Э. возвращается в Москву и поселяется у отца в гостинице "Княжий двор":

Комната в "Княжьем дворе" была маленькой, с темным альковом, но гостиничная жизнь мне понравилась: я чувствовал себя свободно. Отец уходил с утра, говорил, что ищет работу. После уроков я приводил к себе товарищей, хвастал, что живу самостоятельно, заказывал самовар, плюшки, и мы развлекались как могли.

Собираясь в комнате "Княжьего двора", мы не только ели плюшки и развлекались: в ту осень политика впервые постучалась в мою жизнь. Я начал читать газеты. Японцы били наших, это было горько, но мы понимали, что вся беда в самодержавии. У одного из моих товарищей был дядя, связанный с эсерами;этот дядя сказал, что скоро произойдет революция, нужно будет разоружить казаков и городовых, потом провозгласят республику.

Я прочитал "Преступление и наказание", судьба Сони меня мучила.

ЛГЖ, т.1, с.64-65

Осень

А.Б.Эренбург с дочерьми возвращается из Германии и поселяется на Остоженке.

1904 год

Весна

И.Э. вместе с учениками 3-го класса 1-й московской мужской гимназии выпускает машинописный журнал "Первый луч" (экземпляр второго номера хранится в ЦГАЛИ, в фонде И.Э.):

Журнал мы скрывали от учителей, хотя ничего страшного там не было, кроме стихов о свободе и рассказиков с описанием школьного быта.

ЛГЖ, т.1, с.67

Май

В Киеве умер Дойвбер Аренштейн; в связи с этим И.Э. пишет обращение к родным "Памяти дедушки":

Два дня прошло с тех пор, как безжалостная смерть похитила незабвенного, дорогого дедушку, но не хочется верить, что его нет среди нас и беспрестанно носится его образ перед глазами полный необыкновенного благородства, его глаза, сиющие какой-то ангельской добротой; жизнь и деятельность дедушки еще в раннем детстве вызывали во мне восторг и удивление, и несколько раз в присутствии его же многих родственников я об этом говорил, теперь же, когда его нет среди нас, мне хочется опять вызвать его образ перед вами /.../

Он творил добро не из тщеславия, не из-за наград, не из-за почестей, а сознавая, что в мире этом много горя и несчастия, что обиженных судьбой несравненно больше счастливых и что долг каждого человека способствовать уничтожению горя и несчастья. Всякий, обращавшийся к нему за какой-либо помощью, никогда не получал отказа; никто вместо хлеба не получал камня /.../

Помните, когда бывало он выбегал из своего кабинета, как быстро он расспрашивал просящего, быстро же вынимал из своего кошелька монету, давал, чтобы никто не видел, сейчас же убегал, не желая слушать благодарности /.../ Он оказывал материальную помощь с особенной деликатностью, сочувствую просвещению, он сознавал, что исполняет свой долг, он чувствовал в этом нравственное удовлетворение. Но не только щедрыми пожертвованиями он приходил на помощь ближним, но полагал, что долг человека посвящать свой досуг общественной деятельности и несмотря на свой преклонный возраст до самой смерти принимал деятельное участие во многих благотворительных учреждениях и здесь сказалась его особенная натура; ни к каким партиям он никогда не при-

надлежал, никогда не руководствовался в общественных делах личным интересом, а помнил, что служит общественному делу /.../

В наш испорченный век, преклонения золотому тельцу, неудивительно, что посторонние лица, смотря на эту многотысячную толпу, провожавших прах дедушки, спрашивали:"какого миллионера хоронили", "сколько он оставил", но все в ответ получали: он не был так богат, он был только добрый человек. Он оставил нам большое наследство, огромное имущество, которое нельзя никоим образом разделить среди наследников, но истратить его можно легко каждому врозь и сообща. Это наследство духовное /.../

Будем же мы такими же аристократами духа, как и он, оправдывая надежду как его, так и Общества.

А.Э.

Лето

А.Б.Эренбург вместе с детьми отправляется в Германию в г.Эмс для лечения. В Эмсе И.Э. заболевает брюшным тифом.

1905 год

5 февраля

Беспорядки в 1-й Московской мужской гимназии.

В этот день было выбито в помещении V класса кем-то из учеников несколько стекол /.../ В тот же день один из учеников V класса принес в гимназию сделанный дома небольшой красный флаг с надписью "свобода" и развернул этот флаг в помещении ватерклозета во время одной из перемен между уроками. Зашедшие тогда в помещение ученики 8 класса изорвали принесенный флаг. Возбужденное состояние учащихся вызванное, без сомнения, главным образом брожением, которым охвачено общество, влиянием среды и влиянием современной прессы, постоянно поддерживающей нервное состояние общества.

Из донесения директора гимназии И.О.Гобзы
попечителю Московского учебного округа.

ЦГИА МО ф.459, оп.3, ед.хр.4475, л.1-2

Июнь

И.Э., пропустивший много занятий и не сдавший экзамены по ряду предметов, постановлением Педагогического совета гимназии оставлен на второй год в 4 классе.

20 июля

В заседании Педагогического совета Московской 1-й гимназии под председательством г. директора, в присутствии г. инспектора и г.г. преподавателей /.../ было заслушано предложение г. Управляющего Московским учебным округом от 18 июня 1905 г. за № 12778 о сообщении начальству округа надлежащих сведений и заключение совета по поводу поданного на имя г. попечителя Московского учебного округа прошения купца 1-ой гильдии Эренбурга о разрешении его сыну Илье, оставленному на второй год в IV классе по постановлению Педагогического совета, держать в августе переводной экзамен по тем трем предметам /по русскому и латинскому языкам и математике/, годичная неуспешность коим имела результатом оставление ученика на 2-ой год. Г. директор сообщил, что он запрашивал мнение г. классного наставника Н.А.Орлина, преподававшего русский язык ученику Эренбургу, относительно возможности для него справиться с курсом при усиленных занятиях в течение вакаци-

онного времени, и г.Орлин дал отзыв, благоприятный для допущения Эренбурга к испытанию в августе.

Затем были опрошены преподаватели латинского языка и математики. Они высказали сомнение в возможности для ученика Эренбурга даже при усиленных летних занятиях достигнуть благоприятного результата, так как характер годичных занятий наводит на мысль о полной бездеятельности ученика. Обсуждая вопрос, педагогический совет пришел к заключению, что хотя мотивировка отца ученика /перенесенный последним в летнее время 1904 г. за границей брюшной тиф/ и дала основание к обратному решению в мае месяце, тем более, что большое количество пропущенных за год уроков /свыше 200/ также свидетельствовало о неизбежности крупных пробелов, однако, ввиду уже давно начатых и ныне почти доведенных до конца летних занятий ученика, ожидающего разрешения экзамена, было бы несправедливо не дать ему возможности обнаружить на испытаниях результаты усиленного труда. В виду этого постановлено допустить ученика Эренбурга в августе месяце к дополнительным испытаниям по русскому и латинскому языкам и математике, если на это последует разрешение начальство Московского учебного округа.

Директор Гобза. Инспектор Коробкин.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.1

12 августа

И.Э. подвергается переэкзаменовкам по трем предметам.

13 августа

1905 г. августа 13 дня в заседании Педагогического совета Московской 1 гимназии под председательством г. директора в присутствии г. инспектора и г.г. преподавателей по рассмотрению баллов, полученных учениками на испытаниях 12 сего августа определено /.../ оставить на другой год в IV параллельном классе Эренбурга Илью.

ЦГИА МО ф.371, д.664, л.6

14 октября

Беспорядки в 1-й Московской мужской гимназии.

После первого урока ученики 4 старших классов, собравшиеся на несколько минут в помещении 8 параллельного класса, двинулись в порядке из 3 этажа вниз по лестнице, не обращая внимания на увещания лиц, наблюдавших за порядком, и членов педагогического совета, по направлению не в сборные с целью уйти, а в актовую залу и заняли последнюю и начали совещание, длившееся два часа. После 12 часов явилась в гимназию многочисленная группа учащихся разных учебных заведений и прошла в актовую залу.

Из доклада И.О.Гобзы
Управляющему Московским Учебным округом.

ЦГИА МО ф.459, оп.3, ед.хр.4475, л.14-16

- На утро митинг в 1-й мужской гимназии. Гул голосов, бодрые молодые речи, гром аплодисментов. Мне предлагают сообщить о положении в нашей гимназии, чтобы кто-либо из гимназистов сообщенное мною мог передать с трибуны собранию. Я выражаю желание выступить лично, чем вызываю изумление окружающих меня гимназистов: до меня ни одна гимназистка не решалась говорить с трибуны. Сильные молодые руки помогают мне протискаться к президиуму и почти подымают на стол-трибуну. Кругом море голов, молодые ясные лица, блестящие, радостные глаза.

А.Выдрина-Рубинская."Воспоминания..."
Комсомольская летопись,1927, N5-6, с.68

15 октября

В 1-й Московской мужской гимназии прерываются занятия.

ЦГИА МО ф.371, д.664, л.19

19 октября

Господину директору Московской 1-й гимназии.

Из полученных мною за последнее время донесений о беспорядках, имевших место в средних учебных заведениях Московского учебного округа, к крайнему моему сожалению, убедился, что начальники некоторых из них, равно как и педагогические советы, проявили сплошь и рядом чрезмерную снисходительность, граничившую подчас с попустительством. Молодежи не только предоставлена была возможность безнаказанно нарушать правила школьной дисциплины и в стенах заведения устраивать недозволенные сборища, но оставлялись без взыскания и проводимые ею на улицах бесчинства.

Попечитель Московских учебных заведений Ал.Шварц

ЦГИА МО ф.371, оп.1 ед.хр.654, л.3

20 октября

В экстренном заседании педсовет 1-й Московской мужской гимназии заслушал циркуляр г.Попечителя Московского Учебного округа и будучи весьма ограничен в своих полномочиях он сделал все, что было в его силах и что можно было сделать в такое тревожное время, какое переживает общество и школа, и поэтому не может принять на свой счет упреки в чрезмерной снисходительности, граничащей с попустительством. Относительно же указанных в циркуляре мер, совет единогласно пришел к заключению, что они применимы.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.19

- И.Э. участвует в похоронах большевика Н.Баумана, убитого агентом охранки:

Помню похороны Баумана. Когда мы возвращались с кладбища, раздались выстрелы. Помню казака с серьгой в ухе и с нагайкой.

ЛГЖ, т.1, с.70

22 октября

На заседании педагогического совета 1-й Московской мужской гимназии обсуждался вопрос об убийстве ученика VI класса АлексееваИвана 20 октября на Моховой улице выстрелом со стороны Манежа.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664. л.19

23 октября

Г-н Директор /1-й Московской мужской гимназии/ доводит до сведения педагогического совета о том, что от имени учеников старших классов обратились к нему ученики VIII параллельного класса Астафьев Николай и VII параллельного класса Цирес Алексей со следующими двумя просьбами: а/ передать ученическую библиотеку в распоряжение учеников старших классов, которым предоставить и пополнение ее на отпускаемую из средств гимназии сумму /.../ б/ предоставить ученикам старших классов актовый зал гимназии для устройства в нем без участия преподавателей лекции дл учеников; темы для лекций будут избираться учениками, лекторы будут приглашаться ими же по их выбору /.../

Определено: просьба учеников о передаче в их распоряжение ученической библиотеки не может быть удовлетворена /.../ вопрос о разрешении ученикам устраивать в актовом зале гимназии лекции на темы, избранные учениками, может быть предложена на рассмотрение совета лишь тогда, когда совету будет предоставлено мнение по этому вопросу общего собрания родителей.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.28

1 ноября

Совместное заседание педагогического совета 1-й Московской мужской гимназии и родителей гимназистов принимает постановление возобновить занятия с 8 ноября.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.19

7 декабря

Педагогический совет Московской 1-й гимназии принимая во внимание, что учебные занятия в гимназиях в течение первой половины учебного года шли неправильно и ученики посещали уроки неаккуратно, признал необходимым с целью дать ученикам возможность осмысленно повторить пройденное и побудить их в течение второго полугодия про-

явить более интенсивную работу - подвергнуть всех учеников в мае 1906 года переводному экзамену по всем предметам из пройденного в 1905-1906 учебном году.

ЦГИА МО ф.459, оп.3, ед.хр.4475, л.16

- Педсовет 1-й гимназии постановил прекратить учебные занятия с 8 по 22 декабря и продолжить рождественские вакации не до 7, а до 13 января 1906 г.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.31

Декабрь

И.Э. участвует в декабрьском вооруженном восстании в Москве:

Помню декабрь: тогда впервые я увидел кровь на снегу. Я помогал строить баррикаду возле Кудринской площади. Никогда не забуду рождества - тяжелой, страшной тишины послн песен, криков, выстрелов. Чернели развалины Пресни.

ЛГЖ, т.1, с.70

1906 год

Начало года

Вернувшись в гимназию после рождественских каникул, я растерянно глядел по сторонам; думал о своем: нужно найти подпольную организацию - главные бои впереди.

Год я провел в гимназии, как бы не замечая больше, что есть занятия, уроки, отметки: я был занят одним - сравнивал программы эсдеков иэсеров.

ЛГЖ, т.1, с.70

Тысяча девятьсот шестой год определил мою судьбу. Это был шумный и трудный год: еще вскипали волны революции, но начинался отлив. Одни с печалью, другие с радостью говорили, что гроза позади; восстания матросов в Кронштадте и Свеаборге казались последними раскатами грома. Гимназисты угомонились, вернулись к учебникам: больше не было ни митингов в университете, ни демонстраций, ни баррикад. В тот год я вошел в большевистскую организацию и вскоре распрощался с гимназией. Бухарина и Астафьева я продолжал встречать, но уже не в гимназических коридорах, а на подпольных собраниях. Выбор был сделан.

ЛГЖ, т.1, с.71

Нас было несколько человек в гимназической большевистской организации: Бухарин, Сокольников, Астафьев, Членов, Неймарк, сестры Львовы. Астафьева сослали, он вскоре умер. Валя Неймарк был застенчивым, тихим мальчиком. После ареста он попал в Сибирь, а оттуда убежал во Францию. Он работал на часовой фабрике и мечтал о революции. Львов был мелкин почтовым служащим; он думал, что его дочки тихо выйдут замуж. Когда Надю Львову арестовали, ей не было семнадцати лет. Ее хотели выпустить на поруки отца. Она ответила следователю: "Я буду продолжать мое дело". Сокольников был старше меня. Он казался мне стратегом: мало разговаривал, почти никогда не улыбался. Бухарин был весел и шумен. Когда он приходил в квартиру моих родителей, от его хохота дрожали стекла, а мопс Бобка неизменно кидался на него, желаяя покарать нарушителя порядка. Боевик Дмитрий учил нас, как стрелять из револьвера.

КдВ СС. т.3, с.461-462.

7 мая

Педсовет постановил разрешить Илье Эренбургу ответить до 15 мая по немецкому языку, по которому он не успел сдать репетиций и подвер-

гнуть его во второй половине мая экзамену по математике и географии, по которым у него пробелы.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.66,70

30 мая

Решением педагогического совета 1 Московской гимназии Илья Эренбург переведен из IV параллельного класса в V.

ЦГИА МО ф.371, оп.1, д.664, л.75

Август-сентябрь

И.Э. вместе с Г.Я.Сокольниковым /Брильянтом/ ведет работу в подпольной большевистскиой организации учащихся:

Приехали ко мне Гриша Брильянт и Илья Эренбург как бы для того, чтобы поговорить о восстановлении после летнего перерыва работы в женских гимназиях Замоскворецкого района. На самом же деле цель их посещения заключалась не только в этом. На очереди стоял вопрос об избрании нового состава Московского комитета ученической социал-демократической организации, и надо было подобрать подходящих кандидатов. Вопрос о новых кандидатах имел тем большее значение, что большинство членов предыдущего состава комитета окончили уже среднюю школу и перешли в высшие учебные заведения. Визит ко мне Брильянта и Эренбурга носил, таким образом, характер "смотрин". Беседуя со мной по организационным вопросам, они выявили физиономию возможного кандидата в новый состав комитета /.../ Через несколько дней Брильянт и Эренбург приехали ко мне снова, на этот раз с определенным предложением - войти во временную организацию комиссии и затем баллотироваться в члены комитета. С этого момента я окончательно втянулась в организационную работу /.../

Эренбург, несмотря на свои исключительные способности, ладил далеко не со всеми благодаря своим эксцентричным выходкам, составлявшим отличительную черту его характера.

А.Выдрина-Рубинская. "Воспоминания".
Комсомольская летопись, 1927, N5-6, с.75-76

1907 год

27 февраля

В 2 часа дня произведен обыск на квартире у С.Б.Членова /Петровка, дом Коровина, кв.24/; после обыска С.Б.Членов был арестован, но в тот же день из-под старажи освобожден.

ЦГАОР ф.63, оп.1908, ед.хр.678, л.1

Апрель

Пасхальные каникулы были нами использованы для созыва всероссийского с'езда учащихся социал-демократов /.../ Решено было издавать свой печатный орган, и в редакционную коллегию его избраны были Бухарин, Брильянт, Членов, Эренбург и я.

А.Выдринская-Рубинская. "Воспоминания". Комсомольская летопись, 1927, N5-6, с.80-81

3 мая - 26 июня

Забастовка на фабрике обоев В.Сладкова в Москве.

- Во время выпускных экзаменов вел стачку на обойной фабрике Сладкова вместе с Ильей Эренбургом.

Н.Бухарин. Автобиография. Энциклопедический словарь братьев Гранат, т.41, ч.1, к.54

- В подрайоне, который мне поручили, находилась обойная фабрика Сладкова. Я подружился с механиком Тимофеем Ивановичем Илюшиным, энергичным и необычайно крепко стоящим на ногах. На фабрике устроили забастовку; я выступал на собраниях и завел подписные листы - собирал среди студентов деньги для забастовочного комитета.

ЛГЖ, т.1, с.78

- 8 июня 1907 г. администрация фабрики Сладкова сообщила московскому градоначальнику о забастовке, начавшейся на фабрике 3 мая. В письме говорилось, что перед Пасхой на фабрике был произведен полный расчет с рабочими, причем только часть их была 30 апреля снова принята на работу. В ответ уволенные рабочие во главе с Тимофеем Ивановичем Илюшиным пред'явили администрации требования восстановить всех уволенных, ввести 9-часовой рабочий день, увеличить зарплату на 20%, признать рабочих делегатов на фабрике, выплачивать компенсацию во время болезни и т.д. Администрация отказалась выполнить эти требования, временно закрыла фабрику и обратилась к градоначаль-

нику с просьбой содействовать скорейшему восстановлению работы. 10 июня пристав Серпуховской части докладывал градоначальнику, что рабочие Грибов, Александров и Илюшин угрожали рабочему Кочеткову, пожелавшему выйти на работу. Было возбуждено дело и проведены допросы; установили, что главнейшим руководителем беспорядков является Т.И.Илюшин, который был арестован. Дело о забастовке на фабрике Сладкова хранится в ЦГАОР /ф.63, 1907 год, оп.27, дело 2988/.

Характерно, что никто из допрашиваемых не назвал имен Бухарина и Эренбурга и их участие в проведении забастовки осталось неизвестным охранке.

Б.Фрезинский. "Революционная деятельность Ильи Эренбурга". (Рукопись, АФ).

Октябрь

В октябре месяце 1907 г. был задержан в районе Пречистенской части и по удостоверению личности был освобожден.

Из показаний И.Э. на допросе 2 февраля 1908 г.
ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.11

24 сентября

Арест Г.Я.Сокольникова /Брильянта/

ЦГИА МО ф.623, оп.1, ед.хр.1590, л.2

- В октябре 1907 г. родители И.Э. подают заявление директору 1-й Московской мужской гимназии о выходе своего сына из состава ее учащихся; педагогический совет принимает это заявление, и с октября 1907 г. И.Э. официально считается отчисленным из гимназии. На всех /письменных и устных/ допросах в 1908 г. И.Э. объяснял свое решение выйти из гимназии желанием самостоятельно завершить курс обучения, подготовившись к экзаменам за два последних класса гимназии экстерном. В 1906-07 годах И.Э. был настолько захвачен подпольной работой, что на посещение гимназии у него не доставало ни времени, ни желания. Вторая, не менее важная причина решения бросить учебу после его октябрьского задержания состояла в опасении, что он может быть исключен из гимназии с "волчьим билетом", как это практиковалось с лицами, привлекаемыми к дознанию по соответствующим политическим статьям. В архивах московских гимназий имеются такого рода документы 1905-07 гг., относящиеся, в частности, к будущему подельнику И.Э. Б.Осколкову, привлеченному жандармами к дознанию еще в феврале 1907 г. /ему сразу же запретили посещать гимназию, а в марте отчислили из нее/. Видимо именно такая угроза заставила родителей И.Э. подать заявление о его отчислении изгимназии, и именно этим обстоятельством следует объяснить то, что впоследствие сам И.Э. всегда утверждал, что был из гимназии выгнан.

1907

Б.Фрезинский. "Гимназические годы Ильи Эренбурга". (Рукопись, АФ).

Осень

Моя первая любовь относится /.../ к осени 1907 года, когда меня уже прогнали из гимназии. Звали гимназистку Надя. Ее старший брат, Сергей Белобородов, был большевик. Отец Нади читал "Московские ведомости" и зло косился на меня: я был революционером, да еще ко всему евреем, и покушался на невинность Нади. Приходил я к ней редко, и обычно мы встречались на улице, в Зачатьевском переулке. Почти каждый день мы писали друг другу длиннейшие письма с психологическим анализом наших отношений, с упреками и клятвами, письма ревнивые, страстные и философические. Нам было по шестнадцати лет, и, вероятно, мы оба были поглощены не столько друг другом, сколько смутным предчувствием раскрывающейся жизни.

ЛГЖ, т.1, с.69

- Из письма Н.Я.Белобородовой И.Э. /1960/:

Помню наши прогулки, бесконечные "философские" разговоры и споры. Помню, как Вы вводили меня в нелегальные революционные кружки. Как объясняли мне разницу между большевиками и меньшевиками. Ведь не смотря на свои 16-17 лет, были уже матерый революционер, а я, хоть и старше Вас на год, была совсем глупышкой.

ЛГЖ-К, т.1, с.569

- По поручению военной организации при Московском комитете РСДРП И.Э. ведет работу в московских военных казармах:

Осенью 1907 года мне поручили наладить связи с солдатами и создать организацию в казармах. Я был восхищен трудностью и ответственностью задания. Мне дали печать - все, что осталось после очередного провала; я проштампелевал две талонные книжки для сбора средств, а печать по глупости хранил у себя, считал, что она хорошо спрятана /.../ Мне удалось познакомиться с писарем нестроевой роты Несвижского полка, он привел трех солдат пулеметной роты, потом к ним присоединился вольноопределяющийся, еще солдат, всего шесть человек - один из черновиков Красной гвардии.

ЛГЖ, т.1, с.80-81

- Наблюдение за деятельностью Московского Окружного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии установило, что Комитет этот в течение 3 месяцев усилил свою деятельность как участием в предвыборной кампании в 3 Государственную Думу, так и в направлении распространения своих идей путем устной и печатной пропаганды. Для последней цели Комитет поставил свою типографию, где печатались прокламации и комитетский орган "Борьба":, местонахождение каковой осталось невыясненным. Партийной квартирой для явок и главным складом комитетской литературы служил книжный магазин "Новь", при-

надлежащий мещанину Василию Петровичу Иванову, откуда литература уже распространялась по рабочим складам.

Путем агентурного и наружного наблюдения были установлены лица, прикосновенные к деятельности Комитета, которые в ночь с 1 на 2 ноября 907 г. были ликвидированы.

В числе этих лиц был обыскан и гимназист Илья Григорьев Эренбург.

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.1

1 ноября

Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве. 1 ноября 1907 г. N 16136. Совершенно секретно. Срочно. Приставу 1-го участка Пречистенской части.

Вследствие приказания Градоначальника и на основании параграфа 21 Высочайше учрежденного в 14 день Августа 1881 г. Положения об усиленной охране, Охранное отделение просит Ваше Высокоблагородие, с получением сего, произвести самый тщательный и всесторонний обыск у купеческого сына ученика Ильи Григорьевича Эренбурга, проживающего в доме Варваринского Общества по Савеловскому переулку на Остоженке. При чем надлежит обратить особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фотографические и визитные карточки и адреса; все эти предметы, при обыске, должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в Отделение, обыскиваемый же подлежит задержанию лишь в том случае, если у него по результатам обыска окажутся какие-либо из вышеупомянутых предметов, свидетельствующих о принадлежности его к преступному сообществу.

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.3

ПРОТОКОЛ 1907 года ноября 1-го дня, в г.Москве я, помощник пристава 1-го участка Пречистенской части, по распоряжению г.Московского Градоначальника, переданному в отношении Охранного отделения от 1-го сего ноября за N16136, прибыв в час. три ночи в дом N12 в квартиру N81, занимаемую купцом 2 гильдии Гирша Германовым Эренбургом, произвел в присутствии нижеследующих понятых, в порядке ст.258 Уст.Угол.Суд., тщательный и всесторонний обыск в комнате, занимаемой учеником 1-й Московской гимназии Ильей Григорьевым Эренбургом. Квартира состоит из восьми комнат, ванной, кухни, передней и коридора. Ко времени моего прибытия для производства обыска в квартире находились: мать обыскиваемого Анна Борисовна и Илья Григорьев Эренбург, причем ни при личном обыске, ни в вещах ничего предосудительного найдено не было. О вышеизложенном положено занести в настоящий протокол.

Помощник пристава К.Литениде /?/

Илья Эренбург

Свидетели: крестьянин Никита Федоров Кузнецов

крестьянин Егор Андрианов

Там же, л.5

Декабрь

И.Э. пишет передовую статью для подпольного журнала "Звено":

С твердым сознанием новой силы, со светлой верой в конечную победу загнанный в подполье пролетариат оттачивает свое оружие - строит свою рабочую партию. Мы разделяем его веру, глубоко ненавистен нам тот строй, где рядом с роскошью и развратом царит непроглядная нищета, власть рубля и нагайки. Мы твердо убеждены в его неизбежном падении, в приходе светлого царства свободы, равенства, братства. Залогом этого является великая международная борьба пролетариата в рядах социал-демократии. Под красное знамя зовет он всех униженных и оскорбленных, всех, кто искренне жаждет обновления человечества. Тернистой, но верной дорогой идет он к цели - к социализму.

ЛГЖ, т.1, с.79-80

1908 год

3 января

И.Э. получает письмо от Аси Яковлевой:

Илья, мне хочется более спокойно поговорить с Вами /.../ Прочитала только имеющиеся у меня номера "Вопросы дня", "Истина", "Социал-демократ", затем "Отклики", чтобы лучше усвоить разногласия. Реферата не читала, т.к. все с-р куда-то испарились, а может и прошел боевой пыл.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.44

18 января

Начальник Московского охранного отделения подполковник М.А. фон Коттен доносит директору Департамента полиции:

В начале 1906-7 учебного года партийные организации гор.Москвы /социал-демократов и социал-революционеров/ направили свою пропаганду в среду учеников средней школы и организовали 2 союза средне-учебных заведений: один - партия социал-революционеров, а другой - социал-демократов. Первый союз просуществовал недолго и распался; партия же социал-демократов приобрела связи почти во всех учебных заведениях гор. Москвы; Вскоре был выпущен Устав среднеучебных заведений Российской социал-демократической рабочей партии, выработанный этой партией. В состав союза входили "кружки" и "клубы"; в "кружки " вступили все сочувствующие партийной программе, а в "клубы" допускались принявшие всю программу целиком. В кружках происходили занятия под руководством пропагандистов, читались рефераты на политические темы и делались сообщения о положении партии в данное время. Из членов союза учащихся выяснены следующие лица: гимназисты - Антонов, Владимир Бухарин, Григорий Яковлев Брильянтов, Николай Лямин, Валентин Неймарк, 5-й гимназии - Осколков, Медведниковской гимназии - Попов, Михаил Ромм, Владимир Соколов, Алексей Сидоров, Николай Сахаров, Владимир Петров Файдыш, Алексей Щербаков, Илья Гиршев Эренбург и гимназистки Анна Ильина Выдрина, Вера Николаевна Сахарова, Конкордия Карловна Ивенсон, Надежда Григорьевна Львова, Халютина, Ольга Сидорова, Елена Шарапова; более выдающуюся роль играли Брильянт, Файдыш, Эренбург и Анна Выдрина. Цель, преследуемая социал-демократической партией, - подготовка будущих партийных работников, увенчалась известным успехом, - и партия приобрела для себя из среды учеников новых работников: Файдыш - член военно-технического бюро; Эренбург, Со-

колов, Сахарова, Бухарин и Брильянт - районные пропагандисты; Рокшанин - техник Замосворецкого района и Антонов - техник Городского района; кроме того, во время выборов во II и III Государственные думы в числе разносчиков избирательных бюллетеней социал-демократичской партии были задержаны некоторые ученики среднеучебных заведений.

Аресты в 1907 г. Брильянта, Осколкова, Файдыша и Веры Сахаровой сильно растроили дела союза, а наступившие каникулы окончательно приостановили его деятельность. С началом 1907-8 учебного года Московский комитет РСДРП поднял вопрос о возрождении Союза среднеучебных заведений и вновь был выпущен новый гектографический устав союза, но большинство учебных заведений не поддерживают никакой связи с союзом, и собрания двух существующих кружков посещаются самым незначительным числом членов. Из постонных участников союза в настоящее время известны: Эренбург, Файдыш, Конкордия Ивенсон и Надежда Львова.

ЦГИА МО ф.459, 1907 г. д.5121, л.17-18

26 января

Обыск по делу социал-демократической организации учащихся среднеучебных заведений Москвы Бориса Осколкова; в результате обыска ничего обнаружено не было.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.461, л.3

Январь

И.Э. посещает в Московском художественном театре спектакль “Жизнь человека”.

С.Дрейден. “В зрительном зале Владимир Ильич”.
М., Искусство, 1986, т.1, с.114

29 января

Постановление N269 1907 года января 29 дня, И.д. Московского Градоначальника полковник Климович получив сведения, дающие основания признать Бориса Иннокентьева Осколкова, Илью Гиршева Эренбурга и Валентина Неймарк принадлежащими к преступному обществу, присвоившему себе наименование “Союз учащихся средних учебных заведений РСДРП”, руководствуясь параграфом 21 Высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, постановил: произвести у названных выше лиц обыск, подвергнув из задержанию впредь до выяснения обстоятельств дела не зависимо от результатов обыска.

И.д. Московского Градоначальника полковник Климович

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.16

- Черновой отпуск № 263. Приставу I уч. Пречистинской части о безусловном обыске у проживающего в д. Варваринского Общества кв.81 по Савеловскому переулку Ильи Гиршева Эренбурга. Причина обыска: ликвидация союза средних учебных заведений.

Там же, л.8

30 января

Настоящее отношение вместе с протоколом обыска, описью отобранных вещественных доказательств и самими отобранными предметами в 2 свертках препровождаю, по исполнении в Охранное отделение, уведомляя, что впоследствии обыска задержаны следующие лица: /.../ Эренбург Илья Гиршев, курский купеческий сын. Находится при управлении I участка Пречистенской части. /.../ Пристав /подпись/.

Там же, л.9

- Начальнику Московского губернского жандармского управления. 30 января 1908 был проведен обыск у деятелей социал-демократического союза средне-учебных заведений 1/ у бывшего ученика гимназии сына купца Ильи Гиршевича Эренбурга, 2/ Осколкова, 3/ Неймарка, 4/ Львовой, 5/ Выдриной, 6/ Савицкого. Из них Эренбург, Осколков, Неймарк арестованы.

При обыске обнаружено: 1/ У Ильи Эренбурга - Устав и гектографированный "Орган средне-учебных заведений", нелегальная литература, подобранная для пропаганды среди войск, каучуковая печать "Военной организации Московского Комитета РСДРП", явки, фамилии нижних чинов некоторых войсковых частей Московского гарнизона и 2 талонные книжки для сбора денег на нужды военной организации /.../ Арестованный Эренбург содержится при 1 участке Пречистенской части, Осколков в Сущевском Полицейском Доме и Неймарк при 1 участке Сущевской части. Ротмистр Колоколов.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.3

- Постановление N114. 1908 года января 30 дня я, исполняющий должность Московского Градоначальника полковник Климович, получив сведения, дающие признать сына купца Илью Гиршева Эренбурга вредным для общественного порядка и спокойствия /.../ постановил: означенного Эренбурга, впредь до выяснения обстоятельств дела, заключить под стражу при Управлении 1 участка Пречистенской части /.../

Настоящее постановление мне объявлено. Илья Гиршев Эренбург.

Там же, л.9

- Нас выдал гимназист Медведниковской гимназии Шура. У него было лицо нежное и задумчивое. Много лет спустя я встретил его в Париже. Он сидел в кафе с девушкой. Увидев меня он не отвернулся. Мне рассказали, что он стал художником.

КдВ /СС, т.3, с.463/

1908

Речь идет об Александре Петровиче Золотаренко /1891-?/, в 1908 г. - ученике 5-го класса Медведниковской гимназии; после обыска в январе 1908 г. арестован не был; в деле гимназической большевистской организации имеется информация о том, что после ареста основных участников организации ее деятельность возобновилась и 21 марта 1908 г. были проведены новые обыски. Золотаренко был арестован, но 12 апреля выпущен по согласованию с прокурором (ссылка на то, что ему не было 17 лет неубедительна, так как другие участники такого же возраста освобождены не были). К судебному делу Золотаренко не привлеклся.

СС-К, т.3, с.601

Тюрьмы были тогда переполнены, и неделю меня продержали в Пречистенском участке, ожидая, когда освободится место. В участке было шумно. Ночью приводили пьяниц, их нещадно лупили и сажали в пьянку - так называлась большая клетка, похожая на клетки зоопарка. Сторожили меня городовые, они часто сидя засыпали, а просыпаясь, зычно сморкались и бубнили что-то про беспокойную службу.

Я думал о своем: глупо, что я не припрятал получше печать военной организации! Думал я также об Асе: обидно, мы так и не успели всего договорить! Меня возили в охранное отделение, там унылый зобастый фотограф приговаривал: "Голову повыше... теперь в профиль..." Я с детства увлекался фотографией, любил снимать, но не любил, когда меня фотографировали, а вот в охранке обрадовался - значит, меня берут всерьез.

ЛГЖ, т.1, с.83

2 февраля

И.Э. вызывают на первый допрос к капитану Рачковскому, прикомандированному к охранному отделению:

На предложенные мне вопросы отвечаю:

К социал-демократическому союзу учащихся средне-учебных заведений не принадлежу. Устав этого Союза найден в гимназии. Резолюции Московского комитета РСДРП о кооперациях получены для ознаколения от лица, которое я не желаю назвать. К военной организации РСДРП не принадлежу. Печать военной организации вместе с подушкой дана мне лицом, назвать которое я отказываюсь, с просьбой сохранить. Талонная книжка и листы с печатью Военной организации тоже даны тем же лицом для сохранения. Ни в чем себя виновным не признаю. Илья Гиршович Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.11

8 февраля

Московское охранное отделение передает в Московское губернское жандармское управление дело о 10-ти участниках социал-демократической организации учащихся средне-учебных заведений Москвы (аресто-

ванных Эренбурге, Осколкове, Неймарке, а также о Рокшанине, Н.Львовой, Ивенсон, Выдриной и др.) для проведения дознания.

10 февраля

И.Э. переводят из Пречистенской части в Мясницкий полицейский дом:

Меня отвезли в Мясницкую часть. Режим там был сносный. В крохотных камерах стояло по две койки. Некоторые надзиратели были добродушными, позволяли походить по коридору, другие ругались. Помню одного - когда я просил выпустить меня в отхожее место, он неизменно отвечал: "Ничего, подождешь..." Смотритель был человеком малограмотным, когда заключенным приносили книги для передачи, он сердился - не мог отличить, какие из них крамольные. В Государственном архиве я увидел его донесение, он сообщал, в охранку, что отобрал принесенные мне книги - альманах "Земля" и сочинения Ибсена. Один раз он вышел из себя: "Черт знает что! Книгу для вас принесли про кнут. Не полагается! Не получите! (Как я потом узнал, книга, его испугавшая, была романом Кнута Гамсуна).

В Мясницкой части сидел большевик В.Радус-Зенькович; мне он казался ветераном - ему было тридцать лет; он сидел не впервые, побывал в эмиграции. Моим соседом был тоже "старик" - человек с проседью. Разговаривая с ним, я старался не выдать, что мне семнадцать лет. Однажды начальник принес мне литературный альманах; я его дал соседу, который час спустя сказал: "А здесь для вас письмо". Под некоторыми буквами стояли едва заметные точки: книгу передала Ася. Я покраснел от счастья и от позора; в течение нескольких дней я боялся поглядеть соседу в глаза - чувства мне казались недопустимой слабостью).

(...) Наружную охрану несли солдаты жандармского корпуса; они заговаривали с нами, говорили, что они нас уважают - мы ведь не воры, а "политики". Некоторые соглашались передавать письма на волю.

ЛГЖ, т.1, с.83

- МВД. Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве. N 1791. 10 февраля 1908 г. Секретно. Смотрителю Мясницкого полиц. дома.

Дело о содержащихся во вверенном Вам полиц. доме арестованном Илье Гиршеве Эренбурге передано одновременно с сим Начальнику Московского Губерн ского Жандармского Управления.

Сообщая об этом, Охранное отделение просит Ваше Высокоблагородие объявить изложенное названному арестованному и перечислить дальнейшим содержанием за начальником означенного управления.

За начальника Отделения помощник Ротмистр Колоколов

ЦГАОР ОО ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.14;

ЦГИА МО ф.628, оп.1, ед.хр.2073, л.1

1908

12 февраля

Московское Губернское Жандармское Управление. N 1995. Секретно. Отдельного Корпуса жандармов подполковнику Васильеву.

(...) Предлагаю провести в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. дознание о сыне купца Илье Гиршеве Эренбург (...) по признакам преступления, предусмотренным 102 ст. Уголовного Уложения.

Начальник Управления, генерал-лейтенант Черкасов.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.2

14 февраля

Я, подполковник Отдельного Корпуса Жандармов Васильев, вследствие предписания Начальника Московского Губернского Жандармского Управления от 12 февраля 1908 г. за N 1995 постановил приступить к производству в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. к дознанию по делу, означенному в томе.

Там же, л.1

16 февраля

Свидетельство врача М.Е.Гамбурга:

Дано сие мною купеческому сыну Илье Григорьеву Эренбургу в том, что летом 1904 года он перенес брюшной тиф, с тех пор и до настоящего времени он часто обращался ко мне за врачебной помощью, причем, помимо общего малокровия, я неоднократно наблюдал у него приподнято нервное сердцебиение и истерии.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.182

18 февраля

МВД. Московской столичной полиции смотритель Мясницкого полицейского Дома, февраль, 17, 1908, N 404.

В Московское охранное отделение.

Препровождаю при сем три книги: "Земской сборник N 1" и две книги Полное собрание сочинений том 1 и 2 Ибсена, перевод с датского норвежского А.П.Ганзен, принадлежащие к выдаче арестанту Илье Эренбург, числящемуся за Московким губернским жандармским управлением на распоряжение.

ЦГАОР ф.63, оп.27, ОО 1907, ед.хр.2686, л.15

- Протокол N 4 Осмотра. Я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Васильев в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Сл., в присутствии нижеподписавшихся понятых производил досмотр предметов, взятых по обыску 30 января с.г. у сына купца Ильи Гиршевича Эренбурга, причем

могущие иметь значение для дела оказались (далее список из 16 позиций).

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.41

20 февраля

Я, Отдельного корпуса жандармов подполковник Васильев, рассмотрев настоящее дознание, нашел, что обыском, проведенным 30 января 1908 г. у сына купца Ильи Гиршевича Эренбурга обнаружены Устав и гектографический "Орган Союза средне-учебных заведений", каучуковая печать "Военной организации МК РСДРП", две нелегальных книжки для сбора денег на нужды военной организации и нелегальная литература, явки и фамилии нижних чинов некоторых частей Московского грнизона, а потому постановил: означенного Илью Гиршевича Эренбурга привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 102 ст. Уголовного Уложения.

Там же, л.48

- Протокол № 5.

Я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Васильев (...) допрашивал И.Г.Эренбурга, который показал:

... Я не признаю себя виновным в принадлежности к Социал-Демократическому Союзу учащихся средне-учебных заведений и к Военной организации РСДРП.

Та же, л.49

- Я, Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Васильев, принимая во внимание, что сын купца Илья Гиршев Эренбург обвиняется в преступлении, предусмотренном 102 ст. Уголовного Уложения, на основании 1035 ст. Уст. Угол. Судопроизводства и по соглашению с Товарищем Прокурора Московского Окружного Суда постановил: для пресечения способов уклоняться от следствия названного Илью Эренбурга (...) впредь до выяснения обстоятельств дела, взять под стражу и содержать в особом помещении. Настоящее постановление объявить обвиняемому, а копию препроводить в место заключения его (...)

Настоящее постановление мне объявлено. 20 февр. Илья Эренбург.

Та же, л.52

25 февраля

На допросе В.Неймарк показал: "Эренбурга я не знаю и сношений с ним никаких не имел".

Там же, л.59

26 февраля

Московское Губернское Жандармское Управление. Секретно. Смотрителю Мясницкого Поилицейского Дома.

Со стороны вверенного мне Управления к приему книг для дальнейшего образования арестованному Илье Гиршеву Эренбургу в установленном порядке припятствия не встречаются (...)

Настоящее предписание мне объявлено. Илья Эренбург.

ЦГИА МО ф.623, оп.1, ед.хр.2073, л.4

29 февраля

На N 404. Секретно. Смотрителю Мясницкого Полицейского дома. Охранное отделение возвращает при сем Вашему Высокоблагородию книги для выдачи их по принадлежности содержащемуся под стражей во вверенном Вам полцейском доме Илье Эренбургу.

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.18

- На допросе Б.Осколков показал: "Никогда не был знаком и не встречался с Ильей Эренбургом".

Там же, л.55

17 марта

В Московское Губернское Жандармское Управление. (...) Прошение.

Сын мой Илья, содержащийся в Мясницком Полицейском Доме, жалуется на частые сердечные припадки и ослабление здоровья. Имею честь покорнейше просить произвести над ним медицинское освидетельствование и в виду гибельного влияния на его здоровье заключения под стражей освободить его под мое поручительство впредь до решения его дела. Г.Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.62

18 марта

Приставу 3-го участка Мясницкой части. Полковник Рутковский и подполковник Васильев просят распорядиться об освидетельствовании и акт освидетельствования представить в Московское Губернское Жандармское Управление.

Там же, л.64

21 марта

АКТ

По распоряжению N 36 пристава 3 участка Мясницкой части в присутствии его помощника в приемном покое части я, врач Мясницкой части, освидетельствовал Илью Гиршева Эренбурга (...)

Вывод: страдает неврастенией, при резко выраженных явлениях повышение раздражительности нервной системы.

Там же, л.65

1908

29 марта

Обыск у А.Яковлевой и ее арест.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.99

- Я послал письмо Асе. Вероятно, перед этим я получил от нее записку, которая меня огорчила, потому что писал: "Только сознание, что для дела важно, чтобы я имел известия с воли, чтобы я не отстал от движения, заставило меня обратиться к вам с просьбой писать мне". Мое письмо было найдено у Аси при обыске и приобщено к делу. По нему я вижу, что в тюрьме продолжал жить тем же, чем жил на воле.

ЛГЖ, т.1, с.83-84

8 апреля

Показания А.Яковлевой на допросе:

С Эренбургом я была знакома, но не знаю - принадлежит ли он к какой-либо организации учащихся, так как он мне об этом никогда не говорил, сама я (...) не принадлежу.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.110

10 апреля

Показания А.Яковлевой на допросе:

Илью Эренбурга я знала с конца прошлого года. Встречались мы с ним в театре и Народном Доме. Повторяю опять, что то лицо, которое должно было придти за письмом, мне неизвестно.

- Допрос И.Э. о письме Яковлевой.
- Обыск у Н.Львовой и В.Файдыша, их арест.

Там же, л.119

Середина апреля

И.Э. переводят из Мясницкой в Сущевскую часть:

После того, как у Аси нашли это письмо, меня перевели из Мясницкой части в Сущевскую. Новая тюрьма показалась мне раем. В большой камере на нарах спало множество людей; нельзя было повернуться без того, чтобы не разбудить соседа. Все спорили, кричали, пели "Славное море, священный Байкал". Смотритель был пьяницей, любил деньги, коньяк, шоколадные конфеты, одеколон Брокара; любил также общество интелигентных людей, говорил: "Вы, политики - умницы". Разрешения на свидания не признавал, нужно было положить в бумагу три рубля. Передавать можно было все, но начальник брал себе то, что ему особенно нравилось. Иногда, изрядно выпив, он приходил в камеру, улыбаясь слушал споры эсдеков с эсерами и приговаривал: "Вот вы ругаетесь, а я вас всех люблю - и эсеров, и большевиков. Люди вы умные, а что с Россией

будет, это одному господу богу известно". У него был мясистый багровый нос в угрях, и от него всегда пахло спиртом.

ЛГЖ, т.1, с.84

19 апреля

По распоряжению Жандармского Управления Н.Львову освобождают из-под ареста под залог.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458

27 апреля

По распоряжению Жандармского Управления А.Яковлеву освобождают из-под ареста под залог.

Там же.

Апрель

Помню, в 1908 году был арестован из нашей группы Валентин Неймарк. Его посадили в Сущевский полицейский дом. Я поехал его навестить. Свидания разрешались в большой комнате. Неймарк показал мне на высокого гимназиста из Первой гимназии: "Это Илья Эренбург, к нему никто сегодня не придет, а нужно передать от него записку его родителям, не можешь ли ты это сделать?" Я выполнил эту просьбу.

А.Ф.Родин. "Из минувшего". М., Просвещение, 1965, с.27-28

3 мая

По распоряжению Жандармского Управления Б.Осколкова освобождают из-под ареста под залог.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458

4 мая

И.Э. отправляет в Московское Губернское Жандармское Управление на имя подполковника Васильева прошение об освобождении его под залог в связи с ухудшением состояния здоровья (в деле отсутствует)

ЦГИА МОф.131, оп.74, д.458, л.192

Май

И.Э. переводят из Сущевского полицейского дома в Басманный:

Некоторые заключенные, воспользовавшись разгильдяйством начальника Сущевки, организовали побег; насколько я помню, удалось бежать четверым. Впервые я уведел смотрителя мрачным. Не знаю, остался ли он на своем посту, но мы поплатились: нас тотчас перевели в различные места заключения как "соучастников побега".

Увидев меня, смотритель Басманной части гаркнул: "Снимай портки!". Начался личный обыск. Из рая я попал в ад. Увесистая оплеуха быстро меня ознакомила с новым режимом. В Басманке мы объявили голодовку, требуя перевода в другую тюрьму, Помню, как я попросил товарища, чтобы он плюнул на хлеб, - боялся, что не выдержу и отщипну кусок.

ЛГЖ., т.1, с.86

18 мая

По распоряжению Жандармского Управления В.Файдыша освобождают из-под ареста под залог.

ЦГИА МО ф.131, оп.7 4, д.4558

21 мая

И.Э. переводят из Басманного полицейского дома в Сущевскую часть.

ЦГИА МО ф.623, оп.1, ед.хр.2073, л.2

24 мая

МВД. Московское Губернское Управление. Тюремное отделение. Срочное. Смотрителю Басманного Полицейского Дома.

Арестованных Александра Кулакова, Илью Эренбурга, Александра Цируль и Василия Умыскова немедленно перевести в Московскую Пересыльную тюрьму и об исполнениии доложить.

ЦГИА МО ф.623, оп.1, ед.хр.2073, л.5

На обороте этого предписания 25 мая 1908 г. смотритель Басманного полицейского дома написал: "Настоящую копию с отношения Губернского Управления в отношении Эренбурга г.Смотрителю Сущевского Полицейского дома для исполнения препровождаю."

30 мая

И.Э., не получив ответа на свое предыдущее прошение, отправляет повторное:

В московское Губернское Жандармское Управление Жандармскому подполковнику господину Васильеву Содержащегося в Сущевском Полицейском Доме Ильи Гиршевича Эренбурга Прошение: В виду того, что мной на посланное 4-го мая прошение не было получено от Жандармского Управления никакого ответа - обращаюсь вторично с просьбой освободить меня под залог или на поруки родителям. К таковой просьбе вынуждает меня все ухудшающееся состояние здоровья. 4-х месячное содержание под арестом, разрушив вообще организм, в частности вызвало ряд острых болезненных явлений: сердечные припадки, неправильное

кровообращение, тик, сильные невралгические боли, галлюцинации; все это было установлено при осмотре меня врачом Мясницкой части по предписанию Жандармского Управления. Болезнь моя приняла более острый характер. Следует обратить внимание на мой возраст: мне исполнилось 17 лет лишь за две недели до ареста, который благоприятствует развитию новой болезни. Такое состояние моего здоровья может быть подтверждено осмотром меня врачом по указанию Жандармского Управления. Те врачи, которые осматривали меня, указывали на необходимость немедленной поездки на юг, оговариваясь, что в случае дальнейшего заключения нельзя ручаться за исход болезни. О разрешении такой поездки я и прошу Жандармское Управление. С другой стороны, меня побуждает просить об освобождении горячее желание сдать в этом году экзамены на аттестат зрелости. Готовясь в начале заключения к экзаменам, последний месяц я должен был прервать занятия вследствие болезни, которая сильно отразилась на умственной деятельности. После освобождения я имел бы возможность возобновить занятия и осенью держать экзамен при Учебном Округе. Дальнейшее содержание под арестом не дало бы мне возможности продолжать свое образование, закрыв навсегда передо мной все двери высших учебных заведений и лишив способности материального существования. Все вышесказанное достаточно говорит за необходимость немедленного освобождения. Полагаю, моя просьба будет уважена без промедления, т.к. здесь важен каждый день. Илья Гиршевич Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.192

- И.Э. переводят из Сущевского полицейского дома в одиночную камеру Бутырской пересыльной тюрьмы.

По приемной книге N84/5508. Дело. Контора Московской Центральной пересыльной тюрьмы о политическом следственном арестованном Илье Гиршеве Эренбурге:

Поступил мая 30 дня 1908

Выбыл июня 11 дня 1908

ЦГИА МО Ф.628, оп.1, ед.хр.2078, титульный лист.

Меня перевели в одиночную камеру Бутырской тюрьмы, для меня это было наказанием - дело, разумеется, в возрасте; если бы теперь мне предложили на выбор общую камеру в Сущевке или одиночку, я не минуты не колебался бы; но в семнадцать лет коротать время с самим собой нелегко, да еще без свиданий, без писем, без бумаги.

Я попробовал перестукиваться, никто не ответил. На прогулку меня не пускали. В маленькое оконце врывался яркий свет летнего дня. Воняла параша. Я начал читать вслух стихи - надзиратель пригрозил, что посадит меня в карцер. Я потребовал бумагу для заявления и написал в жандармское управление, что “содержащийся в Московской пересыльной тюрьме Илья Эренбург” не хочет дольше сидеть за решеткой: “прошу немедленно освободить меня из-под стражи. Если же меня хотят заморить или свести с ума до суда, то пусть мне заявят об этом”. Я

переписываю эти строчки и смеюсь, а когда я их написал, мне было совсем не смешно. Заявление пронумеровали и пришили к делу. Тюремный врач нашел, что я болен острой формой неврастении.

ЛГЖ, т.1, с.86

1 июня

В Московское Губернское Жандармское Управление содержащегося в Московской пересыльной тюрьме Ильи Гиршевича Эренбурга

Прошение:

Мною неоднократно были отправлены в Жандармское Управление прошения, в которых я указывал на состояние моего здоровья, просил о немедленном освобождении под залог. Со стороны Жандармского Управления никакого ответа на эти заявления не последовало. 30 мая с.г. я несмотря на крайне тяжелое болезненное состояние, по распоряжению господина Тюремного Инспектора был переведен в Пересыльную тюрьму, в строгое одиночное заключение. Жандармское Управление осведомлено из официального медицинского освидетельствования о моей болезни и ему должно быть ясно, что содержание меня при таких условиях неминуемо приводит к сумасшествию или к смерти. Полагая, что моя вина не настолько велика, чтобы я заслужил смертной казни, покорнейше прошу Жандармское Управление немедленно освободить меня из-под стражи. Если же меня хотят заморить или свести с ума до суда, то пусть мне заявят об этом.

Илья Гиршевич Эренбург.

ЦГИА МО ф.181, оп.74, д.458, л.198

3 июня

Личный врач семьи Эренбургов М.Е.Гамбург совместно с врачом Мясницкой полицейской части произвел медицинский осмотр подсудимого И.Э. и сделал следующее заявление:

Илью Григорьева Эренбурга я лечил долгое время. До 1904 года он перенес воспаление легких и 2 раза воспаление плевры. Мать его, Анна Борисовна Эренбург, тоже лечится у меня давно от хронического бронхита на почве медленно протекающего туберкулеза легких. В 1904 году летом Эренбург перенес брюшной тиф, после чего я часто наблюдал у него припадки больной истерии: неудержимый плач и хохот, которые оканчивались бессознательным состоянияем.

Там же, л.186

3 июня

- Протокол № 26. Подполковник Вавильев произвел осмотр состояния здоровья содержащегося под стражей Эренбурга через врача Мос-

ковского Жандармского дивизиона надворного советника доктора медицины Константина Григорьевича Прохорова в присутствии понятых /.../

На основании этого и свидетельства доктора Гамбурга и врача Мясницкой части установлено, что Эренбург страдает резко выраженным малокровием на почве медленно протекающего туберкулеза легких и тяжелой формой неврастении и полагаю, что дольнейшее пребывание Эренбурга под стражей может гибельно отразиться на его здоровье.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458

5июня

Прошение И.Э. об освобождении от 30 мая препровождено в Московское Губернское Жандармское Управление.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.192 /обор./

Начало июня

В Бутырской тюрьме И.Э. встречается с Г.Я.Сокольниковым:

Когда меня вели на очередной допрос, в коридоре Бутырской тюрьмы я увидел Гришу. Мы понимали, что такое конспирация, и поздоровались только глазами.

ЛГЖ, т.2, с.162

11 июня

Постановление N31 1908 года июня 11 дня в г. Москве. Я, Отдельного корпуса Жандармов подполковник Васильев, рассмотрев настоящее дознание и принимая во внимание, что медицинским освидетельствованием обвиняемого сына купца Ильи Гиршева Эренбурга выяснилось, что дальнейшее его содержание может гибельным образом отразиться на его уже сильно пошатнувшемся здоровьи и признав возможным принятую против него первоначальную меру пресечения содержание под стражей заменить другой, менее строгой, руководствуясь ст.ст. 416-421 Уст.Угол. Суд. и по соглашению с Товарищем прокурора Московского Окружного Суда С.Н.Городницким постановили: названного выше Илью Эренбурга освободить из-под стражи, отдав под особый надзор полиции по месту избранного им места жительства в г. Харькове.

Настоящее постановление мне объявлено 11 июня 1906 г.

Илья Эренбург.

ЦГИА МО ф. 131, оп.74, д.458, л.194

- Московское Губернское Жандармское Управление. Секретно. Срочно Начальнику Московской Центральной Персыльной Тюрьмы.

Препровождая при сем копию постановления об освобождении из-под стражи с отдачей под особый надзор полиции содержашегося в вверенной мне тюрьме сына купца Илью Гиршева Эренбурга, прошу не-

медленно освободить его из-под стражи, если он не числится содержанием за другим учреждением.

Начальник Управления генерал-лейтенант Черкасов. Отдельного корпуса жандармов подполковник Васильев.

Приписка: Освобожден 11/Y1 1908. Пом.нач.тюрьмы Северинов.

ЦГИА МО ф.623, оп.1, ед.хр.2073, л.7

- 1908 года июня 11 дня я, нижеподписавшийся даю подписку Начальнику Московской Центральной Пересыльной Тюрьмы в том, что проживать буду в Харькове, Сумская ул. д.16. Илья Гиршевич Эренбург.

Там же, л.9

12 июня

В Московское Охранное отделение. Секретно. Вследствие состоявшегося в производящемся дознании постановления об изменении меры пресечения в отношении сына купца Ильи Гиршева Эренбурга - содержание под стражей изменена на отдачу под особый надзор полиции по месту избранного им места жительства в гор. Харькове.

Сообщая об изложенном, присовокуплю, что вместе с сим сообщено Начальнику Московской Центральной пересыльной тюрьмы об освобождении названного Эренбурга из под стражи.

Начальник Управления генерал-лейтенант Черкасов.
Отдельного корпуса жандармов подполковник Васильев

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.19

- По распоряжению Жандармского Управления В.Неймарка освобождают из-под ареста под залог.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458

20 июня

Московское губернское жандармское управление. N7821. Секретно. Срочно. В Московское Охранное отделение.

Препровождаю при сем прошение привлеченного в качестве обвиняемого по 102 статье Уголовного Уложения и отданного под особый надзор полиции Ильи Гиршева Эренбурга о разрешении ему выезда вместо гор.Харькова в гор.Киев, сообщаю, что с моей стороны не встречается препятствий к выезду Эренбурга в гор. Киев.

Начальник Управления генерал-лейтенант Черкасов.
Отдельного корпуса жандармов Васильев.

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.20

- В Московское Губернское Жандармское Управление привлекаемого в качестве обвиняемого Ильи Гиршева Эренбурга Прошение:

При освобождении меня из-под стражи под особый надзор полиции мною был выбран местом жительства г.Харьков. В виду изменившихся личных условий я обратился с просьбой в Московское Охранное Отделение разрешить мне выехать не в город Харьков, как это было мною раньше заявлено, а в город Киев. Но в Охранном Отделении мне было заявлено, что для удовлетворения моей просьбы необходимо согласие Московского Губернского Жандармского Управления. В виду этого прошу Жандармское Управление снестись с Охранным Отделением и сообщить ему, что со стороны Жандармского Управления никаких препятствий выезду моему в гор. Киев не имеется. Илья Гиршевич Эренбург. 2о-го июня 1908 г.

Там же, л.21

24 июня

Московского Градоначальника Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве. 24 июня 1908 г. N7360. Пропуск.

Настоящий пропуск за надлежащим подписом и приложение казенной печати: выдан сыну купца Илье Гиршеву Эренбургу для следования из Москвы в город Киев с тем, чтобы по прибытию туда оный Эренбург немедленно явился в местное Полицейское Управление и представил этот пропуск. По настоящему документу Эренбург не имеет права жительства в Москве, а равно и в других местностях Империи.

За начальника отделения ротмистр Колоколов

Там же, л.22

Пропуск от 24-го июня за N7860 получил и 26 июня обязуюсь выехать в г. Киев. Илья Эренбург.

Там же.

26 июня

Протокол N29. Экспертизой проведено сравнение /../ статьи “2года единой партии” с почерком И.Эренбурга /.../ Выводы: 1/ Рукопись сделана И.Эренбургом /../ 3/ Оттиски печати сделаны печатью Эренбурга.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.199

28 июня

МВД. ОТделение по охране общественной безопасности и порядка в Москве. 26 июня 1908. N8150. Секретно. Киевскому Полицмейстеру.

Привлеченному при Московском Губернском Жандармском Управлении к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном ст.102 Уголовного Уложения сыну купца Илье Гиршеву Эренбургу и отданному согласно состоявщегося в дознании постановления, на основании 2 ч. 416 ст. Уст.Угол.Судопр., под особый надзор полиции 26

июня сего года выдан пропуск за №7860 на следование в гор. Киев. Вследствие изложенного, Охранное отделение просит Ваше Высокоблагородие по прибытии названного лица учредить за ним особый надзор полиции и о последующем уведомить.

За начальника отделения ротмистр Колоколов

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.23

- И.Э. приезжает в Киев.

- Начальник отделения по охране общей безопасности и порядка в Москве. 28 июня 1908 года. №8154.

Вследствии записки от 20 июня сего года за №7821, имею честь уведомимить Ваше превосходительство, что сын купца Илья Гиршев Эренбург 26 июня выбыл из Москвы в гор. Киев с пропуском №7860 и об учреждении за ним там особого надзора полиции сообщено одновременно с сим Киевскому полицмейстеру.

За начальника отделения ротмистр Колоколов

Там же, л.24

Из Киева меня скоро выслали и заодно почему-то запретили проживание в Киевской, Волынской и Каменец-Подольской губернии.

ЛГЖ, т.1, с.87

И.Э. переезжает в Каменец-Подольский, а затем - в Полтаву.

ЗК-1917

Я получил проходное свидетельство в Полтаву: там жил брат моей матери, либеральный адвокат <М.Б.Аренштейн>. Город мне показался милым: тихие улицы, сады с золотыми деревьями, белые домики; но “гласный надзор полиции” мог отравить жизнь и в идиллической Полтаве. Конечно, дядюшка меня любезно принял, но я понял, что чем реже буду у него бывать, тем ему будет спокойнее (...) Я попал к мужскому портному Браве, который, посоветовавшись с женой, решил сдать мне комнатушку.

ЛГЖ, т.1, с.87-88

15 сентября

И.Э. пишет из Полтавы в Киев своей тетке Марии Борисовне Лурье:

Паче чаяния я пока остался в Полтаве, но я не знаю, окончательно ли. По некоторым соображениям думаю, что удастся устроиться. Пишите мне по адресу: Полтава, Мясницкая улица, д.Толмачева, курсы кройки, мне.

ЦГАОР, ф.102, оп.238, ед.хр.5, ч.46, л.49

21 сентября

И.Э. пишет из Полтавы Симе в Киев:

1908

Уважаемый товарищ. Сообщаю некоторые сведения о состоянии Полтавских организаций (...) Вообще положение плачевное. Говорить при таких условиях о конференции по меньшей мере смешно. Меня, как "большевика", долго не пускали, да и теперь держат на "исключительном положении". Очень просил бы вас выслать несколько десятков "Южного пролетария", а также сообщить, что у вас нового. Адрес: Ст.Базар, пекарня Троцкой, в доме Кривинской, для Фани Троцкой.

Там же, л.54

Я не помню Симы, но вспоминаю, что в Полтаве была меньшевитская организация, и, будучи большевиком, к тому же чрезвычайно молодым и чрезвычайно дерзким, я напугал милого тщедушного меньшевика с чеховской бородкой, который приговаривал: "Нельзя же так - все сразу, право нельзя". Мне удалось, однако, связаться с тремя большевиками, работавшими в железнодорожном депо, и написать две прокламации.

ЛГЖ, т.1, с.88

24 октября

И.Э. пишет из Полтавы в Москву своей сестре Изабелле Григорьевне:

Сейчас получил два твоих письма. С мамой мы перетолкуем обо всем.

Во всяком случае, если решить пока остаться в России, то или Москва (но на нее я оставил всякую надежду), либо Полтава; все же у меня здесь есть знакомые, да и живется тут во всех отношениях спокойно. Сколько мама думает остаться в Полтаве? В декабре, как говорят, в Москве будет снята чрезвычайная охрана и тогда могут возвратиться все высланные. Но судя по слишком многим симптомам все усиливающейся реакции, а также поражающему обнаглению российской администрации, приходится относится к этому скептически. Читали ли вы в газетах телеграмму из Иркутска, что там скрылся Эренбург, прихватив 50000 р.?

Адрес: Полтава, ул. Каменная, д.4, кв. Лисовской.

ЦГАОР ф.102, оп.238, ед.хр.5, ч.46, л.56

4 ноября

В Московское Губернское Жандармское Управление. Прошение.

Сын мой Илья, лишенный права проживания в моей семье, с наступлением зимы станет чувствовать себя очень плохо и по совету врача должен перезимовать в теплом климате. Имею честь почтеннейше ходатайствовать разрешить ему временно выехать за границу до разбора его дела в суде.

Считаю нужным присовокупить и объяснить, что у меня единственный сын и при его 17 летнем возрасте появление болезни со стороны легких грозит опасностью его жизни и потому покорнейше прошу не отказать в моем ходатайстве. Купец Гирш Германович Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.206

1908

10 ноября

Полковник Нестеров сообщил своему коллеге в Смоленске генералу Громыко, что "бывший студент Илья Григорьевич Эренбург 10 ноября изъявил свое согласие перейти на жительство в гор. Смоленск, куда ему полтавским полицмейстером было выдано проходное свидетельство". Одновременно полковник Нестеров предупреждал генерала Громыко: "Означенный Эренбург, проживая в Полтаве, успел войти в сношение с лицами, принадлежащими к местной организации Российской социал-демократической рабочей партии".

ЛГЖ, т.1, с.89

11 ноября

Начальник полтавского жандармского управления полковник Нестеров писал: "По организации РСДРП доношу, что вновь вошедшие лица в сферу наблюдения за октябрь" - следовал список, и в нем "Илья Григорьев Эренбург - студент".

ЛГЖ, т.1, с.88

Середина ноября

В Полтаве я продержался всего полтора месяца. Меня вызвал полицмейстер и сказал, что мне придется покинуть город. "Куда вы намериваетесь отправиться?" Я ответил первое, что пришло в голову: "В Смоленск".

(...) Из Полтавы я поехал в Киев и неделю прожил там без прописки. Каждую ночь приходилось ночевать на новом месте (...)

В Москве меня ждали те же трудности. Домой я не мог пойти и не знал, где мне приютиться. Пришлось разыскивать знакомых, не связанных с подпольем, так называемых "сочувствующих". Один мой товарищ по гимназии, увидев меня, чрезвычайно испугался, стал говорить, что он сдает выпускные экзамены, что я могу погубить всю его жизнь, предлагал деньги и выталкивал в переднюю. Ночевал я у одной акушерки; она так боялась, что не могла уснуть, да и мне не дала: все время ей казалось, что кто-то идет по лестнице, она плакала и жадно глотала эфирно-валериановые капли. Вскоре ночевки иссякли. Я провел ночь на улице. Я ходил и думал: вот мой город, вот дом, куда я приходил, и для меня нет места! Глупые мысли, их оправдывает только молодость.

Еще более глупым было дальнейшее: я направился в жандармское управление и заявил, что предпочитаю тюрьму "гласному надзору". Полковник Васильев долго надо мной смеялся, потом сказал: "Ваш батюшка подал заявление о том, чтобы вам разрешили кратковременный выезд за границу для лечения". Я решил, что полковник надо мной издевается, но он показал мне бумагу о том, что на юридическом языке называется "изменением меры пресечения". В бумаге говорилось, что надзор полиции признан недостаточным и что "для обеспечения явки на судебное

разбирательство" мой отец должен внести за меня залог в размере пятисот рублей. (За Кору Ивенсон взяли четыреста, за Неймарка - триста, за Яковлеву - двести, за Осколкова - сто. Не знаю, кто устанавливал расценку и чем руководствовался)

ЛГЖ, т.1, с.89-90

19 ноября

МВД. Департамент полиции. Совершенно секретно. начальнику Московского Губернского Жандармского Управления.

Вследствии отношения от 8 сего ноября за N13685 с возвращением прошения купца Григория Эренбурга Департамент полиции сообщает Вашему Превосходительству, что разрешение возбуждаемого просителем ходатайства о дозволении привлеченному при вверенном Вам Управлении к дознанию по обвинению в государственном преступлении сыну его Илье Эренбургу временно отлучиться за границу зависит от лица производящего об Илье Эренбурге дознание, по соглашению его с наблюдающим за производством такового лицом прокурорский надзор.

Вместе с тем Департамент считает необходимым указать, что при обсуждении означенного ходатайства надлежит руководствоваться как характером и тяжестью предъявленного Эренбургу обвинения, так и силою собранных против него улик, присовокупляя, что в случае несомненного предстоящего судебного разбирательства производящегося об Эренбурге дела, необходимо изменить принятую против него меру пресечения - особый надзор полиции на залог в сумме, действительно обеспечивающий явку Эренбурга в предстоящее судебное заседание.

За директора (подпись)

Сбоку карандашом: подполковнику Васильеву для донесения.

Генерал Черкасов.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.458, л.205

24 ноября

Протокол № 30 допроса подполковником Васильевым в присутствии Товарища Прокурора Московского Окружного Суда Т.Н.Юргена.

И.Г.Эренбург в дополнение своих показаний 20 февраля и 10 апреля показал:

Желаю изменить данные мной показания и сказать более определенно на поставленные вопросы. Я принадлежал к "Социал-демократическому Союзу учащихся средне-учебных заведений", который ставил своей целью изучение марксистской литературы. Вступил я в "Союз" по предложению лица, назвать которого я отказываюсь. По уставу должны были производиться членские взносы, но я лично никаких взносов не вносил и не знаю, делал ли это кто-нибудь из членов Союза. Как член, когда я посещал собрание кружка, занимавшегося изучением истории

культуры и политической экономии. Кружок, в котором я состоял, был из 10 человек, назвать которых я отказываюсь. Экземпляр изготовленного на множительном аппарате листка, озаглавленного "Звено" дал мне один из членов Союза, назвать которого я отказываюсь, получили ли его другие члены Союза, не знаю. Слово "звено" написано не моей рукой, подобных листков я раньше не получал (...) Список книг (...) составлен мною по книжному каталогу для личного прочтения, изучая вопрос о милитаризации. Листки бумаги с оттиском печати "Воен.оргниз. РСДРП" озаглавленных "На пропаганду в войсках" и "На пропаганду в армии" оставлены у меня лицом, назвать которое я отказываюсь, сборов по таким листкам мною производить не производилось. Печать "Воен.орг. РСДРП" оставлена у меня для сохранения тем же лицом, Проекты резолюций Моск.Ком. РСДРП по вопросу о потребительских обществах были даны мне для ознакомления лицом, назвать которого я отказываюсь. Рукопись "Два года единой партии" переписана мной с рукописи по просьбе лица, назвать которое я отказываюсь. Запись на листе графленной бумаги на строчке под буквой "п" - понедельник "от 12-1 ч. явка" значили, что я должен был свидеться в это время с каким-то лицом, с каким не помню. Записи на лоскуте бумажки "передать печать" обозначают, что я хотел вернуть печать "воен.орган.". Остальные записи объяснить не могу за давностью времени, кто такие "Борис", "Афан" я назвать отказываюсь. Имена лиц, упомянутых в отобранных у меня документах я назвать вообще отказываюсь. По поводу письма, датированного 3/1-08 и начинающегося словами "Илья", за подписью "Ася" я отказываюсь давать показания ввиду того, что это письмо носит личный характер. Письмо, озаглавленное "пятница" и "Вчера я получил от вас записку" оно было отправлено в конверте на имя моей знакомой Анны Адриановны Яковлевой, но предназначалось другому лицу, назвать которое я отказываюсь. Письмо я отправил без предварительного согласия Яковлевой. Слова письма "в их с-д-сти я весьма сомневаюсь" относятся к "союзу учащихся". Илья Гиршевич Эренбург.

Там же, л.207

27 ноября

В Московское Губернское Управление купца Григория Григорьевича Эренбурга Заявление.

Представляя при сем один закладной лист Дворянского Земельного Банка второго выпуска 1907 года за №872 на сумму пятьсот (500) рублей с семнадцатью купонами, прошу принять как залог в обеспечении явки сына моего Ильи Эренбурга по первому требованию оного Управления или Судебной Палаты.

Купец Г.Эренбург

Там же, л.208

- Постановление №34

Я, подполковник Васильев (...) рассмотрев настоящее дознание и принимая во внимание 1) что постановлением моим от 24 сентября сего определено изменить меру пресечения против обвиняемого Ильи Григорьевича Эренбурга отдачу под особый надзор полиции на взятие от него залога в пятьсо (500) рублей и 2) что сего числа явился отец обвиняемого Ильи Эренбурга и предоставил закладной лист (...) постановил:

1) Означенный выше залог принять и внести в Московское Губернское казначейство

2) Илью Эренбурга от особого надзора освободить

3) Объявить залогодателю Григорию Григорьевичу Эренбургу, так и обвиняемому Илье Гиршеву Эренбургу содержание статей 415, 427, 429 Уст.Угол.Суд.

4) Копию настоящего постановления выдать Григорию Григорьевичу Эренбургу (...)

Настоящее постановление и статьи 415, 427 и 429 Уголовного Уложения мне объявлены, а также вручена копия постановления 27 ноября Купец Г.Эренбург.

Настоящее постановление и статьи 415, 427, 429 мне объявлены Илья Гиршев Эренбург.

Там же, л.209

- И.Э. пишет из Москвы в Киев Сергею Николаевичу Шестакову (В.Л.Неймарку):

Из Полтавы я поехал в Смоленск через Киев; повидаться с Вами не удалось, так как я был от поезда до поезда. Из Смоленска приехал в Москву. Здесь с внешней стороны прескверно было: приходилось таскаться по ночевкам и, несмотря на великое множество знакомых, находить ночлег мне было довольно трудно (...) В один прекрасный день я отправился к Вас//ильеву// и просил его оставить меня в Москве на неделю до моего отъезда за границу. Он согласился и был весьма любезен (...) Напишите сейчас же, как получите это письмо, обо всем, а также пришлите корреспонденцию для заграничных газет(...) Пишите мне по следующему адресу: Москва, Екатерининский парк, 3-й Самотечный переулок, д. №6, кв.18, Юл.Ник.Веселкиной, внутри - для меня. Письма будут передаваться и пересылаться мне.

ЦГАОР ф.102, оп.236, ед.хр.5, ч.46, л.62,63

28 ноября

Московское Губернское Жандармское Управление. Секретно. В Московское Охранное Отделение.

Департамент Полиции отношением от 19 сего ноября за №154114 сообщил мне, что с его стороны не встречается препятствий к выезду за границу привлеченного при вверенном мне Управлении в качестве обвиняемого по 102 ст. Угол.Улож. и отданного под особый надзор полиции сына купца Ильи Гиршева Эренбурга, в виду его крайне болезненного

состояния, при условии изменения против Эренбурга меры пресечения на взятие залога.

Состоявшимся постановлением у производяшего дознание, по соглашению с лицом Прокурорского надзора, мера пресечения изменена по взятии залога в пятьсот (500) рублей, причем залог этот внесен отцом Ильи Гиршева Эренбурга.

В виду изложенного, с моей стороны не встречается препятствий к выезду названного Ильи Эренбурга за границу и о дне прошу меня уведомить.

Начальник Управления генерал-лейтенант Черкасов.

ЦГАОР ф.63, год 1907. ед.хр.2686, л.25

2 декабря

Приставу 1 участка Пречистенской части. Прошу обязать подпиской явиться в Охранное Отделеление 3 сего декабря между 12 и 4 часами дня купца Гирша Германовича Эренбурга, живущего в доме Варваринского Акционерного Общества на Остоженке.

Там же, л.26

- №142. Участковым приставам. Прошу розыска и наблюдения за появлением в столице Ильи Гиршева (Григорьева) Эренбурга. Отрицательно не отвечать. За начальника Охранного Отделения подполковник Пастрюлин.

Там же, л.28

3 декабря

Телеграмма Московского Полицейского Телеграфа. Подана на станции Пречистенской в 1 час пополудни.

Охранное отделение.

Эренбург временно выбыл Киев когда возвратиться неизвестно.

Временно заведующий участком Добровольский.

Там же, л.27

- Секретно. Киевскому Полицмейстеру. Препровождая при сем копию отношения Московского Губернского Жандармского Управления от 28 минувшего ноября за N14618 Отделение просит содержание таковой объявить упоминаемому в отношении Отделения от 28 июня сего года, за N8150 сыну купца Илье Гиршеву Эренбургу.

За начальника Отделения подполковник Пастрюлин

Там же, л.30

4 декабря

Телеграмма Московского Полицейского Телеграфа. Охранное Отделение Подано со станции Пречистенской в 2 ч.35 мин. пополудни.

На №142. Разыскиваемый проживает д. Варвинского О-ва, Остоженка, кв.81. Временно зав.участком Добровольский.

- Приставу 1 участка Пречистенской части. Прошу обязать подпиской явиться в Охранное Отделение 5 сего декабря между 12 и 3 часами дня живущего в доме Варваринского Акционерного Общества квартира 81 Ильи Гиршева Эренбург 4 декабря 1908

Подполковник Пастрюлин

Там же, л.81

- И.Э. выехал из Москвы за границу:

В декабрский вечер у ворот Брестского вокзала я в последний раз глядел на какого-то подгулявшего мастерового, на Москву, на Россию. Два дня спустя я проснулся в холодном и чужом Берлине.

И.Эренбург. "Россия в Шампани". Биржевые вед., 1916, 6 дек.

5 декабря

Телеграмма Московского Полицейского Телеграфа, поданная на ст. Пречистенская в 11 ч. 20 мин. пополудни в Охранное отделение.

Илья Эренбург значится выбывшим 4 декабря за границу.

За пр. Добровольский

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.32

7 декабря

Генерал Громыко сообщал полтавскому полковнику Нестерову, что "Илья Григорьев Эренбург в гор. Смоленск до сего времени не прибывал". В этот самый день Илья Григорьев, высунувшись из окна вагона третьего класса, недоверчиво глядел на зеленую траву и на маленькие домики парижских пригородов.

ЛГЖ, т.1, с.91

12 декабря

МВД. Отдел по охране общественной безопасности и порядка в Москве. В Московское Жандармское Управление. Секретно.

Отделение сообщает, что сын купца Илья Гиршев Эренбург выбыл из Москвы за границу 4 сего декабря.

За начальника отделения подполковник Пастрюлин

ЦГАОР ф.63, год 1907, ед.хр.2686, л.33

- Секретно. Киевскому Полицмейстеру. Отделение сообщает, что сын купца Илья Гиршев Эренбург выбыл из Москвы за границу 4 сего декабря.

За начальника отделения подполковник Пастрюлин

Там же, л.34

Вторая половина декабря (по григорианскому календарю)

И.Э. приезжает в Берлин и проводит там несколько дней.

ЗК-1917

- И.Э. Приезжает в Париж:

Я хорошо помню декабрский день, когда я вышел из Северного вокзала на грязную шумную площадь. Меня удивил ветер - в нем чувствовалось дыхание моря; мне стало весело и тревожно. Чемоданы я оставил в камере хранения и почувствовал себя сразу свободно. Правда, одет я был несуразно, но никто не обращал на меня внимания, в первые же часы я понял, что в этом городе можно прожить незаметно - никто тобой не интересуется.

Я зашел в бар. У цинковой стойки стояли краснолицые извозчики в цилиндрах; они пили загадочные напитки - багровые и зеленые. Я вспомнил московских извозчиков, и защемило сердце - эти ведь не станут говорить про овес... Я заказал кофе. Хозяйка меня о чем-то спросила, я не понял (Я был убежден, что могу говорить по-французски - учился в гимназии, брал частные уроки; но выяснилось, что я знаю несколько сот слов, которые Расин вставлял в свои трагедии, а самых необходимых в жизни не понимаю). Мне дали черный кофе в бокале и рюмочку рома. Я испугался, но выпил.

ЛГЖ, т.1, с.91

- И.Э. знакомится с библиотекарем русской социал-демократической библиотеки в Париже М.А.Ингбером и разыскивает большевичек Савченко и Людмилу; посещает собрания большевистской группы в кафе на авеню д'Орлеан.

- И.Э. знакомится с эмигранткой из С.Петербурга, студенткой медицинского факультета Сорбонны Лизой Мовшенсон (по мужу - с 1916 г. - Полонской) и ее подругой, москвичкой Машей Левиной (партийная кличка Наташа; впоследствии - по мужу - Киреевой).

1909 год

Начало января

Я наконец-то снял меблированную комнату на улице Данфер-Рошеро, разложил привезенные с собой книги, купил спиртовку, чайник и понял, что в этом городе я надолго.

ЛГЖ, т.1, с.99

- На заседании партийной группы боьшевиков И.Э. знакомится с В.И. Лениным и Л.Б. Каменевым; по приглашению Ленина посещает его и Н.К. Крупскую на их квартире возле парка Монсури:

Юнцом наивным и восторженным прямо из Бутырской тюрьмы попал я в Париж. Утром приехал, а вечером сидел уж на собрании в маленьком кафе "Avenue d'Orleanes". Приземистый лысый человек за кружкой пива, с лукавыми глазками на красном лице, похожий на добродушного бюргера, держал речь.

Сорок унылых эмигрантов, с печалью на лице нужды, безделья, скуки слушали его, бережно потягивая гренадин (...) Я попросил слова. Некая партийная девица, которая привела меня на собрание, в трепете шепнула: - Неужели вы будете возражать Ленину?

Краснея и путаясь, я пробубнил какую-то пламенную чушь, получив в награду язвительную реплику самого Ленина.

И.Эренбург. "Тихое семейство".
Новости дня. М., 1918, 27 марта

- Большевистская группа собиралась в кафе на авеню д'Орлеан, неподалеку от Бельфорского льва (...) На собрании было человек тридцать; я глядел на Ленина. Он был одет в темный костюм со стоячим крахмальным воротничком; выглядел очень корректно. Я не помню, о чем он говорил, но, будучи достаточно дерзким мальчишкой, я попросил слова и в чем-то возразил. Он ответил мне мягко, не обругал, а разъяснил - я тогда не понял (...) Когда собрание кончилось, Владимир Ильич подошел ко мне: "Вы из Москвы?" Я ему объяснил, что в московской организации работал до января, потом был арестован, пытался устроиться в Полтаве, там отыскал товарищей. Ленин сказал, чтобы я к нему зашел.

Я разыскал дом на улочке возле парка Монсури (теперь я проверил - это была улица Бонье). Я долго стоял у двери - не решался позвонить, от недавней дерзости не осталось следа.

Дверь открыла Надежда Константиновна. Ленин работал: он сидел, задумавшись, над длинным листом бумаги, чуть щурил глаза.

Я рассказал ему о провале ученической организации, о статье "Два года единой партии", о положении в Полтаве. Он внимательно слушал, иногда едва заметно улыбался, мне казалось - он догадывается, что я еще мальчишка, и это путало мои мысли. Я сказал, что помню на память адреса для рассылки газеты. Надежда Константиновна адреса записала. Я хотел уходить, но Владимир Ильич меня удержал; он стал расспрашивать, как настроена молодежь, кого из писателей больше читают, популярны ли сборники "Знания", на каких спектаклях я был в Москве - у Корша, в Художественном театре. Он ходил по комнате, а я сидел на табурете. Надежда Константиновна сказала, что время обедать; я решил, что засиделся, но меня оставили, накормили. Меня удивил порядок: книги стояли на полке, на рабочем столе Владимира Ильича ничего не было накидано - не похоже ни на комнаты моих московских товарищей, ни на квартиру, где жили Савченко и Людмила. Владимир Ильич несколько раз повторял Надежде Константиновне: "Вот прямо оттуда... Знает, чем живет молодежь".

ЛГЖ, т.1, с.95-96

- И.Э. посещает заседания большевистской группы в Париже:

Вскоре после моего приезда на группе появились двое новых - Илья Эренбург и еще одна молодая девица Лиза - оба очень молодые и оба приехали учиться.

Эренбург производил впечатление гимназиста из состоятельной семьи, был очень скромен, сидел всегда отдельно, смотрел и слушал. Через некоторое время он даже стал приносить на собрания листки, отпечатанные на машинке, в которых очень мило "пробирал" членов группы. Были иногда очень удачные шутки. Листки имели успех.

Т.И. Вулих. Из Воспоминаний (Рукопись, с.22. Ксерокопия - АФ, подлинник - Гуверовский институт, США).

Январь

И.Э. входит в кружок молодых русских политэмигрантов, сложившийся вокруг Е. Мовшенсон и М. Левиной:

По вечерам наш кружок собирался у Лизы вокруг камина. Мы проводили там большую часть вечера, если не шли на Бульмиш. У Лизы было тепло - а это зимой самое главное. А иной раз бывал и роскошный ужин - мы выходили на улицу к соседнему углу, где стояла жаровня для каштанов, - на всех углах Парижа, в особенности в бедных районах, стояли по вечерам эти жаровни. Закутанные француженки, обычно старухи, жарили каштаны. Какое удовольствие было держать в озябших руках эти теплые пакеты и знать, что сейчас вернемся домой и горячие каштаны согреют и желудки.

В наш кружок входил Поль Студентский - скромный юноша, влюбленный в естественные науки и поглощавший огромное количество книг, он учился в Эколь Политехник; Виталий Елькин - человек значительно старший нас по возрасту, как будто без определенных занятий, без про-

фессии, любитель поэзии, к нему очень тепло относился Владимир Ильич (об отношении В.И. сужу по тому, как он обращался к нам при встречах на собраниях). Теперь постоянным гостем стал и Илья Эренбург, которого Владимир Ильич звал "Илья Лохматый", - пылкий, неустоявшийся юноша, он бросался от науки к поэзии, потом к искусству, воспринимал все живо, но пока еще несколько поверхностно.

М. Киреева (Левина) "Из воспоминаний".
ВЛ, 1982, N 9, с.148-149

- Вместе с членами кружка И.Э. посещает лекции В.И.Ленина по философии (по материалам его книги "Материализм и эмпириокритицизм"), а также участвует в подготовке с благотворительными целями русского бала в Париже.

23 января (4 февраля)

И.Э. вместе с членами молодежного кружка присутствует на докладе В. Ленина "О политическом положении в России".

ВЛ, 1982, N 9, с.151

25 января (6 февраля)

И.Э. участвует в организации и проведении благотворительного вечера для русских социал-демократов в Париже, на котором был показан спектакль по пьесе Л. Андреева "Дни нашей жизни". На спектакле присутствовала почти вся большевистская группа, включая В.И. Ленина, Н.К. Крупскую, О.Д. и Л.Б. Каменевых.

Там же, с.146

Январь - февраль

И.Э. вместе с членами молодежного кружка посещает лекции А.В. Луначарского о французской и бельгийской поэзии.

Та же, с.149

- И.Э. участвует в праздновании Марди гра (масленницы) в Париже, посещает праздничный карнавал.

Там же, с.155

5 марта (18 марта)

И.Э. участвует в манифестациях в Память Парижской Коммуны на кладбище Пер Лашез.

Там же, с.157

Весна

И.Э. присутствует на выступлениях Жана Жореса в рабочем предместье Парижа:

Выступал Жорес: он изумительно говорил, что труд, братство, гуманизм сильнее корысти правящего класса; потрясая руками, в негодовании отстегнул крахмальный воротничок. В зале было нестерпимо жарко. После Жореса детский хор исполнил песню о страданиях чахоточного юноши, который не увидит восхода солнца. Потом потная толстая певица пела скабрезные куплеты про корсет, который она потеряла в кабинете министра. Все развеселились. На эстраду вышли музыканты: поспешно отодвигались скмейки - начинался бал. Восемнадцатилетний русский юноша не танцевал, он грустно шагал по старым парижским улицам и думал: гуманизм, пролетариат - и вдруг корсет!

ЛГЖ, т.1, с.102

17 апреля (1 мая)

Я был на демонстрации у Стены коммунаров. Впереди шли участники Коммуны; их было еще много, и они бодро шагали. Мне они показались глубокими стариками; я думал о Коммуне, как о странице древней истории, - ведь это было тридцать восемь лет назад! У Стены коммунаров я увидел Ленина: он стоял среди группы большевиков и глядел на Стену - из камня выступали тени федератов.

ЛГЖ, т.1, с.96

Весна - лето

И.Э. начал писать стихи.

Я до утра писал стихи, плохие, подражательные, но я был счастлив - мне казалось, что я нашел свой путь.

ЛГЖ, т.1, с.104

30 июня

Начальник Московского Губернского Жандармского Управления - Прокурору Московской Судебной Палаты. Секретно:

Препровождаю оконченное производством дознание в 2-х томах о сыне купца Илье Эренбурге (...) с вещественными доказательствами.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.460, л.21

Конец июля

И.Э. уезжает в Германию, чтобы встретиться с находящейся там на лечении матерью и тремя сестрами. Он посещает Гейдельберг, а затем некоторое время вместе с родителями живет в Бад-Киссенгене.

ЗК - 1917

2 (15) июля

И.Э. с матерью и тремя сестрами посещает фотоателье Фрица Шульмана в Бад-Киссенгене и фотографируется там. Фотографию посылает

в Москву Г.Г. Эренбургу с надписью: "Тихое семейство шлет тебе привет".

АЭ

Середина июля

И.Э. выезжает в Кенигсберг для встречи с Е.Г. Полонской (тогда - Мовшенсон), приехавшей в Пруссию из Парижа, чтобы повидать отдыхающих там мать и брата.

ЗК - 1917; архив М.Л. Полонского.

- Вместе с Е.Г. Полонской И.Э. совершает путешествие по Германии, Швейцарии и Италии. Они посетили Берлин, Дрезден, Мюнхен, Цюрих, окрестности Фирвальдштедтского озера, Сен-Готтардский туннель, забирались на Чертов мост. Путешествие было закончено посещением Милана:

Были в Дрездене, видели галерею (...) В Мюнхене были в пивной при пивоваренном заводе. Там сидят на бочках и на полу (...) Потом поехали в Швейцарию, остановились в Цюрихе, осмотрели озеро и взбирались на гору, откуда послала тебе открытку. Потом Готтардский туннель , у входа в который мы провели день, лазали по горам, взбирались на Чертов мост. После мрачной, суровой красоты Швейцарии темный туннель, а затем горячее солнце, мягкие горы, виноградники, черномазые жулики. Милан - собор, галерея, кладбище и синее голубое небо как на картинах Рафаэля (...) Видишь, я тебе сколько рассказала, а ты мне пишешь не то, что надо. Ведь ты мне обещала написать об Илье, а теперь ни слова. Мне очень интересно, что ты о нем скажешь. Мы расстались в Милане ((27 июля (8 августа)) и разъехались и разные стороны, он - к родным в Киссенген, я - в Париж.

Из письма Е.Г. Полонской матери
(Шарлотте Ильиничне Мовшенсон)

2(15) августа 1909 г. из Парижа. (Ксерокопия, АФ)

Конец июля

Из Милана, через Цюрих, И.Э. вовзвращается к родным в Киссенген.

ЗК - 1917

Конец лета

И.Э. приезжает из Киссенгена в Вену, где поселяется у Л.Д. Троцкого; начинается его работа в газете "Правда".

В октябре 1908 г. я начал издавать в Вене русскую газету "Правда", предназначенную для широких рабочих кругов. В Россию она доставлялась контрабандным путем, либо через галицийскую границу, либо по Черному морю. Газета выходила в течение трех с половиной лет, не чаще

двух раз в месяц, но издание ее требовало большого и кропотливого труда. Конспиративная переписка с Россией поглощала много времени.

Л. Троцкий. "Моя жизнь". М., 1991, с.216

Моя работа была несложной: я вклеивал партийную газету в картонные рулоны, а на них наматывал художественные репродукции и отсылал пакеты в Россию. Х.[1] жил с женой в маленькой, очень скромной квартире. Однажды вечером жена Х. сказала, что чая не будет: газ на кухне подавался автоматом, в который нужно было бросить монету. Я поспешно побежал и бросил в пасть чудовища крону.

Л.Г.Ж., т.1, с.105

- Е.Г. Полонская пишет матери в Петербург:
Илья все время в Вене, работает там в газете.

Ксерокопия, АФ.

21 сентября

Прокурор Московской Судебной Палаты поручает прокурору Московского окружного суда внести дело И.Э. и др. на рассмотрение Московского окружного суда.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.460, л.25

Ноябрь

И.Э. покидает Вену и через Энгельберг и Люцерн возвращается в Париж.

ЗК - 1917

Х. был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии, об искусстве. Это были не мнения, с которыми можно было поспорить, а безапелляционные приговоры (...) Для Х. обожаемые мною поэты были "декадентами", "порождением политической реакции". Он говорил об искусстве как о чем-то второстепенном, подсобном. Однажды я понял, что я должен уехать, не решился сказать об этом Х. - написал глупую детскую записку и уехал в Париж.

ЛГЖ, т.1, с.105

- Эренбург решил поехать в Вену к Троцкому. Но тот, как мне передала потом Лиза, принял Эренбурга довольно равнодушно, не дал ему никакой интересной работы в своей газете. Неудовлетворенный Эренбург вернулся в Париж.

Т.И. Вулих. Из воспоминаний. (Рукопись, с.24. Ксерокопия - АФ)

---

1 Л.Д. Троцкий.

1909

Декабрь

И.Э. вместе с Е. Полонской начинает выпуск сатирических журналов "Тихое семейство" и "Бывшие люди":

В то время выходил в Париже журнал под названием "Les hommes d'aujourd'hui" ("Люди сегодня"), издаваемый одним карикатуристом-поляком. Повидимому, Эренбург и К° вошли с ним в соглашение на каких-то условиях и те предоставили им своих сотрудников-художников. Помню, что на одно заседание Эренбург явился с пачкой настоящего журнала (по формату и вообще внешнему виду совершенно тождественного с французским) под заглавием "Les hommes d'hier" - "Люди вчера"[1]. На первой странице (которая служила обложкой) во всю ее величину была очень хорошо исполненная карикатура на Бурцева (...) Были маленькие заметки, кажется, и стихи. Запомнила только сценку в школе Ленина. Ленин вызывает Каменева и задает какой-то вопрос, на который Каменев отвечает не совсем в духе Ленина. Тогда Зиновьев вызывается ответить и отбарабанивает слово в слово по какой-то книге Ленина.

В общем, помню, не все было удачно, но кое-что остроумно и довольно метко подмечено. Мы стали расхватывать этот журнал, тут же читать, раздались шутки, смех. Заинтересовавшись, Ленин тоже попросил один номер. Стал перелистывать и по мере чтения, все мрачнее и все сердитее делалось его лицо; под конец ни слова не говоря, отшвырнул буквально журнал в сторону (...) Потом мне передали, что Ленину журнал ужасно не понравился и особенно возмутила карикатура на него и подпись. И вообще не понравилось, что Эренбург отпечатал и, повидимому, собирался широко распространять.

Т.И. Вулих. Из воспоминаний. (Рукопись, с.23, 24)

Нас "поливали" не только Мартов и Дан, но и (...) сторонники Плеханова - вплоть до Эренбурга (его звали тогда Илья Лохматый, он не был еще известным писателем, а не так давно отошел от большевиков и пробовал теперь свои силы на издании юмористического журнала "Бывшие люди", листков против Ленина и проч.).

Г. Зиновьев. Из книги о Ленине. Известия ЦК КПСС, 1989, N 7, с.166

Конец года

И.Э. знакомится в Париже с Екатериной Оттовной Шмидт:

В конце 1909 года на одном из эмигрантских вечеров я познакомился с Катей, студенткой медицинского факультета первого курса. Влюбился я сразу, начались долгие месяцы психологических анализов, признаний, вспышек ревности.

ЛГЖ, т.1, с.106

---

1 "Бывшие люди"

1910 год

1 января

Выходит № 2 альманаха “Бывшие люди”. И.Э. порывает с большевистской группой:

Эренбург порвал с группой и занялся литературой. Мы его потом встречали в Латинском квартале, но совершенно преобразившегося. Из чистенького гимназиста “хорошей семьи”, он превратился в неряшливого, лохматого представителя богемы. Лиза с гордостью говорила, что он живет как спартанец, спит без простыни, но переплетает Бальмонта в белый переплет. Во всяком случае, он порвал всякие сношения не только с группой в целом, но и со всеми ее членами, кроме Лизы: перестал даже кланяться.

Т.И. Вулих. Из воспоминаний (Рукопись. с.24)

8 января

Петербургский журнал “Северные зори” N 5 публикует стихотворение “Шел я к тебе”. Это первая литературная публикация И.Э.

17 января

Стихотворение И.Э. “Матери” - в петербургской газете “Студенческая жизнь”.

29 января

В журнале “Северные зори” N 8 - стихи И.Э. “Я ушел от ваших ярких, дерзких песен”, “Между темных деревьев” и “В угрюмой тюрьме”.

5 февраля

Журнал “Северные зори” N 9 публикует стихотворение И.Э. “Зачем восставши из гарема".

15 марта

В московском журнале “Возрождение” № 4 - стихи И.Э. “Довольно”.

1910

Март

Петербургский журнал "Жизнь для всех" в № 3 публикует стихотво рение И.Э. "Будем как дети".

Апрель

В петербургском журнале "Жизнь для всех" № 4 - стихотворение И.Э. "Городские дети".

Весна

В.Я.Брюсов знакомится с рукописью стихов И.Э.

Весной этого года Вы взяли на себя труд просмотреть мои первые стихи. Ваши указания послужили мне руководством в дальнейшей работе над стихами.

Из письма И.Э. Брюсову (не позднее сентября 1910 г.)
Б. Фрезинский. "Переписка И.Г. Эренбурга с В.Я. Брюсовым".
Литературное наследство, т.98, кн.2 (печатается)

2 мая

"Московская газета" публикует стихотворения И.Э. "Я сегодня припомнил" и "Я не знаю, зачем упрекают меня".

23 мая

В московском журнале "Кривое зеркало" N21 - стихотворение И.Э. "Мне снилось, что все мы усталые дети".

31 мая

В "Московской газете" - стихотворение И.Э. "Итальянский бульвар".

- В Москве подписан "Обвинительный акт о сыне купца Илье Гиршеве Эренбурге, сыне надворного советника Борисе Иннокентьевиче Осколкове, мещанине Валентине Людвиговиче Неймарке, дочери надворного советника Надежде Григорьевне Львовой, дочери коллежского советника Конкордии Карловне Ивенсон, мещанине Владимире Владимирове Соколове и и крестьянке Анне Андриановой Яковлевой", обвиняемых в том, что в 1907 и начале 1908 года в г.Москве приняли участие в преступном сообществе, присвоевшем себе наименование "Московского соц-демократического союза учащихся средне-учебных заведений", поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя и замену его демократической республикой путем поддержки материальными и личными услугами российской социал-демократической рабочей партии и подготовки партийных работников из среды учащихся (...)

Независимо от сего Илья Гиршев Эренбург обвиняется в том, что тогда же и там же принял участие в преступном сообществе, присвоившем себе наименование "военной организации при Московском комитете российской социал-демократической партии".

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.461, л.1, 12, 15

Первая половина года

И.Э. посещает Биарриц, Сан-Себастьян, Ниццу, Медон, Итону, Висбаден.

ЗК-1917

Июнь

Журнал "Жизнь для всех" публикует стихотворение И.Э. "Гляди же скорее".

2 июля

Председатель 3 уголовного департамента Московской судебной палаты - г. Приставу 1-го участка Пречистенской части г.Москвы.

Согласно определению Судебной Палаты от 25 июня сего года прошу Вас объявить под расписку проживающему в Москве по Остоженке в доме Варваринского Общества купцу Герше Гершанову Эренбургу, что в месячный срок от объявления сего он, Герша Эренбург, обязан в качестве залогодателя доставить в Судебную Палату сведения о том, где в настоящее время находится его сын Илья Гершев Эренбург, обвиняемый по 1 ч. 126 и 1 ч. 102 ст. Уголовного Уложения, а расписку Герши Эренбурга доставить в Судебную Палату. (...)

2 августа 1910 года настоящее отношение мне объявлено. Г. Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.37, 38

Июль

И.Э. вместе с Е.О. Шмидт совершает поездку в Бельгию и Голландию (Брюссель, Антверпен, Гарлем, Амстердам, Брюгге).

ЗК-1917

Мы поехали с Катей в Брюгге. Меня поразил этот город - он действительно был мертвым. Стояли огромные церкви, ратуша, башни, особняки, а жили в городе монашенки и обнищавшие мечтатели (...) В Брюгге я написал полсотни стихотворений о красоте исчезнувшего мира, о рыцарях и Прекрасных Дамах, о Марии Стюарт, об Изабелле Оранской, о мадоннах Мемлинга, о брюггских монахинях-бегинках.

ЛГЖ, т.1, с.106-107

- Журнал "Кривое зеркало" публикует стихотворение И.Э. "Старые девушки".

- Из Голландии И.Э. и Е.О. Шмидт приезжают в Швейцарию (приозерные городки Интерлакен, Флюэлен, Тун), оттуда возвращаются в Париж.

ЗК-1917

23 августа

В Московскую Судебную Палату по 3-му Уголовному Департаменту. Купца Гирша Германовича Эренбурга (...) Заявление.

Имею честь заявить Судебной Палате, что мой сын Илья проживает сейчас в Париже Boulevard Port-Royal, 39.

Резолюция: Предложить залогодателю Гиршу Эренбургу принять меры к возвращению его сына в месячный срок, согласно 415 ст. Уголовного Уложения, в пределы Округа Московской Судебной Палаты, указав что при невыполнении сего, Илья Эренбург будет считаться уклоняющимся от суда и залог будет передан в казну.

ЦГИА МО ф.131, ОП.74, Д.459, Л.54

29 августа

Газета "Студенческая жизнь" публикует стихотворение И.Э. "Сегодня я видел".

Август

В Париже в типографии И. Рираховского выходит первая книга И.Э. "Стихи":

Один из приятелей, которому мои стихи понравились, сказал: "В России их вряд ли напечатают - там в каждой редакции свои поэты, но почему тебе не издать книжку в Париже? Это стоит недорого". Я пошел в русскую типографию на улице Фран-Буржуа. К моему удивлению, хозяин типографии не заинтересовался содержанием книги; хотя он был бундовцем, мои стихи, обращенные к папе Иннокентию VI, его не смутили; он сосчитал строки и сказал, что двести экземпляров обойдутся в полтораста франков. Я поспешно возразил: зачем двести? Я - начинающий автор, с меня хватит и сотни. Типограф объяснил, что самое дорогое - набор, но согласился скинуть двадцать пять франков.

(...) Пятьдесят экземпляров я сдал на комиссию в русский магазин; другие постепенно отправлял различным поэтам в Россию - марки стоили дорого. Вообще расходы были значительными, а приход ничтожным - продано было всего шестнадцать экземпляров.

ЛГЖ, т.1, с.107

- Одному из первых "Стихи" были посланы в Москву В.Я. Брюсову:

1910

Я обращаюсь к Вам с просьбой прочесть мои стихи, изданные сборником. Я знаю, что это лишь ученические опыты (...) Во многих - прямое подражание (Вам, Роденбаху, Кузмину...) Все же я прошу Вас ответить - есть ли в этих стихах мое? Есть ли в них raison d'etre?[1]Право на существование (франц.) Вы понимаете, почему я обращаюсь именно к Вам. Ваши книги были моими учебниками.

"Брюсов и его корреспонденты", Литнаследство, т.98, кн.2

- В Москве сестра И.Э. Изабелла Григорьевна по его просьбе вручила экземпляр "Стихов" М.А. Волошину.

Г. Шенгели приводит рассказ М. Волошина об этом:

Присылает мне И. Эренбург книгу стихов. Книга неправильно сброшюрована: обложка вверх ногами. Я сначала вознегодовал, сочтя это намеренным. Потом понял. Приходит ко мне сестра поэта, желая поговорить о присланной книге. Я беру книгу и читаю. Она потом пишет брату: "Какой оригинал этот Волошин!... Представь: держал твою книгу вверх ногами и так читал. Даже неприятно".

Парус, Харьков, 1919, №1, 19 января, с.10

11 сентября

По Указу Его Императорского Величества Московская Судебная палата по Уголовному Департаменту в распорядительном заседании, происходившем под председательством Председателя Департамента А.М. Ранга в составе Членов Палаты С.Ф. Мальцева и С.Е. Громова при Товарище Прокуроре Палаты А.М. Лопатине и при секретаре К.Я. Зенькевиче слушали: поданое купцом Гиршей Германовым Эренбургом заявление о том, что сын его Илья Гиршев Эренбург, за которого он внес залог по делу Московского социал-демократического союза средне-учебных заведений, проживает во Франции в городе Париже.

Рассмотрев означенное заявление Эренбурга и подлинное дело о Московском социал-демократическом союзе средне-учебных заведений, Судебная Палата находит: 1) что сын купца Илья Гиршев Эренбург предан по назначенному делу суду по 1 ч. 102 и 1 ч. 126 ст. Угол. Уложения и что во время производства по сему делу формального дознания мерою пресечения был принят против Эренбурга залог в пятьсот (500) рублей, каковой залог был представлен Гришей Германовым Эренбургом; 2) что согласно точного смысла 416 статьи Уст. Угол. Суд. против обвиняемых, для воспрепятствования им уклоняться от следствия и суда, принимаются указанные в той статье меры пресечения и что принятие таковых мер исключает возможность разрешения обвиняемым во время производства о них в судебных местах дел пребывания за границею, т.е. за пределами досягаемости обвиняемых Русскими властями, а потому Судебная Палата

---

1 Право на существование (франц.)

ОПРЕДЕЛЯЕТ: объявить Гирше Германову Эренбургу, как залогодателю за Илью Гиршева Эренбурга, что он, Илья Эренбург, должен в течение месяца со дня объявления ему, Гирше Эренбургу, сего определения, избрать, согласно 415, 416 и 429 ст. Уст. Угол. Суд. место жительства в округе Московской Судебной палаты, при неисполнении же сего Ильей Эренбургом он будет признан уклонившимся от суда и представленный Гиршей Эренбургом залог будет на основании 427 ст. Уст. Угол. Суд. обращен в капитал на устройство мест заключения. Копию сего определения выдать залогодателю Гирше Эренбургу.

А.М. Ранг

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.55

13 сентября

В "Московской газете" - первая рецензия на "Стихи":
Из всего, что появилось в последнее пятилетие на горизонте русской поэзии, я назову самым значительным только что выпущенную небольшую книжку стихов И. Эренбурга.

19 сентября

Газета "Студенческая жизнь" публикует стихи И.Э. "Вечером долины серебром одеты".

27 сентября

В "Московской газете" - стихотворение И.Э. "Яма"

30 сентября

В газете "Голос студенчества" (Москва) стихи И.Э. из серии "Колье" ("Я хочу быть в вашей свите" и "В черном небе").

1 октября

Г.Г. Эренбургу объявлено решение Московской Судебной Палаты от 11 сентября 1910 г.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.71

- В газете "Утро" (Харьков) рецензия на "Стихи":
Не смотря на очевидную подражательность автора французским символистам, и нашим поэтам - Владимиру Соловьеву и Александру Блоку, - в нем чувствуется несомненное дарование, в его стихах много нежности, изящества, красоты, он умеет в немногих словах сказать многое.
- В "Киевской мысли" рецензия на "Стихи" Л.Н. Войтоловского:

В его стихах очень много уныния, мистики и слез и еще больше загробных теней и предсмертных предчувствий. но вся его тихая меланхолия целиком заимствована у автора "Мертвого Брюгге". Он слишком долго находился среди призраков, населивших по воле Роденбаха могильные склепы этого города, и заучил наизусть все их загадочные слова. И он хорошо распоряжается этим мистическим лексиконом.

4 октября

"Московская газета" публикует стихотворение И.Э. "Сегодня я видел".

11 октября

В "Московской газете" стихи И.Э. "Хотите сыграю вам грустного Шумана".

18 октября

В "Московской газете" стихотворение И.Э. "Я говорил стихи маркизе".

25 октября (8 ноября)

Я, нижеподписавшийся, доктор медицины Парижского факультета сим удостоверяю, что в моем врачебном пользовании находится Илья Эренбург, 20 лет от роду, живущий в Париже, улица первой Кампании.

Господин Эренбург страдает острым суставным ревматизмом, осложненными болезнью сердца. Состояние его здоровья не позволяет ему предпринять путешествие, принуждая его не покидать постели до своего полного выздоровления, день каковото я в настоящее время определить не могу. Париж, 8 ноября 1910 г. Д-р Бертело, ул. Кардинала Лемуан, 34, Париж.

Министр иностранных дел удостоверяет подлинность настоящей подписи. Париж, 9 ноября 1910 г.

За министра, за уполномоченного начальника бюро Шнейдер. Печать.

Российское Императорское Генеральное консульство сим удостоверяет засвидетельствование французского министерства иностранных дел. Октября 27 дня 1910 г. Консул А. Васильев.

ЦГИА МО ф.131, ор.74, д.459, л.103, 104

31 октября

В "Восточной заре" (Иркутск) рецензия Н.Чужака на "Стихи":

Как ни смешон подчас этот отвыкший от родного языка российский парижанин, как ни далека от нас его позапылившаяся муза, - нам не

хочется смеяться, и мы с лаской скажем: пусть! С неподнятым забралом, одинокий - пусть идет!

Октябрь

В журнале "Современный мир" (N10) рецензия В. Волькенштейна на "Стихи":

Грустное впечатление производит его католический романтизм и демонизм, его беспочвенная и, в конце концов, очень несмелая поэзия. Все же это - не книжная выдумка.

5 ноября

В III Департамент Московской Судебной Палаты.

Вследствие требования Палаты, выраженное в Постановлении ее от 11 сентября сего года, имею честь представить при сем медицинское свидетельство, надлежащим образом засвидетельствованное о невозможности теперь приезда сына моего Ильи впредь до выздоровления. Купец Г. Эренбург.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.102

16 ноября

Определением Судебной палаты от 16 ноября 1910 г. постановлено: залог, внесенный Гиршею Эренбургом, обратить в капитал на устройство мест заключения - о чем объявить Гирше Эренбургу, а Илью Эренбурга по возвращению его в Россию взять под стражу.

- 1910 года ноября 16 дня по указу Его Императорского Величества Московская судебная Палата по Уголовному Департаменту в распорядительном заседании, происходившем под председательством Председателя Департамента А.М. Ранга в составе членов Палаты Д.П. Стремухова и С.Г. Громова при Товарище прокурора Палаты А.Ф. Микулине и при секретаре К.Я. Зенкевиче слушали:

поданное купцом Гиршем Германовичем Эренбургом заявление о приложении медицинского свидетельства о болезни сына его Ильи Гиршева Эренбурга, обвиняемого по 1 ч, 126 ст. и 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. и проживающего в Париже, о невозможности возвращения его сына в Россию впредь до выздоровления.

рассмотрев означенное заявление Гирша Эренбурга и подлинное дело, по коему Илья Эренбург предан суду (...) Палата находит: 1) что определением Судебной Палаты, состоящемся 11 сентябрбя 1910 г., постановлено было: объявить Гирше Германову Эренбургу, как залогодателю за Илью Гиршева Эренбурга, что он, Илья Эренбург, должен в течение месяца со дня объявления ему, Гирше Эренбургу сего определения избрать (...) место жительства в округе Московской Судебной Палаты, при неисполнении же сего Ильей Эренбургом, он будет признан

уклонившимся от суда и представленный Гиршей Эренбургом залог будет (...) обращен в капитал на устройство мест заключения; 2) что, хотя проживающий в Париже (Франция) врач Бертело и удостоверяет, что Илья Эренбург страдает острым суставным ревматизмом, осложнением болезни сердца, препятствующим ему совершать продолжительное путешествие, однако, выданное Бертело удостоверение, ввиду невозможности проверки его содержания на русской государственной службе врачами в присутствии чиновников русской полиции, не заслуживает, по мнению Судебной Палаты, доверия; 3) что Илья Эренбург, как лицо, состоящее под судом судебного установления, не может быть освобожден от обязанности находиться в месте досягаемости его Русскими властями, так как, согласно точного смысла 416 ст. Уст. Угол. Суд. против обвиняемых, для воспрепятствования им уклоняться от следствия и суда, принимаются указанные в той статье меры пресечения, а применение таковых мер исключает возможность разрешения обвиняемым во время производства о них дел в судебных местах, пребывание за границею, т.е. за пределами досягаемости обвиняемых Русскими властями и 4) что приведенное выше определение Судебной Палаты от 11 сентября 1910 г. было объявлено Гирше Эренбургу под его расписку от 7 октября 1910 г. и Илья Эренбург по сие 16 ноября не подчинился изложенному в том определении постановлению, вследствие чего надлежит привести в исполнение означенное определение, - а потому Судебная Палата ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1) заявление Гирши Эренбурга о невозможности возвращения сына по болезни из-за границы в Россию оставить без последствий,

2) представленный Гиршей Эренбургом за Илью Эренбурга залог в размере пятисот рублей обратить в капитал на устройство мест заключения,

3) мерою пресечения способов уклониться от суда избрать против Ильи Гиршева Эренбурга взятие его под стражу по возвращении его в Россию и

4) настоящее определение объявить под расписку Гирше Эренбургу, с выдачей ему копии того же определения.

А.М. Ранг

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.115

27 ноября

В газете "Минский голос" рецензия на книгу И.Э. "Стихи".

28 ноября

Газета "Студенческая жизнь" публикует стихотворение И.Э. "Объяснение в любви".

1910

Декабрь

Стихи И.Э. впервые печатаются в Иркутске, куда их переслала сестра поэта Изабелла Григорьевна:

В Иркутске жил дядя Ильи Григорьевича Борис Григорьевич Эренбург, владелец музыкального магазина на Большой ул., д.7. Борис Григорьевич занимался не только торговлей музыкальными инструментами и нотами, но и устройством концертов, продажей билетов и наймом помещений для концертов. Б.Г. Эренбург играл определенную роль в культурной жизни Иркутска и именно он передавал для печати иркутским газетам стихи своего племянника.

В. Попов. "Первые публикации И.Г. Эренбурга".
Сибирь, Иркутск, 1974, N5, с.91

5 декабря

Иркутская газета "Восточная заря" помещает объявление:

Открыта подписка на 1911 год на большую, ежедневную политическую, литературную и экономическую газету "Восточная заря". (...)

Список сотрудников: Сергей Городецкий, А.В. Луначарский, Саша Черный, И. Эренбург и другие.

- В этом же номере газеты стихотворение И.Э. "Я люблю к вам, маленькая мама..."

- Харьковская газета "Утро" публикует стихотворение И.Э. "Фокстерьер".

12 декабря

В иркутской газете "Голос Сибири" стихотворение И.Э. "Моему духовнику".

19 декабря

В газете "Студенческая жизнь" стихотворение И.Э. "Она молилась возле статуй".

25 декабря

Газета "Утро" (Харьков) публикует стихотворение И.Э. "Там, где травка серебрилась".

- "Голос Сибири" публикует стихотворение И.Э. "Возвещая о скорой победе".

26 декабря

В газете "Студенческая жизнь" стихотворение И.Э. "Нечистая месса".

1911 год

14 января

В распорядительном заседании Московской Судебной палаты от 14 января 1911 года постановлено: частную жалобу Гирши Германова Эренбурга на определение Судебной Палаты от 16 ноября 1910 года представить с делом в Правительствующий Сенат.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.126

30 января

Газета "Студенческая жизнь" публикует стихи И.Э. "Когда от ваших слов" и "Пускай не твердят ей с укором".

Январь

В петербургском "Всеобщем журнале" №2 - стихотворение И.Э. "В детстве любила она на кроватке".

20 февраля

Газета "Голос Сибири" публикует стихотворение И.Э. "У раскрашенной фресками арки".

Февраль

И.Э. знакомится в Париже с К.Д. Бальмонтом:

Я знал, что он живет в Париже, и, разумеется, послал ему свою первую книгу (...) Константин Дмитриевич жил на улице Пасси. У него часто бывали гости - русские парижане, и приехавшие из России, и французы. Он пригласил меня. В тот вечер я был единственным гостем. Жена Константина Дмитриевича, высокая, красивая женщина, меня приняла сердечно, я сразу перестал стесняться, забыл, что передо мной знаменитый поэт. Никуда я в гости не ходил, бывал только в кафе и у художников в нетопленных грязных мастерских, а здесь я попал в русский дом, теплый, светлый, меня напоили чаем; маленькая дочка Константина Дмитриевича, Ниника, шалила. Все было чудесно и обыденно. Все, кроме внешности хозяина: Бальмонт был необычен.

ЛГЖ, т.1, с.122-123

1911

- И.Э. путешествует по Италии (Генуя, Сан-Ремо, Пиза, Флоренция, Сан-Джиминьяно, Съена), пишет там стихи.

24 февраля (8 марта)

Из Сан-Ремо И.Э. посылает В.Я. Брюсову для "Русской мысли" стихотворения и поэму "Жюль де Ристо".

25 февраля

В московской газете "Утро России" - стихи И.Э. "Здесь со мною гуляла Нинетта" и "Солнце за горою тает".

26 февраля

По указу Его Императорского Величества Правительственный Сенат в судебном заседании слушал: частную жалобу Гирши Эренбурга на определение Московской Судебной Палатой от 16 ноября 1910 г.

Принимая во внимание, что определение Судебной палаты от 16 ноября 1910 г. по изложенным в нем основаниям, представляется правильным, Правительственный Сенат определяет: вышеозначенную жалобу оставить без последствий.

Обер-секретарь (подпись)

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.129

Конец февраля

Из Италии И.Э. переезжает во Францию - в Ментону, а затем в Ниццу.

12 (25) марта

В Ницце родилась дочь И.Э. и Е.О. Шмидт Ирина.

- В газете "Утро России" статья М.А. Волошина "Позы и трафареты"

Среди двадцати рецензий на первый сборник Эренбурга отметим статью М. Волошина, где все молодые поэты подразделялись на последователей Брюсова ("искусственность и холодно-формальный романтизм") и Бальмонта ("наивная и навязчивая откровенность"). Волошин писал, что все типичные черты брюсовской школы настолько сконцентрировано сосредоточены в стихах Гумилева, что остальные представители этой школы кажутся учениками ученика. Именно в этом смысле он называет Эренбурга "ослабленным Гумилевым".

Б. Фрезинский. "Переписка И.Г. Эренбурга с В.Я. Брюсовым". Брюсов и его корреспонденты. Лит. наследство, т.98, кн.2 (печат.)

- Опубликована статья В. Брюсова "Новые сборники стихов":

Обещает выработаться в хорошего поэта И. Эренбург, дебютирующий небольшой книжкой стихов, изданных в Париже. В его стихах сказывается не столько непосредственное дарование, сколько желание и умение работать. Появляясь в печати в первый раз, он уже обнаруживает настоящее мастерство стиха. Среди молодых, разве одному Гумилеву уступает он в умении построить строфу, извлечь эффект из рифмы, из сочетания звуков. В отличии от большинства начинающих, И. Эренбург не исключительно лирик, но охотно берется за полу-эпические темы, обрабатывая их в форме баллады (в этом отношении тоже напоминая Н. Гумилева). Пока И. Эренбурга тешат образы средневековья, культ католицизма, сочетание религиозности с чувственностью, но эти старые темы он пересказывает изящно и красиво. Строгость его манеры, обдуманность его эпитетов, отчетливость и ясность его изложения показывают, что у него есть все данные, чтобы в поэзии достигать поставленных себе целей. Но, вероятно, его стихам всегда останутся присущи два недостатка, которые портят и его первый сборник: холодность и манерность.

Русская мысль, М., 1911, N2, с.227-234

Я ждал, что скажут о моей книге поэты в России. Мать очень за меня волновалась: я не учился, не выбрал себе никакой серьезной профессии и вдруг начал писать стихи. Да и стихи странные: почему ее сын пишет о богоматери, о крестовых походах, о древних соборах? Но ей, разумеется, хотелось, чтобы кто-нибудь меня похвалил. Прочитав в "Русской мысли" статью Брюсова, она телеграммой сообщила мне об этом.

ЛГЖ, т.1, с.107-108

5 марта

В журнале "Сатирикон" №10 стихотворение И.Э. "Просьба о свидании".

14 марта

"Московская газета" начинает печатать цикл стихов И.Э. "Листки из альбома". Помещено стихотворение "На столик белую перчатку".

21 марта

В "Московской газете" - продолжение цикла "Листки из альбома" - стихотворение "Когда я устаю от солнечного света".

26 марта

В "Московской газете" из цикла "Листки из альбома" стихи И.Э. "Когда от ваших слов".

1911

30 марта

Иркутская газета “Голос Сибири” опубликовала первую статью И.Э. - рецензию на книги М. Кузмина “Сети” и “Куранты любви”.

Март

В журнале “Новая жизнь” стихи И.Э.“Простерши худые ладони" и “Печальны и убоги”.

Апрель

И.Э. возвращается в Париж и поселяется на улице Вожирар д.103.

В начале месяца

И.Э. получает письмо от В. Брюсова с отзывом о стихах, посланных из Италии. И.Э. отвечает В. Брюсову:

Будучи вполне согласным с Вами и мнением о моих стхах, находящихся в редакции “Русской мысли”, я рад, что не с ними я выступлю в Вашем журнале. Я посылаю Вам новые стихи, которые мне кажутся иными и по своей задаче и по технике.

“Брюсов и его корреспонденты”, кн.2 (печатается)

28 апреля

В журнале “Сатирикон” опубликовано стихотворение И.Э. “Мадригал”.

Май

В журнале “Аполлон” N5 очередные “Письма о русской поэзии” Н. Гумилева:

И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: выявить лик средневекового рыцаря, только случайно попавшего в нашу обстановку, изобразить католическую влюбленность в Деву Марию, быть утонченным, создать четкий, изобразительный стих. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных.

24 мая

Н. Гумилев пишет В. Брюсову:

Меня смутил только Ваш отзыв об Эренбурге. Сколько я его ни читал, я не нашел в нем ничего, кроме безграмотности и неприятного снобизма.

“Брюсов и его корреспонденты”, кн.2 (печатается)

1911

27 мая

В. Брюсов получает письмо И.Э. с новыми стихами

Май

И.Э. переезжает на бульвар Порт-Рояль, 39

2 июня

В иркутской газете "Сибирская мысль" стихотворение И.Э. "Женщина".

8 июня

"Сибирская жизнь" публикует стихотворение И.Э. "Он уехал. Ни стона".

20 июня

В. Брюсов пишет Н. Гумилеву:

Читал Ваше письмо о поэзии и в большинстве с Вашими отзывами согласен (...) В Эренбурга я поверил по его первым стихам. Продолжаю еще верить. Что у него много слабого - меня не смущает: у кого нет слабого в дебютах.

"Брюсов и его корреспонденты", кн.2 (печатается)

Июнь

В журнале "Свободным художествам" N7-8 стихотворение И.Э. "В белом балдахоне".

Июль

И.Э. знакомится в Париже с А.Н. Толстым:

Не помню, кто меня привел к Толстому, может быть, художник Досекин (...) Алексей Николаевич и его жена Софья Исааковна жили в пансионе на улице д'Ассас. Рядом с пансионом находилось кафе "Клозери де лиля", где я сидел весь день и писал. Я познакомил Толстого с различными достопримечательностями заведения: с "принцем поэтов" Полем Фором, с итальянскими футуристами, с норвежским художником Дириксом.

ЛГЖ, т.1, с.148

- В журнале "Свободным художествам" N9 первый рассказ И.Э. "В ноябре".

1911

Лето

И.Э. путешествует по Германии (Гамбург, Франкфурт, Мюнхен, Нюрнберг).

ЗК-1917

Начало августа

В Петербурге вышел второй сборник стихов И.Э. "Я живу".

8 (21) августа

И.Э. пишет В. Брюсову:

Я посылаю Вам свой новый сборник стихов. Если Вы и найдете в нем стихи более совершенные, то в этом я в значительной степени обязан Вам (...) Прилагаю несколько новых стихотворений.

(На конверте рукой Брюсова: взято стихотворение "Флоренция")

"Брюсов и его корреспонденты", кн.2

2 сентября

По указу Его Императорского Величества Московская Судебная палата по 3 Угол. Департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством Председателя Депортамента А.М. Ранга, в составе членов Палаты С.Е. Громова и Н.Л. Шкотт при товарище прокурора Палаты А.Ф. Микулине и при исполняющем должность секретаря К.Д. Жирове выслушав 1) Дело о ссыльнопоселенце из варшавских мещан Валентине Людвиговиче Неймарке, обвиняемом по 1 ч. 126 ст. Угол. Улож., и купеческом сыне Илье Гиршеве Эренбурге, обвиняемом по 1 ч. 102 ст. Уголовного Уложения и других, обвиняемых по 126 ст. того же Уложения и др. 2) Словесное заключение Товарища Прокурора Палаты и, принимая во внимание: 1. что Неймарк скрылся из места ссылки и разыскивается, согласно определению Судебной Палаты от 18 сентября 1910 г., через публикацию и 2. что Илья Эренбург проживает в Париже и не подчинился определению Судебной Палаты от 11 сентября 1910 г. об избрании места жительства в пределах округа Московской Судебной палаты и таким образом представляется уклоняющимся от суда, определяет: выделить дело о Валентине Неймарке и Илье Эренбурге в особое производство и рассмотреть дело по существу в отношении остальных подсудимых.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.146

30 сентября

Московская Судебная Палата в здании Судебных Установлений в 11 часов пополудни открыла публично судебное заседание по делу о Б. Осколкове, Н. Львовой, В. Соколове, К. Ивенсон и А. Яковлевой.

Там же, л.150

Сентябрь

И.Э. знакомится с М.А. Волошиным в мастерской Е.С. Кругликовой на улице Буассонад на Монпарнасе.

3 октября

В газете "Речь" статья С. Городецкого о книгах И.Э. "Стихи" и "Я живу":

Какая-то внимательная, сосредоточенная работа совершена автором. Муза его решительно сбросила с себя фальшивый, жеманный наряд.

20 октября

Московская Судебная Палата объявила приговор по делу об участниках социал-демократического союза средне-учебных заведений. Б. Осколков приговорен к 8 месяцам заключения с зачетом предварительного заключения, остальные - оправданы. Судебные издержки возложены на Б. Осколкова. Оглашено особое мнение председателя суда А.М. Ранга, убежденного в виновности всех подсудимых.

ЦГИА МО ф.131, оп.74, д.459, л.176-181

Октябрь

В журнале "Современный мир" N10 рецензия В. Волькенштейна на книгу И.Э. "Я живу":

Во втором сборнике стихов г. Эренбург отрешился от прежней манерности; его стих окреп.

- В журнале "Аполлон" N10 статья Н. Гумилева "Письма о русской поэзии":

И. Эренбург сделал большие успехи со времени выхода его первой книги. Теперь в стихах нет ни детского богохульства, ни дешевого эстетизма, которые, к сожалению, уже успели отравить некоторых начинающих поэтов. Из разряда подражателей он перешел в разряд учеников и даже иногда вступает на путь самостоятельного творчества. В его терцинах есть подлинное ощущение язычества, по земному милого и слегка чудесного. Он умело соединяет лирический подъем с историзмом тем и почти никогда не возвышает голоса до крика. Конечно, мы вправе требовать от него еще большей работы и прежде всего над языком - но главное уже сделано: он знает, что такое стихи.

11 ноября

Кузен И.Э. художник И.Л. Эренбург пишет из Парижа своей сестре Наталье:

Вчера Илья читал свой реферат: Последний трилистник (Гумилев, Кузмин и Черубина де Габриак). Народу было очень мало. Человек 20 и то все свои. Но можно только пожалеть тех, кто не пришел. Илья прочел нам даже не реферат, а художественное произведение. Красивое, яркое, не уступающее его лучшим стихотворениям. Когда слышишь такие красивые вещи - прощаешь ему его "сжигание кораблей" и преувеличения. Если ему это нужно было для того, чтобы развернуться - пусть. Не жалко.

Ксерокопия. АФ

20 ноября

В газете "Утро России" публикуется стихотворение И.Э. "Поля как будто нежилые".

Ноябрь

И.Э. снимает мастерскую в Париже на улице Кампань-Премьер д.9:

В маленькой мастерской, которую я я снимал на улице Кампань-Премьер, стоял матрас на ножках, другой мебели у меня не было. Не было и печки. Один шведский художник как-то выбил оконные стекла: рвался к небу. Поверх тонкого одеяла и худого пальто я клал газеты. Утром я забирался в кафе и там просиживал до вечера, читал, писал - кафе отапливали. Когда я проходил мимо ресторанов, меня мутило от запаха готовящейся пищи; порой по три-четыре дня я ничего не ел. Когда приходил чек из Москвы, я быстро проедал деньги с приятелями, которые тоже жили впроголодь.

ЛГЖ, т.1, с.112, 113

- Когда я впервые пришел к Эренбургу на Rue Campagne в этот хорошо знакомый дом, теперь превращенный в гараж, - он там занимал мастерскую. Меня встретили две дамы. Одна была Катя (Екатерина Оттовна) - его жена, другая - Мария Михайловна - в то время жена его кузена[1]. (...) Эренбург был неряшлив - с длинными прямыми патлами. "Человек, которым только что вымыли очень грязную мастерскую" - так я сформулировал тогда свое впечатление. Илья только что выпустил книгу "Я живу", которая обладала недостатками первой книги и мне не понравилась.

М. Волошин. "Воспоминания". Литературная учеба, 1988, N5, с.101

Осень

И.Э. знакомится с Верой Инбер:

В 1911 году я приехала с мужем в Париж. На левом берегу Сены, в Латинском квартале, находилась Тургеневская библиотека, которая в ту

---

1 И.Л. Эренбурга

пору обслуживала главным образом политэмигрантов. На одном из вечеров, устроенных в этой библиотеке, ко мне подвели молодого Эренбурга. Я много слышала о нем, но ничего его не читала.

Эренбургу было в ту пору лет 20-21. Запомнилась копна волос на его голове. Он был немного навеселе и читал мне: "Вы были слегка голубая", хотя смею заверить, что я была совсем не голубая. С той поры началось наше знакомство.

В. Инбер. "Страницы дней перебирая",
М., "Советский писатель", 1977, с.377

14 декабря

Художник И.Л. Эренбург пишет из Парижа своей сестре Наталье:

Илья все дальше уходит в своих взглядах. Вероятно не малую роль играет стремление к парадоксальности, чтобы epater[1] и слушателя и самого себя, найдет какую-нибудь глупость и сам радуется, что дико звучит. В этом отношении логика гонит его все дальше. Теперь он уже ценит искусство потому, что это религия. Спорить с с-д., которые для него воплощение земного прогресса и разума, для него невозможно (хотя он постоянно спорит и ругает их), потому что религия и искусство вне жизни, выше ее. Поэт и вообще дух совершенно отделен от земли и несвязан ни со своей бренной оболочкой тела, ни условиями среды, времени и пространства. Он прямо говорит, что ведь верующему нельзя спорить с атеистом и позитивистом, тот хочет знать, а этот верит. Он тоже верит и все остальное ерунда и потому все земные аргументы не действительны, т.к. они на другом языке говорят. Ох, раздражает меня этот свихнувшийся выродок, который воображает витать на небе и отказывается видеть, что сидит в помойной яме. Он постригся теперь. Но отпустил бороду, которая торчит у него как и голова.

Ксерокопия. АФ

29 декабря

И.Э. посылает В. Брюсову несколько стихотворений для "Русской мысли".

"Брюсов и его корреспонденты", кн.2.

1 Эпатировать (франц.)

1912 год

13 января

Газета "Утро России" публикует рассказ Анри де Ренье "Тайна графини Варвары", переведенный И. Эренбургом и его женой Е.О. Шмидт. Перевод перепечатали газета "Елисаветградские новости" и журнал "Прекрасное далеко".

- Я перевел для какого-то журнала рассказ Анри де Ренье; мне прислали десять рублей. Банк был уже закрыт. Нестерпимо хотелось есть. Мы пошли в маленький ресторан "Свидание извозчиков", напротив вокзала Монпарнас: он был открыт круглые сутки. Я позвал двух приятелей. названия блюд были написаны мелом на черной доске, и мы успели все испробовать - ведь нужно было досидеть до утра, когда я мог получить деньги в банке (приятели должны были остаться в ресторане как заложники). Мы давно уже поужинали, подремали, позавтракали, пообедали; в шесть утра мы начали вторично завтракать, считая, что наступил новый день. Это была чудесная ночь.

ЛГЖ, т.1, с.113

Январь

В Париже выходит книга стихов И.Э. "Одуванчики".

Весна

И.Э. с семьей живет в Пуатье. Отсюда, из "Hotel de la Gare" он пишет в Париж Е.А.Бальмонт, предложившей похлопотать за него в России, куда она отправлялась хлопотать разрешение К.Д. Бальмонту вернуться на родину. И.Э. сообщает Е.А. Бальмонт подробности своего заключения, следствия и решения Судебной Палаты.

Приписка к письму: Если Вам понадобятся другие сведения или что-нибудь сможете сообщить - мой адрес до 1 мая: Elie Ehrenbourg poste restante Poitievs".

ЦГАЛИ ф.57, оп.2, ед. хр. 12, л.2

Апрель

В журнале "Русская мысль" публикуется представленное В. Брюсовым стихотворение И.Э. "Перед Флоренцией".

- В журнале "Заветы" рецензия М.О. Цетлина (Амари) на "Одуванчики":

И. Эренбург захотел быть простым и наивным. Он начал с манерной книжки, с рыцарски-католического маскарада, прошел через напряженное и энергичное искание простоты в книге "Я живу" и решил сделать еще дальнейший шаг. Но как Бальмонт иногда при всей нарочитой вычурности гениально прост, почти простодушен, так И. Эренбург при всей нарочитой простоте - не может отделаться от налета манерности.

Весна - лето

И.Э. совершает поездку в Италию (Ницца, Бордигера, Флоренция, Болонья, Пистоя, Милан); после кратковременного возвращения в Париж - Рим, Тиволи, Виареджо, Пиза, Пистоя, Верона.

ЗК-1917

- Из Италии И.Э. направляется в Германию, в курортные города Францесбад и Эмс, где встречается с лечившейся там матерью. После кратковременного заезда в Париж, возвращается в Германию, в Баден-Баден.

5 июля

Газета "Киевская мысль" публикует стихотворение И.Э. "В Риме".

14 июля

В "Киевской мысли" статья Л. Войтоловского "Парнасские трофеи":

И. Эренбург как-будто приоткрыл ставни своей поэтической обители, и сквозь католический туман, которым он окружил себя, глянуло молодое, задумчивое, изящное, но все-таки холодное лицо.

Июль

Журнал "Русская мысль" помещает статью В. Брюсова "Сегодняшний день русской поэзии":

Г. Эренбург, вызвавший внимание к себе своим первым сборником стихов, не оправдал пока надежд двумя своими новыми книгами. Особенно неудачна вторая - "Я живу", крикливая и непродуманная. Третья, "Одуванчики", содержит немало милых стихов, определенно в пушкинском духе.

25 августа (6 сентября)

И.Э. запрашивает редакцию петербургского журнала "Современник", приняты ли к печати посланные им стихи.

ЦГАОР ф. 1167, оп.1, ед.хр.3197, л.3

1912

Сентябрь

И.Э. поселяется в Париже на Place de la Sorbonne 3bis
И.Э. работает над переводами стихов Франсиса Жамма.

24 сентября (6 октября)

И.Э. посылает В. Брюсову 8 стихотворений Ф. Жамма в своем переводе.

"Брюсов и его корреспондент", кн.2

Осень

И.Э. знакомится с Амедео Модильяни:

Познакомился я с Модильяни в 1912 году; он уже был старым парижанином. При одной из первых встреч он нарисовал мой портрет; все нашли его очень похожим.

ЛГЖ, т.1, с.167

- И.Э. осуществляет издание книги "Печальное вино" Веры Инбер, заболевшей туберкулезом и уехавшей лечиться в Давос:

В Давос приходили его письма. Он писал мне о том, что мое "Печальное вино" он запивал с русскими рабочими типографии веселым французским вином, чтобы те быстрее набирали мои стихи. Надо сказать, что редкий издатель относился с такой заботой к начинающему поэту, как Эренбург ко мне. Это он привлек к оформлению "Печального вина" такого же молодого в ту пору Осипа Цадкина, впоследствии известного скульптора. Стоя перед его замечательной скульптурой женщины с вырванным сердцем, символизирующей разоренный фашистами Роттердам, я вспоминала те далекие годы, свою молодость, молодых Цадкина, Шагала и Эренбурга.

В. Инбер. "Страницы дней перебирая".
М., Советский писатель, 1977, с.377.

- И.Э. знакомится с Тихоном Ивановичем Сорокиным:

Он чем-то напоминал мне Чехова, может быть, добротой, душевной стыдливостью, умением выслушать и понять. Среди его многих заслуг передо мной укажу, что он столько говорил мне о "Палате №6", о "Черном монахе", что заставил меня снова взять книги Чехова, которые я знал по годам отрочества. Благодаря Тихону Чехов с тех лет стал моим любимым писателем. Тихон раскрыл мне многое - образ Чаадаева, раннего Достоевского, романское искусство, скульптуру готики; он пробовал меня приобщить к философии Соловьева, Бердяева, Флоренского.

ЛГЖ, т.1, с.127

Декабрь

Петербургский журнал "Гиперборей" публикует два стихотворения И.Э. и рецензию О. Мандельштама на книгу И.Э. "Одуванчики":

1912

"Одуванчики" - третья книга Эренбурга. Острая парижская тоска растворяется в безнадежной "левитановской" влюбленности в русскую природу. Но скромная, серьезная быль г. Эренбурга гораздо лучше и пленительней его "сказок". Очень простыми средствами он достигает подчас высокого впечатления беспомощности и покинутости. Он пользуется своеобразным "тютчевским" приемом, вполне в духе русского стиха, облекая наиболее жалобные сетования в ритмически суровый ямб. Приятно читать книгу поэта, взволнованного своей судьбой, и осязать небольшие, но крепкие корни неслучайных лирических настроений. Эпитеты бледны, но обдуманы, неожиданности нет, но нет и скуки. Один из немногих г. Эренбург понял, что от поэзии не требуется исключительных переживаний. Тем ценнее общеобязательность лирического события. Однако, несколько застенчивое, несвободное отношение автора к явлениям своей душевной жизни передается читателю, между тем, как истинное поэтическое целомудрие делает ненужным стыдливое отношение к собственной душе.

В течение года

Е. Кругликова сделала в Париже карандашом портрет И.Э.

- Поездка в Италлию

(В "ЛГЖ" И.Э. ошибочно датирует это событие 1913 годом):

Мы решили - Тихон, Катя и я - поехать в Италию. Мы добрались до Ниццы и пошли вечером в казино (...) Недели две мы еще бедствовали; потом торжественно дали друг другу слово больше не подходить к казино. Катя послала телеграмму в Петербург - просила у родителей денег: заболела; получив деньги, мы уехали во Флоренцию (...) Мы прекрасно провели время в Италии, денег было очень мало, зато глаза получили пищи вдоволь.

ЛГЖ, т.1, с.128-129

- И.Э. знакомится с Леже, Шагалом и Архипенко

Я познакомился с Леже задолго до начала войны; он тогда еще жил в "Ля руш", рядом с Шагалом и Архипенко.

ЛГЖ, т.1, с.184

1913 год

Начало года

И.Э. переезжает в Париже в гостиницу “Ницца” (бульвар Монпарнас, 155). Несколько раз посылает свои стихи в журнал “Русское богатство”. Посещает поэта Франсиса Жамма:

Франсис Жамм разрешил мне приехать к нему; жил он в Ортезе, около испанской границы. У него была уютная борода и ласковый голос: он принял меня по-отечески, попросил почитать стихи по-русски, угостил домашней наливкой и посоветовал в Париже встретиться с начинающим талантливым писателем - его зовут Франсуа Мориак. Я ждал наставлений, а Жамм показал себя снисходительным, радушным.

ЛГЖ, т.1, с.109

- И.Э. сближается с русскими социал-демократами, постояльцами гостиницы “Ницца” Ю.О. Мартовым и П.Л. Лапинским.
- И.Э. знакомится с мексиканским художником Диего Риверой:

Я познакомился с Диего в начале 1913 года; он тогда начинал писать кубистические натюрморты (...) Он иногда писал портреты (...) Позировал Ривере и я. Он сказал, чтобы я читал или писал, но попросил сидеть в шляпе. Портрет кубистический, но все же с большим сходством.

ЛГЖ, т.1, с.196, 198

8 февраля

Г.Г. и А.Б. Эренбурги подают прошение о помиловании сына:

Ваше Императорское Величество Августейший Монарх Всемилостливейший Государь, просят курский купец Гирш Германович Эренбург и его жена Анна Борисовна, живущие в Москве, Остоженка, 7.

Всеподданнейшее прошение. В январе 1908 года против сына нашего Ильи Гиршева Эренбург было возбуждено вместе с другими лицами уголовное дело по обвинению его в принадлежности к московскому социал-демократическому союзу учащихся средне-учебных заведений с привлечением его к ответственности по 1 части 102 статьи и 1 части 126 статьи Уголовного Уложения. Мерой пресечения уклонения от суда по отношению нашего сына был избран залог в сумме 500 рублей. Шестимесячное заключение совершенно растроило слабое здоровье сына и в декабре месяце того же года с разрешения подлежащей власти полковника отдельного корпуса жандармов, производившего дознание по делу сына нашего, он уехал заграницу в виду слабости здоровья и необходи-

мости серьезного лечения. Осенью 1910 года Московская Судебная Палата, куда перешло означенное дело, потребовала в определенный срок возвращения сына из заграницы для вручения ему обвинительного акта. В указанный срок сын не мог возвратиться из Парижа, где в то время находился, так как был болен острым суставным ревматизмом, осложненным болезнью сердца, и должен был находиться в постели, что удостоверено пользовавшим его парижским врачом. Удостоверение врача о болезни сына засвидетельствованное соответствующими французскими властями и прошедшее через Русское Генеральное Консульство в Париже было представлено в Московскую Судебную Палату, но палата изменила меру пресечения и поставила взять сына под стражу тотчас по возвращении его в Россиию. Состояние же здоровья сына было настолько плохо, что тюремное заключение, которому он должен был немедленно подвергнуться по приезде в Россию, могло быть совершенно для него пагубным в виду начинавшегося туберкулезного процесса в легких и потому сын остался за границей и не явился и ко дню слушания дела. Дело разбиралось в Особом Присутствии Московской Судебной Палаты по 3 Департаменту с участием Сословных представителей 30 сентября 1911 года и из всех соучастников сына один только был приговорен к заключению в крепости на 8 месяцев с зачетом предварительного заключения, а остальные четверо оправданы. Мягкий приговор Особого Присутствия Московской Судебной Палаты свидетельствует о самом характере всего дела. Сыну нашему в момент возбуждения против него дела едва минуло 17 лет, в такой молодой, еще неустоявшийся возраст он легко мог подпасть под вредное влияние посторонних людей, сам еще не мог иметь определенных убеждений, сознавать с достаточной ясностью своих действий, а равно ответственности за них и в силу этого легко мог попасть под вредное постороннее влияние.

Теперь придя в возраст, он чужд всякой политики, главный интерес его сосредотачивается на изучении литературы и поэтов. Сын пишет стихи, которые принимаются в печать, в них выражается его тоска по родине и по своим. Сын наш глубоко раскаивается в своем заблуждении, надломившем его жизнь в самом начале и явившегося следствием его молодости и неопытности, полон стремления вернуться на родину и сделаться ее полезным членом и на деле доказать свое исправление.

В виду предстоящего юбилея 300-летия славного царствования Династии Романовых, всероссийского праздника для всех верноподданных, мы, несчастные родители, дерзаем повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшую просьбу и горячую мольбу о помиловании, прощении и возвратить нам единственного сына, надежду и опору в нашей старости.

Прошение сие составили и переписали сами просители Вашего Императорского Величества верноподданные Анна Борисовна Эренбург, курский купец Гирш Германович Эренбург.

ЦГАОР ф.124, 1913 г., оп.51, ед.хр.21, л.1-8

1913

16 марта

В.Г. Короленко пишет одному из редакторов "Русского богатства" А.Г. Горнфельду:

Посылаю Вам два стихотворения И. Эренбурга. Они были присланы на мое имя в "Русское богатство". Потом путешествовали ко мне с другими рукописями. Теперь идут опять к Вам. Как видите, я приделал общее заглавие. Может быть в таком виде - напечатаете. По-моему, очень хороши и ко времени первые строчки:

Значит, снова мечты о России
Лишь напрасно приснившийся сон.
Значит, снова - дороги чужие...
И по ним я идти обречен.

Конец как-то слабее. Но, может быть, характерно и это: на чужбине мечта не о каких-нибудь возвышенностях. Хоть бы опять побывать на Плющихе да на Девичьем Поле. Это было бы лучше - в марте. Но кажется, можно и в апреле. Некоторые недостатки стихов публика простит за трогательность темы.

В.Г. Короленко. Собрание сочинений. ГИХЛ, 1956, т.10, с.491

В.Г. Короленко сообщает И.Э. решение напечатать его стихи в апрельской книжке "Русского богатства". И.Э. пишет А.Г. Горнфельду:

Я бы очень просил редакцию выкинуть заглавие "Вздохи из чужбины" совершенно, дату же "март 1913. Париж" поставить после стихотворения, но не впереди: Надеюсь, что это не затруднит Вас. Во избежание каких-либо недоразумений считаю нужным предупредить Вас, что по получению редакционного ответа я выкинул эти два стихотворения из выходящего на днях сборника моих стихов, дабы редакция могла свободно располагать ими.

ГПБ. Отдел рукописей ф.884, N27

8 (21) апреля

Б. Терновец пишет из Парижа своим близким:

Был в Русской Академии, где были устроены прения по докладу Луначарского. Говорил поэт Эренбург, скульптор Жуков и другие, без громких фамилий.

Б.Н. Терновец. Письма, дневники, статьи,
М., Советский художник, 1977, с.68

Весна

И.Э. совершает поездку в Бельгию (Турне, Гент, Брюгге, Фюрн)

ЗК-1917

Я вспоминаю прилепившийся к скале Динан, его старую цитадель, извилистые коридоры улиц, его колокола и его пряники. Фюрн - обветренный морем с кокетливым дворцом испанских наместников, с прекрас-

ной беффруа. Диксмюд в зелени каналов, с ее кабачком 17 века "Попугай", где под номерами хранятся глиняные трубки завсегдатаев, с ее плавной и трогательной церковью.

И. Эренбург. "Каменная плоть"
Биржевые ведомости, 1916, 29 июля

28 апреля

Справка. Третье Уголовное Отделение. По докладу 28 апреля 1913 года господин Товарищ Министра Юстиции приказал: ходатайство Гирша и Анны Эренбургов оставить без последствий.

ЦГАОР ф.124, 1913 г., оп.51, ед.хр.21, л.4

Апрель

И.Э. встречается в Париже с А.Н.Толстым:

В Париже Толстой написал расказ "И на старуху бывает проруха", названный в последующих редакциях "Миссионер" (опубликован 12 мая 1913). В основу этого небольшого произведения лег действительный случай, рассказанный Толстому И.Г. Эренбургом.

Ю. Крестинский. "А.Н. Толстой. Жизнь и творчество".
АН СССР, 1960, с.91-92

- В Париже в типографии И. Рираховского выходит книга стихов И.Э. "Будни". Русская цензура запрещает ее распространение в России:

Воспетый автором на 20-й ненумерованной странице "Канализационный обоз" в значительной степени напоминает своеобразную музу г. Эренбурга, поскольку она проявляется в этом собрании его стихов. (...) Половина сборника, правда, в цензурном отношении возражений не вызывает, но изложенное выше вынуждает меня во всяком случае представить о книжке на усмотрение Комитета, тем более, что книжка идет не только для отдельных лиц, но и в торговлю: склад издания - как показано на обложке - должен быть в книжном магазине Вольфа. И.О. Цензора Генц.

(Резолюция): Запретить. Пред. Гр.А. Муравьев

Центр. Исторический Архив в Санкт-Петербурге ф.779, оп.4, ед.хр.324, л.39

- В Москве в "Товариществе А.А. Левенсона" выходит книга Франсиса Жамма "Стихи и проза" в переводе И. Эренбурга (стихи) и Е.О. Шмидт (проза).

- "Русское богатство" печатает два стихотворения И.Э. под общим заголовком "Вздохи из Чужбины".

- А.М. Горький через Тургеневскую библиотеку в Париже выписывает книгу И. Эренбурга "Будни" и сочинения Франсиса Жамма.

Летопись жизни и творчества А.М. Горького, вып.2
АН СССР, 1958, с.356

1913

11 мая

В "Киевской мысли" рецензии А.Ачкасова на книгу И.Э. "Будни":

Необычный предмет избрал г. Эренбург для своей музы: зловоние. Пафос его - миазмы, не только в переносном смысле, а и в самом прямом. Бодлер и Верлен первые стали касаться в поэзии этих некрасивых сторон земного существования, но делали это все-таки мимоходом, г-н же Эренбург из этой атмосферы положительно не выходит.

13 мая

В московской газете "Руль" статья В. Лобанова "Замалчиваемый поэт":

Как хорошо неожиданно в потоке стихов встретить подлинную поэзию. Мы говорим о новой книжке стихов И. Эренбурга, поэта, которому равно подвластны и экстаз рыцарства, и вычурность маркиза, и ужас современных городов (...) Мусорщики, публика баров, ночных кабачков, метрополитенов, - все это только лишний раз растравляет больное сердце, и Эренбург, не щадя никого, не замечая ничего, вскрывает весь этот ужас в выразительных стихах и заставляет пережить то же чувство и нас, его читателей.

- Петербургский "Новый журнал для всех" в N5 помещает рецензию Владимира Нарбута на переводы Ф. Жамма:

Переводы И. Эренбурга - почти безупречны. Намеренно-неполные формы прелестны.

21 мая

А.Б. и Г.Г. Эренбургам объявлено об отказе в их ходатайстве о помиловании сына.

ЦГАОР ф.124, 1913 г., оп.51, ед.хр.21, л.4

Лето

И.Э. работает гидом:

В летние месяцы я подрабатывал: показывал учителям Версаль. Нужно было в точности знать имена сотни скульпторов или художников, авторов больших полотен, вспомнить мифологию, объяснять аллегорическое значение различных фонтанов. В общем, это было не трудно. Куда труднее было присматривать за ватагой людей, впервые оказавшихся за границей (...) Работал я также с индивидуальными туристами; это было противно: почти все требовали, чтобы я по ночам водил их в притоны. Когда я отказывался, меня ругали дураком, ханжей, даже сыщиком, недодавали отработанного.

ЛГЖ, т.1, с.113

17 августа

А.Н. Толстой пишет ярославскому книгоиздателю К.Ф. Некрасову:

Хочу сосватать Вам очень хорошего поэта - Эренбурга, он выпустил три книжки, и последняя из них очень интересна, нова и примечательна. Сам Эренбург проживает постоянно в Париже (эмигрант), я его знаю и жду от него еще более интересного.

Переписка А.Н. Толстого, т.1, М., 1989, с.267

24 августа

В московской газете "Утро России" статья К.Д. Бальмонта "Молодой талант":

Из поэтов, со стихами которых мне пришлось сколько-нибудь ознакомиться, выгодно выделяются Эренбург и Марина Цветаева. Они очень родственны друг другу. У обоих есть поэтическая нежность, меткость стиха, интимность настроения. Но их голос малого размера и, когда они, не сознавая этого, пытаются быть сильными, они почти всегда впадают в кричащую резкость.

- В "Русской мысли" статья В. Брюсова "Новые течения в русской поэзии":

И. Эренбург, который года два назад дебютировал очень недурными стихами, целую книжку (И. Эренбург. "Будни". Стихи. Париж. 1913) посвятил таким вещам, о которых не только в поэзии, но и в обществе принято "не говорить". "Остатки грязных испражнений" - одно из самых обычных выражений этой книжки. Может быть, и доступно такие темы обратить в поэзию, но для этого надо быть поэтом-титаном, вроде Бодлера; стихи же И. Эренбурга только вызывают сожаление о молодом поэте, уклонившимся от своего пути.

Сентябрь

В.Г. Короленко в письме к А.Г. Горнфельду рекомендует напечатать в "Русской богатстве" стихи И.Э. "Осень" и "Вечером". А.Г. Горнфельд сообщает И.Э., что два его стихотворения приняты к публикации в журнале. И.Э. пишет Горнфельду:

Еще до отсылки в редакцию стихотворения "Осень" я заметил совпадение его последней строфы с вещью Тютчева. Но мне казалось, что уместность в данном случае образа души - раненой птицы, может до некоторой степени, конечно, искупить этот грех. Я посылаю Вам вариант стихотворения, написанный одновременно с находящимся у Вас. Быть может, Вы остановитесь на нем.

ГПБ, отдел рукописей, ф.211

Осень

Е.О. Шмидт уходит от И.Г. Эренбурга:

1913

Осенью Катя сказала мне, что решила выйти замуж за Тихона[1]. Я погоревал, поревновал, но примирился. У нас с Катей жизнь не клеилась, мы были людьми с разными характерами, но с одинаковым упрямством. Да и к Тихону я успел привязаться. Они взяли мою Ирину и жили в Пуатье. Я туда приехал на несколько дней, и Тихон мне долго объяснял красоту церкви святой Редегонды.

ЛГЖ, т.1, с.129

И.Э. совершает поездку во французские и бельгийские Арденны (Седан, Доан, Динан).

ЗК-1917

Осень 1913 года мне пришлось провести в маленькой деревне Д. в бельгийских Арденнах. Среди фабричной, дымящейся Валлонии эти места мало заселенные и лесистые - кажутся зеленым оазисом.

И. Эренбург. "Русские пленные в Бельгии". Биржевые ведомости, 1916, 19 августа

Ноябрь

"Русское богатство" публикует стихи И.Э. "Осенью" и "Вечером".

- И.Э. работает над книгой стихов "Детское", посещает эмигрантский литературно-художественный кружок:

Художники снимали большое ателье на бульваре Монпарнас в доме, известном под названием "Ла Рюш" (Улей) (...) Эту мастерскую прозвали "Русской академией", но кроме русских и поляков, в ней работали и другие художники: южноамериканцы, негры; было и несколько французов. Некоторые из тех художников и скульпторов, которых я застала в "Академии", стали потом очень знаменитыми - живописцы Давид Штеренберг и Натан Альтман, скульпторы Александр Архипенко, Осип Цадкин, Эрьзя; другие менее известны - Старкопф, Иннокентий Жуков (...) были и такие, кому судьба не позволила стать профессионалами (...) "Академия" была не только местом, где жили и работали художники и скульпторы. Здесь регулярно собирались молодые поэты, прозаики, критики. Каждую субботу по вечерам в большой мастерской на тот помост, где днем усаживали или ставили натурщика, водружали столик и два стула для председателя очередного вечера и выступающего автора. Из поэтов, живших или приезжавших в Париж, здесь читали свои стихи Вера Инбер, Мария Шкапская, Илья Эренбург, Оскар Лещинский, Михаил Герасимов, Марк Талов, Герман Данаев. Длинный, занявший несколько вечеров, роман о Сибири читал Ангарский, ставший после революции редактором альманаха "Недра"; с рассказами выступали незнакомые мне по партийной группе Ширяев и Шимкевич. А.В. Луначарский обычно приходил на эти субботы и иногда выступал на них. Помню также вы-

[1] Т.И. Сорокин

ступление в "Академии" литераторов Александра Кайранского, Виктора Финка (...)

Мария Михайловна Шкапская писала стихи и в один из наездов в Париж пришла в "Академию". Подойдя ко мне, сказала, что давно хочет познакомиться, знает мои стихи от Ильи Григорьевича Эребурга (...) В "Академии" я вновь встретилась с Ильей Эренбургом, которого потеряла из виду в последние годы. Эренбург в то время увлекался стихами Франсиса Жамма, не раз читал в "Академии" свои переводы из него.

Е. Полонская. Из книги "Встречи", Нева, 1987, N4, с.195-197

- Осенью группа художников "Русской академии" (Л. Гальперин, О. Лещинский, П. Чичанов) решила издавать художественный журнал "Гелиос" И.Э. стал редактром поэтического отдела журнала.

7 декабря

И.Э. получает письмо от В.Я. Брюсова с сообщением о самоубийстве поэтессы Надежды Львовой:

Я еще не был знаком с Валерием Яковлевичем, когда получил от него письмо, в котором он рассказал о своих переживаниях после самоубийства Нади. Меня не удивило, что она говорила Брюсову обо мне; но почему знаменитый поэт, к которому я относился, как к мэтру, вздумал объясняться со мной - это осталось для меня загадкой.

ЛГЖ, т.1, с.77

Декабрь

И.Э. работает над сборником переводов "Поэты Франции". Он обращается в письмах к В. Брюсову и М. Волошину с просьбой прислать библиографии их переводов из французской поэзии для справок, которые собирался поместить в антологии.

- И.Э. совершает поездку в Брюссель.

ЗК-1917

Конец декабря

В Париже вышел №1 журнала "Гелиос", в нем напечатаны статьи А. Луначарского "Отец художественной критики" (о Дидро), О. Лещинского "О футуризме", И.Э. "Заметки о русской поэзии"; стихи Лещинского и И.Э.; эссе Ин. Жукова и художника И.Л. Эренбурга, информация о выставке русской народной игрушки, организованной в Париже Н.Л. Эренбург; рецензии и реклама.

- Литературным критиком журнала был Илья Эренбург, давший ряд интересных заметок о современных писателях и напечатавший несколько своих стихотворений.

Временник общества друзей русской книги,
III. Париж, 1932, с.34

1913

27 декабря

Московская газета "Столичная молва" сообщает:

На днях в Париже вышел первый № (за ноябрь мес.) журнала "Гелиос" на русском языке. "Гелиос" издается по типу "Аполлона"; организован группой художников на основе "товарищеского сотрудничества". Группа эта окрестила себя громким названием "Русская академия" (...) Мрачное стихотворение И. Эренбурга "Гаснет день чахоточный и хилый", его же заметки о русской поэзии.

В 1913 году

В Москве вышел журнал "Хмель" №7-9 со стихами И.Э. "Растопыренные юбки" и "На картинах старых мастеров" и его статьей "Заметки о французской поэзии".

1914 год

Начало января

В "Русской академии" в Париже И.Э. читает стихи из своей книги "Детское".

М. Талов. Памяти друга. Рукопись. АЭ.

Январь

В Париже вышла книга стихов И.Э. "Детское". Автор рассылает ее русским поэтам В. Брюсову (12 янв.), А. Блоку (Библиотека А.А.Блока. Описание. Т.1,1984, N1029), М. Волошину (АФ), М. Цветаевой (на коктебельский адрес М. Волошина) и другим.

И.Э. пишет М. Волошину:

Я посылаю Вам последний сборник моих стихов (...) Бальмонты говорили, что в Коктебеле сейчас поэтесса Цветаева. Передайте, пожалуйста, ей мою книжицу.

ИРЛИ ф.562, оп.3, ед.хр.1338, л.1

(далее, при ссылках на письма И.Э. Волошину указывается лишь номера листов).

25 января

В газете "Киевская мысль" рецензия Л. Войтоловского на сборник И.Э. "Детское":

В ней есть аромат - в этой маленькой поэтической книжечке. Но аромат чужих французских листов. Всего больше, кажется, аромат из книг буколического французского поэта Франсиа Жамма, которому посвящен этот томик (...) Конечно, роль буколического пастушка, водящего на розовой ленточке свою козочку и угощаеющего ее леденцами и солью, - имеет в себе много заманчивого для мечтательного воображения г. Эренбурга, но не следует забывать, что со времен Валерия Брюсова коза пользуется очень щекотливой репутацией в русской литературе.

Январь

И.Э. пишет стихи - "В тихих прудах печали", посвященные Вере Инбер.

- В альманахе "Альциона" N1 Владислав Ходасевич в статье "Русская поэзия" отмечает книгу И.Э. "Одуванчики": "гораздо менее претензиозную, чем его предыдущие сборники".

1914

- И.Э. знакомится с французским поэтом Гийомом Аполлинером:

В начале 1914 года кто-то из художников подозвал меня к столику в темном углу "Ротонды": "Я тебя познакомлю с Аполлинером"... Легко догаться, как я волновался. Я ничего не мог выговорить, и даже не следил за беседой, а на Аполлинера глядел, видимо, с таким восхищением, что он, смеясь, сказал: "Я не красивая девушка, а мужчина средних лет".

ЛГЖ, т.1, с.163-164

- И.Э. знакомится с молодым русским эмигрантом поэтом М.В. Таловым.

М.В. Талов вспоминал: "Я познакомился с поэтом и художником Оскаром Лещинским и поселился в его студии. Стол Оскара был завален корректурными гранками второго номера журнала "Гелиос", а также книги стихов Оскара "Серебряный пепел". Кроме того, готовилась к печати книга П. Чичканова "О творчестве Ходлера", И. Эренбурга "Поэты Франции", книжка стихов Валентина Немирова "Вечерний сад" и, наконец, книга дебютировавшей тогда Веры Инбер - "Печальное вино". Все эти издания финансировал Валентин Немиров, прожигавший одно за другим "наследство всех своих родных". Здесь я впервые услышал имя Ильи Эренбурга, склонявшееся у Лещинских во всех падежах. Его стихи любили, но были им недовольны, потому что в качестве редактора стихотворной части журнала он широко пользовался своими правами".

ЛГЖ-К, т.1, с.577

- И.Э. пишет поэту и драматургу П.Н. Зайцеву:

Я много работаю последнее время над "Антологией" современных франзуских поэтов. Хотелось создать нечто подлинно лирическое и непохожее на официальные хрестоматии Брюсова. Вы, вероятно, видели в Москве парижский журнал "Гелиос" - так вот, там есть список поэтов, переведенных мною. К сожалению, мне кажется не удастся издать эту книгу, а Вам, следовательно, читать ее. В том же "Гелиосе" есть несколько моих заметок о французской и русской поэзии.

ЦГАЛИ ф.1610, оп.1, ед.хр.38, л.1-2

- Выходит второй номер журнала "Гелиос":

Второй номер русского художественного ежемесячника "Гелиос" посвящен главным образом "Осеннему салону". О нем - статьи Мерсеро, Вокселя, Чичканова, Эренбурга, Марселя Ленуара и др. Защищая свободу художественных исканий, "Гелиос" в большинстве своих статей отрицательно относится к бесплодной начертательной схоластике кубистов. Чувствуется, что неумное и крикливое шарлатанство утомило даже художественную молодежь "левого берега", всегда готовую приветствовать крайние направления в искусстве. В журнале несколько стихотворений, из которых нельзя не отметить "В Брюгге" И. Эренбурга и "Читая Гамсуна" Веры Инбер. Внешность журнала и репродукции вполне приличны.

Утро России, М., 1914, 1 февраля

1914

Как и "Сириус" //первый русский парижский журнал//, "Гелиос" не пережил своего второго, декабрского, номера. Внешне он производил более выгодное впечатление, чем его предшественник; по тогдашним условиям это было почти "роскошное" издание; объем тоже был солидный: в первом номере было 40 страниц, во втором -52.

Временник общества друзей русской книги, Ш Париж, 1932, с.35

25 января (8февраля)

И.Э. участвует в диспуте о пролетарской культуре, который открылся выступлением А.В. Луначарского:

В первый вечер 8 февраля Луначарский прочитал свой доклад и главные оппоненты - Алексинский, бывший член Второй Государственной Думы и Безработный - закончили свои содоклады. Дальнейшую дискуссию и заключительное слово докладчика перенесли на 15 февраля. Среди оппонентов следует отметить известного польского публициста-марксиста К. Залевского и писателя Эренбурга (...) Далее оппоненты утверждали, что теперь пролетариат не сможет создать ни одного таланта на ниве искусства. И если один-другой нашелся бы или находится, то буржуазия сразу же переманивает их на свою сторону. Подобные же мысли высказал и Эренбург, указав еще на то, что у рабочих недостает необходимого образования, чтобы стать видными художниками (...) Писатель Эренбург тоже в принципе признает пролетарскую культуру. Он говорит, что иной из стремления к искусству уходит из рядов пролетариата, но об этом не стоит жалеть, так как эти люди никогда не были истинными друзьями основного класса, но ушли бы и при другом более или менее удобном случае.

Из воспоминаний Р. Пельше

ЦГАЛИ ф.1204, оп.2, ед.хр.3179, л.22-23

Начало февраля

И.Э. читает стихи на квартире у К.Д. Бальмонта в Париже:

К Бальмонту меня привел Паоло Яшвили. Там, к нашему приходу, уже находился Илья Григорьевич. Нас усадили за особый "детский" продолговатый столик вместе с дочкой Бальмонта - Нииикой и ее двоюродной сестрой, тогда как визави, за длиннейшим ярко освещенным столом восседали Констатин Дмитриевич с Екатериной Андреевной Бальмонт и их гости. Это был стол для взрослых. В тот вечер присутствовали Биншток (переводчик), скульптор Виттих, кажется Балтрушайтис и другие литераторы, имен которых я уже не помню.

М. Талов. Памяти друга. (Рукопись.АЭ.)

Середина февраля

В Париже выходит антология И.Э. "Поэты Франции. 1871-1914".

1914

19 февраля

И.Э. посылает антологию "Поэты Франции" В. Брюсову и благодарит его за предоставленные для нее сведения о переводах.

21 февраля (6марта)

И.Э. пишет М. Волошину, благодарит его за сведения о переводах французских поэтов, сообщает, что выслал ему книгу Жамма и антологию "Поэты Франции"; просит прислать ему книгу М. Волошина "Лики творчества".

Л.3

"6 февраля

В московской газете "Новь" опубликована статья И.Э. "У Франсиса Жамма".

10 марта

В петербургской газете "Речь" поэт Сергей Городецкий рецензирует книги И.Э. "Детское" и "Поэты Франции":

И. Эренбург выпустил в Париже обширную антологию французских поэтов в своих переводах, с предисловием, критико-биографическими статьями и библиографией, русской и французской. Сюда вошли двадцать девять поэтов, от Стефана Малларме до Жана Дорсенюса. Некоторые, как Андре Спир, Маринетти, Гийом Аполлинер, появляются на русском языке впервые. Хотя у нас уже есть и антология, составленная Брюсовым, и "Книга масок", изданная "Грядущим днем", и еще кое-что, тем не менее антология И. Эренбурга не может не привлечь к себе широкого интереса. Она составлена по принципу личного пристрастия. А тайна перевода постигается именно при этом условии, и отнюдь не механически. Библиография к книге обстоятельна, критические портреты остры и содержательны. Издана книга прекрасно.

Весна

И.Э. встречается с приехавшим в Париж Ф.К. Сологубом:

Был объявлен литературный вечер. Сологуб долго рассказывал собравшимся, главным образом студентам, что Дульцинея отлична от Альдонсы. Он походил, скорее, на директора гимназии, нежели на поэта. Иногда в его глазах мелькала невеселая улыбка. Я понимал, что передо мной автор "Мелкого беса". Но откуда он брал музыку, простые, резавшие сердце слова, песни, роднившие его с Верленом? Стихи он читал своеобразно - как будто раскладывал слова по отделениям большого ящика (...) Сологуб в Париже меня любезно принял, выслушал мои стихи,

говорил о музыке, о тайне и снова о Дульцинее. Я тогда писал не о Дульцинее, но о мусорщиках, о грязи и смраде парижских улиц.

ЛГЖ, т.1, с.112

24 марта (5 апреля)

И.Э. пишет В. Брюсову и благодарит его за письмо; посылает Брюсову три стихотворения для "Русской мысли".

26 марта (7апреля)

И.Э. обращается в московское издательство "Лирика" (созданное одноименной поэтической группой - Н. Асеев, С. Бобров, Б. Пастернак):

Желая издать к осени сего года сборник стихов, я прошу Вас ответить мне, согласно ли будет издательство "Лирика" их напечатать и каковы условия его издательства. Сборник мой ("Ранние сумерки") должен объединить стихи за три года (12-14), именно часть стихотворений из сборника "Одуванчики", почти распродан (осталось 15 экз.), часть из "Будней", в Россию не пропущенных цензурой, "Детское", которое издано в очень маленьком количестве экземпляров и к осени будет тоже, несомненно, распродано, и около 60 новых стихотворений. Всего будет около 120 стихотворений, 4-5 печатных листов (больших). Книгу я хочу издать в 1000 экз. Издание "Лирика" мне очень нравится (я видел книгу "Часослов" Рильке и стихи Боброва).

Апрель

"Русская мысль" №4 помещает рецензию В. Брюсова на антологию "Поэты Франции":

И. Эренбург, бесспорно, талантливый поэт, на которого позволительно возлагать хорошие надежды. Тем печальнее, что его новая книга во многом нас не удовлетворяет (...) Книга могла бы представлять интерес для русского читателя, если бы переводы верно передавали индивидуальность отдельных поэтов. К сожалению, именно этого и нет в переводах г. Эренбурга: почти все они исполнены однообразным стихом (мы говорим не о размерах) и одним и тем же языком, словно все "поэты Франции" в течение полустолетия писали одинаково.

- И.Э. готовит издание журнала стихов "Вечера", финансировать который вызвался эмигрант из Ростова молодой поэт Валентин Немиров.

- И.Э. обращается к редактору петербургского поэтического журнала акмеистов "Гиперборей" с сообщением о готовящимся издании журнала "Вечера" и предложением сотрудничества.

Май

В начале месяца вышел из печати первый номер "Вечеров":

1914

В мае 1914 года выходит в Париже маленькая тетрадка в 24 страницы в белой обложке, на которой скромно значится: "Вечера", ежемесячник стихов. Простому внешнему виду журнала соответствовало ясное и без всякой претенциозности, в отличие от "Сириуса" и "Гелиоса", предисловие.

Временник общества друзей русской книги, Ш, Париж, 1932, с.35

В редакционном предисловии к №1 "Вечеров" И.Э. писал:

Потребность издания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание перербургского Цеха Поэтов "Гиперборей" отчасти заполнило этот пробел. Мы хотели бы объединить на страницах "Вечеров" поэтов, ищущих новых ритмов и новых достижений. Нам равно чужды как перепевы, так и словесная эквилибристика, прикрывающая убожество нашего "футуризма" (...)

В N1 были помещены стихи К. Волгина, В. Немирова, стихи из книги "Noli me tangere" И. Эренбурга, а также реклама "Гиперборея".

И.Э. приглашает участвовать в "Вечерах" Е. Полонскую:

После того, как я прочла в "Академии" свои стихи, Эренбург предложил мне дать их для "Вечеров". Так мои стихи попали в печать. Они вошли во второй выпуск "Вечеров", где были напечатаны также стихи Веры Инбер и Михаила Зенкевича.

Е. Полонская. "Встречи". Нева, 1987, N4, с.197

1 (14) мая

И.Э. пишет на бланке "Вечеров" поэту-акмеисту М.А. Зенкевичу, приглашает его прислать стихи для второго номера "Вечеров" и сообщает ему о посылке первого.

ГЛМ, ф.247, ор.6152

Середина мая

И.Э. благодарит в письме М.А. Зенкевича за присланнве стихи для второго номера "Вечеров".

20 мая

Томская газета "Сибирская жизнь" печатает большую статью своей парижской корреспондентки Т. Сапожниковой "Стихи И. Эренбурга".

Май-июнь

И.Э. пишет стихи "Часовня святой Розы", "Я сегодня вспомнил о смерти", "На холму уныньe и вереск", вошедшие впоследствии в книгу "Стихи о канунах".

21 мая (3июня)

И.Э. на бланке "Вечеров" пишет поэту Арсению Альвингу (А.А. Смирнову), приглашая его прислать стихи для второго номера журнала.

ЦГАЛИ ф.21, оп.1, ед.хр.43

3 (16) июня

И.Э. пишет А. Альвингу:

Большое спасибо за присланные стихи. Мы их печатаем во втором номере, который выйдет через дней десять. Кроме ваших, там будут еще стихи Зенкевича, Инбер и некоторых других. Как видите, даже по именам у нас нет какой-либо "программы", мы приглашаем всех, кого находим интересными. Ваши стихи меня очень обрадовали (...) Осенью выходит моя новая книга "Noli me tangere", я с ней связываю много. (...) Напишите мне как-нибудь, не заинтересует ли "Жатву" переводы мистерий Поля Клоделя. Я работаю над ними и хотел бы куда-нибудь пристроить их.

ЦГАЛИ ф.21, оп.1, ед.хр.43

Июнь

Вышел журнал "Современник" N13-15. В нем шесть новых стихотворений И.Э., а также рецензии Н. Венгрова на "Детское" и переводы Ф. Жамма, С. Астрова - на антологию "Поэты Франции" и С. Боброва на первый выпуск "Вечеров". С. Бобров писал:

В Париже существует маленький кружок русских поэтов. Это и удивительно, и странно, и трогательно (...) Ясно, что такого сорта колонизация не может благодетельно влиять на развитие искусства. Однако, парижские наши стихотворцы пищут и издают много. В Париже вышло несколько книг г. Эренбурга (одной из них так и не удалось перейти границу), сборники Веры Инбер, Валентина Немирова, Оскара Лещинского. Теперь этот маленький зарубежный кружок основал журнал стихов "Вечера". Задача хорошая и чрезвычайно трудная.

Конец июня

Вышел второй номер "Вечеров"; в него вошли стихи Арсения Альвинга, Елизаветы Бертрам (Е. Полонской), Мих. Герасимова, М. Зенкевича, Веры Инбер.

Лето

И.Э. знакомится с французской художницей Шанталь Кенневиль.

Июль - начало августа

И.Э. совершает поездку в Бельгию и Голландию (Лиль, Турне, Куртре, Ипр, Брюгге, Мидделбург, Роттердам, Амстердам).

1914

ЗК-1917

- Лето 1914 года началлсь для меня хорошо. Я написал несколько стихотворений, которые показались мне менее подражательными, чем прежние /я их включил потом в книгу “Стихи о канунах”//.../ Неожиданно я получил деньги из двух редакций и решил направиться в Голландию - ведь не запасаться же зимним пальто! Меня соблазняли и живопись Рембрандта, и описание своеобразного быта, и приветливые голландки в белых чепчиках, фотографии которых висели в “Бюро путешествий” (...) Голландия оказалась тихой и живописной (...) Я бродил вдоль каналов, мимо опрятных домов и думал о судьбе художника, не обращая внимания на прохожих.

ЛГЖ, т.1, с.170-171

Куртре! Я был в нем за месяц до начала войны. Вспоминаю пространную веселую площадь. В середине ее башня Беффруа, вся овитая плющем (...) Во дворе много маленьких белых домиков (...) Каким далеким от всякой суеты мнился этот монастырь в летний июльский жаркий день.

Биржевые ведомости, 1916, 29 апреля

1 августа

Был жаркий день, я шел как всегда, по улицам Амстердама, не вглядываясь в лица прохожих; внезапно что-то меня озадачило; все взволнованно читали газеты, говорили громче обычного, толпились возле табачных лавок, где были вывешены последние известия. Что приключилось? Я попытался понять сообщения; повсюду повторялось одно слово “oorlog”[1] - оно не походило ни на немецкие, ни на французские слова. Сначала я решил вернуться в гостиницу и почитать Декарта, но мною овладело беспокойство. Я купил французскую газету и обомлел; я давно не читал газет и не знал, что происходит в мире. “Матэн” сообщала, что Австро-Венгрия объявила войну Сербии, Франция и Россия собираются сегодня объявить о всеобщей мобилизации. Англия молчит. Мне показалось, что все рушится - и беленькие уютные домики, и мельницы, и биржа.

Я попробовал обменять русские деньги - у меня было двадцать рублей; но в банках отвечали, что со вчерашнего дня меняют только золотые монеты. На гостиницу денег не хватило, я оставил там вещи и побежал на вокзал.

В ночь на второе августа я добрался до последней бельгийской станции - во Францию поезда больше не шли. Бельгийцы отвечали, что их страна при любых условиях останется нейтральной (немцы вторглись в Бельгию на следующий день). Нужно было перейти пешком границу. Светало. Мы шли между золотых тяжелых колосьев, потом был зеленый

---

1 война (голландск.)

луг, пели жаворонки. Мои попутчики молчали. По пустой дороге прошло стадо, звенели бубенцы коров. Наконец вдали показался человек - это был французский часовой; он зачем-то выстрелил в воздух, и среди тишины сельского утра выстрел меня потряс; я вдруг понял, что моя жизнь раскололась на две части. Какие-то солдаты нестройно затянули "Марсельезу". Навстречу шли немцы и немки, с ребятишками, с тяжелыми узлами - они пробивались в Германию. Часовой как-то неопределенно - не то осуждающе, не то беспечно - сказал: "Вот и война!"

ЛГЖ, т.1 с.172

Осень

Мобилизация в Париже. Многие друзья И.Э. уходят на фронт. Русские эмигранты записываются добровольцами в Иностранный легион:

Я встретил художника Леже, он сказал, что его призвали, направят в саперный полк, завтра уезжает (...) Ко мне пришел мой друг Тихон Иванович Сорокин с последними новостями: завтра во Дворце инвалидов начинается запись иностранных добровольцев. Он пойдет с утра (...) Я сказал Тихону: "Я тоже пойду" (...) Я был в хвосте и дошел до стола, где сидел усатый майор, только под вечер. Военный врач мрачно на меня посмотрел, приставил к сердцу трубку и крикнул: "Следующий!" Я думал, что мне сейчас выдадут красные штаны, но сержант меня обругал: "Ты что..., по-французски не понимаешь?" Оказалось, что меня забраковали.

ЛГЖ, т.1, с.175

- И.Э. общается с русскими социалистами Ю.О. Мартовым, П.Л. Лапинским, В.А. Антоновым-Овсеенко, С.А. Лозовским.

Декабрь

И.Э. пишет стихи: "О соборе Реймса", "До конца", "В саду", "Добрый пастырь", "России", "Если б сегодня пророк пришел", "Атаки отбиты".

1915 год

Январь

И.Э. узнает от художника М. Широкова о приезде в Париж М.А. Волошина и пишет поэту:

- Очень рад был бы Вас повидать (...) Напишите мне пару слов, когда Вас можно застать, или, если это Вам удобнее, когда будете в каком-нибудь cafe.

л.4

- Второй раз мы встретились с Ильей Эренбургом во время войны. В январе 15 года я приехал в Париж прямо из Базена (...) В первый же вечер я пошел искать Илью Эренберга в "Ротонду" - но его там не было: он изменил привычкам - я нашел его в Cafe du Dome. Мы много говорили и в разговоре о войне очень друг друга понимали. Началось наше сближение (...) Материальное положение Ильи Эренбурга было ужасно. Он ходил, чтобы подработать ночным носильщиком на Gare Montparnasse и возил вагонетки до рассвета. При его слабосильности и болезненности - меня это приводило в ужас: я уговорил Цетлина М.О. издать его "Книгу о канунах" в том маленьком издательстве, которое они затевали в Москве, "Зерна" (...) И еще - переводы из Ф. Вийона и Шарля Пеги.

М. Волошин. Воспоминания. Литературная учеба, 1988, N5, с.1о1-102

- М.А. Волошин знакомит И.Э. с Б.В. Савинковым:

Никогда дотоле я не встречал такого непонятного и страшного человека. В его лице удивляли монгольские скулы и глаза, то печальные, то жесткие, он их часто закрывал, а веки у него были тяжелыми и левыми. Он стал приходить в "Ротонду"; пил виноградную водку "мар"; одет был, в отличие от других "ротондовцев", корректно, выглядел средним французским буржуа; не снимал с головы котелка(...) Слушал я его в первый раз, можно было подумать, что он остался боевиком-террористом, завтра вырядится извозчиком и начнет выслеживать царского сановника. На самом деле Савинков ни во что больше не верил. Как-то он сказал мне, что его сломило дело Азефа.

ЛГЖ, т.1, с.193-194

5 февраля

В Париже М. Волошин пишет стихи "В эти дни великих шумов ратных", посвященные И.Э.

1915

Февраль

И.Э. пишет стихи, составившие цикл "Ручные тени", многие из которых впоследствии вошли в "Стихи о канунах", в том числе посвященные Е.О. Шмидт, М.А. Волошину, В.М. Инбер, О. Цадкину, Марии и Валентину Немировым, Т.И. Сорокину, Б.В. Савинкову, а также стихотворную "Повесть о странствиях блудной души", с посвящением М.А. Волошину.

Апрель

И.Э. продолжает работать над циклом "Ручные тени", пишет стихи, посвященные Модиильни, Бальмонту, художнице М. Воробьевой-Стебельской (Маревне).

До 1 (14) мая

И.Э. пишет в редакцию петроградского журнала "Современник":

Посылаю несколько стихотворений для Вашего журнала. Будьте добры ответить, подошли ли они. Так же очень прошу Вас выслать мне гонорар за стихи, напечатанные в ноябрской книжке "Современника". Деньги будьте любезны выслать на мой счет банковским чеком.

Далее, если Вам показался неподходящим перевод рассказа Мореаса "Две жены рыцаря Элидюка", вышлите мне, пожалуйста, рукопись, т.к. у меня не осталось копии.

Уважающий Вас

И. Эренбург

M Ehrenbourg 155 Bd Montparnasse Paris

На письме редакционная помета:

"М.б. написать ему, чтобы еще прислал переводы Мореаса, т.к. одну нежелательно помещать? Или просто вернуть?"

Наверху карандашом: "Вернуть"

ЦГАОР ф.1167, оп.1, ед.хр.3197, л.6

1 (14) мая

И.Э. пишет в редакцию петроградского журнала "Современник":

Будьте добры ответить, получили ли Вы посланные Вам стихи и подошли ли они. Если нет, то очень прошу рукопись мне возратить. Так же верните, пожалуйста, перевод рассказа Мореаса "Две жены рыцаря Элидюка", в случае, если Вы его не собираетесь печатать.

На письме редакционная помета: "Рукопись и стихи посланы".

ЦГАОР ф.1167, оп.1, ед.хр.3179, л.5

1915

Май

И.Э. пишет стихи: "После смерти Шарля Пеги", "Слышишь, как воет волчиха" с посвящением М. Моравской, "В августе 1914" и "На войну".

Июнь

И.Э. постоянно проводит время в Париже в обществе Волошина, Маревны, Савинкова и Диего Риверы:

По вечерам мы всегда встречались с Эренбургом и иногда просиживали в маленьком кафе у gare Montparnasse до рассвета, читая стихи (...) В этот период Илья писал книгу о "Канунах". Это был ряд набросков и настроений первого года войны, со всей чудовищностью и ложью, которая тогда уже начинала кристализоваться в атмосфере и личностях. Отсюда этот ряд странных образов, которыми обновили стихи модернисты - французские поэты Аполлинер, Макс Жакоб и другие. К ним непосредственно примыкал и Илья Эренбург.

М. Волошин. "Воспоминания".
Литературная учеба, 1988, N5 с.107 -

И.Э. пишет посвященные Маревне стихи "В кафе", и последнее стихотворение из цикла "Ручные тени", посвященные самому себе.

- И.Э. уезжает из Парижа в деревушку Эз под Ниццей и поселяется на вилле Ninos у Е.О. и Т.И. Сорокиных:

Летом Катя позвала меня отдохнуть на юг Франции в Эз, где она жила со своим мужем Т.И. Сорокиным и моей дочкой Ириной. Тихон Иванович вернулся с фронта инвалидом; он читал Владимира Соловьева и был печален. Я старался быть полезным хотя бы в хозяйстве, научился варить макароны.

ЛГЖ, т.1, с.193

- Eze - деревушка на горе под Ниццей (в Ниццу оттуда ходил трамвай). Двухэтажный дом. В нем коммуной жили человек десять. Взрослые не входили в мой мир, помню их слабо. Запомнилась Маревна - суматошная, всегда в ярких одеждах. Кормилица-итальянка, ее муж-пьянница, дочь Пьерина - моя молочная сестра. И, конечно, собаки... Маму помню смутно (...) Тихон Иванович говорил: "Зеленый виноград есть нельзя, потому что заболеешь и тебе разрежут живот" (...) Хозяйством все занимались по очереди. Эренбург в его день варил макароны и забыл про них. Плита стояла наверху лестницы и макароны побежали вниз по ступенькам.

Записи бесед с И.И. Эренбург (1976-1987; АФ)

- И.Э. пишет Волошину. Сообщает о встрече в Ницце со скульптором Архипенко и передает привет Савинкову. Шлет свои стихи "Молитва за Россию", "Воронье пугало", "На холму" и "Девье слово".

л.8

1915

13 (26) июня

И.Э. пишет писателю Е.Г. Лундбергу в редакцию петроградского журнала "Современник", запрашивая о судьбе посланных им стихотворений. На письме пометка от 10 июля о возвращении рукописи в Москву (сестре И.Э. Изабелле Григорьевне Эренбург)

ЦГАОР ф.1167, оп.1, ед.хр.3197, л.2

6 (19) июля

И.Э. пишет М.А. Волошину, гостящему с Маревной у Цетлиных в Биаррице:

Я уже сильно тоскую о Париже и жду конца августа, когда выберусь отсюда (...) Пришлите стихи и пишите.

л.13

29 июля (11 августа)

И.Э. пишет М.А. Волошину в Биарриц:

Когда думаете приехать в Париж? Я буду там в первых числах сентября. Вот только с деньгами у меня плохо. За 100 рублей две недели назад платили 170 fr. Теперь, верно, еще меньше (...)

Перевел только еще ряд баллад Вийона, вместе получилось около 25 - целая книжка.

л.6

Август

И.Э. общается в Ницце с Б.В. Савинковым

10 (23) августа

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Я собираюсь в первых числах сентября в Париж. Поэтому здесь какое-то неопределенное состояние (...) Хорошо только стало купание в осеннем море (...) Борис Викторович все еще в Ницце, звал меня туда, но до сих пор не собрался я. Как-то нет настроения говорить с ним (...) Когда думаете быть в Париже? Очень соскучился и рад буду с Вами даже всю ночь побродить.

л.12

18 августа (1 сентября)

И.Э. получает письмо и стихи М.А. Волошина и отвечает ему:

Большое спасибо за стихи. Они мне очень близки и дороги (...) Я со дня на день жду денег, а ежели получу достаточную сумму, укачу в

Париж (...) Я перевел здесь фаблио 13 века "О трех рыцарях и рубахе". Отдохнул от себя на нем.

л.16

1 (14) сентября

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Завтра еду, наконец, в Париж. Все время пребываю в исключительно мерзком состоянии. Во-первых, хвораю (все сердце болит), далее, сижу без денег и без надежды на оные.

л.7

2 (15) сентября

И.Э. приезжает в Париж.

4 (17) сентября

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Вот я и в "Ротонде" (...) Вчера видел Бориса Викторовича - я уже писал Вам как-то, что мне теперь трудно с ним. Я сейчас (да, пожалуй, и всегда) слишком неуверен и истомлен, чтобы обращаться с людьми выражено противолположными себе. От него мне не только жутко, но и неприлично, а противопоставлять себя не хочется - не то лень, не то сил нет. Вчера говорили с ним о происходящем теперь в России, и на войне и внутри ея. Все это мучительно и очень страшно, но по иному, чем ему мучительно. Он из породы врачей, а я - Вы, миллионы других - мы те близкие, которые то с надеждой, то с ужасом, и в конце концов с каким-то отвращением слушают "будете давать - принимать перед обедом столько-то".

Перед отъездом Тихон, Катерина Оттовна, Иринка и я отправились в горы на несколько дней. Было хорошо, пахло габром и мятой, напоминало мне плоскогорье Чатердага. Но нас нигде не хотели пустить ночевать, даже ребенка, и под конец нам пришлось нести Иринку 10 километров на руках. Чуть не пали. Я не знаю, любите ли Вы Герцена - помните его статьи о Belle France - я их часто вспоминаю. Я не люблю теперешней Франции (...) И Париж на этот раз особенно ясно мне показался пустым островом - он вне Франции и он больше мой, Ваш, Маревны, Риверы, Модильяни, чем всех этих комми от Кайо до Мерсеро. Тошно от них.

л.22

5-6 (18-19) сентября

И.Э. получает от М.А. Волошина письмо и пишет ему:

Наконец-то получил Ваше письмо. То, о чем Вы пишите, мне понятно и очень близко (...) Вот вчера мы просидели всю ночь у Бориса Викторовича. Сначала он говорил о boche'ах и о своей ненависти, потом читал

статьи - и ругался - а заполночь его лицо вдруг показалось безмерно старым, и сломленным голосом он заговорил о скуке. "Смерть мне уже не только не страшна, но и не важна, недостойна уважения" - и стал дьявол l'Ennuie - великая скука (...) Умер Гурмон (...) Я просматривал на днях книгу его заметок о войне. Как он заботился "в дни грозы" (так называется книга) о филологии. Но жалко, что с ним умирает старая Франция. Дилевский играет ночи напролет в карты и вообще остолбенел навек. Цадкин жизнерадостен, что еще ужаснее! А вокруг Маревны (а, следовательно, вокруг моего столика) толпа сальных негодяев всех наций (...) Катерина Оттовна и Тихон остались в Eze - наверное на всю зиму.

л.18

14 (27) сентября

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Отчего Вы молчите. Я посылаю Вам отсюда уже третье письмо. С Маревной очень тяжело. Она разнервничалась до крайности. Никто не может с ней общаться (...) Я прочел статью Бориса Викторовича, которую Вы прислали. Это очень дурно, первая половина о том, что думал художник, когда его убивали - просто пошлость, вторая - о рабочих Марселя и Лиона и о Belle France глупость (...) Так писать вообще нельзя, а теперь как-то стыдно даже (...) Я томлюсь. Ко всему безденежье и бесплодные поиски заработка. Книгу, кажется, издать не удастся, и это тоже печалит.

л.26

21 сентября (3 октября)

И.Э. пишет М.А. Волошину в Биарриц:

Вы спрашиваете о Ротонде. В ней скучно и достаточно мерзко (...) Мне очень тяжело с Маревной (...) Бориса Викторовича я, наоборот, только теперь полюбил. Если с ним спорю, то только от несдержанности. Я с наших зимних бесед ночью ни с кем не говорил о своем внутреннем, поэтому часто забываю ангела благого молчания и прорываюсь в пустяках. Сам я знаю, что Борис Викторович выше того, что обыкновенно говорит.

л.20

27 сентября (9 октября)

И.Э. пишет М.А. Волошину в Биарриц:

Сегодня днем отчаявшись послал Вам телеграмму с просьбой прислать 25 рублей. Дело в том, что я уже бесконечно долго не получаю денег из дому (...) Читаю книгу о хасидизме, жития святых. Вчера читал, чтобы отдохнуть чуть, "Дворянское гнездо". Вспомнились гимназические времена.

л.21

1915

30 сентября (12 октября)

И.Э. посылает В.Я. Брюсову шесть стихотвоорений из "Стихов о канунах" для "Русской мысли".

Брюсов и его корреспонденты. Кн.2

Начало октября

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Сегодня получил Ваше письмо из Eze'a. С Парижем я освоился, но жить здесь не очень легко. Вести из России были ошеломляющие и перед ними душа - шатка (...) В Ваших последних стихах о войне слишком много непозволительного холода (...) На днях прочел в "Северных записках" стихи Цветаевой новые - они очень хороши. Она бесконечно повзрослела. Где она теперь? Имели ли вести от нее? (...) С книгой все неопределенно. Ищу работы, пока безуспешно.

л.25

до 14 октября

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Посылаю Вам стихи, что написал неделю тому назад. На днях вычитал в жизнеописании основателя хасидизма раби Бешта кое-что о своих стихах.

л.28

Ноябрь

И.Э. пишет стихи "Пугачья кровь" и цикл стихов "Прости меня".

- И.Э. посылает В.Г. Короленко в "Русское богатство" свое стихотворение "Пугачья кровь". Короленко записывает в УI редакторской книге:

Все, это изложено не стихами, а каким-то модернинстским (...) слишком натуралистично, без одушевления. Скучно.

ГЛМ, ф.125, оп.1, N 8, оф.7818

- И.Э. пишет серию статей для московской газеты "Утро России":

Русские газеты во время войны приходили в Париж с опозданием, сразу по десяти номеров. Мне высылали "Утро России". Я получил как-то пачку газет; прочитал сначала о русских делах; потом увидел статью о Париже "от нашего собственного корреспондента". Прочитал и рассердился: автор статьи не знает, что военная форма теперь другая; Клемансо в газете "Эвр" не пишет; кафе, которое журналист красочно описывает, давно закрылось. Почему они говорят о "собственном корреспенденте"? Ведь это написано в Москве! (Я был наивен и не знал, как делают газету).

Я пошел в "Ротонду", попросил бумаги и начал описывать парижскую жизнь. Несколько дней подряд, вместо того, чтобы спать, я писал (Я продолжал ночью возить ручные тележки на товарной станции). Оказа-

лось, написать статью не так просто; то и дело я сбивался на дурную поэтичность; выходило длинно, сентиментально, да и глуповато. Я начал вычеркивать - получилось сухо. Я написал все заново. Кажется, неделю я строчил. Наконец мне показалось, что мой очерк не хуже тех, которые печатали в газетах, и я отправил его с вежливым письмом в "Утро России".

ЛГЖ, т.1, с.187

18 ноября

"Утро России" печатает первую корреспонденцию И.Э. "День всех усопших".

Декабрь

И.Э. навещает в Эзе Е.О. Шмидт и дочь Ирину. Из Ниццы отправляет в редакцию "Утро России" корреспонденцию "На Ривьере". Посещает Марсель.

16 (29) декабря

В парижской "Opera" спектакль русского балета в пользу английского "Красного креста"; И.Э. пишет об этом корреспонденцию в "Утро России".

1916 год

Январь

В газете "Утро России" девять корреспонденций И.Э.

12-16 (25-29) января

И.Э. пишет поэму "Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей".

Февраль-март

И.Э. общается в Париже с М. Волошиным, Б. Савинковым, Диего Риверой и Маревной. Диего Ривера работает над иллюстрациями к "Повести о жизни некой Наденьки". Тогда же им был выполнен большеформатный экслибрис для И.Э.

Март

Поездка И.Э. в Лион и Тулон. Последние две корреспонденции И.Э. в газете "Утро России".

- Илья Эренбург, писавший из Парижа в "Утро России", так потрясал, волновал, трогал, что если б теперь, - конечно, много, много лет спустя, - поднести ему этот и по сей день неувядаемый букет его военных корреспонденций, то он, хотя и лауреат, а просто бы ахнул от ужаса".

Д. Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк,
Изд-во им. Чехова, 1954 с.162

7 апреля

М. Волошин уезжает из Парижа, прекращая свои корреспондентские обязанности в петроградской газете "Биржевые ведомости". Приехав в Петроград, Волошин пишет редактору этой газеты М.М. Гаккебушу:

Так как теперь "Биржевые ведомости" остались без постоянного осведомителя из Франции, то позвольте мне рекомендовать Вам как такового поэта Илью Григорьевича Эренбурга, которого Вы, конечно, знаете по имени, по его книгам и переводам старых и новых французских поэтов. Он прекрасно знает Францию и может быть очень интересен для газеты.

ИРЛИ ф.549, N 82, л.2

1916

Апрель

В Москве в издательстве “Зерна” вышла книга И.Э. “Стихи о канунах” и сборник избранных стихов Ф. Вийона в переводах И. Эренбурга. В Париже вышло сто нумерованных экземпляров литографированного издания “Повести о жизни некой Наденьки” И.Э. (Текст написан от руки автором, 6 иллюстраций в тексте и портрет автора - работы Д. Риверы).

- И.Э. рассылает книги писателям в Россию: “Стихи о канунах” - А. Блоку ("С большой радостью дарю Вам эту книгу. И. Эренбург". - “Библиотека А.А. Блока. Описание”. Л., 1984, N 1031); А.М. Ремизову ("Ремизов - ближе Вы многих иных, радуясь, шлю Вам эту книжку Эренбург 1916". - “Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана”, N 2579); В.Я. Брюсову ("Валерию Яковлевичу Брюсову И. Эренбург. 1916" - ГБЛ ф.386, книги N 1508).

Переводы из Ф. Вийона - А.А. Блоку ("Александру Блоку И. Эренбург 1916" “Библиотека А.А. Блока. Описание”. Л., 1984, N 238); О.Э. Мандельштаму ("Поэту Мандельштаму И. Эренбург 1916" - “Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана”, N 2629).

“Повесть о жизни некой Наденьки” - А.А. Блоку ("Александру Блоку Эренбург"; получено 8 июня 1916 г. “Библиотека А.А. Блока”, N 1030); А.А. Ахматовой (ЦГАЛИ, фонд Ахматовой. Экземпляр N 26).

18 апреля

В “Биржевых ведомостях” за подписью М.С. рецензия на переводы И.Э. из Вийона.

25 апреля

В “Биржевых ведомостях” первая корреспонденция И.Э. “Не у себя”.

- В петербургской газете “Речь” статья Ю. Айхенвальда о новых книгах Эренбурга:

Как будто Эренбург принципиально хочет быть безобразным; но и преднамеренное безобразие не становится красотой, - а без красоты, на старомодный взгляд, нет искусства. “Стихи о канунах”, вдобавок не по вине автора испещрены густой вуалью точек, на каждом шагу зияют пропусками, похожи на решето, - и от этого, как и от упомянутого футуристического облика “Повести о Наденьке”, впечатление тягостной бессмыслицы только усиливается.

Апрель

И.Э. едет в Лион, Марсель, Ниццу и Геную, посылает оттуда корреспонденции в “Биржевые ведомости”.

- Из Ниццы мне захотелось проехать в Геную, чтобы увидеть хоть уголок воюющей Италии. В обычное время путь до Генуи короток и

прост, но теперь границы стали какими-то реальными каменными стенами (...) Со мною из Ниццы выехала партия только что призванных запасных. Мы садимся в итальянский вагон и сразу становится особенно уютно.

Приезжаем с необычным даже в Италии в военное время опозданием в Геную. На вокзале полно солдат.

Биржевые ведомости, 1916, 16 мая

Май

И.Э. живет в Эзе.

- Поездка И.Э. в Марсель, откуда он посылает в "Биржевые ведомости" очерк "По госпиталям Франции".

- В Париже выходит литографированное издание "Баллады о трех рыцарях и рубахе" де Безье в переводе И.Э. с гравюрами Ивана Лебедева.

25 мая (7 июня)

И.Э. пишет М.А. Волошину в Коктебль:

От сестры[1] узнал, что ты уехал к себе (...) от сестры ты узнаешь о финансовых событиях моего бытия (между прочим, спасибо за "Биржевку"). Живу в Эзе и уезжать не собираюсь. Для мучительства мы выписали сюда сообща Маревну (...) Работал много над переводом с испанского, перевел очень славные вещи 13 и 14 века. Сам стихов совсем не писал, но часто думал о них. Хочу писать полубытовой роман на слова Давидовы "Вечером Он шлет плач, а утром торжества". Роман в стихах (...) Книги твоей я еще не видел, но, наверное, получу на днях от Михаила Осиповича[2] Читал статью Айхенвальда. Очень раздражен он (...) Борис Викторович в Ницце, я его вижу редко. (...) От Риверы имею довольно часто письма.

л.11

4 июня

В московской газете "Утро России" рецензия Вл. Ходасевича на перевод И.Э. де Безье:

Книга хорошо изданная с недурными гравюрами г.Лебедева в литературу русскую ценного вклада не внесет.

10(23) июня

И.Э. посылает В.Я. Брюсову текст "Повести о жизни некой Наденьки" и стихотворение "Молитва" для "Русской мысли".

---

1 Изабелла Григорьевна Эренбург

2 Цетлин

Брюсов и его корреспонденты. Кн.2

Июнь

И.Э. едет в Лион; посылает оттуда в “Биржевые ведомости” очерк “В Лилле”.

- Журнал “Северные записки” помещает рецензию А. Смирнова на переводы И.Э. из Вийона:

Некоторые стихотворения звучат у Эренбурга очень хорошо. В других ему не всегда удается передать сердечное сокрушение и тончайшую, почти воздушную, иронию Вильона. Во многих случаях переводы Гумилева кажутся нам более удачными.

23 июня (6 июля)

И.Э. пишет М.А. Волошину:

Я посылаю тебе две последние книжки “Mercure” (...) Я пишу чушь в “Биржевку” - страдая от этого, от лютой жары и от Маревны (...) Читаю, как меня ругают в газетах. Один господин обругал за Вийона, другой за фаблио (...) Получил ли ты книгу для Цветаевой? Пишет ли она что-нибудь?

л.31

2 (15) июля

И.Э. пишет поэму “О жилете Семена Дрозда”

5 июля

В.Я. Брюсов пишет И.Э.:

Я искренне люблю Вас, т.е. как поэта, ибо как человека не знаю. Это, однако, не значит, что я люблю Ваши стихи. Напротив. Говорю так откровенно потому самому, что люблю в Вас поэта и не хочу оскорблять Вас условными вежливостями. Недавно я написал то, что думаю о Вас, сделал из этого рецензию в “Русских ведомостях”. К сожалению, я сижу безвыездно в деревне, поэтому судьбы моей рецензии не знаю. Думаю, что она будет помещена в газете завтра. Тогда пошлю ее Вам и хочу верить, что мои попреки будут Вам приятнее многих похвал.

Брюсов и его корреспонденты. Кн.2

13 (26) июля

И.Э. пишет из Эза в Коктебель Волошину:

Посылаю тебе еще одну книжку “Mercure” (...) Я строчу в “Биржевку” и много перевожу с испанского.

л.32

16 июля

"Русские ведомости" помещают рецензию В. Брюсова на "Стихи о канунах", "Повесть о жизни некой Наденьки", переводы И.Э. из де Безье и Вийона:

Видно, что для И. Эренбурга стихи - не забава и, конечно, не ремесло, но дело жизни, которое он, худо ли, хорошо ли, пытается выполнить со всем усердием "раба верного". Молодой поэт настойчиво хочет сказать "свое" (что и есть последняя цель поэзии) и бесстрашно, беспощадно раскрывает свою душу перед читателями, в уверенности, что "высшая искренность есть и высшее искусство". Нет поэтому у И. Эренбурга гладких стишков на темы, издавна признанные "поэтическими", нет перепевов общепризнанных образцов поэзии и нет той ложной красивости и того дешевого мастерства, которое так легко приобрести в наши дни широко разработанной техникой стихотворства (вернее сказать, все это встречалось в первых книгах И. Эренбурга, но постепенно он сумел преодолеть соблазн поверхностного успеха).

При первом чтении стихи И. Эренбурга скорее отталкивают читателя (...) Основной грех всего творчества И. Эренбурга составляет его подчиненность теориям. Редко он отдается искусству непосредственно; чаще насилует вдохновение ради своего понимания поэзии. Сознательно избегая трафаретной красивости, И. Эренбург впадает в противоположную крайность, его стихи не звучны, не напевны, а предпочтение поэта к отдельным ассанонсам (вместо рифмы) лишает их последней прикрасы.

Боясь всякого лицемерия, всякой условности, И. Эренбург тоже заходит слишком далеко и почти исключительно изображает лишь отвратительное в своей душе, и в окружающих. Всего более привлекают внимание И. Эренбурга гнойники верхов современной культуры. Выследить все позорное и низменное, что таится под блеском современной европейской утонченности, - вот задача, которую (сознательно или бессознательно) ставит себе молодой поэт. Он с решительностью хирурга, вскрывающего злокачественный нарыв, обнажает в своих непоющих стихах и тайные порывы собственной души, в которых не каждый решится сознаться, и все то низменное и постыдное, что скрыто под мишурой нашей благовоспитанности и культурности. Как положительное начало, поэзия И. Эренбурга противополагает этому религиозность, несколько в духе католической мистики. Впрочем, эта сторона его поэзии пока развита слабее, чем сторона отрицательная. Религиозные мотивы в стихах И. Эренбурга еще только бродят, не получая отчетливого выражения.

Если бы все свои прозрения И. Эренбург был в силах облекать в подлинную художественную форму, мы уже имели бы прекрасного поэта. Пока же его стихи - только залог, в котором при внимательном рассмотрении угадываешь высокие возможности.

25 июля (7 августа)

И.Э. пишет В.Я. Брюсову:

Ваше ласковое письмо меня очень тронуло. Спасибо! Я вообще не избалован откликами на свои стихи. Ваши же слова были особенно ценны мне. Я внимательно прочел статью Вашу и письмо (...) Скажу лишь о самом главном. Я не подчиняю свою поэзию никаким теориям, наоборот, я чересчур несдержан. Дефекты и свинство моих стихов - мои. То, что Вам кажется отвратительным, отталкивающим - я чувствую как свое, подлинное, а значит, ни красивое, ни безобразное, а просто должное (...) Я не склонен к поэзии настроения и оттенков, меня более влечет общее "монументальное", мне всегда хочется вскрыть вещь, показать, что в ней одновременно таится (формула), что в ней главного. Вот почему в современном искусстве я больше всего люблю кубизм (...) Между нами стена, не только тысячи верст (Но я верю, что она, по крайней мере, проззрачна и Вы можете разглядеть меня).

Брюсов и его корреспонденты, кн.2

Июль

"Русская мысль" в N 7 помещает рецензию В.М. Жирмунского на перводы И.Э. из Вийона:

Книга г.Эренбурга содержит все наиболее интересное из "сборника" Вийона. К сожалению, переводчику не всегда удается подойти вплотную к тексту оригинала; большей частью он дает вместо переводов красивые переложения; неприятно поражает вставка целых предложений для запоминания стиха и произвольные перенесения строк из одной строфы в другую (...) Нельзя при этом не предпочесть прекрасных переводов из Вийона, сделанных Н. Гумилевым (...) Во всяком случае, книга г.Эренбурга сыграет свою культурную роль в деле ознакомления русской публики с замечательным французским поэтом.

- Поездки И.Э. в Тулон и Ниццу, откуда он посылает в "Биржевые ведомости" корреспонденции "На воде и под водой", "Батальон альпийских стрелков" и "Среди черных и желтых солдат".

Август

В парижской газете "Эвр" началась публикация антивоенного романа Анри Барбюса "Огонь"; И.Э. с глубоким вниманием знакомится с этой публикцией.

Сентябрь

Поездка И.Э. в Марсель:

Я приезжаю в Марсель ночью и после тихого Парижа чувствую себя растерявшимся провинциалом. Вокзал запружен матросами, едущими в отпуск к себе в Бретань (...) Трудно выйти из вокзала - все залы и коридоры заняты индусами. Их везут из Египта к Сомме на английский фронт

(...) Все отели переполнены, и комнату отыскать дело очень трудное. После долгих поисков нахожу за цену немалую конуру, но без подушки.

Биржевые ведомости, 1916, 27 сентября

18 сентября

В "Биржевых ведомостях" напечатан перевод И.Э. сонета Дю Белле.

16 октября

М.А. Волошин пишет М.С. Цетлин из Коктебеля:
На днях послал в "Речь" фельетон "Илья Эренбург - поэт".

ВЛ, 1990, N 9, с.280

29 октября

В петроградском журнале "Лукоморье" опубликовал рассказ И.Э. "Непостижимое".

31 октября

В петроградской газете "Речь" - статья М. Волошина "Илья Эренбург - поэт":

Исступленные и мучительные книги, местами темные до полной непонятности, местами судорожно-искаженные болью и жалостью, местами подымающиеся до пророческих прозрений и глубоко-человеческой простоты. Книги, изуродованные цензурными ножницами и пестрящие многоточиями. Книги большой веры и большого кощунства. К ним почти невозможно относиться, как к произведениям искусства, хотя в них есть и высоко поэтические достижения. Это - лирический документ. И их надо принимать, как таковой. В них меньше, чем надо литературы, в них больше исповеди, чем возможно принять от поэта.

Я не могу себе представить Монпарнас времен войны без фигуры Эренбурга. Его внешний облик, как нельзя более подходит к общему характеру духовного запустения.

С болезненным, плохо выбритым лицом, с большими, нависшими, неуловимо косящими глазами, отяжелелыми семитическими губами, с очень длинными и очень прямыми волосами, свисающими несуразными космами, в широкополой фетровой шляпе, стоящей торчком, как средневековый колпак, сгорбленный, с плечами и ногами, ввернутыми внутрь, в синей куртке. посыпанной пылью, перхотью и табачным пеплом, имеющий вид человека, "которым только что вымыли пол", Эренбург настолько "левобережен" и "монпарнасен", что одно его появление в других кварталах Парижа вызывает смуту и волнение прохожих.

Такое впечатление должны были производить древние цинические философы на улицах Афин и христианские отшельники на улицах Александрии. В нем есть, конечно, и то и другое. Прихотливой и нелепой,

чисто русской судьбой кинутый почти ребенком, как политический эмигрант, на многодорожье мирового города, он, несмотря на свою молодость, прошел уже сложный поэтический путь. За ним уже целый ряд книг, из которых каждая по своему интересна и каждая, как лирическое устремление, отрицает все предыдущие. Его путь идет резкими зигзагами, неожиданными скачками, и за него нельзя поручиться, что он на следующем повороте не прорвет орбиту поэзии и не провалится в мир религиозных падений и взлетов для судорог уже молчаливых (...)

Основная идея Эренбурга, проходящая через всю книгу ("Стихи о канунах"), это то, что земная жизнь и есть настоящий, подлинный ад, и что "всякий, кто жизнь отработал - в раю". Проникнутый христианскими символами и образом, он в каждой строке остается исполненным глубокого иудейского, непримиренного духа. Богоборчество - один из основных родников его поэзии (...) В таких муках человеческая душа может разверзнуться только, когда сама человеческая история разверзится. И стихи Эренбурга, проникнутые духом "Плача Иеремии", могут служить психологическим свидетельством великого духовного запустения Парижа первых лет европейской катастрофы.

12 ноября

В журнале "Лукоморье" - рассказ И.Э. "Кровать Людвика XV".

14 ноября

В "Биржевых ведомостях" - статья И.Э. "Лик войны".

Ноябрь

И.Э. совершает поездку на франко-германский фронт, посещает штаб генерала Гуро.

Биржевые ведомости, 1916, 11 декабря

- И.Э. совершает поездку на франко-германский фронт в район Мо:

Я еду в Мо. Это верстах в 40 от Парижа, но попасть туда, пожалуй труднее чем в былое время в Китай. Это в "военной зоне" и почти у парижской заставы проходит граница. Желая осмотреть поле боев при Урке, я долго хлопотал о пропуске, как иностранцу получить его мне было особенно трудно. (...) Я прошел пешком верст 15 на север от Мо. Я видел десятки деревень и ферм, израненных, еще не успевших залечить эти раны.

Биржевые ведомости, 1916, 21 декабря

- И.Э. посещает район Бретани, откуда переезжает в Марсель.

30 ноября

М.А. Волошин пишет из Коктебеля М.С. Цетлин:

Только не сердись, что пишу редко. Я так и не написал не только Ривере, но и Эренбургу и Борису Викторовичу (...) Пожалуйста, передай всем моим друзьям: Борису Викторовичу, Эренбургу, Риверам, Маревне, что я их всех очень люблю, всегда помню, но у меня нет физической возможности писать письма. Пусть их не ждут и не сердятся. Как я рад, что Эренбург стал бриться и одеваться. Горжусь, что и я тут кое при чем, т.к. устроил его в "Биржевые ведомости".

ВЛ, 1990, N 9, с.283

7 декабря

И.Э. из Марселя посылает в "Биржевые ведомости" цикл очерков "Моряки Франции".

Декабрь

И.Э. совершает поездку в Руан, в Гавр, а также в район Вердена (место наиболее кровопролитных боев первой мировой войны).

17 декабря

В журнале "Лукоморье" напечатан рассказ И.Э. "Мартин Зеельбек".
- И.Э. посылает в "Биржевые ведомости" статьи "В индусском госпитале", "Саперы", "В декабрьские сумерки".

24 декабря

"Биржевые ведомости" публикуют рекламу своего рождественского номера:

В утреннем выпуске "Биржевых ведомостей" среди прочего материала напечатаны будут: Ф. Сологуб "Гневный лик", К. Бальмонт "Трилистник", А. Ремизов "Аника", Ник. Рерих "Поверить", А. Федоров "Великая книга", Н. Клюев "В овраге", И. Эренбург "Моряки Франции".

В течение года

У И.Э. впервые возник замысел сатирической антивоенной прозы, образы некоторых ее героев, в частности, образ Великого Провокатора, на который натолкнул И.Э. Диего Ривера. Книга эта была написана пять лет спустя и называлась "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников"

1917 год

Начало года

А. Федер в Париже пишет портрет И.Э. (Местонахождение подлинника неизвестно).

7 января

В “Биржевых ведомостях” статья И.Э. “Саперы”.

11 января

“Биржевые ведомости” публикует статью французского профессора Ю.Патулье “Изучение России в современной Франции”, в которой он, в частности, оспорил высказывания И.Э. (в его очерках в “Биржевых ведомостях”) о том, что во Франции “русские теперь в моде”: “Изучение России имеет у моих соотечественников глубокие давние корни”.

Январь

- В Париже в типографии И. Рираховского на правах рукописи вышла книга И.Э. “О жилете Семена Дрозда” (В книгу вошла одноименная поэма и стихотворение “Молитва”; Фронтиспис книги сделал Диего Ривера).
- И.Э. посылает в “Биржевые ведомости” статьи “В Аргонском лесу”, “Зоркие птицы”, “В Бельгии” (о поездке в Гавр, где расположились бельгийские власти, покинувшие оккупированную немцами Бельгию), “Раздача писем”.
- И.Э. посещает позиции английских войск.

6 февраля

В газете “Речь” рецензия Ю. Айхенвальда на книгу И.Э. “О жилете Семена Дрозда”:

Тот стиль барокко, в котором выдержаны обе пьесы И. Эренбурга, может иных оттолкнуть, но сквозь него проступает нечто очень серьезное, и глубокое, и трогательное. Одновременно простые и сумбурные, ухищренные и вульгарные, странные и замечательные, слова поэта вол-

нуют; сам небрезгливый и другим брезговать не позволяющий, он действительно извлек с самого дна человеческого какую-то святость.

- В журнале "Лукоморье" публикуется рассказ И.Э. "Искусственная нога "Селект".

- И.Э. посещает русский военный госпиталь, расположенный в парке лицея Мишле под Парижем.

Биржевые ведомости, 1917, 28 марта

- И.Э. совершает поездку по городам Лотарингии, варварски разрушенным немцами:

В начале войны немецкие солдаты сожгли занятый ими на короткий срок городок Жербевиле (около Нанси). Когда я приехал туда, жители ютились в бараках, землянках. Они рассказывали: из пятисот домов осталось двадцать; сто человек расстреляли. Почему? Этого никто не знал. Почему в Сенлисе или в Амьене солдаты, войдя в город, начинали убивать людей.

ЛГЖ, т.1, с.205

- По результатам поездки И.Э. пишет серию очерков "В Лотарингии", "Дорога", "Среди развалин", "Нанси", "В Люневиле", " Близ фронта", "Ночь", "Созидающие".

- И.Э. пишет для "Биржевых ведомостей" рецензию на роман А. Барбюса "Огонь":

За два года во Франции появились сотни и сотни книг о войне (...) Но, несомненно, самой замечательной книгой об этой войне является "Огонь" Барбюса. Он видел много, может быть больше других, ибо был простым солдатом в самом страшном секторе (Суше-Лабиринт). Он умел увидать действительно значительное. Обо всем он не боялся просто сказать. Барбюс - писатель, хранящий все традиции "натуралистической школы", он передает, как фотографии, как диск фонографа. Но он знает, что именно снять, какие слова запечатлеть. Часто там, где бы истинный художник начал говорить, Барбюс кончает. Его книга - документ, материал, хорошо подобранный, который ждет гениального творца. Но в эти дни нам, современникам, этот точный рассказ о жизни маленького взвода говорит больше, чем самые долговечные книги.

Биржевые ведомости, 1917, 24 февраля
(также: Иностраная литература, 1983, N10, с.209-211)

28 февраля (13 марта)

Это было утром. Я сидел, как всегда, в пустой "Ротонде" и бился над переводом сонета Дю Белле (...) Меня схватил за руку чрезвычайно возбужденный Фотинский - я не заметил, как он вошел в кафе (...) Как, ты не знаешь? - кричал Фотинский. Царя нет! Я ничего не понял, но обрадовался и обнял Фотинского. На первой странице газеты было напечатано: "Государственный переворот в Петрограде, Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила". "Ну и что? - сказал я Фотин-

скому. - Чем Михаил лучше Николая?" Но Фотинского разочаровать трудно: он побежал за другой газетой, и мы нашли маленькую телеграмму: "В Петрограде забастовки, демонстрации". "Это настоящая революция!" - кричал Фотинский; я его снова обнял.

ЛГЖ, т.1, с.216-217

2 марта

В Полтаве скончался дядя И.Э. - присяжный поверенный Михаил Борисович Аренштейн:

Сотрудники и сотрудницы Еврейского губернского комитета с глубоким прискорбием извещают о безвременной кончине незабвенного председателя Михаила Борисовича Аренштейна.

Полтавский день, 1917, 5 марта

Начало марта

Я пошел с Павлом Людвиговичем[1] в русское посольство. Впервые я заглянул в старинный дом на улице Гренель. Ворота были раскрыты, и двор заполнен взволнованными эмигрантами. Люди что-то кричали, поздравляя друг друга, пели. Мне сказали, что царский посол Извольский принял делегацию и обещал помочь всем политическим эмигрантам вернуться на родину; он предупредил, однако, что это дело сложное: немцы усилили подводную войну; транспорты должны идти под эскортом английских миноносцев; англичане не любят торопиться. Люди не расходились. Все почему-то рвались к советнику Севастопопуло; он говорил: "Господа, я вас прошу войти в положение" (...) В коридоре на полу я увидел портрет царя - его успели снять со стены.

ЛГЖ, т.1, с.217

Конец марта

И.Э. пишет статью "Французские евреи и война":

Даже в странах, где евреи являются париями, они отчаянно защищали свою, или, вернее, чужую землю, показав этим, что не количеством благ покупается любовь человека к земле, на которой он живет (...) Я собрал здесь некоторые сведения, как о роли евреев во время войны, так и об отношении к ним Франции для русских читателей, зная, что у нас даже теперь, несмотря на свежепролитую кровь, иными ставится вопрос - могут ли евреи защищать свою страну.

Биржевые ведомости, 1917, 15 апреля

- И.Э. посещает собрание русских эмигрантов в Париже:

---

1 Лапинский

Эсер Чернов красиво говорил: "Нужно защищать социализм и Россию". Его манера меня раздражала, но я ему аплодировал. Антонов-Овсеенко горячился, говорил сумбурно, но повторял, что главное - кончить войну; я и ему поаплодировал. Я понял, что отстал от политической жизни, разобраться трудно: на первый взгляд все правы. На следующее собрание я не пошел.

ЛГЖ, т.1, с.218

- И.Э. посещает митинг, организованный в честь русской революции "Лигой прав гражданина":

Огромный зал был переполнен. Выступал историк Олар; он говорил, что русская революция - социальная и что теперь нужно свергнуть кайзера. Некоторые закричали: "Долой войну!" Выступила Северин; я ее знал по некоторым очеркам, немного сентементальным, но написанным искренне; она была подругой и душеприказчицей Жюля Валлеса. Северин говорила о подвиге русских женщин, о женах декабристов, о Вере Засулич, о Фигнер, о работницах Петрограда. Я ей зааплодировал; сидевший недалеко от меня Гриша свистнул. Одни запели "Марсельезу", другие - "Интернационал". Праздник окончился дракой.

ЛГЖ, т.1, с.218

- И.Э. посещает позиции французских частей в районе Нуайона и пишет об этом очерк "В пустыне".

В яркое мартовское утро, вслед за батальоном альпийских стрелков вошел я в оставленный накануне немцами Нуайон. Город был почти невредим (...) Нуайон казался раем среди пустыни. Дальше мы увидели голую равнину. На местах, где стояли села и деревни, высились кучи мусора.

В Жюсси среди развалин валялось, будто труп, сбитое с придорожного распятья изображение Христа. Плодовые деревья, которыми славились эти места, частью клонились казненные, частью еще стояли с набухшими почками, обманывая издали глаз, они были перепилены в корне. Чудный замок Куси взорван. Перрона с готическим собором и средневековыми башнями сожжена. Баном - пустыня. Вот замок Жюсси - сожжен.

И. Эренбург. "Тогда и теперь". Вечерняя жизнь, М., 1918, 1 апреля

Апрель

В журнале "Лукоморье" опубликован рассказ И.Э. "Поль де Виньи".

И.Э. присутствует на встрече генерала Нивеля с иностранными журналистами в связи с предполагаемым наступлением в районе Реймса:

Нивель расхваливал боевый дух французов, а потом, обратившись ко мне, с нескрываемой иронией добавил: "Я надеюсь, что французский воздух предохранил ваших соотечественников от блеяния демагогов". Русские бригады сражались хорошо, захватили форт, от которого зависела судьба Реймса, но, не поддержанные другими частями, вынужденны были его очистить. Потери были большие.

ЛГЖ, т.1, с.219

11 (24) апреля

И.Э. посещает анкетную комиссию Исполнительного комитета парижского Совета представителей политических организаций для отправки политических эмигрантов в Россию (14, rue Stanislas, Paris), где заполняет опросный лист № 336 политэмигранта, в котором сообщает, что имеет заграничный паспорт, что уехал из России от суда по делу военной организации социал-демократов в Москве.

На вопрос: "Какие рекомендации и от кого можете представить для удостоверения принадлежности к политической эмиграции", называет В.В. Дилевского и Б.В. Савинкова.

На вопрос: "Когда хотите ехать", отвечает - в июне.

ЦГАОР ф.479, оп.1, ед.хр.26, л.3

13 (26) апреля

И.Э. участвует в составе 82 членов межпартийной организации политических эмигрантов (вместе с О.М. Лещинским, С.А. Лозовским, И.А. Пятницким, В.С. Довгалевским, И.Г. Церетели, Т.И. Сорокиным и др.) в жеребьевке порядковых номеров на отъезд в Россию. В списках межпартийной группы он зарегистрирован под N59.

ЦГАОР, ф.479, оп.1, ед.хр.5, л.30

Май

Поездка И.Э. в расположение австралийских частей:

Я получил от английского командования приглашение приехать на участок, где стояли "анзаки" - солдаты из Австралии и Новой Зеландии. Оказалось, что австралийские солдаты по закону должны принять участие в парламентских выборах; урны поставили недалеко от переднего края. Командир объяснил мне, что русским, наверно, полезно знакомиться с техникой выборов на фронте.

Мною заинтересовались различные люди, конечно, не как автором "Стихов о канунах", а как корреспондентом петроградской газеты. Внук Маркса, социалист Жан Лонге, долго говорил мне о конфликте между антиимпериализмом и необходимостью спасти Францию, а потом вдруг уныло засмеялся: "Не помню, кто это сказал, кажется Ницше, что глупо читать нотации землетрясению". Военный министр Пенлеве говорил мне о своей любви к Толстому, Чехову, Горькому; у него были умные, хорошие глаза.

ЛГЖ, т.1, с.219-220

3 (18) мая

И.Э. посещает премьеру балета "Парад", представленного труппой С. Дягилева:

1917

Дягилев поставил балет "Парад"; музыку написал Эрик Сати, декорации и костюмы сделал Пикассо (...) Ничего подобного тому, что случилось на "Параде", я еще не видел. Люди, сидевшие в партере, бросились к сцене, в ярости кричали: "Занавес!" В это время на сцену вышла лошадь с кубистической мордой и начала исполнять цирковые номера - становилась на колени, танцевала, раскланивалась. Зрители, видимо, решили, что танцоры издеваются над их протестами, и совсем потеряли голову: вопили: "Смерть русским!" "Пикассо - бош!", "Русские - боши!" На следующий день "Матен" предлагала русским заняться не плохой хореографией:, а хорошим наступлением где-нибудь в Галиции.

ЛГЖ, т.1, с.221

Середина июня

В середине июня все более обостряющееся положение (в русских воинских частях во Франции) заставило меня послать в "Биржевые ведомости" подробную телеграмму, в которой я указывал, что если немедленно не будут приняты решительные меры - неминуем мятеж /к сожалению, телеграмма эта была задержана французской цензурой/.

И.Эренбург. "Виновники мятежа русских войск во Франции".
Биржевые ведомости, 1917, 19 октября

22 июня (5 июля)

И.Э. выезжает из Парижа в Гавр:

Помню последний вечер в Париже. Я шел с Шанталь по набережной Сены, глядел кругом и ничего больше не видел. Я уже не был в Париже и еще не был в Москве; кажется, я нигде не был. Я сказал ей правду: я счастлив и несчастен. В Париже я плохо жил, и все-таки я люблю этот город. Я приехал сюда мальчишкой, но я знал тогда, что мне делать, куда идти. Теперь мне двадцать шесть лет, я многому научился, но ничего больше не понимаю. Может быть, я сбился с пути? Она меня утешала, сказала: "До свидания!" Мне хотелось ответить: "Прощай!"

ЛГЖ, т.1, с.221-222

23 июня (6 июля)

И.Э. отбывает из Гавра на пароходе в Англию вместе со своим приятелем эстонским музыкантом Рудольфом Тасса:

Тоска. Ночь в Гавре. На пароходе, на палубе. Утром чужая жизнь. Запах Англии. Собака. Лондон. Дома окраины.

ЗК-1917

- Меня обыскивали в жизни много раз, но никто, однако, не проявлял в этом деле такого мастерства, как англичане. Меня заставили разуться, куда-то унесли ботинки; просмотрели все швы на пиджаке и на брюках; отобрали записную книжку, стихи Макса Жакоба и после долгих пере-

каний вернули фотографию Шанталь. Все это англичанин делал с милой улыбкой, нельзя было даже на него рассердиться.

ЛГЖ, т.1, с.222

Конец июня

Мы прожили два или три дня в Лондоне. Нас повезли на вокзал; куда мы едем, все еще оставалось тайной. Нас оказалось много - политические эмигранты и русские солдаты, убежавшие от немецкого плена. Все вагоны были переполнены. Эмигранты, разумеется, сразу начали спорить: одни были "оборонцами", другие стояли за Ленина. В одном купе дело чуть было не дошло до драки.

Повезли нас на север Шотландии. Я вышел на площадку, сказал Рудди, что хочу подышать свежим воздухом. На самом деле я понял, что дышу покоем. Здесь не чувствовалось присутствия истории. Одинокие домики, холмы, покрытые лиловым вереском, отары овец, розовый ирреальный свет северной белой ночи. Природа могла многое рассказать человеку, но мне в то время было не до мудрости. Я постоял, подышал и вернулся в накуренный вагон, где кто-то хрипло кричал: "А чем твой Плеханов отличается от Гучкова?"

ЛГЖ, т.1. с.222

Мы на пароходе. Человек триста эмигрантов, 500 солдат, бежавших из немецкого плена и еще моряки-норвежцы с потопленных немцами параходов, застрявшие в Англии.

Пароход большой, но старый военный транспорт. Не только о каютах нечего и думать, но на всем параходе - ни одной скамьи. В трюме набились солдаты, разделись, играют на гармошках. Как-будто весело, - пройти нельзя, сизый туман, голова кружится и повсюду чьи-то ноги. На заплеванной палубе полно и трудно сесть, на места у стенки что-то вроде "хвоста"... Два раза в день выдают кружку мутного чая и ломоть хлеба. Стоим в "хвосте", получаем, пьем, еще в хвосте садимся на корточки у стенки. Вместе с нами идет еще маленький пароход - на нем семьи эмигрантов и еще "чистая публика", то есть частные пассажиры.

И.Эренбург. "Париж - Петроград". Биржевые ведомости, 1917, 21 июля.

Начало июля

В Стокгольме мы задержались на несколько дней: ждали какой-то телеграммы из Петрограда. Стокгольм меня поразил. Я стоял на набережной против королевского дворца, глядел на камни, на воду, на небо, и мне хотелось писать стихи...

Поезд шел вдоль Ботнического залива. На тихих станциях белобрысые девушки гуляли с кавалерами. В буфетах на кусках льда лежали селедки. Все было чрезмерно тихо и непонятно. Ночь была совсем белой: солнце опустилось и сразу стало подниматься.

Путь был долгим; наконец мы доехали до последней шведской станции - Хапаранда. Перешли через мост. Вот и русские офицеры - это пограничная станция Торнио. Встреча была неласковой. Поручик, посмотрев на мой паспорт, злобно сказал: “Опоздали! Кончилось ваше царствие. Напрасно едете”. Это было 5 июля.

ЛГЖ. т.1 с.223, 225

А вот еще граница - Белоостров. Снова проверяют паспорта, осматривают вещи и снова ругаются. Офицер приказал меня обыскать. В кармане пальто обнаружили воротнички и бритву; офицер унес их в другую комнату, сказал, что на крахмальных воротничках теперь пищут секретные инструкции; о бритве не упомянул, но и ее вернуть отказался. Нас провели в грязное помещение, сказали, что в Петроград мы поедем под конвоем, как военнообязанные: нас сдадут воинскому начальнику. Все это сопровождалось бранью.

Действительно, нам дали конвойных. Поезд прошел немного и остановился на полустанке. Солдаты штурмовали переполненные вагоны. Кто-то сказал, что везут царских охранников. Солдаты улюлюкали, один крикнул мне: “Вот поставят тебя к стенке, это тебе не шампанское..” Офицер показал на меня даме: “Видишь - в шляпе - еще один "пломбированный". Хорошо, что сразу сцапали".

ЛГЖ, т.1, с.225-226

12 июля

И.Э. приезжает в Петроград.

Вчера утром с поездом Финляндской ж.д. в Петроград прибыло через Швецию 700 русских эмигрантов.

Сегодня ожидается прибытие в Петроград новой партии эмигрантов около 1000 человек.

Народное слово, Петроград, 1917, 13 июля

13 июля

И.Э. разыскивает в Лесном (Старопарголовский, 32) дом О.М. Шмидта и навещает Е.О. и Т.И. Сорокиных и свою дочь Ирину:

В Петрограде тогда находились Тихон Иванович Сорокин и Катя с моей дочкой Ириной. Они жили у отца Кати, который не мог слышать моего имени: ко всем прочим грехам я был евреем. Катя тайком от отца привела ко мне Ирину; девочке тогда было шесть лет. Я ее повел в кафе “Ампир”, угостил белым хлебом с повидлом. Потом мы гуляли по Невскому. У Ирины одно время была няня итальянка, она ее научила молиться богу. Девочка попросила, чтобы мы зашли в Казанский собор; там она тотчас стала на колени и приказала мне последовать ее примеру. Я не послушался. Ирина начала кричать, плакала: женщины, молившиеся в соборе, возмутились: стыдно в святом месте обижать ребенка! К сча-

стью, Ирине надоело молиться, и она спросила, нельзя ли снова пойти в кондитерскую.

ЛГЖ, т.1, с.230-231

Редко-редко приходилось мне выйти в город. Целый день я была занята ребенком, только по воскресеньям пробегусь по Невскому, посмотрю, что делается на свете. Как-то переходя Владимирский проспект, я внезапно увидела Илью Эренбурга, моего парижского друга. Он не заметил меня, у него на плечах сидела длинноногая девочка, свесив ножки в длинных чулках через его грудь. Он придерживал ее рукой с озабоченным видом, а рядом с ним шагала что-то объясняя обоим, первая жена Ильи, Катя Шмидт. Я так растерялась от этой встречи, что даже не окликнула их. Про себя я решила, что они, очевидно, только вернулись в Россию, в родной для Кати Петроград. Я знала, что в нашем городе живут ее родители, а в ту минуту, когдя я их встретила, вся семья, очевидно, направлялась на вокзал.

Е. Полонская. Из воспоминаний (рукопись; АФ).

- В Зимнем дворце И.Э. встречается с Б.В. Савинковым, который знакомит его с философом Ф.А. Степуном.

ЗК-1917

Я знал, что Степун - философ, что он написал интересную книгу "Письма прапорщика", в которой показал войну без обязательной позолоты. Менее всего я мог себе представить его исполняющим должность начальника политического управления военного министерства. Лицо у него было скорее мечтателя или пастора. Я начал бестолково и страстно твердить, что немцы могут оккупировать Россию и задавить революцию. Он спросил, не хочу ли я стать военным комиссаром. Я усмехнулся - комиссар должен понимать, объяснять, а я занят другим: всех спрашиваю.

ЛГЖ, т.1, с.230

И.Э. договаривается с Ф. Степуном, ответственным редактором политического отдела газеты "Армия и Флот Свободной России", о творческом сотрудничестве.

- И.Э. побывал у поэтессы М.М. Шкапской.
- И.Э. получает письмо из Парижа от Шанталь.
- И.Э. посещает митинг в цирке Чинизелли.

ЗК-1917

14 июля

И.Э. посещает редакцию "Биржевых ведомостей".

ЗК-1917

В "Биржевке" мне посоветовали пойти в ресторан "Вена" - там по вечерам собираюся поэты и художники (...)

Я попытался разыскать поэтов, с которыми переписывался; никого из них в городе не оказалось, мне отвечали "на даче" или "в Крыму".

ЛГЖ, т.1, с.288

И.Э. знакомится с поэтом Владимиром Юнгером.

ЗК-1917

15 июля

И.Э. присутствует на похоранах казаков в Петрограде. Вечером уезжает с Николаевского вокзала в Москву.

ЗК-1917

16 июля

И.Э. приезжает в Москву. Дома застает только отца. Мать и сестра находились в Ялте:

С вокзала. Лубянская площадь - башня. Покой. Дома. Папа. Пречистенка - Остоженка. Переулки. Гимназия.

ЗК-1917

- В газете "Армия и Флот Свободной России" (бывш. "Русский инвалид") статья И.Э. "Как австралийцы выбирали на фронте".

Июль

И.Э. посещает В.Я. Брюсова, встречается с Г. Чулковым, Б.К. Зайцевым, М.И. Цветаевой, А.Н. Толстым. Посещает Румянцевский музей, Кремль, Третьяковскую галерею. Знакомится с Б.Л. Пастернаком.

ЗК-1917

В июле 1917 года меня по совету Брюсова разыскал Эренбург. Тогда я узнал этого умного писателя, человека противоположного мне склада, деятельного, незамкнутого.

Тогда начался большой приток возвращающихся из-за границы политических эмигрантов, людей, застигнутых на чужбине войной и там интернированных, и других. Приехал из Швейцарии Андрей Белый. Приехал Эренбург.

Эренбург расхваливал мне Цветаеву, показывал ее стихи.

Б. Пастернак. Собр.соч. т.4. М.,1991, с.338-339

21 июля

В "Биржевых ведомостях" очерк И.Э. "Париж - Петроград".

8 августа

В газете "Биржевые ведомости" статья И.Э. "На английском фронте".

1917

9 августа

М. Цветаева в письме к М. Волошину сообщает о встрече в Москве с И.Э. и о ссоре с ним.

ИРЛИ ф.562, оп.3, ед.хр.1255

13 августа

М. Волошин пишет М. Цветаевой в связи с ее ссорой с И.Э.:

Что от вашей первой встречи произошел скандал, это совершенно естественно, так как вы оба капризники и задиры.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома, 1975.
М., "Наука", 1977, с.155

- М. Волошин пишет из Коктебеля в Москву И.Э.:

Долгое время я ничего ни от кого не мог о тебе узнать и вот сразу стали приходить о тебе вести с разных сторон: художник Ракитский сообщил, что ты вернулся через Германию, молодой Проппер, - что ты назначаешься правительственным комиссаром в какую-то армию, Марина Цветаева, что она с тобой познакомилась и сейчас же поругалась. Изо всего этого я убедился, что ты действительно в России и все обстоит нормально. Но, так как изо всего мне сообщенного я все же не поверил ни одному слову, кроме того, что ты приехал и существуешь, то очень прошу тебя откликнись и напиши мне о себе.

ИРЛИ, ф,562, маш.копия, сохранившаяся у Волошина.

И.Э. отвечает на письмо М. Волошина:

Из трех сведений, дошедших до тебя, одно безусловно неверно - приехал я через Англию, разумеется, а не через Германию. Борисом Викторовичем я быть может буду назначен в скором времени помощником комиссара либо на фронт, либо в Финляндию, либо в Сибирь. Хотелось бы первое. Марина Цветаева относительно меня несколько раз обругала, но безответно - чтобы отвечать я вышел из возраста. Она с нехорошей стороны похожа на Маревну, хотя я Маревну, кажется, предпочитаю. Она (Маревна) в Париже, по прежнему голодает, сидит в "Ротонде" и злится. От нее, от Риверы и от всех "парижан" тебе привет. Возможно, что до отбытия на службу, я поеду на неделю в Ялту к матери, тогда попытаюсь встретиться с тобой.

л.35

Конец августа

М. Волошин пишет ответное письмо И.Э., возможно, не полученное адресатом:

Очень обрадовался, получив весть о тебе и тому, что ты будешь в Крыму (...) Прежде всего хочу видеть тебя в Коктебеле. Тогда ты расскажешь подробно.

ИРЛИ, ф.562

1917

До 20 августа

И.Э. уезжает из Москвы в Петроград

ЗК-1917

Август

В Петрограде И.Э. застает известие о корниловском мятеже. И.Э. навещает в Адмиралтействе Б.В. Савинкова; посещает Петросовет. Общается с Е.О. Сорокиной и своей дочкой Ириной. Встречается со своими парижскими знакомыми - скульптором В.А. Издебским и его женой.

ЗК-1917

Вечером в II часов пошел я по приглашению Б.В. Савинкова в Адмиралтейство. Долго ждал его в высоком зале, разглядывал портреты адмиралов в париках. А потом пришел встревоженный секретарь Савинкова. Не придет, зачем-то вызвали офицера в походной форме в Зимний дворец. Что случилось? Поздно ночью в недоумении вышел я. Дворцовая площадь, пустынная и зловешая, была оцеплена. Наш автомобиль заставили взять обходной путь.

- Это от большевиков, - сказал мне мой спутник (...)

Приехали казаки и заявили, что против правительства не пойдут. вернулись и грузины, которых я видел перед отъездом, все они говорили о нежелании братской войны, об обмане, лжи, недоразумении. Потом сказал о недоразумении Крымов и застрелился. Потом прочел я один из листков Корнилова, где говорится о недоразумении. Внешне все вошло в свою колею - всякие фракции советов выносили победные резолюции, за минованием опасности. Савинкова и Пальчинского отстранили, по городу дефилировали матросы. Невский молчал, трусливо поджав хвост, а в Выборгском ликовали. Два дня спустя я сидел у Б.В. Савинкова, читал юзограммы, большинство которых теперь известно по газетам, слушал его рассказ о происшедшем. Чем больше знал - тем меньше понимал. Кто виноват в этом наваждении? Не знаю, лишь радуюсь, что не случилось самого страшного и перед ликом врага не пролилась в междоусобице русская кровь.

И. Эренбург. "Наваждение". Народоправство, 1917, N11

Начало сентября

И.Э. выезжает из Петрограда в Крым, чтобы повидаться с матерью:

В каждом купе - человек по четырнадцать, тяжело, тесно, духота. Все же купе - это рай вожделений. Здесь, выражаясь языком современным - "цензовые элементы". В коридорах, на площадках, на буферах, на крышах - остальные. Откуда-то баб целая стая налетела, да все с кулями, и тьма солдат. Куда, зачем они едут, - сколько ни спрашивай, не поймешь; какие у них документы и билеты - никакой контроль не опознает. Про-

браться из купе к выходу нет силы, сел - сиди. А на каждой остановке вползают все новые и новые.

В моем отделении помолчали спутники, понегодовали вкупе на воров, а после разговорились, все больше о делах. Прислушивался я к их беседе, но мало понимал. Не совсем ясно понимал, чем занимаются эти занятые люди (...)

На станциях вползают все новые пассажиры. Кажется, никогда в России столько не ездили - расходились, разбушевались воды. Бегут, кто откуда, кто куда и ни у кого нет надежды, но лишь унылая злоба и страх.

Ближе к югу - теплее, на станциях буфеты уж не удручают предельным запустением. Появился настоящий белый хлеб (...)

В коридор выхожу - пьют чай и скверно, нудно ругаются. Поезд наш же мчится средь степей желтоокий, жаркий. Мчится в ночь, неся куда-то друг друга ненавидящих, одиноких в степи, ошалевших людей.

Старый, оборванный еврей здесь же напялил на себя шелковую накидку, нацепил на лоб ремешки, книгу раскрыл и покачиваясь стал молиться. Солдатик молодой начал очередное сложное ругательство, но другой, постарше, оборвал:

- Помолчи ты - видишь жид молится...

Все мы глядели вновь на качающегося еврея. Не ведая его сурового бога, не понимая толком слов молитвы, но все - чую! - завидуя, что может он сейчас не только ненавидеть или страдать, но еще верить и молиться.

И. Эренбург. "В вагоне". Биржевые ведомости, 1917, 15 октября

Середина сентября

И.Э. приезжает в Симферополь и оттуда едет в Ялту, останавливается в пансионате "Шульц". Встречается с матерью, сестрами и племянником Юрой (сыном Евгении Григорьевны).

ЗК-1917

Мать я нашел сильно постаревшей: она кашляла, куталась в оренбургский платок и боялась выстрелов (стреляли часто и неизвестно почему).

ЛГЖ, т.1, с.246-247

18 сентября

И.Э. пишет М. Волошину из Ялты:

Я нынче в Ялте. пробуду здесь до начала октября. Что будет потом, не ведаю. Военное министерство назначило меня помощником комиссара на Кавказ, но Совет Солдатских и Рабочих депутатов отменил сие назначение. Пока что жду. Хочу заглянуть к тебе дня на два, на три.

л.37

21 сентября

М. Волошин пишет И.Э. из Коктебеля и дает ему практические советы, как добраться из Ялты до Коктебеля.

1917

ИРЛИ, ф.562

<u>24 сентября</u>

"Биржевые ведомости" публикуют очерк И.Э. "Саранча" - бытовые зарисовки жизни Москвы лета 1917 года.

<u>Сентябрь-октябрь</u>

Е.О. и Т.И. Сорокины вместе с детьми уезжают из Петрограда на Северный Кавказ.

<u>7 октября</u>

В журнале "Народоправство" - очерк И.Э. "Наваждение".

<u>15 октября</u>

В "Биржевых ведомостях" очерк И.Э. "В вагоне".

<u>Середина октября</u>

И.Э. приезжает в Коктебель к М. Волошину:

Я заехал в Коктебель к Волошину. Он говорил о стихии, о протопопе Аввакуме, о трех эриниях со змеями; а глаза его напоминали окна с закрытыми ставнями.

ЛГЖ, т.1 с.247

<u>16 октября</u>

Вера Инбер подписывает И.Э. свою книгу "Горькая услада": "Наши столь несхожие сердца / Бьются упоительно-согласно. Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу Вера Инбер. Москва, 16 октября 1917 года". В сборник вошло стихотворение "Когда я умру, я превращусь в овчарку", посвященное И.Э.

Собрание И.И. Эренбург (Москва)

<u>19 октября</u>

В "Биржевых ведомостях" - статья И.Э. "Виновники мятежа русских войск во Франции".

<u>23 октября</u>

М. Волошин сообщает М.С. Цетлин о приезде в Коктебель И.Э.:

Я сейчас живу парижскими разговорами и воспоминаниями, и его рассказами.

1917

В. Купченко, Р. Хрулева. "И.Г. Эренбург в Коктебеле".
Победа. Феодосия, 1979, 27 февраля

27 октября

М. Волошин сообщает из Коктебеля своей феодосийской знакомой А.М. Петровой о разговорах с гостившим у него И.Э.:

Все эти дни был у меня Эренбург и Вы можете себе представить, как мне досадно, что Вы лишили меня возможности познакомить его с Вами. Досадно, конечно, за Вас, потому что этим Вы лишились не только знакомства с прекрасным и талантливым человеком, но и беседы с очевидцем Корниловского выступления, который Вам мог бы дать из первых рук сведения и впечатления о разных лицах, которые остаются для нас здесь туманными и маловыясненными. Именно для Вас было особенно ценно и важно слышать все, что он рассказывал. Теории и расовые антипатии это вещь преходящая и изменчивая, а человек есть ценность вечная и существующая сама в себе.

ИРЛИ ф.562, оп.3 ед.хр.97, л.28

Конец октября

И.Э. возвращается из Крыма в Москву:

В поезде поймали воришку, мальчика лет двенадцати; все на него кинулись, били. Я до сих пор вижу детское лицо в крови. На одной станции поезд простоял часа три; все пошли на базар, накупили хлеба и яблок; потом начали митинговать. Барышня, прижимая к груди буханку, истерически вопила, что теперь даже калеки обязаны идти на фронт. Солдат ее крыл матом, но она не унималась. Мешочники следили за своими мешками и загадачно улыбались.

Когда я приехал в Москву, шли уличные бои. У Красных ворот я увидел на мостовой старика - его убила шальная пуля.

ЛГЖ, т.1, с.247

Ноябрь

И.Э. по возвращении в Москву пишет М. Волошину:

Пишу это письмо во время "дежурства", т.е. с револьвером околачиваюсь ночью на парадном. Писать очень трудно, вот разве что я жив и невредим. В вечер, когда я приехал, шел уже бой. Квартиру, где был, обстреливали усиленно, но никого не убили. Самое ужасное началось после их победы. Безысходно как-то. Москва покалеченная, замученная, пустая. Большевики неиствуют. Я усиленно помышляю о загранице, как только будет возможность, уеду. Делаю это, чтобы спасти для себя Россию, возможность внутреннюю в ней жить. Гнусь и мерзость ныне воистину "икра рачья". Очень хочется работать - здесь это никак нельзя. Вчера стоял в хвосте, выборы в Учредительное собрание. Рядом агитировали: "кто против жидов за N5 /большевики/", "кто за мировую рево-

люцию за N5!?" Приехал патриарх. Кропил святой водой. Все сняли шапки. Навстречу ему шла рота солдат и орали "интернационал". Где это? Или, действительно, в аду?

л.34

- Почти ежедневные встречи И.Э. с А.Н. Толстым. Знакомство с Н.В. Крандиевской, встреча с Г. Чулковым. И.Э. присутствует на панихиде и похоронах большевиков и на похоронах юнкеров, погибших в дни переворота. Встречается с В.М. Инбер, К.Д. Бальмонтом, знакомится с Д.Д. Бурлюком и В.В. Хлебниковым.

И.Э. знакомится с И.А. Буниным, встречается с М.О. и М.С. Цетлиными, с Б.К. Зайцевым, знакомится с С.Г. Кара-Мурзой, с В.В. Маяковским, Вяч. Ивановым, А.Соболем, В. Меркурьевой.

ЗК-1917

И.Э. пишет стихи "Молитва о России" и "Молитва Ивана"

27 ноября

М.Волошин пишет из Коктебеля в Москву И.Э.:

Я, конечно, так и знал, что твой отъезд в одну из столиц без очередного припадка сумасшествия не обойдется и потому, прочитав через неделю о московских делах, не удивился нисколько. Твое присутствие невидимо сказалось. К новому году будет, конечно, захват власти красногвардейцами и анархистами, так ты, пожалуйста, уж не уезжай ни в какой большой центр. Да, мы в аду - ты прав. С той лишь разницей, что в настоящем - церковном аду гораздо больше порядка, логики и системы. Наш страшней (...) Мама о тебе вспоминает с нежностью и восторгом и тебя все мне в пример ставит.

ИРЛИ ф.562

Ноябрь-декабрь

И.Э. посещает литературные "Среды" в Москве. На одной из "Сред" И.Э. выступал с чтением своих стихов. Одна из "Сред" была посвящена памяти скончавшегося в Париже скульптора Огюста Родена. На другой А.Н.Толстой читал рассказ "День Петра". Эренбург вместе с И.Буниным и А.Соболем принял участие в обсуждении рассказа.

Мысль, 1918, 15 января

10 декабря

Газета "Власть народа" сообщает о выходе однодневной газеты "Слову-свобода", в которой напечатаны произведения Ю.Балтрушайтиса, К.Бальмонта, И.Бунина, В.Вересаева, М.Гершензона, Б.Зайцева, В.Иванова, В.Лидина, А.Соболя, А.Толстого, В.Черткова, Л.Шестова, И.Шмелева, И.Эренбурга и других. Газету издал Клуб Московских писателей в знак

протеста против большевистского Декрета о печати, опубликованного 8 декабря.

18 декабря

И.Э. пишет из Москвы в Коктебель М.Волошину:

Не отвечаю - очень тошно от всего. С горя хожу в литературные общества, салоны и пр. Потрясаю публику внутренне стихами, а на улице в поздний час шляпой (переходят на другую сторону - Толстой уверяет даже, что "солдаты, увидев меня, открывают беспорядочную стрельбу"). Пока ничего не делаю. Живу как птичка Божия. Пью. Собираюсь за границу. Пишу стихи на современные темы. Хотелось бы их даже теперь же выпустить популярной книжечкой для широкой публики (содержания ради). Не знаю, удастся. Предложила Мария Самойловна[1], у которой я был два раза, да не знаю, укрепится ли в намерении.

Л.33

18 декабря

В газете "Власть народа" - стихотворение И.Э. "В смертный час"

Декабрь

В конце 1917 года в Москве я получил письмо от Макса Жакоба; он сообщал, что переводы моих стихов читали на вечере современной поэзии в "Осеннем салоне". Я не ответил - мы жили в разных мирах.

ЛГЖ, т.1, с.164-165

- И.Э. пишет стихотворения: "Сказка", "Похороны", "У окна", "Божье слово", "Молитва о детях", "У Сухаревой башни", "В переулке", "Моя молитва", "Как Антип за хозяином бегал".

Конец декабря

И.Э. присутствует на вечере двух поколений у М.О. и М.С.Цетлиных, где В.Маяковский читал поэму "Человек":

Там были Бальмонт, Ходасевич, Балтрушайтис, Эренбург, Вера Инбер, Антокольский, Каменский, Бурлюк, Маяковский, Андрей Белый и Цветаева (...) Началось чтение. Читали по старшинству, без сколько-нибудь чувствительного успеха. Когда очередь дошла до Маяковского, он поднялся и, обняв рукою край пустой полки, которою кончалась диванная спинка, принялся читать "Человека". Он барельефом, каким я всегда видел его на времени, высился среди сидевших и стоявших и, то подпирая рукой красивую голову, то упирая колено в диванный валик, читал вещь необыкновенной глубины и приподнятой вдохновенности.

---

[1] Цетлин

1917

Б.Пастернак. "Охранная грамота". Собр.соч. т.4, с.230

28 декабря

К.Д.Бальмонт записывает в записную книжку И.Э. стихотворение "Я слышал варварскую речь".

ЗК-1917

1918 год

15 января

В газете "Мысль" - стихотворение И.Э. "Судный день". Там же, в "Хронике поэтической жизни":

Поэт И.Эренбург выпускает в ближайшие дни небольшую книжку стихов о последних революционных событиях. Книжка уже печатается издательством "Северные дни".

Январь

И.Э. посещает вечера в доме С.Г.Кара-Мурзы:

У Кара-Мурзы собирались главным образом молодые - там Алексей Николаевич[1] был классиком. Поэт Липскеров нараспев читал стихи о красотах Востока. Приходила Вера Инбер.

ЛГЖ, т.1, с.278

В.В.Маяковский после одного из этих вечеров написал Л.Ю.Брик:

Кафе омерзело мне. Мелкий клоповничек. Эренбург и Вера Инбер слегка еще походят на поэтов, но об их деятельности правильно заметил Койранский:

Дико воет Эренбург,
Одобряет Инбер дичь его...

Б.Янгфельдт. "Любовь это сердце всего". М., Книга, 1991, с.50

27 января

В газете "Труд" статья И.Э. "Интеллигенция и революция. (По поводу статьи А.Блока)":

Блок зовет нас понять происходящее, прислушаться к музыке революции, к ритму ее. Мне кажется, что я сейчас, закрыв глаза, слушаю. Вот крики убиваемых, пьяный смех, треск револьверов, винтовок, пулеметов, плач "подайте хлебушка, милостивец" - целых губерний и бодрый гимн марсельцев, запеваемых чисто по-русски на похоронный лад.

Я слышу, как поют, стреляют, хоронят. Кто? Кого? "Товарищи красногвардейцы большевики Пресненского района РСДРП" расстреливают "товарищей меньшевиков Пресненского района РСДРП". Я слышу много

---
1 Толстой

голосов, но нет среди них радостного, кроме разве сентиментального чириканья германских радиотелеграмм, над всем слышу один крик - всех, всех, большевиков, меньшевиков, просто людей "Доколе? Доколе?"

28 января

Газета "Мысль" сообщает:

Группа писателей и поэтов организовала свое бюро, преследующее чисто профессиональные цели. В число членов бюро вошел ряд известных имен. Из писателей - Ал.Толстой, Б.Зайцев, Ив.Бунин, Вл.Лидин и др.; из поэтов - К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Белый, В.Иванов, И.Эренбург, Вл.Ходасевич и др.

- Вышел из печати сборник стихов И.Э. "Молитва о России". И.Э. рассылает книгу поэтам.

ЗК-1917

Начало года

Е.С.Кругликова делает силуэтный портрет И.Э. на основе своего парижского рисунка 1912 г.

Опубликован в книге: Е.Кругликова. "Силуэты современников". Вып.1. Поэты. М., "Альциона", 1922

17 февраля

И.Э.посещает очередное собрание "Среды":

Вчера был на собрании "Среды". Много было "молодых". Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямотой суждений, был в мягкой рубахе без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник.

Читали Эренбург, Вера Инбер. Саша Кайранский сказал про них:

Завывает Эренбург,
Жадно ловит Инбер дичь его
Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева.

И.Бунин. "Окаянные дни" (В кн. И.Бунин. Лишь слову дана жизнь. М., "Советская Россия", 1990, с.243-244).

19 февраля

И.Бунин записывает в дневнике:

Блок открыто присоединяется к большевикам. Напечатал статью, которой восхищается Коган[1]. Я еще не читал, но предположительно рас-

---

1 П.С.Коган

сказал ее содержание Эренбургу - и оказалось, очень верно. Песенка-то вообще не хитрая, а Блок человек глупый.

Там же, с.245

20 февраля

В "Русских ведомостях" первая рецензия на "Молитву о России":

Чтобы так говорить о России, как говорит Эренбург, надо любить ее глубоко и мучительно, - и надо с острой сердечной болью переживать то, что сейчас происходит с ней. Пишущий эти строки далеко не разделяет отчаяния, звучащего в книжечке Эренбурга, но нельзя не признать, что самим поэтом это отчаяние пережито подлинно, так искренне, что отсюда-то и проистекает основной недостаток "Молитвы о России": исступленное уныние Эренбурга так напряженно, что он не в силах творчески переработать его, придать ему гармоническую форму создания художественного. В Эренбурге человек точно схватил за волосы художника , - и таскает его, гнетет, терзает. И поэтому "Молитва о России" - стон, плач, вопль, что угодно, только это или уже не стихи, или еще не стихи.

23 февраля

В газете "Труд" - очерк И.Э. "С тяжкой ношей"

24 февраля

Газета "Раннее утро" сообщает о выходе 12-го сборника альманаха "Сполохи", в котором напечатано стихотворение И.Э. "В люльке"

- В литературно-художественном кружке состоялось очередное заседание литературного общества "Среда" (...)

Беллетрист и драматург Сергей Ауслендер познакомил кружок с двумя своими новыми рассказами: "В царскосельских аллеях" и "Московская принцесса" (...)

В прениях приняли участие И.Эренбург, Андрей Соболь, Т.Краснопольская, М.А.Осоргин.

Эпоха (Москва), 25 февраля 1918.

25 февраля

- Газета "Понедельник власти народа" сообщает:

Сегодня в театре Я.Южного состоится вечер московских писателей, на котором прочтут свои, еще нигде не напечатанные произведения: Ю.Балтрушайтис, Ив.Бунин, Андрей Белый, Вяч.Иванов, Вл.Лидин, И.А.Новиков, Н.Никандров, Андрей Соболь, Алексей Толстой, Владисл.Ходасевич и И.Эренбург.

1918

25 февраля

В газете "Понедельник власти народа" статья И.Э. "Большевики в поэзии":

Принят большевизм. Но эта подделка преображения мира не заставит нас отказаться от веры в возможность иной правды на земле. Выйдя из футуристического кабака, мы не окунемся с радостью в тепленькую ванную нашей поэзии, а еще острее возжаждем горного ключа, подлинного Рождества нового искусства.

3 марта

Состоялось очень интересное и оживленное заседание литературного кружка "Среда": гр.Ал.Н.Толстой прочел новую свою сказку, а поэты Н.Крандиевская и А.Журин - стихи (...) В прениях, очень живых и как всегда в "Среде", очень горячих, приняли участие: Ив.Бунин, Бор.Зайцев, Вл.Ходасевич, А.Койранский, Андрей Соболь, И.Эренбург.

Понедельник власти народа, 1918, 11 марта

5 марта

И.Э. участвует в поэтическом "вторнике" в доме С.Г.Кара-Мурзы.

В литературных кругах Москвы давно уже известны "вторники" в доме С.Г.К.-М., большого ценителя литературы и тонкого знатока книги (...) На "вторнике" поэтов читали: Амари, Вл.Волькенштейн, Вера Инбер, Н.Крандиевская, Л.Никулин, Вл.Ходасевич и И.Эренбург.

Понедельник власти народа, 1918, 11 марта

Зимой 1917/18 года мы часто бывали у С.Г.Кара-Мурзы, верного и бескорыстного друга писателей; там мы ужинали, читали стихи, говорили о судьбе искусства. Возвращались мы поздно ночью ватагой.

ЛГЖ, т.1, с.151

11 марта

В газете "Понедельник власти народа" - статья И.Э. "Леон Блуа":

Умер необыкновенный человек, умер большой писатель (...) Я видел его еще прошлой весной. Больной уже, он бодро держался и огоньки зажигались порой в его быстрых гальских глазах, под седыми, нависшими бровями. Это были "дни германского отступления".

С такой гордостью повторял он имена "Нуайон", "Ласиньи" - городки, освобожденные от врага. Потом снова неудачи, тревожные вести с востока, грозные воспоминания 71 года (...) Сердце, так любившее жестокую мать Францию, не вынесло отчаяния и надежд.

1918

15 марта

В статье "Братская могила", напечатанной в "Газете футуристов", В.Маяковский пишет:

...Эренбург, "Молитва о России". Скушная проза, печатанная под стихи. С серых страниц - подслеповатые глаза обремененного семьей и перепиской канцеляриста. Из великих битв Российской Революции разглядел одно:

Уж матросы забегали по лестницам;
Сучьи дети! Всех перебьем!"

Из испуганных интеллигентов.

В.Маяковский. ПСС, т.12, М., 1959, с.10

18 марта

Вышел первый номер газеты "Московский вечер", в числе сотрудников которой объявлен И.Э.

19 марта

В газете "Понедельник власти народа", в рубрике "Силуэты" - очерк И.Э. "Бальмонт".

22 марта

Газета "Вечерняя жизнь" сообщает, что в издательстве "Верфь" на днях выходит сборник "Пережитое (в год революции)" с участием К.Бальмонта, А.Н.Толстого, И.Эренбурга, А.Соболя, О.Мандельштама и других.

(В вышедшем сборнике редакция сообщила, что по техническим причинам в книгу не вошел ряд произведений, в том числе стихотворение И.Эренбурга "Песнь об одном прапорщике").

24 марта

В газете "Московский вечер" статья И.Э. "Франция".

- Газета "Раннее утро" сообщает:

Сегодня в богословской аудитории университета состоится второй вечер писателей и поэтов, на котором прочтут свои произведения: К.Д.Бальмонт, Е.Н.Чириков, Ал.Н.Толстой, Илья Эренбург, Вл.Ходасевич, Андрей Соболь, Балтрушайтис, Вл.Лидин. Начало в 6 час. вечера.

27 марта

В газете "Новости дня" статья И.Э. "Тихое семейство":

В годы моей парижской жизни приходилось мне сталкиваться с ними и обозревать их особый примечательный быт (...) Тесные затхлые комна-

ты, на стенах обязательная открытка, сквозь коллекцию социал-демократических газет всех стран выглядывает голова Маркса. Полуголодный обед в столовке - каждый день та же "kacha noire". Иногда развлечения - рефераты в сарае на "Avenue d'Choisy". У входа бундовцы торгуют портретами Каутского и апельсинами (...)

Но вот все переменилось! Тов. Ленин мог хорошо блюсти чистоту партии, разбивая неверных - и объединенцев, и впередовцев, и ликвидаторов, но ныне он ограждает Россию от германцев, японцев, турок, румын. Пока тов.Луначарский "строил Бога":, учил большевичек пролетарской культуре - это было скучно, но безобидно, теперь науки и искусство российские в его руках (...) Мир! Дивись! Величайшим государством мира правит это тихое партийное семейство!

28 марта

Газета "Вечерняя жизнь" сообщает, что литературные "Среды" объявляют конкурс для начинающих писателей. В составе жюри - И.Бунин, А.Н.Толстой, И.Эренбург и другие.

29 марта

Газета "Вечерняя жизнь" сообщает:

Илья Эренбург готовит сборник своих переводов старых испанских поэтов. На одном из "вторников" в доме С.Кара-Мурзы им был прочитан ряд отрывков, ярко передающих основные мотивы и темы кастильской лирики 11 и 12 столетий (...) Переводы И.Эренбурга дают возможность русским читателям впервые познакомиться с Испанией по таким вечным ее памятникам, как народные песни и лирические стихи ее старых поэтов.

30 марта

В газете "Вечерняя жизнь" статья И.Э. "Вечер французской поэзии".

- Газета "Эпоха" сообщает:

В пользу нуждающихся семей журналистов В.Е.Ермилова и А.М.П. устраивается концерт, в котором выступят: Ал.Толстой, Е.Чириков, Ю.Балтрушайтис, Л.Никулин, И.Эренбург, А.Могилевский, И.Добровейн, О.Гзовская, В.Максимов.

1 апреля

В рубрике "Силуэты" газета "Понедельник власти народа" печатает очерк И.Э. об А.Н.Толстом.

- В газете "Вечерняя жизнь" статья И.Э. "Тогда и теперь".

2 апреля

В газете "Новости дня" статья И.Э. "Лужи крови и капли росы".

- Очередной "вторник" у С.Кара-Мурзы был посвящен беседе о театре. Вступительное слово прочел Ю.В.Соболев, совершивший "прогулку по садам московских театров". В длительных прениях приняли живое участие граф А.Н.Толстой, Е.Чириков, В.Волькенштейн, И.Эренбург, А.Соболь и др.

Новости дня, 1918, 3 апреля

- Газета "Новости дня" сообщает:

Открытие выступления писателей и композиторов в кафе "Элит" (Петровская линия) состоится завтра, в среду, 3-го апреля. В программе вечера - граф А.Н.Толстой, Вл.Ходасевич и А.Могилевский. В четверг читают К.Бальмонт и И.Новиков, в пятницу - Е.Чириков и В.Инбер, в субботу - Г.Чулков, И.Эренбург и Добровейн.

3 апреля

В помещении кафе "Элит" кружок московских писателей устроил свое первое "выступление" - не было это официальным выступлением, но дружеским вечером. Поэт Эренбург в небольшом вступительном слове указал на задачи кружка. В дни общего уныния искусство "продолжается". В бомбардируемом Париже закрылись увеселительные учреждения, стих смех, но и под снарядами в церквах толпились молящиеся. Для подлинных художников - искусство - молитва. Утопающие с корабля бросают в море бутылку с последними надеждами и пожеланиями. Кто поднимет их? Такими бутылками, кидаемыми в море читательской массы, были книги. Теперь книги, альманахи, журналы не выходят. Единственное средство общения писателя с читателями - устройство литературных вечеров.

Первыми читал свои сказки гр.Толстой. Обычное мастерство и настоящий народный юмор порадовали слушателей. Вл.Ходасевич прочел нежные и тонкие стихи.

Понедельник, 1918, 8 апреля.

4 апреля

В газете "Новости дня" - статья И.Э. "Социалистическое строительство и мэр Перпиньяна":

Вы шепчете, что еще вчера ночью вашего племянника мимоходом расстреляли на Арбате, что вашу бабушку совершенно случайно утопили где-то в Евпатории, что... Какие скучные и неинтересные детали. Ведь поймите, Свердлов составляет советскую конституцию и все наши вольности подтверждаются, закрепляются на год, надолго, навек!

Вы все еще не радуетесь? Вы что-то шепчете? Вы хотели бы куда-то... за границу... Безумец, теперь, когда миллионы иностранцев - германцев, австрийцев, шведов, румын, японцев жаждут войти в ворота нашего социалистического рая, познать все услады, обнадеженные великодушием советской власти (сие относится, разумеется, к декрету о мобилизации)

вы вздыхаете о буржуазных странах! Столько свобод! О свободе печати или о неприкосновенности личности, я полагаю, знает всякий младенец. Но не все постигли, что и свобода совести царит на Руси. Разве не объявлен Исаакиевский собор собственностью трудовой коммуны? Разве не читаем мы каждодневно в "Красной Газете" и в других утешительных изданиях такого рода сообщения: "в Солигаличе при осаде монастыря нами убито три попа", "в Городке за преподавание Закона Божия арестован поп" и т.п. Идет усиленное социалистическое строительство, и свобода совести, с неменьшим рвением, чем свобода печати, проводится в жизнь.

9 апреля

В газете "Новости дня" - статья И.Э. "Льстецы "его величества":

Лет шесть тому назад г.Луначарский жил в Париже, еще не обремененный министерской работой и выявлял свои универсальные познания в "Дне", "Киевской мысли" и других буржуазных газетах, ныне закрытых не без его участия.

Тогда напечатал он статейку об одном молодом скрипаче, озаглавив ее "Солист Его Величества". Дело в том, что скрипач был самоучкой из эстонских крестьян и вдобавок еще социал-демократ. На этом основании г.Луначарский нашел, что он "по-пролетарски исполняет Баха" и объявил бедного музыканта "Солистом Его Величества" Пролетариата. Очевидно исполнять "по-пролетарски" в устах Луначарского не означало "неумело" или "плохо", но слушал я этого скрипача (играл он, надо сказать, скверно) и никаких классовых признаков в его игре я не мог найти. Как-то пришлось слышать еще, как сам г.Луначарский плохо декламировал плохие стихи Игоря Северянина и опять напрасно гадал я: по-буржуазному или по-пролетарски читает он?..

Если пролетариат - "Его Величество", то у него, как у всякого "Величества" должны быть не только придворные солисты, но и свои льстецы. Они стоят над ухом "величества" и шепчут: - Его величество не умеют читать по-буржуазному, но это только украшает Его Величество. Его Величествго сказало: "ммм" - какое гениальное произведение!

Они не смеют честно и прямо сказать рабочим, что им нужно много и долго учиться, чтобы приобщиться к прошлой и настоящей культуре, чтобы постигнув ее до конца, стараться со всем мыслящим человечеством преодолеть ее и обрести новые пути. Они предпочитают, усадив их на мишурный и зыбкий трон, шептать свои льстивые глупости.

Бедное "Его Величество"!

- В газете "Вечерняя жизнь" опубликован очерк В.Чертольева "Арбат. Уходящая Москва":

В большом доме, в теплом кабинете сидит и пишет Алексей Толстой, этот русский писатель, в творчестве которого сочетались в таком чудесном сочетании зоркий наблюдатель, фантазер и верующий и нежный человек. Днем вы встретите его, немного неуклюжего, в Кривом пере-

улочке; встретите и другого странного, волосатого человека, пузатого от рукописей и газет, которыми набиты карманы его полосатого пальто, с неизменной трубочкой во рту - поэта и переводчика Эренбурга, этого кликушу в его теперешней темной и религиозной поэзии, в которой каждая строка - великое страдание за Россию, она недобро встретила его, изгнанника, недавно лишь вернувшегося из Парижа.

А иногда досужая баба поглядит с веселым любопытством вслед вовсе странному человеку в шапке с клобуком, с сияющими серыми полубезумными глазами - это пробирается по скользкому тротуару Андрей Белый...

13 апреля

В газете "Новости дня" - статья И.Э. "Четыре" о поэтессах Н.Крандиевской, М.Цветаевой, В.Инбер и В.Меркурьевой.

Там же сообщение:

За короткое время своего существования "Трилистник" познакомил слушателей с целым рядом писателей и поэтов. Успели выступить - граф А.Н.Толстой, Е.Чириков, Георгий Чулков, Андрей Соболь, Вл.Лидин, Бальмонт, Эренбург, Крандиевская, Инбер, Ходасевич и др.

14 апреля

И.Э. выступает с чтением стихов в кафе "Трилистник":

Мирное житие далекого от шумной улицы кафе было нарушено вчера "очередным" выступлением г-на Маяковского. Лишившись трибуны в закрывшемся "Кафе поэтов", сей неунывающий россиянин, снедаемый страстью к позе и саморекламе, бродит унылыми ночами по улицам Москвы, заходя "на огонек" туда, где можно выступить и потешить публику. Вчера, однако, г-н Маяковский ошибся дверью.

Публике, собирающейся в "Трилистнике", оказались чужды трафаретные трюки талантливого поэта. Сорвав все же некоторое количество аплодисментов, г-н Маяковский удалился. Волнение улеглось. Вновь зазвучали прекрасные стихи В.Ходасевича и Эренбурга. С большим вниманием был прослушан новый рассказ И.А.Новикова. "Трилистник" определенно начинает завоевывать симпатии публики.

Новости дня, 1918, 15 апреля

- Помню вечер, когда в кафе пришел А.В.Луначарский. Он скромно сел за дальний столик , слушал. Маяковский предложил ему выступить. Анатолий Васильевич отказался. Маяковский настаивал: "Повторите то, что вы мне говорили о моих стихах". Луначарскому пришлось выступить: он говорил о таланте Маяковского, но критиковал футуризм и упомянул о ненужности саморасхваливания. Тогда Маяковский сказал, что вскоре ему поставят памятник - вот здесь, где находится "Кафе поэтов". Владимир Владимирович ошибся всего на несколько сот метров - памятник ему поставили недалеко от Настасьинского переулка.

1918

ЛГЖ, т.1, с.260

15 апреля

В рубрике "Силуэты" газета "Понедельник" публикует очерк И.Э. о Б.Савинкове (Ропшине):

Лицо или маска? Два романа, в которых средь филисофствований и обличений порой слышится голос пророка. Стихи - сквозь поэтические упражнения прорывается такой покаянный вопль, что читатель с книжкой наедине боится остаться. Какие уж тут стихи! Лицо или маска?

И как говорить о Ропшине, когда все еще не успели отвести глаз от страшного игрока Савинкова? Может быть, лицо давно уже стало маской? А может быть, маску нельзя снять, ибо она срослась с живой плотью? Парижское кафе. Среди французских писателей и журналистов учтивый человек, в котелке, с лицом искусного дипломата. Какой прекрасный выговор! Какая тонкая речь! Недаром собеседники шепчут "charmeur!", очаровательно! Но вот что-то слишком долго улыбается, будто из вежливости улыбнулся и забыл, что пора кончать (...)

В сентябре в последний раз мы встретились и попрощались и я долго глядел ему вслед, уходящему по одному из слишком прямых проспектов ненавистного ему Санкт-Петербурга.

16 апреля

Во вторник, 3/16 апреля, техническая комиссия студентов-воинов устраивает вечер московского товарищества писателей в богословской аудитории университета, в котором примут участие: К.Д.Бальмонт, Андрей Белый, Вл.Лидин, Иван Новиков, Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Евгений Чириков и Илья Эренбург.

Вечерние вести, Москва, 1918, 12 апреля

18 апреля

"Трилистник". Сегодня, при участии К.Бальмонта, И.Эренбурга, Фридберга (скрипка) и г-жи Калиновской (пение) состоится "Вечер поэзии и музыки Испании".

Новости дня, Москва, 1918, 18 апреля

22 апреля

В газете "Новости дня" статья И.Э. "Le roi s'amuse"[1]:

---

1 Король забавляется .(франц.)

Народные комиссары хоть и мудрые правители, но все же люди. Весна даже их располагает к мечтательности и некоторому легкомыслию (...) Вчера на выставке "сюпрематистов" я встретил г-на Комиссара по изобразительным искусствам. Это мой давнишний знакомый по Парижу, плохой художник, но человек кроткий. Он собирается с согласия г.Луначарского "насаждать новое искусство". О, менее всего меня - ярого приверженца западно-европейского кубизма - можно упрекнуть в ненависти к исканиям молодых художников и поэтов. Но какая дикая мысль "насадить" искусство, до которого сознание не только народа, но и самих художников не дошло. Ах, г.Луначарский, вы одинаково угрожаете российским искусствам и с Маяковским - Татлиным и с Котомкой - Жолткевичем. Вся беда в том, что понимание искусства дается труднее, чем комиссарский портфель.

- Газета "Понедельник" сообщает о конкурсе для начинающих писателей в литературном обществе "Среда". Среди членов жюри И.Бунин, А.Толстой, И.Эренбург и другие.

- Газета "Вечерние вести" сообщает:

Завтра, 23 апреля, выходит новая большая ежедневная газета "Жизнь", под общей редакцией Алексея Борового. Следующим образом газета распределяет свои устремления: последовательное, до конца идущее раскрепощение человека. Защита культурных ценностей общечеловеческого значения. Изыскание новых организационных планов в делах экономического возрождения страны. Проповедь свободного и радостного творчества.

Среди участников газеты можно назвать: Ю.И.Айхенвальда, С.Ауслендера, Ю.Балтрушайтиса, Георга Спандеева, В.Брюсова, Андрея Белого, Вл.Волькенштейна, И.И.Горбунова-Посадова, Н.Крандиевскую, Н.Никандрова, Я.Новомирского, П.С.Оленина, В.Павлова, М.Пришвина, Н.Проферансова, Алексея Ремизова, Г.Б.Сандомирского, Федора Сологуба, гр. А.Н.Толстого, Вл.Ходасевича, И.Эренбурга, Г.Н.Якулова и мн. др.

23 апреля

Выступление Н.Крандиевской и И.Э. в кафе "Элит":

"Трилистник" Кафе Элит. (Петровская линия). Во вторник 23 апреля н.ст. съезд с 8 час. веч. Н.И.Бромлей, Нат.Крандиевская, стихи И.Эренбург, П.И.Сухачев, И.В.Штокн (рояль) и др.

Родина, М., 1918, 23 апреля

24 апреля

В газете "Жизнь" - статья И.Э. "Две правды":

Недавно появилась чрезвычайно любопытная книжка: под одной обложкой объединены письма философа, а в те дни артиллерийского прапорщика Ф.Степуна и газетные статьи комиссара 7 армии Савинкова-

Рошшина. Они оба много видели, много познали. Не "приятели издали" они оба прошли через войну. Их свидетельства могут прояснить для нас многое из совершающегося ныне, наш эпилог, могут, если не снять покрывала с лица страшной гостьи, поведать о подсмотренных на лету чертах.

Степун тонко, умно, обаятельно описывал жене и дни свои и думы (...) Савинков писал для газет, будучи ответственным лицом, и зачастую его статьи - лишь прокламация. Но и в них проступает свое личное постижение войны. Безумие, кошмар - да! да! Не ложь, не "сошедшие с ума истины" ему всего страшней, но кровь, но смерть, смерть просто, как она есть, падающих кругом людей, своих, врагов. С тоской беспредельной, как спускающаяся ночь, говорит Савинков о смерти.

26 апреля

Сегодня вечер московского товарищества писателей с участием Бальмонта, Белого, Лидина, Новикова, Толстого, Ходасевича, Чирикова, Эренбурга и студентов-воинов Александра Крылова и Льва Брусиловского в Богословской аудитории университета, новое здание, Моховая, в 6 1/2 ч.

Заря России, М., 1918, 26 апреля

27 апреля

Выходящая в Москве газета "Родина" публикует "Письмо в редакцию":

Не откажите дать место следующему заявлению: Ввиду обнаружившейся неприемлемости для меня политической позиции газеты "Жизнь", я больше сотрудником ее не состою. И.Эренбург.

- Сегодня в театрах: "Трилистник" (Кафе "Элит"). Съезд в 6 ч.в. 1. Илья Эренбург, Андрей Соболь, Марина Цветаева и др. 2. Музыкальное отделение.

Новости дня, 1918, 27 апреля

29 апреля

В газете "Понедельник" в переводе и с предисловием И.Э. "Стихи о смерти" Хорхе Манрике.

- "Трилистник". Сегодня и завтра в "Трилистнике" последние перед пасхой выступления. На Пасхальной и Фоминой неделях состоятся "пушкинские" и "парижские" вечера, к участию в которых привлекаются новые силы. Сегодня выступят: Андрей Белый, Ив.А.Новиков, Вера Инбер и И.А.Добровейн. Завтра: А.Н.Толстой, И.Эренбург, В.Ходасевич и И.А.Добровейн.

Новости дня, 1918, 29 апреля

1918

30 апреля

И.Бунин записывает в дневнике:

Был Цетлин, приглашал в эсеровскую газету (Бунаков, Вишняк и т.д.). Литературный отдел все тоже очень сплачивающаяся за последнее время (...) компания - Гершензон, Шестов, Эренбург, В.Инбер и т.д. Дал согласие. Что делать! Где же печататься, чем жить?

И.Бунин, "Окаянные дни". М., "Советский писатель", 1990, с.60

Апрель-май

И.Э. пишет роман в стихах "В звездах".

11 мая

Сегодня в пользу фонда "Фельдшерского дома" "Вечер писателей" (Ю.В.Соболев, А.Толстой, Е.Чириков, В.Ф.Ходасевич и Эренбург), в зале военно-фельдшерской школы, Лефортово, в 5 час. вечера.

Заря России, М., 11 мая

- Газета "Наше время" сообщает:

Возник "Клуб московских писателей", к которому, не покидая "Среды" отошла постепенно и часть "признанных".

Во главе этой новой организации стали такие силы, как В.Брюсов, А.Белый, Бор.Зайцев, И.Новиков, А.Н.Толстой и молодежь - Андрей Соболь, В.Лидин, поэты И.Эренбург, В.Ходасевич и др.

Исполнительные собрания "Клуба писателей", посвященные чтению и разбору произведений, не появляющихся в печати, и беседам на общелитературные темы, в настоящее время происходят в помещении Художественного театра.

12 мая

И.Бунин записывает в дневнике:

"Среда", читал Лидин ("Олень"), стихи - Ходасевича и Копылова (...) Эренбург, Соболь - все наглеет. Эренбург опять стал задевать меня - пшютовским, развязным, задирчатым тоном. Шкляр - "страстную" речь по этому поводу, я сказал: "Да, это надо бросить!" Начался скандал. Толстой, злой на меня за "Элиту", на их стороне. "Эренбург - большой поэт". А как он три месяца тому назад, после чтения стихов Эренбургом ругал Эренбурга.

И.Бунин. "Окаянные дни", с.64

- "Трилистник" кафе "Элит" (Петровская линия). Сегодня съезд с 8 ч.в. Георгий Чулков, И.Эренбург, Вера Инбер.

Жизнь, 1918, 12 мая

- Вместе с И.Буниным, Н.Крандиевской и др. И.Э. принимает участие в обсуждении рассказа В.Лидина и стихов В.Ходасевича в "Среде".

Раннее утро, 1918, 14 мая

17 мая

Газета "Жизнь" объявляет о выходе двенадцатой книги альманаха "Сполохи", где опубликовано стихотворение И.Э. "Божья люлька".

Май

И.Э. знакомится на литературном вечере в Москве с О.Э.Мандельштамом, о чем, не называя фамилии поэта, рассказал в статье "Стилистическая ошибка":

Недавно в одном литературном салоне один небезызвестный поэт, безукоризненный эстет из "Аполлона", с жаром излагал свои большевистские идеи (...) Окончив большевистскую прозу, поэт перешел к стихам; здесь-то и произошло некоторое замешательство. Среди прочих стихотворений оказалась хвалебная ода Керенскому. Герои поэта - большевики - в оном произведении презрительно именовались "октябрьскими жалкими временщиками". Здесь, каюсь, и я удивился и даже полюбопытствовал:

- Когда вы написали это стихотворение? - Зимой, в ноябре.
- Значит, вы с тех пор изволили переменить свои убеждения?
- Нет! (Сие с достоинством)
- А "временщики"?
- Это ... Но это - стилистическая ошибка.

Середина мая

И.Э. Присутствует на докладе А.Б. Дермана "Творчество Блока" в "Среде". И.А. Бунин вспоминал об этом вечере:

Московские писатели устроили собрание для чтения и разбора "Двенадцати", пошел и я на это собрание. Читал кто-то, не помню, кто именно, сидевший рядом с Ильей Эренбургом и Толстым. И так как слава этого произведения, которое почему-то называлось поэмой, очень быстро сделались вполне неоспоримой, то, когда чтец кончил, воцарилась сперва благоговейное молчание, потом послышались негромкие восклицания: "Изумительно! Замечательно!"

Воспоминания об А.Н. Толстом. 2-е доп. изд. 1982, с.85

Май

С. Есенин дарит И.Э. книгу "Голубень" с надписью: "Милому недругу в наших воззрениях на Русь и Бурю. И. Эренбургу на добрую память от искренне любящего С. Есенина".

В. Белоусов. Сергей Есенин. Литературная хроника.
М., Советская Россия, 1970, с.399

1918

Весна

Встречи И.Э. с В.Я. Брюсовым:

Вспоминаю "Кафе поэтов" в Москве в 1918 году. Приходили туда люди, мало причастные к поэзии, - спекулянты, дамочки, молодые люди, именовавшие себя "футуристами". Валерий Яковлевич объявил, что будет импровизировать терцины на темы, заданные посетителями. Ему посыпались дурацкие записки. Он как будто не замечал ни официантов с их криками "два кофе, два!", ни смеха подвыпивших матросов. Строгий, торжественный, он читал стихи; у него был странный голос, когда он декламировал, резкий, отрывистый. Читая, он откидывал голову назад. Он походил на укротителя, только перед ним были не цирковые львы, а слова. Он сочинял терцины то о Клеопатре, то о барышне, сидевшей за столиком, то о прозрачных городах будущего.

ЛГЖ, т.1, с.235-236

3 июня

Газета "Понедельник" печатает очерки И.Э. "Среди кубистов" (П. Пикассо, Д. Ривера, Ф. Леже).

5 июня

В газете "Возрождение" статья И.Э. "Стилистическая ошибка".

10 июня

В газете "Понедельник" - очерк И.Э. "Парижские кафе" (опубликован под псевданимом Ирэн) и статья "На костре" (о современной французской поэзии).

11 июня

В газете "Жизнь" С. Ауслендер откликнулся на статью И.Э. "Стилистическая ошибка" фельетоном "Литературная демагогия".

16 июня

Газета "Возрождение" сообщает о готовящемся в скором времени выходе первого литературного сборника "Еврейский мир" (в нем - "Баллада об Исаке Зильберсоне" И.Э., написанная в Эзе в 1916 г.)

- В газете "Понедельник" под заголовком "Париж" - отрывок из романа в стихах И.Э. "В звездах".

18 июня

В газете "Возрождение" - статья И.Э. "Карл Маркс в Туле":

1918

Идеи Маркса всколосились на Руси: в Туле - юбилей, в Пензе памятник. За четверть часа до прихода немцев в городах и селах спешно подымают руки "за братство трудящихся". Я знаю, что многих это умиляет и наводит на возвышенные мысли. Иные искренне верят, что в октябре 1917 г. Россия приняла на себя мученический крест за весь мир. Отказ от жертвы они принимают за жертву. Но нельзя любить человечество, проходя равнодушно мимо своей жены, детей, друзей. Нельзя разлюбив, или еще не полюбив Россию, - любить мир. (...) Это в Европе социализм одно, а "руби! хватай!" другое; это в Европе Маркс травил даже Бакунина; у нас в Туле Карл и Стенька - закадычные друзья.

20 июня

Газета "Наше время" сообщает:

Со второго полугодия в Москве начинает выходить новый литературно-художественный журнал под названием "Литературный ежемесячник". В первой (июльской) книжке будут напечатаны произведения: Валерия Брюсова, Георгия Чулкова, Вячеслава Иванова, Ю. Айхенвальда, И. Матусевича, Ивана Новикова, Н. Бромлей, Марины Цветаевой, М. Рослякова, Льва Никулина, И. Эренбурга и др.

22 июня

Газета "Возрождение" сообщает о содержании подготовленного редакцией воскресного выпуска газеты: Амари - из поэмы "Декабристы"; Ф. Степун "Мысли о России"; М. Гершензон "Вчера и сегодня"; И. Эренбург "Странная любовь"; Г. Рачинский "Вселенское и интернационал"; И. Сурож "Ленин и Троцкий"; Б. Волин "Два министра".

После этого газета была закрыта и больше не выходила. Статья И.Э. осталась неопубликованной.

Июнь

Выходит N 3-6 журнала "Русская мысль" с переводами И.Э. "Песни крестовых походов".

1 июля

В газете "Понедельник" - статья И.Э. "Рыцари" (об английских и французских воинах).

6 июля

В Москве убит германский посол В. Мирбах; началось восстание левых эсеров. С 7 июля в Москве закрыты все лево-эсеровские (и вообще, не большевистские) газеты, в которых мог сотрудничакть И.Э.: "Взрож-

дение", "Понедельник", "Жизнь", "Вечер Москвы", "Московский вечер", "Новости дня", "Вечерняя жизнь", "Труд" и многие другие.

20 июля

Вышел первый номер литературно-художественного журнала Совета Всероссийских профессиональных железнодорожных союзов "Путь", в котором напечатан перевод И.Э. "Старая испанская песня" и его стихотворение "Дорога".

Сентябрь

И.Э. уезжает из Москвы в Киев.

- В сентябре мне пришлось бежать из Москвы, ибо большевики меня брали заложником. Путь кошмарный, но кое-как доехал я. Вскоре за мной поехали на Украину родители.

Из письма И.Э. М.А. Волошину от 30 окт. 1918
л.38

- В Киеве И.Э. останавливается на квартире своего двоюродного брата профессора-венеролога Александра Григорьевича Лурье (Б. Подвальная, 2).

- Против церкви "Всех скорбящих" на Сенном базаре поселился Илья Эренбург. Там же жил и Бенедикт Лившиц. Эренбург ходил в те времена в пальто, волочившемся по тротуарам, и в испанской широкополой шляпе. Он был не то католиком, не то православным. В комнате его на окнах, стульях и столах - всюду лежали сборники стихов.

(...) Марджанов задавал тон театру, Исаак Рабинович и Экстер - живописи, Эренбург - поэзии.

Н. Ушаков. "Киев и его окрестности". Ветер Украины.
Альманах Ассоциации революционных русских писателей.
Киев, 1929, с.121, 122

2 октября

И.Э. пишет из Киева поэтессе В.А. Меркурьевой:

Сижу пока в Киеве. На днях, вероятно, еду с антрепенером в Бердичев!!! и прочие самостийные города читать стихи, б.м. заработаю что-либо, а то с копейками плохо. Здесь очень худо. Хочу в Швейцарию (если нет, жду Вас и Елизавету Юрьевну[1], чтобы ехать в Владикавказ и Кубань.)

ЦГАЛИ, ф.2209, оп.1, ед.хр.42, л.1

13 октября

В Полтаве скончалась мать И.Э. Анна Борисовна Эренбург.

---

1 Кузьмина-Караваева.

1918

16 октября

И.Э. приезжает из Киев в Полтаву:

Мама в пути заболела воспалением легких и приехав в Полтаву умерла. Меня вызвали телеграммой, но я не успел.

Из письма И.Э. Волошину 30 окт. 1918

- Когда я добрался до дома моего дядюшки, отец, сгорбившись сидел в передней: он только что вернулся с кладбища. Я опоздал на два дня и не простился с матерью. В жизни почти каждого человека смерть матери многое внутренне меняет. Я с семнадцати лет жил далеко от родителей, и все же почувствовал себя сиротой. Шел холодный дождь, цветы на могиле быстро почернели от ранних заморозков. Я не знал, что сказать отцу: мы оба молчали. Я пробыл с ним две или три недели; об этом можно было бы многое рассказать, можно и промолчать.

ЛГЖ, т.12, с.281

- Когда Анна Борисовна приехала в Полтаву, ей было уже так плохо, что она не могла взойти на лестницу. Мы подняли всех врачей, но спасти ее не удалось. Мама послала Илье Григорьевичу в Киев телеграмму, но на похороны он не поспел. Прожил у нас в Полтаве недели три. Один или два раза мы вместе с ИГ ходили к Короленко (Короленко знал, что мы - родственники ИГ; он хорошо об ИГ отзывался). Вскоре ИГ вернулся в Киев, а Григорий Григорьевич прожил в Полтаве до 1919 года, когда мы с мамой и сестрами уехали в Харьков; он тоже тогда уехал в Харьков к своему брату.

Запись беседы с А.М. Аренштейн (двоюродная сестра И.Э.)
15 января 1982 г. (АФ)

30 октября

И.Э. пишет из Полтавы Волошину в Коктебель:

Это время был с отцом, на днях еду в Киев, а потом намерен пробраться в Швейцарию. Надеюсь, что удастся. О жизни в Москве трудно тебе сказать что-либо. Это наваждение, но более реальное, чем когда-либо существовавшая реальность (...).

Я написал роман (в стихах) “В звездах”, большую мистерию “Золотое сердце”, много стихов и тьму статей.

л.38

Ноябрь

И.Э. возвращается в Киев.

- Знакомство И.Э. с пианисткой Б.А. Букиник.

(А.Ф)

- И.Э. читает в Киеве лекцию об А.А. Блоке:

Лекция состоялась в литературном кружке на Николаевской, где часто выступали писатели, поэты, актеры. Лекция была интересная, но что именно говорил Эренбург в Блоке, я теперь не помню. Помню только, что он читал много блоковских стихов. (...)

Эренбург организовал в Киеве студию художественного слова и через день вел там занятия. Когда я узнала, что он читает лекции о западно-европейской поэзии (я и прежде слышала, что ближе всех ему Франсуа Вийон, что этот разбойник мыслил также как он), я спросила, что же ты меня не берешь с собой послушать? - А я не знал, что тебе интересно. Пошли, если хочешь (...) Лекция была не в ХЛАМе на Николаевской, а где-то на Пушкинской (...)

В мастерской художницы Экстер, на чердаке, Эренбург читал лекции о западной живописи (...)

Темы эренбурговских выступлений были различными. Так, он прочел солидный доклад против частной собственности (...)

К красным Эренбург относился скорее отрицательно, не принимал их, говорил, что они залускают семечками всю русскую культуру (Киев тогда был грязный и весь покрыт шелухой от семечек). Все чаще он повторял по-французски: "Чем больше я знаю людей, тем больше люблю собак".

Запись воспоминаний Б.А. Букиник (1976 г. - АФ)

15 ноября

В Киеве скончался дядя И.Э. Захарий Григорьевич (приехавший из Петрограда).

Киевская мысль, 1918, 16 ноября

17 ноября

И.Э. присутствует на похоронах З.Г. Эренбурга. Вынос тела из лечебницы д-ра Кулишера (Тарасовская, 9) в 11 ч. утра.

- "Киевская мысль" в разделе "Хроника" сообщает:

Литературно-артистический клуб. Во вторник, 19-го ноября (н.ст.) состоится вечер литературы и музыки. Программа вечера: 1) поэт И. Эренбург - "О современной поэзии" (Вступительное слово. А. Блок. "Двенадцать", Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Сергей Есенин и др., Владимир Маяковский). 2) писатель Андрей Соболь - отрывки из 2-й книги. Поэт И. Эренбург - "Молитва о России", стихи. Поэт Л. Никулин - "Страдиварий", стихи. 3) Музыка, пение - участвуют артисты городского театра г-жи Жабович-Покровская, г.г. Колесник, Матусевич, Филимонов, Тессельский (виолончель); г-жа Садкевич ("Летучая мышь"); г. Брон (рояль).

- Во вторник, 19 ноября (н.ст.) в литерат-арт. клубе состоится вечер музыки и литературы. Во 2-ом отделении кроме псателя Андрея Соболя и поэта Л. Никулина выступит поэт И. Эренбург, который прочтет запре-

щенные в Москве “Молитвы о России”. За это произведение И. Эренбург был внесен в список заложников и покинул Москву.

Последние новости (вечерний выпуск), Киев, 1918, 16(3) ноября

19 ноября

Несмотря на тревожные события, дирекция Литературно-артистического клуба настойчиво проводит идею литературно-музыкальных вторников и достигает, повидимому, успеха: в минувший вторник клуб был снова полон. Читал свой новый рассказ г. Андрей Соболь, выступили со своими стихами московские поэты г.г. Эренбург и Никулин. Сверх того, г. Эренбург читал реферат о современости в произведениях наших поэтов. Была также и музыкальная часть программы: артисты городского театра г-жи Волош, г.г. Матусевич и Филимонов и артистка “Летучей мыши” г-жа Садкевич. Все участвующие в вечере имели большой успех.

Киевская мысль, 1918, 22 ноября

Декабрь

В Киеве в издательстве “Летопись” вышла книга стихотворений И.Э. “В смертный час”.

Конец года

И.Э. навещает свою тетю Марию Борисовну Лурье и ее дочь Анну Григорьевну Козинцеву, в доме которой знакомится с ее детьми Любой и Гришей Козинцевыми.

1919 год

19 января

Харьковский еженедельник "Парус" № 1 сообщает:

Открыта подписка на большой еженедельник литературы и искусства и общественной мысли "Парус". Среди постоянных сотрудников М. Волошин, Г. Иванов, Р. Ивнев, Б. Лившиц, О. Мандельштам, С. Парнок, А. Соболь, Г. Шенгели, И. Эренбург и др.

- Киевское издательство "Летопись" выпустило в свет книгу рассказов Андрея Соболя - "Люди прохожие" и стихи И. Эренбурга "Смертный час" (2-ое издание "Молитва о России").

- Заканчивается печатанием вторая книга журнала "Камена". Содержание книги: стихи Аллегро, Ал. Биска, Георгия Иванова, С. Парнок, Д. Помренинга, А. Фиолетова; статьи М. Волошина, В.П., Е. Ланна, И. Эренбурга и Б. Лившица.

Январь-февраль

И.Э. работает над книгой очерков "Лик войны" на основе своих военных корреспонденций для "Утра России" и "Биржевых ведомостей".

24 февраля

И.Э. посылает с оказией в Москву письмо поэтессе В.А. Меркурьевой на адрес Вяч. Иванова. Сообщает ей о выходе книги "В смертный час", о том, что заканчивает "Лик войны" ("Не то впечатления, не то вымысел, поэзия, психология и прочее"), сообщает, что в печати находится его книга для детей "Заячья Елка" (с рисунками П. Пастухова; не вышла).

Далее И.Э. пишет в этом письме:

Я все более, может против воли, иду к примирению и спокойствию. Даже ритм становится широким и прямым. Это опасно, может быть это смерть? (...) Скажите Вячеславу Ивановичу[1], что я часто думаю о нем и что я полюбил его истинно. Что он? Над чем работает?.. Пришлите мне Ваши стихи... От Елизаветы Юрьевны[2] я имел только в октябре телеграмму из Анапы. Где она теперь и как живет не знаю. Я узнал окольным путем, что еще в августе мои друзья и дочка из Владикавказа перебрались

---

1 Иванову

2 Кузьминой-Караваевой

в Моздок, но ничего от них не имею. Пришлите новые книжки, если что-либо вышло. Я видел только "Мистерию-Буфф" Маяковского - Это очень стыдно писать так...

ЦГАЛИ ф.2209, оп.1, ед.хр.42, л.5-8

Февраль

Красные занимают Киев.

- В Полтаве выходит четвертый номер журнала "Ипокрена", в котором напечатан отрывок из романа в стихах И.Э. "В звездах" и его статья о современной русской поэзии "На тонущем корабле".

4 марта

И.Э. заканчивает работу над рукописью книги "Лик войны" и пишет предисловие к ней.

11 марта

В.Г. Короленко записывает отзыв о содержании "Ипокрены":

Не дурна, но слишком изыскано написана статейка Эренбурга "На тонущем корабле". Есть интересные замечания.

П. Негретов. "В.Г. Короленко. Летопись жизни и творечетсва".
М., "Книга", 1990, с.95

Март

В марте 1919 года организовался первый киевский подвал поэтов ХЛАМ (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты). Он помещался в подвальчике на Николаевской, где теперь клуб правозаступников. На улице стояла пронзительная сырость. Из подвала были видны австрийские ботинки мимоидущих красноармейцев. Зуавы и греки бежали от горсточки красных. Пала Одесса. В "Хламе" подавали бифштекс и вина. Поэты просили, чтобы публика не звенела ложечками о стаканы. Эренбург читал по институтскому альбомчику о детях, играющих в революцию. Читали здесь также Лев Никулин, Лившиц, Натан Венгров, Маккавейский. Футуристы учиняли дебоши. Названия поэтических групп соперничали с именами звезд и римских богов второго сорта. Стихи поэтов слушали комиссары, студистки, и гурманы, затем поэты и все остальные слушали стихи комиссаров.

На святой прибыли О. Мандельштам и Рюрик Ивнев. Зеленый собирался взять Киев. В мае "Хлам" лопнул.

Н. Ушаков op. cit.

Март-апрель

И.Э. пишет стихи, предполагая собрать их в книгу под названием "Прославление любви и смерти".

1919

- И.Э. становится председателем Литературно-Артистического Клуба; организует Мастерскую художественного слова. К работе в мастерской художественного слова И.Э. привлекает поэтов О. Мандельштама и В. Маккавейского, литературоведа М.П. Алексеева.

В студии И.Э. читает историю русской классической современной поэзии, историю французской и испанской поэзии, сопровождая лекции чтением своих стихотвореных переводов. Участник студии театральный художник Н.И. Данилов вспоминал:

Слушать лекции Эренбурга было подлинным наслаждением, читал он их с истинным поэтическим вдохновением. Особенно запомнились мне его лекции о Франсуа Вийоне и Ронсаре. В русской поэзии он научил меня понимать и ценить дотоле казавшегося мне совершенно архаичным Державина. На первый взгляд Эренбург мог показаться непривлекательным, т.к. не уделял ни малейшего внимания своей внешности. Но стоило вглядеться в его лицо, особенно в необычайно выразительные глаза, увидеть его улыбку, то добрую и ласковую, то ироническую, чтобы навсегда покориться его обаянию.

ЛГЖ-К, т.1, с.600-601

Участники студии выпустили гектографировнным изданием "Сборник Мастерской художественного слова" (стихи студийцев со вступительной статьей И.Э. "О поэзии").

- И.Э. поступает на службу в Киевский Наробраз, ведет работу по обследованию исправительных заведений и по организации помощи детям-беженцам; искусствовед Е.Ю. Спасская вспоминала:

И.Э. занимался всем огромным количеством детей-беженцев, больных, голодных, свезенных в Киев и размещенных наскоро, как попало во всех - и старых, и вновь организуемых детдомах. Сотни, а может быть и тысячи обездоленных, беспризорных, сирот, больных, голодных детей уже свезены в Киев с Запада, и их непрерывно продолжают подвозить. В случайных домах, большей частью совершенно не приспособленных и не оборудованных, изможденные полуодетые дети с совершенно не налаженным бытом, при недостатке обслуживающего персонала, набранного из случайных людей, - дети эти запомнились как сборище полутрупиков. Илья Григорьевич добился и медицинского обслуживания, и достаточного количества служащих и добровольцев. Именно благодаря его настойчивости и отзывчивости в Киеве многое было налажено для медицинского обслуживания и общего улучшения быта сотен несчастных сирот и полусирот военного времени.

ЛГЖ-К, т.1, с.600

6 апреля

В однодневной киевской газете "День пролетарской культуры" опубликовано стихотворение И.Э. "Наши внуки будут удивляться".

14 апреля

Комиссариат искусств устривает в понедельник, 14-го, в театре б.Соловцов "Художественную демонстрацию". В программу, кроме докладов, входят стихи поэтов Гр.Петникова, И. Эренбурга, Б. Лившица, Н. Венгрова. (...) В театральном отделении К.А. Марджановым будут поставлены сцены соборного творчества. Литературный отдел выпускает к спектаклю брошюру "Революционное искусство", где будут напечатаны тезисы всех докладов и списки выступающих поэтов.

Театр, Киев, 1919, 13 апреля

Апрель

И.Э. пишет письмо В.А. Меркурьевой на бланке профессионального союза художников слова г.Киева:

Я председатель и кроме сего вообще занимаюсь сотней неподобных дел. Устроил "мастерские худож. слова" для рабочих, и потом еще для всех просто. Кручусь, работаю что ли, очень много. Во все это верю мало утешает весна и вечность (...) Грустно и страшно думать о Москве, о вашей группе, о всех поэтах замерзающих и вконец отощавших. Бедный куцый Бальмонт на рынке! Что Марина? Толстые, Цетлины, Волошин, Инбер были все вместе в Одессе, где теперь не знаю.

ЦГАЛИ ф.2209, оп.1, ед.хр.42, л.11-12

- Вышел первый выпуск альманаха "Гермес", в котором наряду со стихами Н. Асеева, Б. Лившица, О. Мандельштама, статьями Н. Евреинова и В. Шкловского напечатана подборка И.Э. "Из переводов испанских поэтов" (стихи поэта XIII века Гонсало де Берсео и отрывок из "Книги благой любви" поэта XIV века Хуана Руиса).

"Первым русским поэтом, обратившимся к творению Хуана Руиса, был Илья Эренбург. Но тогда, в 1919 г., он, очевидно, ставил перед собой ограниченную задачу: хотел познакомить читающую Россию с никому не изветсным дотоле средневековым испанцем, оставляя в стороне своеобычие его версификации - переведенный Эренбургом отрывок выполнен пятистопным ямбом, двустишиями".

М.А. Донской "От переводчика"
(см. Хуан Руис "Книга о благой любви", Л. "Наука", 1991, с.379)

- И.Э. продолжает посещать Литературно-Артистический Клуб, переименованный в ХЛАМ:

А на Николаевской улице (недалеко от Соловцовского театра) в подвале гостиницы "Континенталь" помещалось кафе под необычным названием "ХЛАМ", которое расшифровывалось очень просто, по первым буквам - художники, литераторы, артисты, музыканты. Название говорило само за себя. Здесь бывал весь Киев. Сюда приходили Илья Эренбург и Осип Мандельштам, молодые поэты В.О. Стенич и Ю.В. Смолич, Э. Герман, впоследствии ставший известным как поэт-сатирик Эмиль Кроткий, писатель Ефим Зозуля, поэт П.Г. Тычина, переводчик А.И. Дейч;

бывали, конечно, здесь и художники, группировавшиеся вокруг А.А. Экстер, организовавшей тогда в Киеве художественную школу, - И.М. Рабинович, А.Г. Тышлер, Н.А. Шифрин, Софья Касьяновна Вишневецкая. Бывали в кафе старый "сатириконовец" Аркадий Аверченко, начинающий советский журналист Михаил Кольцов, актриса Вера Юренева.

Н. Королева. "Киев, 1919". Встречи с прошлым, вып.4
М., 1982, с.197-198

Весна

- Весной 1919 года в Киеве Михаил Кольцов и Ефим Зозуля затеяли и осуществили издание альманаха "Стихи и проза о русской революции". В него вошли поэтические произведения А. Блока, С. Есенина, А. Белого, И. Эренбурга, Л. Никулина, Э. Кроткого, проза М.Горького, В. Лидина, Е. Зозули, статья М. Кольцова "Русская сатира и революция" и другие материалы. Я нарисовал для сборника обложку.

Бор. Ефимов. "40 лет", М., "Советский художник", 1961, с.126

- В альманахе напечатаны "Литературные заметки" В. Агатова:

Особняком стоят книги последних стихов З. Гиппиус и книга Ильи Эренбурга "Молитва о России", изданная в Киеве под заголовком "В смертный час". В этой книге, написанной нарочито-свободным стихом, форма истерически бредовая, какая-то "лохматая", не отстоявшаяся, смятенно-исступленная как нельзя более отвечает самому ее духу. Это бреды и кошмарные видения, это исступленные молитвы, страстные крики боли, смертное причитание над родиной и вместе трагическое прославление жизни и ее высоких прав.

- И.Э. систематически встречается в Киеве с О. Мандельштамом. В студии художественного слова знакомится с Я.И. Соммер, Н.Н. Ушаковым. Знакомится с молодыми киевскими художниками В. Меллером, Е. Прибыльской, И. Генке, Ганной Собачкой и Н.Т. Гончаром. Встречается с Б. Лившицем. Знакомится с С. Федорченко, Л. Никулиным, М. Кольцовым, М. Семенко, П. Тычиной, П. Маркишем. Посещает студию А.А. Экстер. Знакомится с ее учениками А. Тышлером, И. Рабиновичем, Н. Шифриным, А. Петрицким. Знакомится с театральным режиссером К. Марджановым.

- К. Марджанов начинает работать над пьесой И.Э. и А.Н. Толстого "Рубашка Бланш" в декарациях Шифрина:

Марджанову понравилась пьеса "Рубашка Бланш", которую я написал с А.Н. Толстым, и он решил ее поставить. Кажется, после второй или третьей репетиции в город ворвались деникинцы.

Я часто встречал двух поклонников Марджанова, неразлучных приятелей малолетних - брата Любы Гришу Козинцева и Сережу Юткевича. Они пригласили меня в помещение, где прежде был "Кривой Джимми": устроили "народный балаган", то есть один из тех эксцентричных спектаклей, которые в голодные и холодные годы тешили зрителей.

1919

На Софийской улице, возле Думской площади, было маленькое грязное кафе; держал его худущий грек с длинным и страстным лицом моделей Эль Греко. В окне была вывеска: "Настоящий свежий простокваш". Грек готовил душистый турецкий кофе, и мы к нему часто ходили - поэты, художники, актеры. Для меня это кофе связано с моей дальнейшей судьбой. Там я иногда рассказывал Любе, молоденькой студентке Педагогического института Ядвиге, Наде Хазиной, которая потом стала женой О.Э. Мандельштама, о моих заграничных похождениях. Я фантазировал: что делал бы добрый французский буржуа или римский лаццарони, оказавшись в революционной России? Так рождались персонажи романа "Хулио Хуренито", который я написал два года спустя.

ЛГЖ. т.1, с.296

На Думской площади было захудалое греческое кафе. В этом кафе художники, писатели и примыкавшие к ним люди искусства и литературы обрели место для встреч... Ели мы тогда мало. Я так совсем не ел по два-три дня, только глотал воздух, но рты у нас не закрывались. Споры на политические и художественные темы приводили нас в особенный экстаз. Резким пятном выделялся один Илья Эренбург. Он был тише своей трубки, которая шипела и булькала. Возле него сидела высокая худая девушка, которая смотрела на него влюбленными глазами. Это была его будущая жена, молодая художница Люба Козинцева.

А. Тышлер. "О себе". Юность, 1989, N 11, с.64

Я.И. Соммер вспоминала:

Мы иногда встречались с И.Г. в греческом кафе на Софиевской улице. Мы сидели там часами, и он мне рассказывал. Как много он рассказывал! О своих друзьях - А.Н. Толстом, М.А. Волошине, Т.И. Сорокине, о жене своей Кате и дочери Ирине, о подругах: Лизе, Шанталь... О Пикассо я слышала и раньше, но имена Сутина, Шагала, Модильяни прозвучали для меня впервые; познакомил с русским философом Степуном, заинтересовал Хлебниковым... И.Г. читал мне очень много своих стихов, особенно любил цитировать "Пугачью кровь", "Судный день", "Молитву о России". Иногда читал чужие стихи - "Настанет день, печальный, говорят", М. Цветаевой, "Я не слыхал рассказов Оссиана", "Декабрист", "Я изучил науку расставанья" О. Мандельштама, "Марбург", "Коробка с красным померанцем" Б. Пастернака и др. Свои рассказы И.Г. облекал в стихотворную форму - такая импровизация длилась часами.

ЛГЖ-К т.1, с.601

- В Харькове выходит второй номер альманаха "Камена" со статьей И.Э. "Святое "Нет", посвященной французскому поэту Андре Спиру. В этом же номере напечатана большая статья М. Волошина "Поэзия и революция. Александр Блок и Илья Эренбург"., в которой анализируется "Двенадцать" Блока и "Молитва о России" Эренбурга:

Эренбург - поэт пророческих видений, поэт гневного сарказма, циничный и стыдливый, грубый и нежный, жестокий и жалостливый, в

своих религиозных исканиях всегда находившийся на грани разрыва с искусством вообще и только против воли остающийся в границах поэзии, которые всегда стремится преступить, почти презирая себя за то, что он еще поэт. Он наделен безжалостно четким видением действительности, которая постоянно прорывается и разверзается под его взглядом. (...)

Отметив, что "Молитва о России" строится вокруг двух идей - Родины и Церкви, идей, очищение которых началось, по его мысли, в пафосе национальной гибели, Волошин счел необходимым коснуться и такого момента:

Никто из русских поэтов не почувствовал с такой глубиной гибели родины, как этот Еврей, от рождения лишенный родины, которого старая Россия объявила политическим преступником, когда ему едва минуло 15 лет, который десять лет провел среди морального и духовного распада русской эмиграции; никто из русских поэтов не почувствовал с такой полнотой идеи церкви, как этот Иудей, отошедший от иудейства, много бродивший около католицизма и не связавший себя с православием (...) "Еврей не имеет прав писать такие стихи!" - пришлось мне однажды слышать восклицание по поводу этих поэм Эренбурга. И мне оно показалось высшей похвалой его поэзии. Да! - он не имел никакого права писать такие стихи о России, но он взял себе это право и осуществил его с такой силой, как никто из тех, кто был наделен всей полнотой прав.

- В гомельском издательстве "Века и дни" вышла книга стихов И.Э. "Огонь" (Стихи 1918-1919 гг.)

- В Киеве в типографии Школы-Мастерской печатного Дела выпущен роман в стихах И.Э. "В звездах", посявященный Шанталь. В качестве обложки использован экслибрис, сделанный в 1916 г. Д. Риверой для И.Э.

- В этих книгах И.Э. сообщается о готовящемся выходе его последующих книг: "Лик войны" (обложка В. Маккавейского), "Заячья Елка" (детские стихи; иллюстрации П. Пастухова); "Золотое сердце" (мистерия), "Ветер" (трагедия), "Поэты старой Испании (13-17 век; переводы)"; "Рубашка Бланш" (пьеса; в сотрудничестве с А.Н. Толстым); "Повести о жизни некой Наденьки" (второе издание) и полное издание "Стихов о канунах".

Ни одно из этих изданий ни в Киеве, ни в Гомеле осуществлено не было. В Гомеле вышел лишь сборник переводов из Ж. Мореаса, куда вошли в переводах И.Э. стихотворения "Стансы" и "Сатиры осени".

Апрель

Гомельское издательство "Века и дни" предполагает выпустить несколько книжек испанских поэтов в переводах Эренбурга. Один из оргнизаторов издательства Д.И. Выгодский 27 апреля пишет В.Я. Брюсову:

Основной нашего издательства будет серия иностранных поэтов в русских переводах (...) Испанских мы надеемся получить от Эренбурга, у которого готова к печати целая антология.

1919

ОР ГБЛ ф.386, к.81, ед.хр.21

1 мая

И.Э. присутствует во 2-ом Гос.драмтеатре УССР (быв. Соловцова) на премьере спектакля К. Марджанова по пьесе Лопе де Вега "Фуэнте Овехуна":

Первые года революции были годами не только взлета сценического искусства, но и повального увлечения театром (...) Киеву повезло: он получил Константина Александровича Марджанова. Это был человек взволнованный, полный смелых замыслов, мягкий и, однако, непримиримый. Помню, как он горячился (мы сидели в буфете, пили поганый чай, и я ему рассказывал об Испаниии - он готовил пьесу Лопе де Вега); Театр - это театр! Я сказал в горисполкоме, что горисполком - это горисполком. Им хочется, чтобы актеры на сцене пили чай взаправду. А что они скажут, если люди, которые пьют чай в буфете горисполкома, начнут произносить монологи, заламывать руки и говорить о восстановлении городского хозяйства гекзаметром?: Киев увидел "Фуэнте Овехуна", и в зал старого соловцовского театра ворвался ветер. Мы долго не расходились, стояли и аплодировали.

ЛГЖ, т.1, с.295-296

3 мая

Афиша: Общество народного театра и искусств. Литературная секция. В зале литературно-артистического клуба (Николаевская, 11) поэт Илья Эренбург прочтет три лекции на тему "Русская поэзия". Отрывки из образцов русской поэзии прочтут: В.В. Алексеева-Месхиева, В.А. Вертер, К.А. Зяблова, Л.С. Ильяшенко и С.Л. Зимина.

Первая лекция состоится в субботу 3 мая

Тезисы: "В начале было слово". Сущность поэзии. Действенная сила слова. От заклинателя до мастера акростихов. Религиозные истоки народной поэзии. Две веры, две правды, две души, но один склад. Взыскующие. Истинная свобода народной песни. Утерянные пути. Разрыв с народной поэзией. Воспоминания от Кольцова до Есенина. Стилизация и неосознанная тайна. Смерть или воскресение.

Вторая лекция состоится в пятницу 9 мая.

Тезисы: Пределы индивидуального. Пушкин. Эпос сверху. Хаос и гармония. Язык будней, язык литургии и язык стихотворца. Грех блаженный Пушкина. Лермонтов. Разодранные небеса и костюмерная. Круг "я". Пророческий дар Тютчева. Тайники утробы вселенской. Русские великие поэты и наши дни.

Третья лекция состоится в среду 14 мая.

Тезисы: Поэзия без поэзии. Первые символисты. торжество освобожденного слова. Революционное начало поэзии. Самосожжение Бальмонта. Кануны и предчувствия: Анненский, Сологуб. О религии и стерили-

зованном молоке, Блоке и Белом. Подмена живописью, музыкой. Акмеизм, футуризм и Хлебников. Мещанство и трезвый бунт Маяковского. Последний тупик. Механический коллектив и соборность. Смерть или трудные роды. Значение русской революции и мыслимое возрождение поэзии.

ЦГАЛИ ф.1204, оп.2, ед.хр.3144, л.1

7 мая

И.Э. пишет В.А. Меркурьевой:

Радовался очень Вашему письму. Томительно хочется поговорить с Вами (...) Хочу писать трагедию современную для невозможного театра. Кстати, что с "Золотым сердцем"? Здесь печатаются одни, другие, м.б. будут печататься следующие мои книги: "В Звездах", "Заячья Елка" (детские), "Лик войны" (вновь написано, проза, воспоминания с фронта) и книжечка новых стихов под заглавием "Огонь" ("Огонь пришел я низвесть на землю" От Луки). Мало я думал о нашем деле и служении и кажется много осознаю впервые. Так хотелось бы поделиться с Вами. Я здесь читал доклад о "существе поэзии", но кому...

ЦГАЛИ ф.2209, оп.1, ед.хр.42, л.3-4

Май

Бюро пропаганды Всеукраинского литературного комитета Наркомпроса издало сборник "Революционное искусство", в котором наряду с произведениями Г. Петникова, В. Маккавейского, Б. Лившица, Н. Венгрова помещено стихотворение И.Э. "Слава труду":

Есть, разумеется, в сборнике и вездесущий Илья Эренбург, который для кокетства делает вид, что не приемлет пролетарской революции, хотя в сущности обязан ей больше, чем своему завоеванию. Ибо что же как не революция на Украине превратила Эренбурга из малозаметного поэта в лидера целой группы юных поэтов, к услугам которых и дом пролетарского искусства и советская трибуна, где они под флагом борьбы за чистое искусство "взрывают" несостоятельность декретов о выселении буржуазии.

Коммунист, Киев, 1919, 6 июня

Июнь

Белые взяли Харьков. За Киевом начиналась территория банд. В городе восстал один из полков. Киев был на военном положении. Эренбурга неоднократно арестовывали за позднее хождение по улицам и неизменно отпускали, как поэта. Он основал мастерскую художественного слова, где читал, главным образом, сам, о чем придется, о детских стихах, об ассонансах, о благочестии и разбое Франсуа Вийона, о доброй любви протоиерея из Иты, о заговорах на зубную боль, о том, что Бальмонт

похож на попугая, и что невозможно читать Гумилева, так как достаточно уже одного Брюсова. Е.И. Перлин преподавал стихосложение. Маккавейский по огромному фолианту читал свою работу о псевдоклассицизме. Хотел заниматься со студентами и Мандельштам, но был терроризован поклонниками Апухтина. Температура поэтической жизни Киева неизменно повышалась. (...)

Когда Эренбург, Мандельштам и Маккавейский оставили Киев, здесь уже выросло второе поколение поэтов (частично они вышли из мастерской Эренбурга) - Мария Альперин, Глушков, Длигач, две Прессман, и Р. Скоморовский, Лидов, Мизинов, Снежин, из "старых" Бернер.

Н. Ушаков. "Киев и его окрестности". Ветер Украины. Альманах Ассоциации революционных русских писателей, Киев, 1929, с.122-123

Лето

И.Э. переложил в стихах одноактную драму Теодора-де-Баквиля "Грегуар".

Современное слово, Одесса, 1919, 26 декабря

- И.Э. выступает с чтением своих стихотворных драм:

Эренбург несколько раз читал "Золотое сердце" в Киеве, между прочим, в обществе Соборного творчества "Взыскующие Града", где горячим оппонентом автору явился хорошо известный Одессе артист В.В. Сладкопевцев, настаивавший на кощунстве подобной темы. Многие затруднились увидеть в ней нечто большее, чем "оригинальный эротический излом", и лишь немногие находили в этой проникнутой духом католицизма мистерии черты подлинной религиозной легенды, легенды апокрифической, еретической даже, но вполне выдержанной в духе народных религиозных представлений и верований (...)

Много слабее его революционная трагедия "Ветер". С "Ветром" произошло то же недоразумение, что и со стихами Максимилиана Волошина: большевики, не разобрав, в чем дело, приняли драму за "агитпросвет" и Наркомвоен приобрел ее для постановок в красноармейских театрах. На самом же деле, это ярко "контр-революционная" - разумеется, в кавычках, - вещь, в которой Эренбург хотел изобразить трагедию всякой революции вообще.

Современное слово, Одесса, 1919, 26 декабря

13 августа

Бракосочетание И.Э. и Любови Михайловны Козинцевой.

"Выпись из книги записи браков за 1919 год г.Киева" (АЭ)

ИГ рассказал мне, как их с Любой регистрировала Ванда, знакомая мне девушка, веселая, остроумная, живая. В то время запись всех актов гражданского состояния производилась в одном помещении. Он был в восторге, слушая, как Ванда жонглировала своими бумажками:

"Вам свидетельство о смерти? А вам записать младенца? Вы вступаете в брак? А вы уже решили развестись? Скоро же вы! И двух месяцев не прошло, как поженились".

Потом, по требованию родителей Любы, их повенчал раввин. И опять ИГ рассказывал мне со смехом, как ему пришлось шепотом попросить у Любы булавку, чтобы пристегнуть сползающие брюки.

Я.И. Соммер. Записки. (Рукопись, АФ)

Вторая половина августа

Киев занимают белые.

Сентябрь

И.Э. начинает сотрудничать в газете "Киевская жизнь".

11 сентября

"Киевская жизнь" публикует статью И.Э. "Без бенгальского огня":

Наши внуки, воистину, будут счастливее нас. Вспыхнет бенгальский огонь, озарит поле брани, трагические заседания, театральный апофеоз и над всем прометееву усмешку Ивана Карамазова, вступившего в поединок с хозяевами мира, с разумом и гармонией. А мне скучно, ибо я слышу только хихиканье Смердякова и причитанья понятых, дождавшихся наконец протокола.

14 сентября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Льстецы его величества".

18 сентября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Полюсы":

Большевики разрушили государство, общество, церковь, ибо они являлись уздами, еще сдерживавшими одичавших людей. Россия была наказана большевизмом не за то, что не пошла за Толстым, но за то, что не восприняла его заповедей любви (...) Расплата свершилась. Теперь, после тяжелого, казавшегося смертельным, недуга Россия оживает (...) Хорошо, если идеи церкви и государства увлекают ныне русскую интелегенцию. Но надо помнить, что вне духовного перерождения эти понятия мертвы, оставаясь не пламенными светильниками, но плошками казенной иллюминации. Хорошо, что амнистировали Достоевского, Лескова, Леонтьева, но ведь не затем, чтобы сослать Толстого, Тургенева, или Герцена. Поезд тронулся, но пустите в ход тормоз, сумейте остановиться. Не то, на миг мелькнет из окна цветущий мир и мы снова очутимся на другом полюсе, где холод, мрак и небытие.

1919

Сентябрь

И.Э. готовится к отъезду из Киева и посылает в Харьков заявку на выступления

21 сентября

Харьковская газета "Новая Россия" пишет:

В ближайшем будущем в Харькове состоится лекция поэта И. Эренбурга на тему: "Искусство и Европа завтрашнего дня".

22 сентября

Газета "Киевлянин" сообщает, что киевское книгоиздательство "Летопись" среди прочих продает книгу И.Э. "В смертный час", а его книга "Лик войны" печатается.

24 сентября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Понедельник":

Я не знаю, будем ли мы жить. О, конечно, чрезвычайки, эти единственные работоспособные учреждения, не смогут уничтожить миллионы людей. Но если теперь не победит труд и воля к жизни, если снова мы не вернемся на свои места, не займемся своим делом - легко и просто смерть закончит свой поход. Не все ли равно, как это будет именоваться - анархией или колонизацией нашей страны менее поддающимися чуме соседями - России больше не будет. Сейчас не праздник, не воскресенье. Не надо ни флагов, ни музыки. Мы должны умыться, прибрать наш дом и работать, работать.

27 сентября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "В защиту идеи":

Я осмелюсь отстать от моды и поплыть против течения. Я позволю напомнить Иванам Ивановичам, что добровольцы не городовые, единственной целью которых является возвращение награбленного имущества к законным владельцам. Возрождение России - это не возобновление почтенной деятельности "Брачного листка", "Театра миниатюр" и погребка "Венеция". Добровольческая армия теперь большая и сложная величина, в ее рядах могут оказаться и движимые частными интересами и поддавшиеся голосу мести. Но разве за банки и за поместья сражались осенью семнадцатого года в Москве и Питере юнкера, студенты и гимназисты? В степях Кубани и в городах Урала, босые, раздетые, голодные разве они умирали за бриллианты м-м Софи и за дома Ивана Ивановича? Нет, трижды нет, не корысть, но великая идея на знамени встающих легионов... Идеи коммунизма были ненародными и нерусскими, Россия вкусила яда, изготовленного в чужих лабораториях, и не только за свои грехи

ответила, за темноту, нищету и бесславие, но и за грех бездушного машинного Запада. И все же против большевистских идей нельзя выставить лозунг былой дореволюционной России, ибо большевизм и был ответом на идиллию прежнего строя. С чекистами и китайцами надо бороться штыками, с голодом - булками, но против знамени надо поднять знамя, с идеей надо бороться идеей.

Они говорят "интернационал", мы ответим "Россия". Это не сужение горизонта, не замыкание в интересах своей хаты. Мы знаем, что всечеловеческая правда познается по особому каждой нацией, что можно перевести на все языки мира Данте, или Пушкина, но нельзя написать "Бориса Годунова" на эсперанто. Через близкое-дальнее, и любя Россию - любим мир. Униженные и разоренные мы продолжаем верить в свою русскую правду. Мы видим западную Европу в тупике, внешне мощную, внутренне подточенную тяжким недугом, роковым материализмом, социальными противоречиями. Что даст Европе Россия, мы не знаем, но в ночи вспыхнет ее негаданный факел...

Большевики говорят - насилие, мы отвечаем - свобода. мы не верим в рай, куда нужно загонять людей пулеметами. Они насилием вводили свободу, мы свободно признаем цепи любви, ярмо жертвы, тяжкую ношу государственного строительства. Советский строй - аракчеевское поселение, все регламентировано и люди вечно в строю. Всякий, забежавший вперед или отставший, чья голова выше на вершок других, должен погибнуть. Знамя новой России - свобода, и все пытающиеся запретить человеку верить или думать, говорить или петь по-своему, только способствует торжеству бошевистской идеи насилия.

Большевики признают лишь революцию, мы верим в смену весен и зим, в неустанный ход жизни. Благодетельны грозы, но молния не бросает зерен, и гром не жнет колосьев. Рука человека никогда не оставит молота, а лицо его всегда обращено вперед. Между Россией 1916 и 1919 годов - пропасть в триста лет. Большевики справа, как большевики слева верят в прыжки. Но Россия больше не хочет акробатических упражнений. Она знает, что стоять значит умереть, что "прежде" - это смерть. Ее истоки - болото, ее устье - ясное и величественное море. Вместо большевистского лозунга гражданской войны - согласие и мир. Вместо арифметической справедливости - жажда правды и любовь.

2 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Еврейская кровь":

Если бы еврейская кровь лечила - Россия была бы теперь цветущей страной. Но кровь не лечит, она только заражает воздух злобой и раздором. Слишком много впитала земля крови и русской и еврейской, теплой человеческой крови. Еще в сотнях городов работают чрезвычайки, еще длится братоубийственная война, еще больна Россия, тяжко больна. Попробуйте лечить ее любовью.

5 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Ампир с цветочками":

В политическом и социальном отношении мы не затем боремся с анархией большевизма, чтобы воскресить дореволюционный быт. Тем паче в духовном мире России реставрация бессмысленна и позорна. Горькие разочарования должны указать на неправильность иных дорог, но совсем не располагать ко сну. Тяга обывателя в отдельный кабинет, отделанный под "ампир", может быть и понятна. Но назначение искусства вовсе не обслуживать послеобеденный отдых обывателя. Мы должны вновь вернуть искусству высокий жреческий жезл.

8 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Солнце на западе".

12 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Нагишом".

13-15 октября

Контрнаступление красных на Киев. И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой и Я.И. Соммер уходит из Киева:

Красная армия осаждала город, пытаясь отбить его у деникинских войск. ИГ воспринял это как серьезную угрозу для себя. Он решил уходить, как сотни напуганных людей (...) Я помню только дорогу на Святошино, по которой бесконечно шагали какие-то люди, больше мужчины (женщин было мало) с котомками за плечами и в руках, иные с мешками. (...) Иногда мелькало знакомое лицо, но люди тут "не узнавали" друг друга. Помню профессора Довнар-Запольского. Он, отец моих приятелей Славы и Вади, убежденных большевиков, был монархистом, членом Союза русского народа (...) Поздно вечером мы пришли в Святошино, стали искать ночлег. Нам удалось влезть в вагон, уже забитый людьми (...) Наутро распространилась весть о том, что белые отбили большевиков. И мы вернулись.

Я.И. Соммер. Записки (Рукопись; АФ)

Два дня провели мы где-то в поле. Тщетно люди искали навеса, чтобы укрыться от дождя, и жевали сухую морковь, Их Киева доходили темные слухи и сухой треск пулеметов (...) Когда я вернулся в Киев, на душе было смутно и тревожно. Сообщения опередили события, большевики еще сидели на окраинах, даже пытались наступать. Но за дни исхода я многое понял, и я не боялся уж ни "прорывов", ни "обходов", ни "храбрых богунцев".

И. Эренбург. "Исход". Киевская жизнь, 1919, 19 октября

1919

16-18 октября

Наступление красных отбито. В Киеве начался еврейский погром.

- В эти страшные дни в одной из киевских газет появилась подлая статья Шульгина "Пытка страхом". Я еще как-то могла объяснить себе поведение пьяных, озверевших дикарей. Но понять, как мог образованный человек, депутат Киевской думы их оправдывать... Я спрашивала об этом ИГ. Что он мог сказать мне? И чтобы отвлечь меня от тяжелых мыслей, он, смеясь рассказывал, как робкий офицерик заскочил к Козинцевым и сунул в карман серебряный портсигар, смущенно пробормотав: "Беру на память".

Я.И. Соммер. Записки. (Рукопись; АФ)

- И.Э. принимает решение уехать из Киева в Крым, к Волошину.

- Почему он рвался в Крым? Вероятно, многим художникам необходимо "убежище", где могли отстояться впечатления, чтобы обдумать быстротекущую жизнь, чтобы творить. ИГ знал, что дом М.А. Волошина будет для него таким убежищем (...) ИГ оказался к моему удивлению отличным организатором: хорошо обдумал свой план, подготовил его выполнение, подобрал подходящую компанию: в нее вошли братья Мандельштамы, Осип и Александр Эмильевичи, театральный художник И. Рабинович и другие. ИГ предложил ехать и мне.

Я.И. Соммер. Записки (Рукопись, АФ)

19 октября

В "Киевской жизни"" статья И.Э. "Исход".

22 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "О чем думает жид":

Я пережил великую пытку, пытку страхом за беззащитных и обреченных. Никогда на фронте не испытывал я подобного, ибо там, рядом со мной, в окопах, были взрослые мужчины, а не грудные младенцы. Я все это пережил. Я не протестую, не уговариваю. Просто я искренне говорю - думал я в эти ночи о России (...)

Есть оскорбления, трудно забываемые, и мне тягостно вспомнить рыжий сапог, бивший меня по лицу. В первый раз это был сапог городового, изловившего меня "за революцию", во второй раз красноармеец избил меня за "контрреволюцию". Это был сапог того, кто мнился мне Мессией. Я не потерял веры, я не разлюбил. Я только понял, что любовь тяжела и мучительна, и надо научиться любить.

В эти ночи я, затравленный "жид", пережил все то, о чем говорит В. Шульгин. Только пытка "страхом" была шире и страшнее, чем он думает. Не только страх за тех, кого громили, но и за тех, кто громил. Не только за часть, за евреев, но и за целое - за Россию. (...)

Научились ли евреи чему-нибудь за эти ночи? - спрашивает В. Шульгин. Да, еще сильнее, еще мучительнее научился любить Россию. О, какая это трудная и прекрасная наука.

- Фрагменты из этой статьи И.Э. были приведены в статье С. Мстиславского "Погромы" (Былое, 1925, № 1) со следующим комментарием:

На фоне шедшего в городе "тихого погрома" цитированные выше строки, подкрепленные еще и другими, тоже "исходившими кровью сердца по трехцветному флажку" статьями Эренбурга, появившимися в те дни, вызвали гадливое чувство даже у самых невзыскательных. Обедая в ресторане в день появления этой статьи, я слышал, как издевалась над ней компания офицеров: С "Недоросля" списал, плут. Как это у него: "жалею маменьку, она так устала, колотя папеньку" - жалею добрармию, она так устала, колотя жиденят". А этого Митрофана колотили, колотили, все мало: вот живучая "нация".

Гневно отозвался в "Жизни" на статью Эренбурга С. Марголин, единственный, к чести его еврей, который в те дни решился заговорить по-еврейски. "Мы слышали проклятия русскому народу за "плетку" и "сапог" от Герцена и Чаадаева. И вдруг благословение, приятие, оправдание плетки от еврея, поэта Эренбурга (...) В эти дни еврей Эренбург забывает обо всем на свете, кроме любви к России, любви во что бы то ни стало, хотя это от психологии раба, но вовсе не от психологии сына великого народа и гордой страны".

Именно так и приняли психологию Эренбурга даже добровольческие офицеры.

Конец октября

И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой, Я.И. Соммер, О.Э. и А.Э. Мандельштамами, художником И. Рабиновичем, поэтом В. Гуревичем и др. выезжает из Киева в Харьков. Перед отъездом И.Э. оставляет в редакции "Киевской жизни" рукописи нескольких статей для последующей их публикации:

Мы ехали неделю до Харькова. На станциях в вагоны врывались офицеры или казаки: "жиды, коммунисты, комиссары, выходи!" На одной станции из нашей теплушки выбросили художника И. Рабиновича.

ЛГЖ, т.1, с.297-298

В наш вагон заскочили три белогвардейских казака. Они наделали много шуму, нагнали страху, особенно пострадал при этом И. Рабинович, которого немедленно вывели из вагона якобы на расстрел. Помню, ИГ стоял, держа в руках документы, дожидаясь своей очереди, а О.Э.[1] обмирал от ужаса. Но до нас не дошло. ИГ, увидев, что казаков немного,

1 Мандельштам

предложил освободить для них большую часть вагона и этим положил конец ужасам и страхам.

Я.И. Соммер. Записки. (Рукопись, АФ)

- В Харькове И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой задержался, чтобы повидаться с отцом; остальные его спутники отправились в Ростов.

28 октября

В "Киевской жизни" статья И.Э. "Завсегда блюдолизы".

2 ноября

В "Киевской жизни" ситатья И.Э. "В судный день":

Российская революция оставляет истории не кровожадного Дантона, не мечтательного Демулена, не титана Наполеона, но табуны спекулянтов, мешочников и "мирных обывателей", хранящих строго две вещи: нейтралитет и "трудовые сбережения".

Может быть, в судный день мы и нашими бедствиями и слезами смягчим сердце Господне, растрогаем взыскательных внуков. Может быть, простят нам и разодранную карту империи, и подвалы Садовой, и все камни крестного пути России. Но грязной, захватанной керенки, вырученной за нательный крестик убитой матери, не простят.

6 ноября

Харьковская газета "Наш путь" сообщает:

В настоящее время в Харькове проездом в Крым находится поэт Илья Эренбург, который предполагает прочесть лекцию на тему "Искусство и Европа завтрашнего дня".

8 ноября

Киевская газета "Вечерние огни" сообщает:

Поэт Илья Эренбург уезжает заграницу. Как нам сообщают из надежного источника, И.Г. Эренбург в Париже и др. центрах Европы намерен заняться печатной агитацией.

16 ноября

Газета "Киевская жизнь" печатает статью И.Э. "Об украинском искусстве":

"Самостийники" приказали в двадцать четыре часа создать украинскую культуру, как большевики пролетарскую. Парады и празднества мало способствуют истинному творчеству. Я верю, что теперь украинское искусство, перестав быть золоченой мишурой на коронах мгновенных властителей, окрепнет и утвердится.

1919

17 ноября

В понедельник 4 (17) ноября, на литературно-художественном кружке состоится вечер поэта И. Эренбурга, находящегося сейчас в Харькове, автора ряда стихотворных сборников (Стихи о канунах, 1916; В Смертный час - изд.2-е, 1919; Огонь; В звездах - роман, 1919) и переводчика французских поэтов Фр. Жамма, Фр. Виллона и др.

В настоящее время готовятся к печати новые произведения И. Эренбурга - трагедия "Ветер" и мистерия "Золотое сердце", пьеса "Рубашка Бланш" (в сотрудничестве с А.Н. Толстым), а также сборники переводов из поэтов старой Испании.

Новая Россия, Харьков, 1919, 2 (15) ноября

21 ноября

Харьковские газеты сообщают:

Городской театр купил у поэта И.Г. Эренбурга его мистерию "Золотое сердце". Мистерия будет поставлена в Городском театре в этом сезоне. Главную роль предположено отдать г-же В.В. Алексеевой-Месхиевой.

Зоря России, 1919, 8 ноября (ст.стиль)

В Городском театре принята к постановке пьеса г.Эренбурга "Золотое сердце", шедшая в студии Московского художественного театра.

Новая Россия, 1919, 8 ноября (ст.стиль)

Ноябрь

Живя в Харькове, я был инициатором маленького театра "Колесо", наподобие "Кривого Джимми", но с демократическим уклоном. Ближайшее участие в нем должны были принимать Илья Эренбург и Ю. Слезкин. Ими было написано несколько вещей, но этому театру не суждено было открыться.

Н. Ходотов. "Близкое-далекое". М., Искусство, 1962, с.259

- Из Харькова И.Э. посылает в "Киевскую жизнь" очерки "Мои кочевья", которые публикуются там 30 ноября, 2 и 7 декабря.

Конец ноября

И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой приезжает в Ростов; встречается с дождавшимися его там О.Э. и А.Э. Мандельштамами и Я.И. Соммер. Задержавшись на некоторое время в Ростове, И.Э. пишет несколько статей для газеты "Донская речь".

В 1926 году П.Я.Рысс обращясь к И.Э., вспоминал:

В 1919 году вы приходили ко мне в Ростове-на-Дону в редакцию "Донской речи" с громовыми статьями против большевиков. Я принужден был значительно их выправлять, чтобы смягчить ваш кровавый ура-

патриотизм. Комплект номеров “Донской речи” (с вашими, в том числе статьями) передан мной в прошлом году в пражский Красный Архив. Но я помню и содержание их и стиль - суровый, от которого несло мщением и кровью. И потому я сохранил о вас, Илья Григорьевич, память, как о человеке, очень мстительном и очень непреклонном.

Возрождение, Париж, 1926, 2 сентября

Первые числа декабря

“Донская речь” печатет статью И.Э. “В защиту экватора”.

5 декабря

В ростовской газете “Вечернее время” заметка “Экватор г. И. Эренбурга”:

На столбцах “Донской речи” г. И. Эренбург пишет статью “В защиту экватора” о “благословенном тормозе” и необходимости найти золотую середину. В статье есть ценные признания.

“Мы все меняем - политический строй, убеждения, вывески... Я даже перестал различать северный полюс от южного, правый от левого”

Набрасывая эти строки, г. И. Эренбург вспомнил, быть может, большевистский Киев, артистический погребок “Хлам”, где он развлекал комиссаров, приехавших отдохнуть после работы в чрезвычайке, сотрудничество в “пролеткульте”, милостливое разрешение советской властью устройства литературных вечеров, похвалы большевистских критиков.

6 декабря

“Донская речь” помещает статью И.Э. “Вечернему времени” - ответ на заметку от 5 декабря:

Анонимный автор заметки уверяет, что я служил в “пролеткульте”. Это ложь. Далее он говорит, что большевики “милостливо разрешили” мне выступить публично. На самом деле я прочел три лекции: о духовных стихах, о Пушкине и о Бальмонте. Лекции эти были устроены частным образом. Моя лекция о Тютчеве была запрещена комиссаром Ческисом, заявившим, что “читать о черносотенце нельзя”. Еще раз я выступил на публичном диспуте об искусстве с резким протестом против мерзости “пролеткультов”. Моя речь, явно поддержанная публикой, обратилась в антибольшевистскую демонстрацию, и на следующий день “Коммунист” возмущался тем, что я “хожу на свободе” да еще собираю вокруг себя “буржуев, недовольных реквизициями”.

Автор заметки ставит мне в вину похвалы большевистских критиков. Возможно, что какой-либо очень наивный или очень хитроумный большевик смог использовать какую-нибудь строфу из моих стихов. Большевистских похвал я не читал, зато читал о своих книгах две статьи. Их названия хоть и малопристойны, зато выразительны: в московских “Ве-

черних известиях" была помещена обо мне статья "Певец и вдохновитель белогвардейской сволочи", в киевских "Известиях" - "В час смертельного страха". Книга моя "Молитва о России" была конфискована. Полагаю, что все это мало похоже на "похвалы" и "милостливые разрешения".

В кафе "Хлам" я стихи читал, притом и стихи из книги "Молитва о России". Насколько это "развлекало комиссаров", сужу по тому, что один из них, некто "т.Кулик" учинил скандал, назвал меня "белым гробокопателем". После сего утроителям кафе было предложено выключить меня из числа выступавших.

Заметка грозит мне тюрьмой за то, что я с "комфортом сидел на большевистском полюсе". Этот "комфорт" выразился в следующем: избиение меня красногвардейцами в Москве, арест, бегство на юг, киевская губчека, ночевка у добрых знакомых и пр.

Я ответил на ложный донос, полемизировать же с его составителем не хочу.

10 декабря

В "Донской речи" статья И.Э. "Элегия палачей":

В коридоре киевской "Губчека" висел плакат: "Не целуйте детей! Поцелуй - источник заразы! Губкомздрав". Вы слышите как дрожит умиленный голос чекиста? А в соседнем доме помещался "Собез". В саду каждый день умные и честные педагоги обсуждали устройство "Дворца ребенка". Тонкий забор отделяет этот сад от другого, где каждую ночь пытали и убивали беззащитных людей.

В газете "Красный меч", которая являлась официальным органом кооперации современных палачей, были сообщения о концертах и спектаклях, устраиваемых "культурно-просветительной комиссией Ч.К.". О, наверное, они стыдливо утирали платком глаза, слушая арию умирающей Травиаты (...)

Я знаю, что отдельными людьми при большевиках в области искусства, педагогики, культуры совершена большая и полезная работа. Но меня бы мало порадовали людоеды, которые, скушав белого, забавляли бы его жену самыми изысканными плясками и баюкали бы ребенка отменными песнями. Я проклинал этот дом, ибо в его подземельях - средневековые пытки. Я не хочу смотреть на фасад, расписанный ультра современными художниками. Я не хочу слушать ни стихов, ни романсов, ибо я слышу предсмертный хрип. Все искусство в Совдепии это "культурно-просветительная комиссия при Ч.К." В эти годы мы все потеряли сознание добра и зла, все мы темны и грешны. Грех каждого - общий грех. И если можно смертными слезами покаяния заполнить грех толпы, растерзавшей Духонина, то чем искупить благородного Луначарского, который строит музеи, насаждает театры, и гладит надушенной рукой детские головки?

- "Вечернее время" печатает "Ответ г. И. Эренбургу" Н.Ф. Яблонского:

Заметка "Экватор г. И. Эренбурга" вызвала резкий ответ "Вечернему времени" в "Донской речи", требующий доказать те "тяжкие обвинения", которые г. Эренбургу мною не предъявлялись. Ибо в большевизме его я не обвинял и большевиком его не называл.

Говорилось об участии г. Эренбурга в погребке "Хлам" и свои выступления там он не отрицает. При большевистском режиме посещать это учреждение могли только комиссары и прихвостни советской власти.

(...) Далее, в заметке говорится не о службе, а о сотрудничестве г. Эренбурга в пролеткульте. Основанием к этому послужило именно выступление его на публичном большевистском диспуте об искусстве (...) Г. Эренбург доказывает свою контрреволюционность. Странно только, каким образом бежавший из Москвы контрреволюционер может в Киеве, набитом московскими советскими "деятелями", расклеивать свою фамилию на всех столбах в афишах "Хлама", выступать на диспуте, читать лекции, пререкаться о них с комиссарами. Для контрреволюционера это недопустимая роскошь.

Заметка о г. И. Эренбурге не обвинение его в большевизме и не донос. Она констатирует факт служения им своим талантом на потеху советской своры.

<u>14 декабря</u>

В газете "Донская речь" статья И.Э. "На пути в Дамаск":

Большевики тщательно разработали схему великолепной коммуны. Она также точна и абстрактна, как мечты Фурье или Прудона. "Единая трудовая школа" - цель. Пусть же тысячи младенцев мрут с голоду. Грядущая свобода! - во имя ее бухнут тюрьмы Совдепии. И не Петерс, целые легионы Петерсов в глухие ночи убивают обреченных для того, чтобы настало всемирное братство. "Идите в рай!" - размахивая штыком, кричит матрос, не понимая, что насильный рай - горше ада... Мы все заражены большевизмом. Мы все, без различия классов и партий, оказались блестящими учениками новоявленных иезуитов. Взгляните на обывателя - в его душе медовые передовицы и крохотная "чека". Он не просто алчен, труслив, кровожаден, нет, все свои деяния, вплоть до укрывания ненужной ему шубы в особой кладовой, он объясняет высокими идеями...

Наша цель - Россия высока и свята, но требует она высоких средств. Россия не статическое понятие, не место на географической карте. Она живет и течет в годах. Москва - Россия, но большевики исказили ее настолько, что она стала для всех любящих отчизну злой чужбиной. Россия не отвлеченный конечный пункт, не виднеющийся храм. Мы творим ее каждым шагом нашим, строим день и ночь ее. От кирпичей, от кладки, от ясновзорости зодчих и от жертвенности каменщиков зависит, будет ли Россия - Россией, или Совдепией, хотя бы наизнанку.

Надо признаться со всей искренностью - мы устали от громких лозунгов, и пригляделись к пышным знаменам. Слезами и кровью далась

нам наука жизни, превратившая Россию, в течение двух лет, из наивной институточки в старую брюзгу и скептика. Мы не слушаем больше ни речей, ни песен, мы жаждем будничных дел, мелких средств (...)

Надо скинуть черные и кровавые одежды, трудовым потом омыть руки, жертвенной любовью очистить сердца. Довольно, все мы оправдали темные средства, настал час, когда нужно высокими делами оправдать цель.

19 декабря

Газета "Донская речь" печатает статью И.Э. "Тридцать серебрянников":

Тишина и запустение в России. Не дымятся фабричные трубы. Только неустанно работают пулеметы и машины, печатающие деньги. "Кровь и золото", если не золото, то лживая и манящая бумага. И если на Страшном Суде попытаемся мы разжалобить судей нашей слабостью, они ответят нам, что руки, бессильные созидать и сеять, умели убивать, с убитых снимать одежду и считать прибыль. Может быть, кровь можно смыть слезами покаяния, но ничего не смоет с наших рук роковых следов тридцати серебрянников.

Середина декабря

Из Ростова-на-Дону И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой и Я.И. Соммер и братьями Мандельштамами поездом доезжает до Мариуполя, затем морем на пароходе "Возрождение" отправляется в Керчь, откуда катером "Русь" - в Феодосию.

- Пароход Ростов-Феодосия. Ехали две недели (замерзли, горели, тонули и пр.) Между Керчью и Феодосией - любопытное происшествие. Ночь. Шторм. Я в кубрике. Офицер из контр-разведки берет меня, тащит наверх. Палуба обледенела. "За борт жида". Спутница добежала до кают-компании. Там сидел еврей-корниловец. Выскочил с револьвером. Спас.

И. Эренбург. "О себе". Новая русская книга, Берлин, 1922, N 4, с.44

26 декабря

Одесская газета "Современное слово" печатает статью Г. Крыжицкого "Романтик в роли импрессарио (О последних произведениях И.Г. Эренбурга)":

Эренбург - один из плодовитейших современных поэтов: драма сменяется у него сборником стихотворений, стихотворный роман - трагедией, а газетные статьи сыплятся, словно из рога изобилия (...)

Что в "Золотом сердце" хорошо, так это стих, гибкий, разнообразный и напевный. Много блестящих ассонансов, а Эренбург большой мастер по этой части (...) В "Ветре" особенно резко сказался главный недостаток

всех произведений Эренбурга, - их непомерная многословность. Строка пишется за строкою с утомляющей беспрерывностью, строфы тянутся медленно и тягуче, как потоки серого осеннего дождя.

В этом потоке строк совершенно утонуло последнее произведение Эренбурга, его стихотворный роман "В звездах", вещь на редкость слабая и бесцветная. Содержание ее наивно до странности. (...)

Эренбург - романтик, типичный романтик, и роль импрессиониста ему идет столь же мало, как и роль поэта "Агитпросвета". Вот почему его "Золотое сердце" так резко отличается от двух его последних произведений, ибо в мистике Эренбург остался самим собой, со всей его церковной религиозностью, с туманностью и изломами в психологии, с какой-то мистикой, столь свойственной всякому романтику. И совершенно напрасно берется не за свое дело, пытаясь поймать в сети неуловимый дух современного ветра.

Конец декабря

Из Феодосии И.Э., Л.М. Козинцева, Я.И. Соммер, О.Э. и А.Э. Мандельштамы добираются до Коктебеля:

Волошин меня ласково встретил; я сбивчиво рассказал о путевых приключениях. Глаза у Макса были, как вегда, приветливые и далекие. Он заговорил о судьбе России, о предсказаниях пророка Иезекииля. Пришла мать Волошина, Пра, и его оборвала: "Макс, хватит! Они голодные, им не до твоих историй..." Она принесла сковородку с картошкой.

ЛГЖ, т.1, с.301

- Максимилиан Александрович Волошин, его мать Елена Оттобольдовна, его подруга Татьяна Давыдовна, которую все звали Татидой, жили на втором этаже; внизу две комнаты занимала Мария Павловна Кудашева с трехлетним сынишкой и матерью-француженкой, не знавшей ни слова по-русски (...) Мы заняли две комнаты в первом этаже рядом с Майей Кудашевой через коридорчик.

Я. Соммер. Записки. (Рукопись; АФ).

1920 год

Январь

И.Э. пишет стихи, вошедшие впоследствии в цикл "Ночи в Крыму".

Январь-февраль

И.Э. приезжает в Феодосию на литературный вечер В.В.Вересаева:

Вересаев жил в Коктебеле, а в Феодосии устроил читку своей новой пьесы. Собралось много народу в помещении какой-то столовой, которая по вечерам превращалась в клуб. Вересаев читал прочувственно, иногда утирал слезы (...) Публике пьеса не понравилась. Стали расходиться. Под конец остались одни знакомые. В.В. был очень огорчен. Помню, как нежно Илья Григорьевич его утешал.

Я.Соммер. Записки. (Рукопись; АФ)

Февраль

И.Э. продолжает работу над циклом стихов; пишет стихотворения "Умер, глаз не закрыли", "На площадях столиц был барабанный бой".

Альманах поэтов "Ковчег". Феодосия, 1920

- Готовили обед мы все втроем по очереди. Надо было колоть дрова, топить печку, разжигать углем мангалку и что-нибудь варить. И.Г. хозяйничал очень забавно, поскольку раньше кроме макарон варить ничего не умел: каждые пять минут он озабоченно спрашивал, когда нужно солить кашу, как чистить рыбу. Мы с Любой были также невежественны в области кулинарии. Конечно, еда была скудной. И.Г. писал стихи и читал мне каждое новое стихотворение. Вся книга "Раздумия" создана у меня на глазах.

Я.Соммер. Записки (Рукопись; АФ)

Март

И.Г. был занят напряженной внутренней работой - переоценкой ценностей. Главный удар по его прежним политическим убеждениям нанес Сергей Эфрон. Он заехал в Коктебель еще зимой или ранней весной. Я очень помню этот вечер. Он сидел с И.Г. возле стола, а мы с Любой в другом конце комнаты расположились на кровати, вытянув ноги и опершись о стену. Эфрон рассказывал несколько часов о белой армии. О страшном ее разложении, о жестоком обращении с пленными красноар-

мейцами, приводил множество фактов. Он хорошо знал, что представляет собой эта "лебединая стая". Чувствовалось, что все его мировоззрение рушилось, что человек опустошен и не знает, как будет жить дальше. Мы разошлись молчаливые и подавленные.

Я.Соммер. Записки (ЛГЖ-К, т.1, с.603)

Март

И.Э. завершает работу над циклом стихов "Ночи в Крыму". В него вошли 18 стихотворений, написанных в Коктебеле в январе-марте 1921 года; читает стихи М.Волошину и О.Мандельштаму, приезжает с чтением стихов в Феодосию.

25 марта

В Феодосии в литературно-артистическом кружке "ФЛАК" И.Э. выступает с чтением своих новых стихов и с докладом "Новая эра и искусство".

Крымская мысль, Феодосия, 1920, 27 марта

27 марта

"Крымская мысль" публикует статью М.Волошина "К лекции поэта И.Г.Эренбурга" (о творчестве И.Э. и его последней книге "Огонь"):

В душе поэта "Канунов" среди УЖАСА современной жизни, сквозь апокалиптические видения пророческих ожиданий прорастают простые и ясные побеги жизни. Этой надеждой, этим упованием на самодавлеющие силы жизни проникнут последний период творчества Эренбурга.

(маш.копия, снятая В.П.Купченко).

Весна

И.Э. и Я.И.Соммер организуют в Коктебеле детскую площадку:

Весной мои ученики стали отпадать. Тут у И.Г. появилась хорошая идея - организовать детскую площадку. В Феодосии какой-то Крымсоюзбанк взялся ее финансировать, то есть платить зарплату мне как заведующей и Эренбургу как воспитателю. Фактически роли были распределены наоборот. Для детплощадки был выделен пустовавший домик на самом берегу моря, там поставили топчан, стол и прибили несколько полок. Организацией площадки некоторое время занималась комиссия, созданная М.Г.Вересаевой. Вся она состояла из каких-то старух, которые чуть меня не заклевали, заподозрив во мне большевичку. В библиотеке Волошина мы достали книжку К.Чуковского и я читала детям наизусть его чудесную сказку. Неожиданно для нас ребята сами, без всяких подсказок стали лепить из глины героев сказки. Когда фигурки увидел Илья Григорьевич, он пришел в восторг. Мы осторожно перенесли их на полки

домика, а когда они высохли, Илья Григорьевич их раскрасил и они выглядели очень эффектно.

Я.Соммер. Записки (рукопись, АФ).

Роковыми, однако, оказались занятия лепкой. Я и в этом не хотел стеснять фантазию детей, они притащили домой загадочных зверей, людей с огромными головами, а один мальчишка вылепил рогатого черта. Вот тогда-то вмешался поп; он обходил дворы, говорил: "Это жид и большевик, он хочет перегнать детей в дьявольскую веру". Площадку пришлось закрыть, просуществовала она три или четыре месяца (...) Было уже тепло. Я ходил в пижаме, привезенной из Парижа, босиком. Один раз я пошел в деревню - хотел купить молоко или каймак. Зашел во двор кулака. На меня спустили собаку, которая схватила меня за икру. Дело было не в укусе, но она разорвала штанину в клочья. Пришлось обрезать и другую. Теперь я ходил в коротких штанишках.

ЛГЖ, т.1, с.303

5 апреля

М.А.Волошин сообщает М.С.Цетлин:

Эренбург живет всю зиму у меня (...) Пишет прекрасые стихи - и очень много.

Победа, Феодосия, 1979, 27 февраля

6 апреля

В Феодосии вышел альманах "Ковчег" (...) На 64 страницах книжки карманного формата разместилось 56 стихотворений девятнадцати поэтов.

В.Купченко, "Альманах "Ковчег", Победа, Феодосия, 1981, 21 марта

В альманахе опубликованы стихи А.Блока, М.Волошина, О.Мандельштама, М.Цветаевой, С.Парнок, Г.Шенгели, Э.Багрицкого. Там же помещены стихи И.Э. "Умер, глаз не закрыли" и "На площадях столиц", написанные им в Феодосии в 1920 г.

- Уменя хранится один-единственный экземпляр этого крошечного альманаха поэтов, изданного в количестве всего ... 100 экземпляров! Об'явление в газете "Крымская мысль" гласило, что в продажу поступит только ... 50 нумерованных экземпляров по 150 рублей за экземпляр. Остальные 50 экземпляров были распределены между участниками альманаха взамен гонорара и также распроданы через книжный магазин Ничепровецкой на Итальянской улице.

Откуда мы взяли деньги на издание?

Группа поэтов во главе с Осипом Мандельштамом устроила во "Флаке" вечер "Богема". В нем участвовали все лучшие силы, собравшиеся тогда в Феодосии - Волошин, Мандельштам, скрипач Борис Сибор, пианистка Лифшиц-Турина. После этого "Крымская мысль" опубликовала

письмо, подписанное Осипом Мандельштамом, Бабаджаном, Полуэктовой и другими. Поэты "Флака" поручили Э.Миндлину и А.Соколовскому на вырученные с вечера 13718 рублей издать литературно-художественный альманах. На эти-то деньги мы с Соколовским и выпустили Феодосийский "Ковчег".

Машинок для перепечатки у нас не было - наборщики набирали с рукописей. Многие из рукописей были малоразборчивы. Почерк Эренбурга оказался особенно недоступен наборщикам: Эренбург, увидев, как перевраны его стихи в альманахе, за голову схватился и стал ожесточенно исправлять чернильным карандашом ошибки. Увы он сумел это сделать только в моем экземпляре, и поныне хранящем на титульном листе автографы участников альманаха - Эренбурга, Волошина, Мандельштама, Цветаевой и других. Все остальные экземпляры, пущенные в продажу, так и разошлись набитые опечатками.

Эм.Миндлин. Необыкновенные собеседники. М., Советский писатель, 1968, с.10-11

Весна

Охлаждение отношений И.Э. с М.Волошиным.

- После возвращения из Феодосии я не заметила никакой близости Эренбургов и Волошиных. М.А. никогда не заходил в наши комнаты, не было также ни одного вечера, который мы провели бы "наверху". Ни зимой, ни летом. Иногда собирались в библиотеке, когда были гости (О.Э.Мандельштам, А.И.Цветаева), но случалось это редко. Совместных прогулок по Коктебелю не было. Мне кажется, что охлаждение между И.Г. и М.А. наступило еще в то время, когда я жила в Феодосии. По приезде я немало была удивлена, слыша, как досадливо и насмешливо И.Г. отзывался об акварелях Волошина. Да и стихов его И.Г. не хвалил. Думаю, что самолюбие Волошина обижало то явное предпочтение, которое И.Г. оказывал стихам Мандельштама.

Я.Соммер. Записки (Рукопись; АФ)

6 июня

Бытовая ссора И.Э. с Е.О.Волошиной; переезд И.Э. из дома Волошина в соседний двухкомнатный домик:

Начало июня ознаменовалось для Эренбурга неожиданной и нелепой ссорой с Волошиными. Виновницей, несомненно, была Елена Оттобальдовна с ее пристрастием к порядку и своеобразным комплексом домовладелицы. Уже детская площадка, разместившаяся на берегу перед самым домом Волошиных, вызвала ее протест, поскольку дети доставляли немало хлопот ей и ее гостям. Затем ей не нравилось, что на террасе Эренбургов, живших на первом этаже, остается на ночь посуда и мебель, что в те неспокойные времена было небезопасно. Желая дать своим жильцам "наглядный урок", она дважды ночью "выкрадывала" их вещи, в конце концов, отучив молодоженов от их беспечности. Однако, когда

мистификация раскрылась, Илья Григорьевич был донельзя обижен, перенес свое раздражение на Максимилиана Алексанровича.

В.Купченко, Р.Хрулева. "И.Г.Эренбург в Коктебеле". Победа, Феодосия, 1979, 27 февраля

Июнь-июль

Болезнь Л.М.Козинцевой. И.Э. сообщает об этом Я.И.Соммер в Феодосию:

Константину Федоровичу, г-ну Богаевскому. Итальянская ул., дом Дуранде. (для Волошина).

Ядвига Иосифовна, Любе хуже. Вчера вечером у нее было 40 градусов, сегодня утром 39,3, а в 1 ч. уже 40 . Жар она переносит очень мучительно (боль в теле, тошнота). Вересаев вчера ничего не нашел кроме расширения селезенки (он предполагает хроническое). Возможно, что это один из тифов. Посоветуйтесь, что делать (...) Говорят, что доктор Благая собирается сюда - ей комната готова. Здесь ничего нельзя достать, если придется поддерживать действие сердца, нет сулемы, камфоры и шприца. Нужно пытаться раздобыть это в Феодосии (...) Если нужно купить, с суммой не считайтесь. Я приехать теперь из-за Любы не могу. (...) И.Э.

ИРЛИ ф.562, оп.3, ед.хр. 1339

Люба заболела сыпняком и крестьяне перестали посылать к нам детей. И.Г. был совершенно беспомощен, у него болело сердце. Всю тяжесть хозяйственных забот и уход за больной - она долгое время была без сознания - я взяла на себя. И.Г. приглашал врачей, заботился о лекарствах, я проводила бессонные ночи и днем была на ногах. Вересаев хвалил меня как сестру и сиделку (...) Болезнь Любы заставила забыть о ссоре. Волошин помогал Илье Григорьевичу доставать лекарства, он и Е.О. проявляли искреннее сочувствие и заботу о больной (...) Люба стала поправляться (...) Когда опасность миновала, снова произошла ссора - теперь уже между И.Г. и М.А. (В первый раз он был нейтрален, хотя и сочувствовал матери). М.А. сказал что-то оскорбительное обо мне. И.Г. был взбешен и ответил очень резко (...) Таким раз'яренным я его больше никогда не видела. Дипломатические отношения опять были прерваны. Они восстановились позднее в связи с необходимыми хлопотами о спасении Мандельштама, попавшего в лапы белогвардейской контрразведки.

Я.Соммер, Записки (рукопись, АФ).

Август

М.А.Волошин пишет И.Э.:

Дорогой Илья Григорьевич, твое пребывание в Коктебеле кончилось тем, чего я ожидал давно: ссорой со мной. С начала года я чувствовал, что раздражаю тебя всем строем своей души, понимал опасность и ста-

рался реже видеться. С легкими жарами и с северо-востоком твое раздражение должно было разразиться (...) Я тебя в свое время принял и полюбил со всеми колючими, резкими и нетерпимыми сторонами. При мне не раз они обращались на других. Из-за того, что сейчас они обращены на меня, я не изменю моих отношений к тебе. Моя дружба далека стороны сентиментальной, в которой мы далеко чужды друг другу. В отношении к тебе она выражалась только реальными и действиями и услугами, когда ты в них нуждался. Когда теперешнее наваждение пройдет, ты всегда найдешь во мне прежнюю действенную любовь. Что оно со временем пройдет, я не сомневаюсь, но зная тебя, думаю, что не скоро.

Копия письма, ИРЛИ, ф.562

- И.Э. отвечает на это письмо запиской:

Я оставляю на твоей совести указания на реальные услуги, отныне твоя "действенная любовь" тобой же приравнена к кастрюлькам, топору и прочему инвентарю Елены Оттобальдовны (...) По сему приглашаю тебя заняться иными темами и одновременно с "объятиями" и прочими сластями письма не расточать вещей стыдных и недобросовестных. Не "любви", не "понимания", но хоть известной доли порядочности...

ИРЛИ, ф.562

Сентябрь

И.Э. приходит к решению перебраться из занятого врангелевцами Крыма в Москву и начинает готовиться к организации переезда через Грузию.

- И.Э. узнает об аресте О.Э.Мандельштама в Феодосии:

Очень темным вечером мы пришли в Коктебель. Майя Кудашева пошла за Эренбургами, я ждал их на берегу. Мы уселись на гальке у самой воды под беззвездным небом, в кромешной тьме. В темноте слышались тихие всплески у самых ног. Вчетвером - Эренбург с женой, Майя и я - стали совещаться, как быть, - кому первому идти наверх к Волошину. Первой отправилась к нему Майя. Мы ждали ее уж не помню, сколько времени, во всяком случае очень долго. Она вернулась ничего не добившись (...)

Тогда решили, что идти к Волошину должен я. Эренбург наставлял меня. Волошина надо убедить дать записку, в которой Мандельштам характеризовался бы как крупный поэт. Утром уже была послана телеграмма в Севастополь известному писателю Аркадию Аверченко с просьбой вмешаться в судьбу Мандельштама. Аверченко подтвердил телеграммой, что хорошо знает Мандельштама как замечательного поэта, знаком с ним по Петрограду, и ходатайствовал об освобождении поэта, далекого от всякой политики. Пришла ли телеграмма Аверченко до или после освобождения Мандельштама, не помню (...)

Я вышел из кабинета и сбежал с наружной лестницы к морю, где меня дожидались Эренбург и Майя. Через минуту я уже докладывал им о своей неудаче. Эренбург, выслушав меня, поднялся: "Я пойду к Максу".

Это было неожиданно. Ведь он с Волошиным в ссоре. И все-таки пошел. Майя Кудашева, жена Эренбурга и я сидели, перебирая мелкие камушки и слушая плеск набежавшей на берег невидимой в темноте волны. Эренбург отсутствовал очень долго (...) Он вернулся успокоенный: Волошин сделает все, что может(...)

Эренбург и позднее повторял, что Волошин сразу вызвался помочь Мандельштаму. Теперь мне кажется, что Волошин просто хотел, чтобы к нему пришел Эренбург, - ждал его примирения.

Эм.Миндлин. Необыкновенные собеседники. М., Советский писатель, 1968, с.26-29

До Коктебеля дошел слух об аресте Мандельштама, случившимся перед самым отъездом в Грузию. Эренбург бросился к Волошину и с огромным трудом заставил его сдвинуться с места и поехать в Феодосию, чтобы спасти арестованного. В те годы, как и потом, впрочем, ничего не стоило отправить на тот свет случайно попавшегося человека. Связи у Волошина были огромные: он был местной достопримечательностью. Волошин проканителил несколько дней, а когда явился в Феодосию, Мандельштама уже выпустили на свободу. Своим освобождением он обязан полковнику Цыгальскому (...) Что же касается Волошина, я думаю никакого обмана не было. Вернувшись, он просто сказал Эренбургу, что Мандельштам выпущен, а Эренбург решил, что вытащил его Волошин.

Н.Мандельштам. Вторая книга. М., 1990, с.77-78

- И.Э. вместе с Л.М.Козинцевой и Я.И.Соммер из Феодосии отправляется в Грузию:

Путь из Феодосии в Москву лежал тогда через меньшевистскую Грузию, которая торговала с белым Крымом и где было советское посольство. Из Феодосии в Грузию отправлялся ценный товар - поваренная соль. Я говорю о ценности отнюдь не шутя: в то время соль продавали на рынках стаканами, как потом сахар.

Один предприимчивый феодосиец решил доставить в Поти соль; ею нагрузили большую дряхлую баржу. На буксире должен был отправиться владелец соли. После длительных и сложных переговоров, в которых мои покровители говорили и о поэзии, и о рублях, капитан буксира и владелец соли согласились взять на баржу меня, Любу и Ядвигу (...) Мы проплыли несколько часов среди идиллии: сияло солнце, белели барашки волн, и баржу лениво покачивало. Мы радовались, что вырвались из Крыма, и ели хлеб с солью. Шторм начался внезапно; мы не поняли, что происходит, когда высокая волна перехлестнула палубу. Мы легли в самом защищенном месте и покрылись брезентом. Шторм крепчал; навалилась быстрая южная ночь(...)

Капитан буксира решил бросить баржу: боялся, что она может разбить буксир. Нам это прокричали в рупор и предложили по канату добираться до буксира. Мы были, однако, не спортсменами, а людьми, сильно отощавшими от супа на перце (Люба незадолго до путешествия перенесла сыпняк); перейти на буксир среди сильных волн мы, разумеется, не

могли и решили остаться - будь что будет (...) Капитан все же не бросил баржу. Когда мы благополучно причалили к Сухуми, он сказал Любе, что пожалел ее.

ЛГЖ, т.1, с.314-315

Середина сентября

Из Сухуми И.Э. со спутницами перебирается в Поти, откуда поездом в Тбилиси. Там встречается с О.Э.Мандельштамом, Н.Н.Ходотовым, Паоло Яшвили, И.Здaневичем, знакомится с Тацианом Табидзе, Григорием Робакидзе.

Конец сентября

И.Э. передает в тифлисскую газету "Слово" рукопись - портреты русских поэтов, над которыми он работал в Киеве и Коктебеле.

26 сентября

Газета "Слово" под рубрикой "Портреты русских поэтов" публикует эссе И.Э. о В.Я.Брюсове; в примечании редакции говорится:

Этим очерком мы начинаем серию портретов современных русских поэтов, написанных гостящим сейчас у нас поэтом И.Эренбургом.

- Газета "Грузия" объявляет:

Воскресенье, 26 сентября. Единственный вечер поэтов О.Мандельштама и И.Эренбурга.

1. Гр. Робакидзе - Слово о новой русской поэзии.

2. И.Эренбург - Искусство и новая эра. Стихи из книг "Огонь" и "Новые зори".

3. О.Мандельштам - стихи из книги "Камень" и новые стихи

4. Н.Н.Ходотов - Стихи О.Мандельштама и И.Эренбурга.

Конец сентября - начало октября

Мы прожили в Тбилиси две недели; они показались мне лирическим отступлением.

Каждый день мы обедали, - более того, каждый вечер ужинали. У Паоло и Тициана денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей, выбирали самые знаменитые духаны, потчевали изысканными блюдами. Порой мы шли из одного духана в другой - обед переходил в ужин. Названия грузинских явств звучали, как строки стихов: сулгуни, соцхали, сациви, лоби. Мы ели форель, наперченные супы, горячий сыр, соусы ореховый и барбарисовый, куриные печенки и свиные пупки на вертеле, не говоря уже о разноликих шашлыках. В персидских харчевнях нам подавали плов и баранину, запеченную в горшочках. Мы проверяли, какое вино лучше - телиани или кварели. Никогда дотоле я

не бывал на Востоке, и старый Тбилиси мне показался городом из "Тысячи и одной ночи".

ЛГЖ, т.1, с.317

Начало октября

И.Э. вместе с Л.М.Козинцевой, Я.И.Соммер, О.Э. и А.Э.Мандельштамами отправляется из Тифлиса в Москву:

Я решил пробраться в Москву. В Тбилиси мне дали паспорт дипломатического курьера, три тюка с почтой и сопровождающего - военмора. Возле Владикавказа рыскали белые. Мы ехали бронепоездом. Потом военмор купил мешок соли. Он боялся "заградиловки" и, показывая на соль, говорил: "Дипломатическая". Мешочники спокойно садились на тюки с почтой. Я кричал: "Вы сломаете печати", они даже не оборачивались.

КдВ (СС, т.3, с.539-540)

Середина октября

И.Э. вместе со своими спутниками приезжает в Москву:

Я получил бумажку о том, что в Третьем общежитии Наркоминдела должны приютить Эренбурга с женой. Третье общежитие оказалось бывшими меблированными комнатами "Княжий двор", где я когда-то жил с отцом. Там было тепло и я понял, что я в раю.

Вечером мы пошли в Дом печати; я увидел многих знакомых. В буфете действительно давали крохотные ломтики черного хлеба с красной икрой и воблой; кроме того, там можно было получить чай, который благоухал не то яблоками, не то мятой, разумеется, без сахара. Все это было восхитительным, и я сразу погрузился в литературный спор, кто больше соответствует действительности - футуристы или имажинисты.

Несколько огорчил нас инцидент с Мандельштамом. Он сидел в другом углу комнаты. Вдруг вскочил Блюмкин и завопил: "Я тебя сейчас застрелю!" Он направил револьвер на Мандельштама. Осип Эмильевич вскрикнул. Револьвер удалось вышибить из рук Блюмкина, и все кончилось благополучно.

ЛГЖ, т.1, с.323

17 октября

Тифлисская газета "Слово", продолжая публикацию портретов русских поэтов, печатает эссе И.Э. о Бальмонте.

- И.Э. получает письмо из Петрограда от М.М.Шкапской и отвечает ей:

Только что получил Ваше письмо, порадовался. Спешу откликнуться и послать свой адрес. Мандельштам верно рассказал Вам о нашей фантастической поездке через Черное море на барже, и потом через Грузию.

Здесь, как это ни чудно, я отдыхаю, хоть и работаю много. Больше всего влечет к театру, и замышляю новую трагедию. Макс Алекс. остался в своем Коктебеле. Я тоже собираюсь примерно к Рождеству на недельку в Питер. Напишите мне больше о себе и пришлите все, что хотели. Не забывайте! Душевно Ваш И.Эренбург. Волхонка, М.Знаменский пер. "Княжий Двор".

ФЩ, л.54-55

Я встретил старых друзей, познакомился с молодыми поэтами, напсал несколько стихотворений. Люба разыскала А.А.Экстер и поступила во Вхутемас.

ЛГЖ, т.1, с.324

И.Г. встречался с поэтами, писателями (помню, он познакомил меня с Есениным в лавке писателей), посещал театры и водил Любу и меня (мне особенно запомнились А.Коонен в "Адриене Лекуврер", "Мистерия-Буфф" и какой-то маленький экспериментальный театр), бывал на выставках.

Я.Соммер. "Записки" (Рукопись, АФ)

24 октября

В тифлисской газете "Слово" - эссе И.Э. об А.А.Блоке.

- Московская газета "Коммунистический труд" сообщает:

В воскресенье, 24 октября во Дворце искусств Эренбург прочтет свои стихи о современности в 8 час.

31 октября

В тифлисской газете "Слово" - эссе И.Э. о В.В.Маяковском

- Московская газета "Известия" сообщает:

В понедельник, 1 ноября состоится доклад И.Г.Эренбурга на тему: "Искусство и новая эра". Начало в 8 ч. вечера. Приглашаются идеологи классового искусства и активные работники художественных учреждений. Для гостей вход по рекомендации двух действительных членов Дома печати.

1 ноября

- Арест И.Э. во время вечера в Доме печати:

В Доме печати решили устроить вечер моих стихов. Я прочитал стихотворения, написанные в Коктебеле и в Москве... Когда я кончил читать, все стремительно ринулись в буфет. Там ко мне подошел дежурный член правления поэт Венгров и шепнул, что меня требуют представители Чека; они внизу у вешалки. "Вы не волнуйтесь, - дружески добавил он, - это явная ошибка". У вешалки меня ждали два молодых человека; они мне показали ордер. Мы пришли к площади; там стояла машина, которая

отвезла меня на Лубянку... Меня обыскали, нашли фотографию Любы и снимки ее живописных работ. Молодые люди стали меня расспрашивать, что означает кубизм. Но моя голова была занята другим: что означает мой арест? Лекции о живописи не получилось. Молодые люди сказали, что предупредят мою жену (действительно, они поехали к ней, успокаивали - "наверно, его скоро выпустят" - и просили объяснить им современную живопись).

Меня отвели в камеру, где уже помещалось человек восемь, - это были командиры военно-морского флота, люди мужественные и симпатичные; они потеснились и я лег спать. На следующее утро мне об'яснили, что в камере не принято говорить о приключившейся с людьми неприятности. Каждый рассказывает о том, в чем он специалист. Первым был доклад о подводной лодке, сконструированной Налетовым, второй - о плавании по Индийскому океану. В свою очередь я рассказал о Париже, о стихах Франсуа Вийона, об итальянской живописи...

Вечером меня повели по длинным и сложным коридорам на допрос. Следователь дружески со мной поздоровался, сказал, что встречал меня в "Ротонде". Я его не помнил, но мы поговорили о Париже; потом он сказал:"Видите ли, к нам поступило сообщение, что вы - агент Врангеля. Докажите обратное"... Два дня спустя следователь снова вызвал меня:"Скажите, почему вам поручили доставить в Москву диппочту?" Я ответил, что этот вопрос следует поставить нашему послу в Тифлисе; что касается меня, я просто просил посольство отправить меня в Москву. Мы снова вспомнили Париж, и меня отвели в камеру. Я прочитал доклад об архитектуре Версаля (...) Третий допрос начался знакомыми словами: "Докажите, что вы не агент Врангеля". Следователь был в дурном настроении, он сказал, что я упрям и это может меня погубить, контрреволюция не хочет разоружаться, а пролетариат не повторит ошибок Коммуны.

ЛГЖ, т.1, с.324-325

Ноябрь

И.Э. освобожден из тюрьмы ВЧК по ходатайству Н.И.Бухарина, к которому обратилась за помощью Л.М.Козинцева.

- И.Э. работает в качестве лектора в Высшей военно-химической школе, где читает лекции о русской поэзии:

На Пречистенке, в доме, который меня волновал, когда я был гимназистом (там был институт благородных девиц), помещалась военно-химическая академия, и курсанты предложили мне обучать их стихосложению. Им хотелось писать ямбом, хореем и даже свободным стихом. Они прилежно считали слоги и подыскивали рифмы. Вряд ли из них вышли поэты, но я убежден, что на всю жизнь они запомнили свое тяготение к поэзии, как помнят люди свою первую любовь.

ЛГЖ, т.1, с.341

- И.Э. навещает В.Я.Брюсова:

Я не забуду его, уже седого, но попрежнему сухого и не уступчивого в канцелярии “Лито” (Литературного отдела Н.К.П.) На стенках висели сложные схемы организации российской поэзии - квадратики, исходящие из кругов и передающие свои токи мелким пирамидам. Стучали машинки, множа “исходящие”, списки, отчеты, сметы, и, наконец-то, систематизированные стихи.

И.Эренбург. “Портреты русских поэтов”.
Аргонавты, Берлин, 1922, с.51

- И.Э. участвует в выпуске рукописных книг в Московской книжной лавке писателей.

7 ноября

И.Э. посещает премьеру спектакля “Зори” по пьесе Э.Верхарна в театре В.Э.Мейерхольда:

Несколько раз я был на “Зорях”. Это слабая пьеса, да и в постановке было много случайного. Мейерхольд боролся против “трех стен”, о которых говорил Треплев, против рампы, против написанных декораций. Он хотел приблизить сцену к зрителям. Помещение было безвкусным - знаменитый кафешантан “Омон”, где москвичи когда-то рассматривали полуголых “этуалей”; впрочем, зал был в таком состоянии, что его убранство не бросалось в глаза. Театр не отапливали, все сидели в шинелях, в полушубках, в тулупах. Изо ртов актеров вырывались грозные слова и нежнейшие облака. Часть актеров разместили в партере; они неожиданно взбегали на сцену, где стояли серые кубы и зачем-то висели веревки. Иногда на сцену подымались и зрители: красноармейцы с духовым оркестром, рабочие... Был я и на спектакле, когда один из актеров торжественно прочитал только что полученную сводку: взят Перекоп. Трудно описать, что делалось в зале.

ЛГЖ, т.1, с.329

И.Э. знакомится с В.Э.Мейерхольдом. Начинается его служба в ТЕО Наркомпроса.

ТЕО (театральный отдел Наркомпроса) помещался в особняке напротив Александровского сада. Мейерхольд носился по большой комнате, может быть потому, что ему было холодно, может быть потому, что не умел сидеть в начальническом кресле у традиционного стола с папками “на подпись”. Он, казалось, клокотал; говорил, что ему понравились мои “Стихи о канунах”; потом вдруг подбежал ко мне и, закинув назад свою голову не то цапли, не то кондора, сказал: “Ваше место - здесь. Октябрь в искусстве! Вы будете руководить всеми детскими театрами Республики”. Я попытался возразить: я не педагог, хватит с меня мофективных киевлян и коктебельской площадки; да я и не смыслил ничего в сценическом искусстве. Всеволод Эмильевич меня оборвал: “Вы - поэт, а детям нужна поэзия. Поэзия и революция! К черту сцени-

ческое искусство! Мы с вами еще поговорим. А приказ о вашем зачислении я подписал. Приходите завтра вовремя".

ЛГЖ, т.1, с.327-328

Театральный отдел Наркомпроса в те годы помещался на Манежной улице, наискосок от Кремля. Здание большое, светлое, с коврами, сотрудники - торжественные, медлительные - все здесь было совсем не так, как в нашем "муравейнике"; со множеством людей и подвод у входа, с делами, наскакивающими одно на другое. Детским подотделом Театрального отдела Наркомпроса заведовал в то время Илья Григорьевич Эренбург. Он сидел со своими сотрудниками в большой комнате на втором этаже. Когда ни зайди, все за своими столами, посетителей очень мало. Совсем другие ритмы жизни. "Мы - руководящая организация, а вы - практики", - сказала мне как-то сотрудница Эренбурга С.А.Малиновская...

Оказывать помощь в практическом становлении дела никто в детском подотделе не собирался. Значительно позже я поняла, какой многогранный, принципиальный и талантливый человек И.Г.Эренбург, какой он интересный собеседник, тогда же меня поражало, что он почти не разжимает рта, точно держать сигару его главная забота. Меня поражало, что он часами накапливающе-наблюдательски молчал, даже тогда, когда к нему на прием приходили посетители.

Н.Сац. "Дети приходят в театр". М., "Искусство", 1961, с.98-98

5 ноября

Художница Н.Я.Симонович-Ефимова пишет из Москвы в Липецк А.И.Ефимову:

Нас почетно пригласили устраивать теневой театр. Это от Театрального отдела. Заведует там теперь Детской секцией писатель Илья Эренбург, хороший поэт и человек, которого мы знали раньше по салону М.С.Цетлин. На заседании, в отличие от всех предыдущих заседаний, нам не сделали никаких неприятностей.

Н.Я.Симонович-Ефимова. "Записки художника",
М., "Советский художник", 1982, с.133

12 ноября

Вышла рукописная книга И.Э. "В раю"; на ней надпись: "Автографические издания Лавки писателей переписал и картинки нарисовал Илья Эренбург в Москве двенадцатого ноября тысяча девятьсот двадцатого года".

Рисованная обложка с цветным изображением зверей и птиц. В книжке два стихотворения: "В раю" (больше нигде не публиковалось) и "Колыбельная" (из книги И.Э. "Детское"). Экземпляр этой книги хранится в рукописном отделе ИМЛИ.

22 ноября

И.Э. присутствует в "Театре РСФСР 1" на диспуте о спектакле "Зори". Выступали А.Луначарский, В.Мейерхольд, П.С.Коган, О.Брик, А.Мгебров, В.Маяковский.

29 ноября

Выступление И.Э. на продолжении диспута о "Зорях":

В понедельник, 29-го ноября, в театре РСФСР состоялось продолжение беседы о "Зорях", в которой приняли участие ряд ораторов, не успевших выступить на первой беседе (...) т.Эренбург, приемлющий самый принцип постановки и метод нового искусства, все же боится, что данная постановка, как невысокий образец искусства, может скомпрометировать этот принцип в области живописных монументальных исканий.

Вестник театра, М., 1920, N76-77, с.6-7

Ноябрь

И.Э. встречается с Маяковским, Пастернаком, Есениным, Цветаевой:

Когда осенью 1920 года я пробрался из Коктебеля в Москву, я нашел Марину все в том же исступленном одиночестве. Она закончила книгу стихов, прославлявшую белых, - "Лебединый стан". К тому времени я успел многое повидать, в том числе и "русскую Вандею", многое продумал. Я попытался рассказать ей о подлинном облике белогвардейцев - она не верила; пробовал я поспорить - Марина сердилась.

ЛГЖ, т.1, с.240

- Вышла рукописная книга И.Э. "Полдень". В ней четыре стихотворения, написанные осенью 1919 года в Киеве и зимой 1920 в Коктебеле, впоследствии вошедшие в книгу "Раздумия". Книга "Полдень" была посвщена Борису Леонидовичу Пастернаку. Экземпляр хранится в ЦГАЛИ.

- Вышла рукописная книга И.Э. "Заячья Елка". Обложка с цветными рисунками автора (изображена елка, два зайца и лиса). В книге два стихотворения: "Заячья Елка" и "Колыбельная" (Тише, глупая, тише), больше нигде не публиковавшееся. Экземпляр хранится в отделе рукописей ГБЛ.

- Вышла рукописная книга И.Э. "Блузник". В ней три стихотворения, впоследствии вошедших в сборники И.Э. "Раздумия" и "Кануны". Экземпляр с дарственной надписью "Аде Чумаченко в Великий Пост 1921 г." хранится в рукописном отделе ГБЛ.

- Вышли также рукописные книги И.Э. "Две зари", "Колыбельные песни", "Любови", "России", "Творцу" и три сборника под одинаковым названием "Стихи". Местонахождение и содержание их неизвестно.

- Вышла рукописная книга переводов И.Э. "Испанские песни". В ней помещены переводы двух песен, сложенных в Кастилии неизвестными

поэтами в пятнадцатом столетии и переложенные И.Э. на русский язык в 1915 г. в Эзе.

(Впервые рукописные книги И.Э. описаны М.Осоргиным во "Временнике Общества друзей русской книги, выпуск третий", вышедшем в Париже в 1932 г.)

- И.Э. пишет пьесу "Светопреставление" (пародия на Лигу Наций) для Театра Революционной сатиры (Теревсат).

4 декабря

М.И.Цветаева пишет М.А.Волошину:

Недавно ко мне зашел Е.Л.Ланн (приехал из Харькова), много рассказывал о вас всех. Еще - устно - знаю от Эренбурга. Не трогаюсь в путь, потому что не знаю, что меня ждет. Жду вестей (...) Очень спешу, пишу в Тео - среди шума и гама - случайно узнала от Эренбурга, что есть оказия на юг.

М.Цветаева. Сочинения, т.2, м., 1988, с.445-446

6 декабря

И.Э. присутствует и выступает на вечере "Россия в грозе и буре" в Большом зале Московской консерватории вместе с А.Луначарским, С.Есениным, В.Брюсовым, А.Белым, Б.Пастернаком. Стихи современных поэтов на вечере читала Алиса Коонен.

Р.Ивнев. "Вместе с Луначарским". Волга, 1968, N11, с.156

19 декабря

Выходящая в Софии газета "Россия" информирует о том, что "Российско-Болгарское книгоиздательство" выпустило книгу И.Э. "Лик войны".

- "Российско-Болгарское книгоиздательство" было создано в Софии П.П.Сувчинским осенью 1919 г.

Литературное обозрение, 1990, N12, с.99

И.Э. познакомился с П.П.Сувчинским в Киеве в 1919 г.; видимо, Сувчинский вывез в Софию рукописи книг, подготовленных к изданию еще в Киеве, и среди них "Лик войны" И.Э., обложка издания была выполнена в Киеве В.Маккавейским.

Декабрь

И.Э. продолжает работать в театральном отделе Наркомпроса:

Театральный отдел постепенно разросся. Из маленькой квартирки в "Метрополе" он переехал на Неглинную, в дом 9, с балконами и фонарями, против Потешного дворца, заняв пять огромных квартир (теперь эта

улица называется Манежной, а бывший Неглинный проезд стал Неглинной улицей). ТЕО вмещало много отделов и секций...

Существовала секция детского театра, в которой состояли поэты Ада Чумаченко, Марина Цветаева и Илья Эренбург, еще совсем молодые. Марина Цветаева, и тогда колючая, какая-то неустроенная, по-моему не очень была полна пафосом театра. А Илья Эренбург ходил с трубкой, был скептически настроен, приобрел всеобщую симпатию и мечтал больше о поэзии.

П.Марков. "Книга воспоминаний". М., Искусство, 1983, с.99-104

Наиболее интересными из новых театральных сказок были три: "Рыбий бунт" Петра Бывалова, "Восстание игрушек" Василия Каменского и "Как заяц зверей взбунтовал" Ильи Эренбурга... В пьесе Эренбурга "Как заяц зверей взбунтовал" зайцы, "лесные страдальцы" и самые запуганные существа, под влиянием "сознательного зайца" об'единялись с другим мелким лесным зверьем и поднимали бунт против самого волка.

Н.Сац. Дети приходят в театр. М., "Искусство", 1961, с.84

Возможно, что рукопись именно этой пьесы И.Э. направил Мейерхольду со следующей сопроводительной запиской:

Сие моя пьеса, которую вы просили. Единственный экземпляр. Пожалуйста не затеряйте. Я ее читаю в воскресенье во "Дворце Искусств" поэтому к этому дню мне нужна рукопись.

ЦГАЛИ, ф.998, оп.1, ед.хр.2667, л.1-1об.

- И.Э. знакомится с В.Л.Дуровым:

Хотя В.Л.Дуров не одобрял футуристов, он сам был эксцентриком, и спектакль, которым он открыл свой театр для детей, назывался "Зайцы всех стран, соединяйтесь!" Я хорошо помню его содержание. Вначале заяц приподымал деревянный переплет большой книги, на котором значилось "Капитал"; он перелистывал страницы, потом подзывал к себе других зайцев, их было не менее двадцати. В следующей картине на сцене был макет дворца; его охраняли кролики с ружьями. Из-за кулис выбегали зайцы, выталкивали игрушечную пушку; зайцы стреляли из пушки в кроликов и, одержав победу, подымали над дворцом красный флаг. Занавес подымал и опускал медвежонок в синей блузе.

ЛГЖ, т.1, с.346

- И.Э. направляет рукопись своей пьесы "Светопреставление" В.Э.Мейерхольду:

Всеволод Эмильевич, очень прошу Вас прочитать пьесу: это не более десяти минут. Ждут Вашего ответа Теревсат и я, так как при разногласии Ваше мнение будет решающим. Если возможно, сделайте это сегодня, так как я завтра должен быть у них. Еще прошу Вас в течение ближайшей недели уделить мне полчаса в совершенно свободное время для следующего: по приглашению Наркоминдела я пишу теперь статьи для иностранных журналов об искусстве РСФСР, в частности о театре. Считал бы необходимым полнее и точнее осветить Ваши задания.

1920

В.Мейерхольд. Переписка. М., Искусство, 1976, с.210

- И.Э. по записке Н.И.Бухарина попадает на прием к председателю Моссовета Л.Б.Каменеву:

Наступила суровая зима. Мое пальто грело не больше, чем кружевная шаль. Я простудился, чихал, кашлял. Наверное, у меня была температура, но мы тогда этим мало интересовались. Случайно я встретил одного из товарищей по подпольной гимназической организации; поглядев на меня, он рассердился: "Почему вы мне раньше не сказали?" Он написал записку председателю Моссовета и шутя добавил: "Лорд-мэр Москвы вас оденет".

Попасть на прием к "лорд-мэру" было нелегко, в приемной толпились всевозможные просители. Наконец я проник в просторную комнату; за письменным столом сидел почтенный человек с аккуратно подстриженной бородкой, которого я хорошо знал по Парижу. Я понимал, что у него уйма дел, и стеснялся. Он был чрезвычайно любезен, говорил о литературе, спрашивал, какие у меня творческие планы. Ну как здесь было заговорить о штанах? Наконец, набравшись храбрости и воспользовавшись паузой, я в отчаянии выпалил:"Кстати, мне совершенно необходимы брюки".

"Лорд-мэр" смутился: он внимательно меня оглядел:"Да вам не только костюм нужен, а и зимнее пальто". Он дал мне записку к заведующему одним из отделов МПО, на записке было сказано лаконично: "Одеть т.Эренбурга" (...)

Было очень холодно, и, стоя в очереди, я малодушно забыл про брюки - мечтал о теплом зимнем пальто. Под вечер я приблизился к заветной двери(...) Наконец я вошел в кабинет заведующего, который, прочитав записку, сказал: "У нас, товарищ, мало одежды. Выбирайте - пальто или костюм". Выбрать было очень трудно; замерзший, я готов был попросить пальто, но вдруг вспомнил унижения предшествующих месяцев и крикнул: "Брюки! Костюм!" Мне выдали соответствующий ордер.

ЛГЖ, т. 1, с.337-338

28 декабря

Под вечер в мою комнату вошел поэт. В сумерках я не мог ясно разглядеть его лица. Были очевидны лишь смуглая чернота и большие печальные глаза. Он был обмотан широким шарфом. Меня поразила застенчивость и вызов, обидчивость внешнего самолюбия и бесконечная стыдливость всех внутренних жестов. После долгих и мучительных вступлений он начал читать стихи об исхлестанных крыльях Демона. Тогда я понял, кто пришел ко мне. Да, 28 декабря в 5 часов вечера, прочитав номер "Известий", я беседовал с М.Ю.Лермонтовым, и все это отнюдь не теософские petits Laits[1], а просто отчет об очередной встрече с Б.Л.Пастернаком, самым любимым из всех моих братьев по ремеслу.

И.Эренбург. "Портреты русских поэтов",
Берлин, Аргонавты, 1922, с.127

---

1 Мелочи

1920

31 декабря

Новый год мы встречали у художника Рабиновича. Говорили, что будет ужин, даже водка; но никто ничего не раздобыл. Мы ели кашу и чокались кружками с чаем, а веселились, как будто пили шампанское.

ЛГЖ, т.1, с.339

1921 год

19 января

Берлинская газета "Голос России" сообщает:

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Мысль". Общедоступная библиотека "Книга для всех". Вышли в свет и поступили в продажу: (...) вып.2-3. "Поэзия большевистских дней" (Блок, Белый, Эренбург, Есенин, Каменский и др.)

25 января

В берлинской газете "Голос России" - рецензия на издание библиотеки "Книга для всех", в частности, на "Поэзию большевистских дней":

Новейшая русская поэзия от Блока (в последней фазе его творчества) и Эренбурга до Шершеневича и Каменского. Помимо громадного интереса, представляемого этой книжкой в целях ознакомления с таким близким, но, увы, столь далеким русским современным искусством, нужно отметить высокую художественную ценность отдельных авторов. На первом плане Эренбург. Его стихи выделяются непосредственной искренностью тона и пластичностью формы.

Январь-февраль

И.Э. пишет шесть стихотворений, составивших цикл "Московские раздумья". Стихотворение "О, проще возвести" вошло в литаграфированный сборник московских поэтов "Автографы" (январь 1921 г.)

- И.Э. возвращается к замыслу романа "Хулио Хуренито":

Как-то зимой, раздобыв несколько листов бумаги, я попытался начать тот роман, о котором давно мечтал; написав несколько строк, я порвал лист. Время не благоприятствовало романам. Дело не в холоде и голоде (хотя, признаться, я часто мечтал о куске мяса). Дело даже не в различных заседаниях, на которых мы просиживали дни. Слишком близки и слишком грандиозны были события. Романист не стенографистка, ему нужно опомниться, подумать, отойти на несколько шагов (или на несколько лет) от того, что он хочет описать. Кажется, в 1920 году в России не было написано ни одного романа (...)

Роман, пережитый, продуманный, но не написанный, способен извести. Мне казалось, что стоит мне сесть в каком-нибудь парижском кафе, попросить у официанта кофе, несколько бутербродов, бумагу, и книга будет написана.

Я хотел написать сатирический роман, показать довоенные годы, войну, революцию; но последняя глава была закрыта туманом. Как я ни старался, я не мог себе представить, что делали люди на Западе, пока русские низвергали, жгли, проектировали, дрались на десяти фронтах, голодали, болели сыпняком и бредили будущим. Я говорил себе, что круг должен быть завершен и что необходимо взглянуть на послевоенный Париж. (Я много думал о книге. Я думал не только о ней. Моя молодость прошла в Париже; я полюбил этот город, оставил там много друзей. Порой я тосковал по Парижу и не могу об этом умолчать).

ЛГЖ, т.1, с.362-363

- И.Э. встречается с Н.И. Бухариным, делится с ним замыслом сатирического романа и просит содействия в получении заграничной командировки.

6 февраля

Актриса В.В. Алексеева-Месхиева читает стихи И.Э. на вечере современной поэзии в Политехническом музее.

ЦГАЛИ ф.1406, оп.1, ед.хр.416

7 февраля

Дом печати (Никистк. бульв.,8). Диспут на тему: "Каким же должен быть детский театр". Докладчиками выступят тов.Эренбург и Серг.Розанов. В прениях приглашаются участвовать: т.т. Г. Паскар, А. Чумаченко, Нат. Сац, А.А. Луначарская, М. Розанов, Л. Менжинская, Равдель, Трайнин, Брюсова и все интересующиеся данным вопросом. Вход свободный.

ЦГАЛИ, ф.1406, оп.1, ед.хр.416

- В "Доме печати" под председательством Н.И. Сац состоялся диспут на тему "Каким же должен быть детский театр". Докладчиками выступили т.т. С. Розанов и И. Эренбург. С. Розанов в своем докладе установил связь эстетического развития ребенка с его общим развитием (...) Эренбург подошел к вопросу с другой стороны: по мнению докладчика современный взрослый подход к детскому театру недопустим. Репертуар театра должен быть героическим; интересна была бы хорошая трактовка "Дон Кихота" для детской сцены.

Вестник театра, 1921, N 83-84, с.20

Февраль

И.Э. получает письмо из Одессы от Андрея Соболя, который сообщает, что собирается ехать в Крым.

РБ. с.142

- И.Э. вызывают в Наркоминдел с предложением заполнить анкету для выезда за границу:

В приемной Наркоминдела бушевала немолодая, но чрезвычайно темпераментная женщина. Она истерзала секретаря наркома, а потом почему-то накинулась на меня: "Они не имеют никакого права! Можете спросить любого адвоката. У меня швейцарский паспорт, я не позволю со мной так обращаться! Я не буржуйка, я служила гувернанткой, меня нужно ограждать. Конечно, у меня сбережения в золоте, я не сумасшедшая, чтобы держать бумажки, когда они каждый день падают. Я напишу в Берн, я этого так не оставлю". С трудом я от нее освободился и сел за анкету. На вопрос о цели моей поездки за границу я ответил: "Хочу написать роман". Секретарь улыбнулся и заставил меня все переписать, продиктовал: "Художественная командировка".

ЛГЖ, т.1, с.363

2 марта

И.Э. присутствует на литературном вечере Б.Л. Пастернака в Доме печати:

В Доме печати был литературный вечер Бориса Леонидовича, читал он сам, а потом его стихи читала молоденькая актриса В.В. Алексеева-Месхиева. При обсуждении кто-то осмелился, как у нас говорят, "отметить недостатки". Тогда встал во весь рост Маяковский и в полный голос начал прославлять поэзию Пастернака; он защищал его с неистовством любви.

ЛГЖ, т.1, с.255

Начало марта

И.Э. присутствует в Союзе писателей на чтении М. Цветаевой "Царь-Девицы".

Из письма М. Цветаевой Б. Пастернаку.
(М. Цветаева. Сочинения, т.2, М., Художественная литература, 1988, с.473)

- И.Э. встречается с С. Есениным. Есенин надписывает ему свою книгу "Трерядница": "Вы знаете запах нашей земли и рисуночность нашего климата. Передайте Парижу, что я не боюсь его, на снегах нашей родины мы снова сумеем закрутить метелью, одинаково страшной для них и для этих".

С. Есенин. Собрание сочинений, т.3, 1970, с.310

- И.Э. встречается с редактором "Одесских новостей" И.М. Хейфицем, приехавшим из Одессы, который сообщает, что живущий в Одессе Андрей Соболь обратился к председателю одесской Чеки М.А. Дейчу (бывшему с ним вместе на каторге в Нерчинске) с просьбой заключенных, но безрезультатно.

РБ, с.142

- И.Э. знакомится с первым номером вышедшего в Берлине журнала "Русская книга":

1921

Я помню в марте этого года радостный день, средь сурового московского бытия, когда дошел до нас, путями сложными первый номер "Русской книги". Читали мы его, перечитывали в Союзе писателей, в союзе поэтов, в наших книжных лавках. Радовались мы тому, что вопреки горькой молве, за рубежом имеются люди, которым дорога и ценна наша работа.

И. Эренбург. "Над схваткой".
Русская книга, Берлин, 1921, N 9, с.1

- И.Э. вызывают к зам. председателя ВЧК В.Р. Менжинскому:

Комендант общежития, товарищ Адам, сказал, что меня вызывают в Чека; увидев мое волнение, он добавил: "С главного подъезда - к товарищу Менжинскому".

В.Р. Менжинский был болен и лежал на чересчур короткой кушетке. Я думал, что он начнет меня расспрашивать, не путался ли я с врангелевцами; но он сказал, что видел меня в Париже, спросил, продолжаю ли я писать стихи. Я ответил ему, что хочу написать сатирический роман. Поскольку разговор зашел о литературе, я поделился с ним сомнениями: печатается слишком много ходульных стихов, а вот Блок замолк. Менжинский иногда улыбался, кивал головой, иногда хмурился. Вдруг я спохватился: человек занят, да еще плохо себя чувствует, а я затеял дискуссию, как в Доме печати. Менжинский сказал: "Мы то вас выпустим. А вот что вам скажут французы, не знаю". Я получил заграничный паспорт с латвийской визой; такой же паспорт дали моей жене.

ЛГЖ, т.1, с.363-364

11 марта

С. Есенин дарит И.Э. книгу "Исповедь хулигана" с надписью: "Илье Эренбургу с любовью и расположением. С. Есенин. 1921. Март. 11. Москва".

В. Белоусов. Сергей Есенин. "Литературная хроника".
М., Советская Россия, 1970, ч.2, с.12

20 марта

В театре революционной сатиры (Теревсат) состоялась премьера обозрения И.Э. "Светопреставление" (сатира на Лигу Наций). Режиссер Д.Г. Гутман, художник - В.П. Комарденков. Состав исполнителей не установлен.

Русский советский театр. М., Искусство, 1968

21 или 22 марта

И.Э. вместе с Л.М. Козинцевой с Виндавского вокзала Москвы выезжает в Ригу. И.Э. везет с собой детально продуманный план романа "Хулио Хуренито", а также рукописи, которые ему не удалось опублико-

вать в Москве (эссе "Портреты русских поэтов", драмы в стихах "Золотое сердце" и "Ветер", книгу стихов 1920-21 гг. "Раздумия"). Кроме того, по договоренности с московскими друзьями Пастернаком, Цветаевой, Есениным и др. И.Э. везет их рукописи для издания за рубежом.

В. Попов, Б. Фрезинский. "Издательская деятельность Ильи Эренбурга в Берлине в 1921-23 гг." (Рукопись, АФ)

Время тогда шло быстро, а поезда ходили медленно. До Риги мы ехали долго, можно было многое передумать.

В соседнем купе разместились наши дипкурьеры. Я поглядел на мешки с сургучными печатями и улыбнулся. У нас был только ободранный чемодан, а в нем журналы "Уновис", "Искусство Коммуны", "Художественное слово", книги Маяковского, Есенина, Пастернака.

Когда наконец доползли до Себежа, дипкурьер сказал нам: "Товарищи, скоро латвийская граница. Там буфет. Помните о советском престиже - не набрасывайтесь на еду". Я решил не выходить из вагона.

ЛГЖ, т.1, с.369

В поезде Москва-Рига И.Э. пишет стихотворения: "Весна снега ворочала" и "Позади ты и все же со мною".

23 марта

И.Э. приезжает в Ригу:

В Ригу мы приехали вечером, и, втащив чемодан в маленькую гостиницу, я сказал Любе: "А теперь в ресторан". Я оглядывался, как будто шел на нелегальную явку: неудобно - скажут, советский гражданин только приехал и сразу ужинать.

Не знаю, были ли порции большие или мы отвыкли от еды, но я не мог одолеть даже половину бифштекса. Мне стало грустно: вот кусок мяса, о котором я столько мечтал, а я не могу больше есть.

Нелегко было унять психологический голод. Пообедав, я останавливался возле булочной или колбасной - разглядывал хлебцы различной формы, сосиски, пирожки. так смотрят любители на редкие безделки в витрине антиквара. Я изучал меню, вывешенные у входа в многочисленные рестораны; названия блюд звучали, как стихи.

ЛГЖ, т.1, с.369

24 марта

И.Э. знакомится с правилами пребывания иностранцев в Латвии:

Каждый иностранец обязан по прибытии в Латвию немедленно визировать свой паспорт в Паспортном Отделе Министерства Внутренних Дел (Рига, Александровская улица д.37-39). За визирование паспорта взимается 1 золотой франк - 70-80 латвийских рублей.

С визированными паспортами иностранцам разрешается пребывать в Латвии в течение 14 дней. Желающие пребывать в Латвии более 14 дней

обязаны испросить в Паспортном Отделе Министерства Внутренних Дел особое разрешение на проживание в Латвии, каковое дается на срок по усмотрению Министерства, но не долее, чем на 1 год.

Справочник-альманах. Берлин, Аргонавты, 1922, с.161

- И.Э. обращается во французское посольство в Риге за визой:

Я захватил с собой паспорт, выданный мне представителем Временного правительства в 1917 году, чтобы доказать французам, что я проживал в Париже. Документ этот успел обветшать и напоминал музейный экспонат. Когда я протянул французскому консулу советский паспорт, он отдернул руку, как будто я совал ему раскаленный утюг. Рваную бумажку он прочитал и сказал с отвращением: “Вы были политическим эмигрантом? Это не рекомендация”. Он спросил, чем я занимался в Москве и почему хочу напрвиться в Париж. Я ответил добродушно, что последние месяцы я помогал Дурову дрессирвать кроликов, а в Париже собираюсь написать толстую книгу. Консул мрачно сказал: “Не думаю, что вы ее напишите в Париже”.

ЛГЖ, т.1, с.369

Конец марта

И.Э. обращается к своим парижским друзьям с письмами, в которых просит исхлопотать для него французскую визу.

Март-апрель

И.Э. живет в Риге в ожидании французской визы.

26 марта

В Харькове скончался отец И.Э. Григорий Григорьевич Эренбург.

27 марта

М. Цветаева пишет М. Волошину в Коктебель:

На днях уехал за границу Эренбург. Мы с ним дружили, он был добр ко мне, хотя в нем мало любви. Прощаю ему все за то, что его никто не любит.

ИРЛИ, ф.562

29 марта

И.Э. выступает в Риге с рассказом о новом русском искусстве:

Находящийся в Риге на пути в Париж московский поэт Илья Эренбург 29 марта в небольшом кругу сделал сообщение о жизни нового русского, главным же образом, московского искусства за последине годы. Докладчик оговорился, что цели его доклада - информационные, а

поэтому он не собирается излагать своей точки зрения на новое руское искусство, что требовало бы более тщательной проработки (...) Доклад распадается на три части: театр, изобразительное искусство, литература и поэзия (...) В заключение докладчик читает стихи современных поэтов различных направлений.

Новый путь, Рига, 1921, 31 марта

30 марта

В помещении русской художественной выставки для приглашенных русских, латышских и еврейских художников, литераторов, поэтов и журналистов, поэт Эренбург, едующий из Москвы в Париж и временно остановившийся в Риге, сделал доклад о состоянии искусства в Советской России.

Касаясь театральной области г. Эренбург сообщил, что самым интересным театром в Москве является "Камерный театр", руководимый Таировым, поставивший "Принцессу Брамбиллу" и "Благовещение", где центр интереса сосредоточен на внешнем развитии действия. Влияние Камерного театра сказалось даже на Московском Художественном театре, который для постановки "Дочери мадам Анго" пригласил присяжную художницу Камерного Театра Экстер. По словам г. Эренбурга, Станиславский все свои предыдущие постановки признал будто бы "кустарными" и "архаическими".

Между прочим, Таиров предполагает постановку "Ромео и Джульетты" в духе истиного циркового скетча. Верхарновские "Зори", изуродованные Мейерхольдом, и начиненные злободневной отсебятиной, не пользовались никаким успехом у публики.

В области живописи крайние течения отмирают, кубизм совершенно не пользуется успехом, но нового движения не наблюдается. Но "беспредметность" вообще заменилась культом "вещи", может быть потому, что "вещей", как таковых, осталось очень мало в Москве, приблизившейся к средним векам.

Окончательно стало известным, что памятник III Интернационалу работы Татлина поставлен не будет.

В области литературы и поэзии дело обстоит неважно. Печататься, вообще, трудно из-за недостатка бумаги и многие произведения переписываются от руки.

В заключение своего доклада г. Эренбург прочитал несколько новых стихотворений Брюсова, Сологуба, Есенина, Марины Цветаевой, Марии Шкапской, Белого, Ремизова и несколько своих собственных, интересных по форме.

Сегодня, Рига, 1921, 31 марта

31 марта

Рижская газета "Новый путь" публикует фрагменты доклада И.Э.

1921

Апрель

И.Э. соглашается с предложением рижского издателя выпустить сборник своих новых стихов:

Знакомых в Риге у меня не было. Зарядили холодные дожди. Однажды пришел печальный человек, сказал, что он открывает издательство, хочет печатать советских авторов, показал мне различные рукописи и купил мой сборник стихов "Руздумия". Иногда я заходил в наше посольство, читал "Правду", спорил с секретарем, которому нравились имажинисты. Французский консул мне отвечал однообразно: "Как я и думал, для вас ничего нет".

ЛГЖ, т.1, с.369-370

3 апреля

Берлинская газета "Руль" под заголовком "Поэт о войне" помещает рецензию на софийское издание книги И.Э. "Лик войны":

Это одна из немногих книг о войне так просто по человечески говорящая об огненных кругах смерти и о древнем сердце жизни.

7 апреля

Берлинская газета "Голос России" перепечатывает из рижского "Нового пути" изложение доклада И.Э. о новом русском искусстве.

12 апреля

Парижская газета "Общее дело" публикует следующее сообщение:

Поэт Илья Эренбург по дороге в Париж читает в Балтике лекции о новых течениях в русском искусстве. В несколько восторженном тоне поэт повествовал о Татлинском памятнике Интернационалу, состоящем из трех вращающихся стальных кубов. Вообще же в области живописи процветает тот же супрематизм, который мы наблюдаем в Париже у "независимых". В среде художественников некоторое полевение. Намечены к постановке комедии Сервантеса. В Камерном - Клодель и "Зори" Верхарна (в декорациях Якулова).

19 апреля

"Последние новости" (Париж) публикуют литературные заметки Л. Белозерской "Большая книга" - рецензию на вышедший в Софии "Лик войны":

Война отшумела, перепаханы могилы, на них колосится рожь, но когда читаешь книгу Ильи Эренбурга, ясно видишь, что "война" длится. (...) До странного спокойно и ясно автор показывает войну, как художник рисует ее во всех ее ликах (...) Большую книгу написал Илья Эренбург! Так она странно волнует, трогает. Ее можно читать несколько раз, откры-

вая все новые страницы, новые штрихи (...) У французской литературы о войне последних лет есть Барбюс. С радостью и гордостью надо сказать, что и у нас есть Илья Эренбург, автор большой талантливой книги.

Конец апреля

В Риге выходит сборник стихов И.Э. "Раздумия"; книга отпечатана в типографии "Дзинтарс", в ней - три раздела: "Ночи в Крыму", "Московские раздумия" и "Путевые". В конце книги помещен перечень 12 сборников стихов И.Э., изданных с 1910 по 1919 год, и сообщение о том, что готовится к печати его книга для детей "Заячья Елка" (не вышла) и сборник "Портреты русских поэтов"; здесь же впервые объявлено, что к изданию готовится роман И.Э. "Жизнь и учение Хулио Хуренито" (роман еще не был написан).

- И.Э. получает французскую визу и выезжает из Риги:

Визы пришли, когда я потерял надежду. Консул наотрез отказался поставить их на советские паспорта и выдал особые пропуска. Я пошел в немецкое консульство, чтобы получить транзитные визы. Консул очень удивлися, что я, будучи советским гражданином, получил французскую визу. Это показалось ему подозрительным, и он сказал, что не может пропустить нас через Германию. Пришлось выбрать очень сложный маршрут: на пароходе до свободного города Данцига, оттуда морем в Копенгаген и дальше через Лондон в Париж. В Данциге нас выпустили в город. На узких, средневековых улицах толпились спекулянты, торговавшие различной валютой.

ЛГЖ, т.1, с.370

- В N 4 "Русской книги" (Берлин) Ф. Иванов пишет в связи с книгой И.Э. "Лик войны":

К войне каждый подходит по-своему. Одни оправдывают ее, как Ропшин, другие поносят, как Барбюс. Алексей Толстой в последнем романе своем рисует ее натуралистически. Эренбург пишет о ее многоликости (...) Но Эренбург не был бы поэтом, сыном своего утонченного, мудрого века вполне, если бы за будничным ликом войны, за ужасами ее повседневности не почувствовал души войны, того, что одним словом, можно назвать ее приятием (...) В своем своеобразном разностороннем приятии войны - все очарование книги Эренбурга.

1-6 мая

И.Э. - в Копенгагене:

Датчане нас задержали и посадили в машину. Я решил, что нас везут в тюрьму; но отвезли нас в баню и, пока мы мылись, одежду подвергли дезинфекции. Это можно было объяснить: в России еще свирепствовал тиф (...) В Копенгагене мы были первого мая. По улицам прошла чинная демонстрация; пели и жевали бутерброды. Перед ратушей объевшиеся голуби, казалось, не могли взлететь с земли. Возле королевского дворца

стояли часовые в высочайших шапках. В рабочих кварталах люди толпились у лавченок и, видимо, были озабочены не ликвидацией капитализма, а покупкой маргарина, входившего в моду.

ЛГЖ, т.1, с.370

Я пробыл неделю в гостеприимном Копенгагене и был потрясен богатством витрин и избытком явств. Люди, которых я встречал на улицах, были толсты, красны и веселы. После московских раздумий я чувствовал благоговейное умиление перед каждым круглым животиком, мерно раскачивающимся в уютном жилете.

И. Эренбург. "Хулио Хуренито". (С.С. т.1, с.445)

7 мая

Приезд И.Э. в Лондон:

В Лондоне я ходил по улицам, как в храме, - на цыпочках и сняв шляпу: я был вновь в исконной стране права, свободы, неприкосновенности личности, в стране Хабеас Корпус. Какое достоинство, какая независимость на гордых лицах даже мелких клерков Сити! Я вспомнил, как английские полисмены били палками по голове батумских жителей, нарушавших опубликованные правила. Теперь в Лондоне я понял, что виноваты некультурные русские, грузины, турки, не заслужившие Хабеас Корпус и достойные глубоко воспитательной дубинки.

Там же, с.445-446

8 мая

Прибытие И.Э. в Париж:

8 мая 1921 года я приехал в Париж. В глазах были салазки, в ушах "рассыпные"! Вокзал Сан-Лазар. Поезда, трамваи, автомобили, автобусы и прочее. Несмотря на это, первое трогательное впечатление - земля до потопа. Я нежно разглядываю толпу, разыскивая мастодонтов и ихтиозавров. Но их нет (если не считать жандармов в золоченых ливреях и русских князей).

И. Эренбург. А все-таки она вертится. Берлин, 1922, с.27-28

Наконец я добрался до "Ротонды". Все было на месте. Какой-то художник, поздоровавшись со мной, сказал: "Что-то вас давно не было видно. Уезжали?" - и, не дожидаясь ответа, начал рассказывать местные сплетни.

Хозяин гостиницы "Ницца", где я прожил много лет, вернулся с фронта невредимым. Мы дружески обнялись. Да, все было, как прежде. Но я был другим. Происшедшую со мной перемену я понял, только очутившись в "Ротонде". Вещи, которые прежде мне казались естественными, теперь меня удивляли, порой злили. Париж был прекрасен, восхищенный, я бродил по набережным Сены, обошел все места, где протекала

моя молодость. С городом мне было легко; куда труднее с людьми. Я не знал, как объяснить им, что произошло с нами в России.

Я уехал из Парижа в лето жестких боев, и мне трудно было понять, что парижане как будто забыли годы войны; о недавнем прошлом напоминали только рекламы туристических компаний - "Дешево экскурсии в Верден. Осмотр полей сражений" (...)

В кафе "Дом" я нашел старых друзей - Фотинского, Диего Риверу, Маревну, Цадкина. Иногда в "Ротонду" заглядывал Леже.

ЛГЖ, т.1, с.370-372

- Берлинская газета "Голос России" сообщает:

Организованное недавно в Риге "Книгоиздательство русских писателей", приступающее к изданию новых, написанных в России произведений так называемой московской группы русских писателей - Федора Сологуба, Андрея Белого, Ю. Айхенвальда, Н. Бердяева, Б. Зайцева, Г. Чулкова, М. Осоргина, И. Новикова, Н. Ашукина, М. Цветаевой, И. Эренбурга, Сухотина, П. Муратова и др. подготовило к печати и на днях выпускает в свет сборник рассказов - набросков Мих. Осоргина "Из маленького домика", оригинально задуманный и выдержанный в стиле монолога московской действительности, противоположной итальянским воспоминаниям автора.

Середина мая

И.Э. присутствует на чтении пьесы Ю.В. Ключникова:

Молодой, но уже издерганный Ю.В. Ключников, петербургский доцент и нетерпеливый политик, читал свою пьесу "Единый куст". Среди приглашенных были Бунин, Куприн, Толстой, Алданов, Илья Эренбург, недавно бежавший из Крыма, Ветлугин и автор настоящей хроники. Пьеса, по выражению Куприна, была скучна, как солдатское сукно. А неглубокая мысль ее заключалась в том, что Родина есть Единый куст и все ветви его, даже те, которые растут вбок и в сторону, питаются одними и теми же соками и надо их во время направить и воссоединить, чтобы куст цвел пышно и оставался единым. Присутствующие допили чай и разошлись.

Д. Аминадо. Поезд на третьем пути.
Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1954, с.282

20 мая

Парижская газета "Последние новости" сообщает:
В Париж приехал из Москвы поэт Илья Эренбург.

22 мая

И.Э. пишет редактору берлинского журнала "Русская книга" А.С. Ященко:

Я посылаю Вам материал - пока в кратчайшей форме исправления и дополнения. Пришлю также данные о вышедших книгах и об литературных организациях. Мне хочется еще обратить Ваше внимание на следующее: в России мы знали уже, что в отдельных органах эмиграции ведется травля против некоторых русских писателей, безусловно уважаемых в России людьми различных направлений, как-то: А. Белый, Блок, Кони, Чуковский, Есенин и др. К сожалению известные выпады против некоторых из перечисленных поэтов, основанные, быть может, на ложной информации, а, быть может, на непонимании особенности современной русской психологии и быта, закралась и в Ваш орган, дорогой нам как преданный русской литературе. Мне хочется верить, что Вы исправите неточности (в частности об Сергее А. Есенине) и поймете, как болезнено отражаются доходящие в Россию некоторые обвинения. Укажите мне, какой материал Вас интересует особенно. Мне удалось вывезти довольно много книг, журналов, рукописей.

РБ, с.137

25 мая

И.Э. навещает А.Н. Толстого в его меблированной квартире на авеню Альфонса XIII в Пасси, одном из фешенебельных кварталов Парижа:

Бунин, с которым я встретился у Толстого, не захотел со мной разговаривать. А милейший Алексей Николаевич растеряно и ласково ворчал: "Ты, Илья, там набрался ерунды". Как только я говорил, что выехал с советским паспортом, эмигранты отворачивались, одни вовзмущенно, другие с опаской.

ЛГЖ, т.1, с.371

Эренбург обедал у нас и рассказывал про теперешнюю Москву во влюбленном и романтическом тоне. После его ухода отчим (А.Н. Толстой) сказал маме:

- Он, наверное, большевик.

На другой день нам стало известно, что французские власти предложили Эренбургу в 24 часа покинуть Францию.

- Я тебе говорил! - сказал отчим маме.

Ф. Крандиевский. "Рассказ об одном путешествии",
Звезда, Л., 1981, N 1, с.163

26 мая

По доносу "братьев-писателей" И.Э. высылают из Парижа:

Меня отвезли в префектуру и там объяснили, что мы должны сегодня же покинуть Францию.

- Но куда мы можем поехать без виз? - наивно спросил я.

- Ближайшая граница - бельгийская.

- У нас нет бельгийских виз.

- Вы их и не получите. Бельгийцы вас отошлют назад - на французскую границу.

- И тогда?

- Тогда мы вас задержим за незаконный переход границы. Вы отбудете наказание, и вас тогда уже не выселят, а вышлют (...)

Поезд уходил поздно вечером. На вокзале один из шпиков сказал, что купит для нас билеты: "Конечно, в третьем классе?". Мы приехали в третьем классе, но тон шпика меня рассердил, и я ответил: "Конечно, в первом..." Пожалуй, это нас и выручило.

В купе были трое: Люба, я и шпик, который вышел на французской границе. Я посоветовал Любе лечь и прикинуться спящей. Вошел бельгийский жандарм; я ему жестом показал на Любу, - не нужно ее будить. Бельгиец добродушно кивнул головой: к пассажирам первого класса полицейские относятся с уважением. Я показал полуистлевший лист - паспорт 1917 года. Тщетно жандарм искал белгийскую визу. Сложив осторожно лист, он шепнул: "У вас чересчур старый паспорт, нужно его обменять". Я тоже шепотом ответил: "Вы правы, я собираюсь это сделать в Брюсселе". Мы спокойно поехали дальше.

ЛГЖ, т.1, с.373, 374

- В 1926 году П.Я. Рысс вспоминал в открытом письме И.Э.:

Когда вы появились в Париже и пришли ко мне, я рад был видеть старого товарища по оружию.

Вас гнали из Парижа. Вы подлежали высылке. Вы просили меня помочь рассеять "недоразумение" и "ошибку". А ошибка французских влатей заключалась в том, что вас зачислили в большевики. Покойная жена моя и я начали хлопоты. Мы ездили по депутатам, по влиятельным господам и дамам, в различные учреждения. Вы вынуждены были на некоторое время уехать в Бельгию. Но хлопоты мы продолжали. Вы бомбордировали нас письмами, умоляли "выручить", жалуясь на то, что "чувствуете себя оставленным", что "сплетни вокруг меня растут", что вы теряете кураж и приведены в состояние недоверия и озлобления. И покойной жене вы писали:

"За неимением рыбы, т.е. Парижа, мне очень хотелось бы в Италию. Я помню, что у Петра Яковлевича там хорошие связи. Не могли ли бы вы помочь мне достать разрешение на въезд в Италию."

Возрождение, Париж, 1926, 2 сентября

27 мая

Парижская газета "Общее дело" публикует следующее сообщение:

26 мая. В 1 час дня чины французской полиции явились в отель Денис (ул. Монпарнас) к русскому поэту-журналисту И.Г. Эренбургу и объявили ему о немедленной высылке из пределов Франции. Эренбург был арестован и не имел возможности хлопотать о выяснении причины высылки и хотя бы о временной отсрочке для устройства своих дел. Вечером того же дня Эренбург был посажен в вагон ж.д. и выслан на бель-

гийскую границу. Высылка эта, очевидно, результат какого-то недоразумения.

Недавно ему удалось вырваться из Совдепии, как некоторым, очень немногим, другим, под предлогом научных изысканий. В Париже он пробыл короткое время и, как человек, мало связанный с политикой, он не принимал в ней никакого участия. Высылка его, во всяком случае, не понятна по той поспешности, которой она сопровождалась. При такого рода поспешных высылках всегда могут быть ошибки. Лица, знающие И.Г. Эренбурга, приняли меры для выяснения этого дела.

- В этом же номере газеты дано объявление о торговле книжной лавки "Зеленая палочка". Среди продававшихся там книг был и "Лик войны" И. Эренбурга.

- И.Э. приезжает в Брюссель:

В Брюсселе, напротив Южного вокзала, мы увидели две гостиницы: одна называлась "Провидение", другая "Упование". Мы не хотели терять надежду и направились в "Упование"; но там нас попросили заполнить карточки, в которых имелся коварный вопрос о въездных визах (...) Мы поспешно вышли из вестибюля гостиницы; вместо ответа на вопрос о въездных визах я поставил игривую черточку. Наша ночная удача могла кончиться крупными неприятностями средь бела дня: мы проникли в Бельгию без въездных виз.

ЛГЖ, т.1, с.374, 375

И.Э. встречается с бельгийским писателем Ф. Элленсом и его женой М.М. Милославской (давней знакомой И.Э. по Парижу, бывшей женой поэта В. Немирова):

Элленс и Маруся приняли нас, как старых друзей. Я бубнил про визу. Маруся вспоминала прошлое. Элленс молчал и нежно улыбался. Ему было сорок лет; на суровом северном лице светились глаза мечтателя и ребенка. Элленс рассказал одному из министров, что я - поэт, меня почему-то выслали из Франции и я хочу провести несколько месяцев в Бельгии, чтобы написать книгу. Формальности заняли две недели. (...) Я подружился с Элленсом. Это удивительно чистый и печальный человек. Он прежде всего поэт, не только потому, что писал и пишет стихи, а потому, что его проза, да и вся его жизнь пропитаны эссенцией поэзии.

ЛГЖ, т.1, с.375

Конец мая

По предложению Ф. Элленса И.Э. пишет для бельгийского журнала "Signaux", редакторами которого были Ф. Элленс и А. Сальмон, статью о русской поэзии.

31 мая

Берлинская газета "Руль", ссылаясь на парижские "Последние новости", сообщает о высылке И.Э. из Франции.

1921

Июнь

В Берлине в № 5 журнала "Русская книга" без указания источника напечатана информация И.Э. о судьбе писателей, работающих в Советской России.

- И.Э. получает разрешение на пребывание в Бельгии и поселяется в отделе Курзал в приморском городе Ля Панн, возле французской границы. Здесь И.Э. приступает к работе над романом "Хулио Хуренито":

Гостиницы пустовали - до каникул оставалось несколько недель. Кое-где на побережье попадались развалины: дома, разрушенные во время войны, еще не были отстроены. Море было большим и рассерженным; в отлив оно уходило вдаль, затаив злобу, а потом яростно кидалось прямо к гостинице.

Когда море уходило, на песке оставались водоросли, морские звезды и много обломков дерева. Я машинально подымал их - вспоминал, как в Коктебеле искал на берегу куски дерева для того, чтобы зажечь мангалку.

Кругом были песчаные холмы - дюны, кое-где поросшие колючей серой травой. Эти холмы путешествуют: ветер сгоняет и нагоняет пески. Подымаясь на дюны, я видел Францию. Я работал с утра до поздней ночи в маленькой комнате с окошком на море. "Хулио Хуренито" я написал за один месяц, писал как будто под диктовку. Порой уставала рука, тогда я шел к морю. Неистовый ветер валил стулья на пустых террасах кафе. Море казалось непримиримым. Этот пейзаж соответствовал моему состоянию: мне казалось, что я не вожу пером по листу бумаги, а иду в штыковую атаку.

ЛГЖ, т.1, с.377

13 июня

И.Э. сообщает А.С.Ященко о своих злоключениях:

Я послал Вам из Парижа письмо и сведения для Вашей "Книги". Но с той поры со мной приключились всяческие невзгоды, о которых быть может Вы знаете по газетам. Меня по доносу равно глупому и гнусному выслали из Франции.

РБ, с.138

16 июня

Выходящая в Праге газета "Воля России" сообщает:

В Риге организовалось издательское товарищество "Книгоиздательство Русских писателей" (...) Издательство сообщает, что в печати находится и вскоре выйдет в свет альманах московских писателей "Московские раздумья" с частью романа Андрея Белого (...) рассказами Зайцева, Муратова, Новикова и Осоргина и стихотворениями Чулкова, Цветаевой, Эренбурга, Белого, Сухотина и Ашукина.

1921

27 июня

И.Э. пишет А.С.Ященко:

В ближайшее время я начну для Вас обзор новой русской поэзии и пришлю список известных мне книг, вышедших в России.

Обращаюсь к Вам с большой просьбой (...) У меня есть несколько работ, которые я хочу издать (список прилагаю). Не могли бы Вы помочь мне снестись с издательствами?

I. ПОРТРЕТЫ РУССКИХ ПОЭТОВ (...) Краткие абрисы поэтов - лицо, человек и творчество. После каждого портрета несколько стихотворений.

II. Сборник МОИХ стихов различных периодов в 3-4 листа.

III. Сборник моих СТИХОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ - 2 листа

IV. НОВОЕ РУССКОЕ ИСКУССТВО. Художественная монография из привезенных мной фотографий с моей вступительной статьей. Живопись - Скульптура - Театр. Работы Татлина, Якулова, Экстер, Удальцовой, Поповой, Малевича, Машкова, Кончаловского и пр. Постановки Камерного театра. Художественный фарфор. Репродукций примерно 60 и страниц 20 текста.

V. НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ХУЛИО ХУРЕНИТО и его учеников Гастона Дэле, Карла Шмидта, Эрколе Бамбуччи, мистера Куля, Алексея Спиридоновича Тишина, Ильи Эренбурга и негра Айши в дни мира, войны и революции в Мексике, Париже, Сенегале, Риме, Москве, Копенгагене, Кинешме и в других местах, а также различные суждения Учителя о смерти, трубках, любви, мужских модах, иудейском племени, свободе, конституции и многом ином. Пожалуй, роман. Сатирическое отображение всей современности. Листов 20.

VI. МИСТЕРИЯ "Золотое сердце" и ТРАГЕДИЯ революции "Ветер" (в стихах).

РБ, с.138-139

Июнь

И.Э. выполняет просьбу М.И.Цветаевой и предпринимает поиски в Европе С.Я.Эфрона. Узнав, что тот находится в Праге, пишет ему письмо.

- Журнал "Русская книга" публикует в N6 следующую информацию:

Илья Григорьевич Эренбург, высланный французскими властями из Франции, находится сейчас в Бельгии (La Pann, Hotel du Kursal), имеет готовыми к печати следующие работы: 1) Портреты русских поэтов; 2) Сборник стихотворений различных периодов, листов 3-4; 3) Сборник стихотворений для детей 2 листа; 4) "Новое русское искусство"; 5) Необычайные похождения Хулио Хуренито; 6) Мистерия "Золотое сердце" и трагедия революции "Ветер" (в стихах).

1 июля

М.И.Цветаева получает в Москве письмо от С.Я.Эфрона:

Мой милый друг, Мариночка, сегодня получил письмо от Ильи Григорьевича, что вы живы и здоровы. Прочитав письмо, я пробродил весь день по городу, обезумев от радости.

Звезда, 1975, №.6, с.153

Начало июля

И.Э. завершает работу над романом "Хулио Хуренито" (вся работа над которым длилась 28 дней).

14 июля

Пражская газета "Воля России" сообщает:

В ближайшее время в Риге в издании т-ва "Лира" выходят в свет следующие книги: Б.Пастернак - "Сестра моя жизнь", И.Г.Эренбург - "Раздумия" (издания не осуществились)

- И.Э. пишет А.С.Ященко:

Очень признателен Вам за письмо и за сведения об издательствах, с коими я вступил уже в переговоры. Позвольте Вас теперь спросить о следующем: не согласились бы Вы предоставить в "Книге" место для небольшой моей статьи, отнюдь не полемической, затрагивающей очень больной вопрос: отношение большей части заграничной прессы и эмигрантской среды к русским писателям, которые не смогли или не хотели покинуть Россию. Еще когда я был в Москве зимой, мы часто в своем кругу судили об этом тяжелом явлении по случайным и смутным вестям. Переехав границу, я убедился в наличности и многократно читал и слышал незаслуженные и обидные вещи о таких людях, как А.А.Блок, Б.Н.Белый, Ф.К.Сологуб, С.А.Есенин и др. Я помню, с какой радостью в Москве мы передавали друг другу первый номер "Книги" (из Риги я переслал в наш профессиональный союз номера 2 и 3). Как это ни чудно, Ваш скромный библиографический журнал является ныне единственным, обслуживающим русскую литературу как таковую, вне гражданской войны. Естественно, что мне он представляется и единственным местом, где я мог бы выступить с этой, увы, ставшей необходимой защитой. Я прошу Вас ответить мне принципиально, находите ли Вы возможным такую статью поместить. Со своей стороны я попытаюсь соблюсти maximum такта (...) Статью о поэзии и список книг прилагаю.

РБ, с.140-141

Июль

И.Э. пишет цикл стихов "Зарубежные раздумия" и составляет для издательства "Мысль" сборник своих стихов 1915-1921 гг. "Кануны".

- И.Э. пишет из Ля Панна в Париж поэтессе Г.Издебской, жене скульптора В.А.Издебского:

За время моей вынужденной villegature[1] я написал роман. Мне необходимо переписать рукопись. Беда в том, что отсюда я не могу отыскать переписчицы, и, потом, у меня нет черновика, единственный экземпляр, который я могу дать лишь в верные руки. Вы окажете мне громадную услугу, если с помощью Владимира Алексеевича найдете переписчицу и лично дадите ей рукопись.

ПГИ, л.4

Конец июля - начало августа

И.Э. переезжает из Ля Панна в Сан-Идесбальд. Работает над статьей "Au dessus de la mêlée" ("Над схваткой")

4 августа

И.Э. сообщает А.С.Ященко свой новый адрес: Hotel Maritime St Idesbald Coxyde и просит прислать шестой номер "Русской книги"

РБ, с.141

6 августа

И.Э. из отеля "Maritime" (Идесбальд, Коксид) пишет Г.Издебской:

Спасибо за письмо. Переписка, наверное, по парижским ценам дешева очень. Так как я продаю роман в Германию, то выходит хуже. За все издание мне предлагают 5000 тысяч марок! Но это, разумеется, соображение стороннее.

Я получил Ваше письмо лишь в субботу после обеда - я смогу выслать деньги (100fr) лишь в понедельник утром. Две недели страшно долгий срок и пожалуйста поторопите так, чтобы я имел рукопись не позже 15.

ПГИ, л.5

14 августа

И.Э. пишет А.С.Ященко:

Спасибо за письмо и за все сведения. На будущей неделе (...) вышлю Вам обещанную статью. За ней не замедлит статья о русской поэзии. Что касается сведений библиографических, то они запоздают, так как все мои книги в Брюсселе. Адрес мой пребудет в неизменности до начала сентября.

РБ, с.141

Август

- И.Э. для издательства "Мысль" составляет большой сборник "Новые поэты", состоящий из стихов московских и петроградских поэтов -

---

1 каникулы

Ахматовой, Блока, Гумилева, Есенина, Вяч.Иванова, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Цветаевой и др., и пишет к нему предисловие:

Цель этой книги показать, что несмотря на трудные, а подчас и трагические условия, русские поэты продолжают свою ответственную работу. Более того - попав во Францию, где что ни день выходит новый сборник стихов, где поэты более или менее сыты, я смог убедиться в том, что Музы решительно предпочитают подвижнические кельи одичавшей Москвы уютным кофейням Монпарнаса.

(Сборник был издан под названием "Поэты революционной Москвы").

- И.Э. предлагает берлинскому издательству "Геликон" рукопись романа "Хулио Хуренито". Сотрудничество И.Э. с "Геликоном" превратилось в близкую дружбу с его владельцем А.Г.Вишняком.

- Находящийся в Куоккале (Финляндия) И.Е.Репин, познакомившись со сборником "Поэзия большевистских дней", сделал рисунок к стихотворению И.Э. "Сказка".

Панорама искусств, N6. М., 1988, с.246

21 августа

И.Э. пишет А.С.Ященко и посылает ему статью "Au dessus de la mêlée".

РБ, с.142

После 21 августа

И.Э. приезжает в Брюссель.

24 августа

И.Э. пишет Г.Издебской:

Дело: шлю Вам при сем два моих рассказа. Взялись ли Вы б их перевести, чтоб пристроить в каком-нибудь revue? Гонорар по-товарищески - пополам. После успеха с "Хуренито" (его купил "Renaissance de Livre") я надеюсь и с этой мелочью выйдет.

ПГИ, л.6

25 августа

И.Э. из Брюсселя пишет А.С.Ященко:

Я высылаю Вам бельгийский журнал "Signaux", в котором моя статья о русской поэзии. М.б. в сокращенном и несколько измененном виде она подошла бы для "Книги"? Или Вы можете напечатать и более специальный обзор?

РБ, с.143

- К И.Э. обратились Валентин Парнах и Марк Талов с предложением сотрудничать в русском литературном журнале на базе издательства “Франко-русская печать”.

М.Талов. Памяти друга (Рукопись, АЭ)

26 сентября

И.Э. пишет А.С.Ященко:

Позволю себе обратиться к Вам со следующей просьбой - не могли бы Вы посодействовать мне в получении разрешения на въезд в Германию. Здесь оставаться нелепо, а в Париж меня не пускают - ко всем “обвинениям” прибавилось новое - статья о поэзии в “Signaux”, которую Вы знаете. Политикой же я никак не занимаюсь.

РБ, с.144

29 августа

И.Э. пишет М.Талову и выражает готовность сотрудничать в журнале.

3 сентября

И.Э. запрашивает А.С.Ященко, получил ли он рукопись статьи, журнал и письма.

РБ, с.143

- И.Э. пишет М.Талову:

Посылаю при сем стихи поэтов: Марины Цветаевой, Веры Ильиной, Бориса Пастернака, Рюрика Ивнева, Сергея Буданцева, мои - по 2 каждого, всего 12. Все стихи с рукописей, нигде напечатаны не были (и подлежат, понятно, оплате). Сборник, о котором Вы пишете, к сожалению мною уже отдан берлинскому издательству “Мысль”. Если журнал Ваш аполитичен абсолютно, то Вы можете поставить среди сотрудников поэтов, стихи которых я Вам посылаю, и меня. Стихов Есенина свободных у меня уж не осталось. Статью о новой русской поэзии я могу Вам написать, но для этого пожалуйста укажите точно число строк (беря за строку обычную газетную 36-40 букв) предельное, а также крайний срок, когда Вам ее доставить.

М.Талов. Памяти друга. (Рукопись, АЭ).

5 сентября

И.Э. пишет письмо М.Цветаевой и отправляет его в Москву на адрес своей сестры Изабеллы Григорьевны.

АЭ.

1921

10 сентября

И.Э. запрашивает М.Талова, получил ли тот посланные ему материалы.

- И.Э. пишет Г.Издебской из Бельгии:

Я никак не могу устроиться и почти что вокзально живу.

ПГИ, л.7

20 сентября

В ответ на сообщение Г.Издебской об отзывах парижской прессы на статью в "Humanite", в которой разбиралась его статья "О русской поэзии", И.Э. пишет ей:

О русской поэзии я напечатал пока что единственную статью в бельгийском revue "Signaux" в августе, то есть через три месяца после высылки. Кроме того, статья абсолютно аполитична. Если ее цитировала сочувственно "Humanite", то здесь ее дружески разбирали и консервативные газеты, т.к. она носит литер-информ. характер, говоря о поэтах всех лагерей от правого до левого.

ПГИ, л.8

29 сентября

В парижской газете "Последние новости" статья А.Кайранского "Поэтический иммунитет":

И.Эренбург явно стремится забронировать и "дорогого им всем Есенина" и, может быть, не менее дорогого В.Маяковского и прочих, иже с ними от всяких нападок вообще, в силу того, что они де не политики, а поэты (...) И.Эренбург создает таким образом новый вид иммунитета, новые индульгенции. Отныне достаточно написать несколько рифмованных или нерифмованных строк, и автор неприкосновенен, чего бы он не натворил, его нельзя называть ни в печати, ни в частной беседе "прихвостнем", "советским Распутиным", ни иными бранными и поносными словами. Товарищ Дзержинский, сочиняйте скорее сонет. Кто посмеет тогда назвать вас палачом? (...)

Я готов согласиться, что к работе и жизни писателей в советской тюрьме должно подходить с осторожным и любовно-чутким суждением. Быть может, нужен подлинный героизм для того, чтобы не превратиться в Маяковского среди этого быта, который Эренбург называет "военно-монастырским", чем бесповоротно клеймит и военную службу и монастырское житие. Поэтому воздержимся от хулы и придирчивой критики при чтении того, что пишут писатели в советском плену. Воздержимся и от дипломов на бессмертие, которые щедро раздает Илья Эренбург.

- В Берлине вышел N7-8 журнала "Русская книга". В нем статья И.Эренбурга "Над схваткой":

Я позволю себе, средь непрекращающейся гражданской войны, остаться еретиком, который полагает, что ни Бальмонт, проклинающий коммунизм, ни Брюсов, его восхваляющий, не теряют равного права на уважение к их литературной деятельности, как два поэта предыдущего поколения, основоположники символизма. Лично я, как поэт, не люблю ни Бальмонта, ни Брюсова, по своим социальным симпатиям равно далек от обоих, но все это не может служить оправданием хулы или хотя бы пренебрежения (...)

Страшно и больно, что в Москве и в Париже с равной безнадежностью приходится доказывать, что нельзя не только цевницу Пушкина, но и трубу Маяковского рассматривать, как военный материал, подлежащий использованию или уничтожению. Я жду от читателей не беспристрастного потомства, но простой любви к художественному русскому слову: я вполне понимаю, что иным близок Бунин и чужд Белый, но любя в Бунине не публициста, а художника, они тем самым приобщаются к цельному неделимому сокровищу русской литературы и должны дорожить, пусть далеким им, но великим писателем Белым. Ибо нельзя, любя Толстого, жечь книги Достоевского, или будучи крайним поклонником Некрасова, поносить Тютчева.

- “Русская книга” N7-8 сообщает о выходе в издательстве “Мысль” сборника “Поэзия большевистских дней”, в котором перепечатаны 9 стихотворений И.Э. из “Молитвы о России”.

30 сентября

И.Э. пишет А.С.Ященко, сообщая о публикации в парижских “Последних новостях” статьи А.Кайранского. И.Э. подробно, пункт за пунктом, разбирает все аргументы Кайранского и доказывает их несостоятельность (в частности, в связи с обвинениями в адрес Ф.К.Сологуба газетой “Последние новости” И.Э. сообщает, что он послал лично И.Василевскому (Не-Букве) письмо с просьбой опровергнуть клевету, но ответа не получил).

Пока все это я пишу Вам в частном порядке. Но считаю необходимым опровергнуть неточности Кайранского и не в его политической газете, а в нейтральном органе, т.е. в “Книге”. Прошу Вас написать, как Вы находите более удобным сделать: в разъяснении редакции, в статье Вашей или другого сотрудника или в моем “Письме в редакцию”?

РБ, с.145

- Е.Г.Лундберг вспоминал:

Журналы ввели критический жанр - своего рода подведение шахт под писателя; работники этого жанра тачками вывозят на поверхность земли писательские прегрешения. Блок - пустой, Белый - предатель, Есенин - “советский Распутин”, Маяковский - “ломовой извозчик революции”, Суханов - “дьявольский адвокат”, “гадина”, Чуковский - “советский прихвостень”, Сологуб - обольшевиченный эстет, и т.д.

И.Эренбург не выдержал и вступился за писателей. Как мгновенно изменились лица преследователей! Травить? О, нет, они не травят. Они творят собственный суд над деяниями писателей, а не над их творчеством.

Е.Лундберг. Записки писателя. т.II. Изд.писателей в Ленинграде, 1930, с.197

Сентябрь

А.Г.Левенсон публикует рецензию на антологию "Поэзия большевистских дней":

"Поэзия большевистских дней" - под этим заглавием берлинское книгоиздательство "Мысль" выпустило в свет сборник новейшей русской поэзии, стихов, в большинстве еще совершенно неизвестных русской читающей публике и уже хотя бы по одной этой причине представляющих некоторый интерес (...)

Не останавливаясь на хорошо известной читающей публике поэме А.Блока "Двенадцать", которой начинается сборник, переходим сразу к самому ценному, что, по нашему мнению, имеется среди остального материала книжки - к стихам Ильи Эренбурга (...) Это, собственно, даже не стихи - это цикл молитв, обращенных к Богу: Господи, заступись!

Русская Мысль, София, 1921, N1-2, с.236-238

- И.Э. приступает к работе над книгой об искусстве "А все-таки она вертится".

Начало октября

И.Э. получает от А.С.Ященко приглашение напечатать в "Русской книге" "Письмо в редакцию" по поводу статьи Кайранского "Поэтический иммунитет" и немедленно направляет ему текст "Письма в редакцию".

5 октября

И.Э. получает письмо от А.С.Ященко, который сообщает, что обратился в германское консульство в Брюсселе с ходатайством о получении Эренбургом въездной визы. В ответном письме И.Э. благодарит Ященко за это и сообщает о посылке статьи "Письмо в редакцию":

Если хлопоты мои увенчаются успехом, скоро буду в Берлине, что обеспечит совместную работу нашу (...) Я, слава Богу, и несмотря на парижских flics, живу в отеле Квиринал, а не "Криминал".

РБ, с.144 (ошибочно датировано в книге 5 сентября)

7 октября

Пражская газета "Воля России" сообщает:

1921

Московское Литературное и художественное книгоиздательство "Геликон" возобновляет свою деятельность в Берлине. Редактором и Управляющим Делами состоит А.Г.Вишняк.

12 октября

И.Э. получает телеграмму от А.С.Ященко с просьбой выслать для его журнала статью о русской поэзии.

В этот же день, прервав работу над книгой "А все-таки она вертится", И.Э. пишет статью "О некоторых признаках расцвета российской поэзии".

РБ, с.145

13 октября

И.Э. посылает А.С.Ященко рукопись статьи "О некоторых признаках расцвета российской поэзии"; сообщает ему:

Сегодня германский консул отправил касательно меня телеграфный запрос в Министерство Иностранных дел. Таким образом, моя судьба решается в Берлине и возможно скоро нам удастся лично побеседовать.

РБ, с.145

14 октября

Парижская газета "Последние новости" сообщает, что в 4-м номере нового журнала "Signaux de France et de Belgique" помещена статья И.Э. "Русская поэзия и революция", сопровождаемая переводами трех стихотворений: Марины Цветаевой, Маяковского и автора статьи.

В связи с этим печатаются "Литературные заметки" Евг.Зноско-Боровского:

Рассматривая поэтов лишь в отношении их к революции, г.Эренбург разделяет их на четыре группы: отрицающих революцию (Цветаева, Бальмонт); тех, которые стараются ее понять, осмыслить, как Вячеслав Иванов, Мандельштам, Волошин, Анна Ахматова, Пастернак, сам И.Эренбург; близкие им - Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Есенин, готовые принять революцию, покуда она отвечает их собственным религиозным или иным чаяниям, и, наконец, последняя группа - принявшая революцию безусловно: Валерий Брюсов, Маяковский и так называемые пролетарские поэты, лишь за немногими из которых (Герасимов, Казин) автор признает право называться поэтами.

Давая каждому их поэтов краткую характеристику (особенно ценит автор г.Пастернака, который назван "значительнейшим из молодых русских лириков"), г.Эренбург сообщает ряд курьезных для иностранцев деталей, вроде той, что "одним из самых восторженных почитателей" монархических стихотворений Цветаевой является "комиссар Луначарский", или, что какой-то поэт, которого автор не называет, спрашивал

его, кто такой Ленин, поясняя: "Я так часто слышу это имя, но не знаю, кто он".

Середина октября

И.Э. получает разрешение на въезд в Германию и приезжает в Берлин:

Я остановился в пансионе на Прагерплац, рядом был широкий проспект Кайзераллее; я пошел бродить по городу и попал на огромную площадь, она называлась Гогенцоллернплац. В комнатах пансиона висели портреты усатого Вильгельма.

ЛГЖ, т.1, с.382

Середина октября

Вышел №9 журнала "Русская книга", в котором напечатана статья И.Э. "О некоторых признаках расцвета российской поэзии":

Я знаю, что заглавие этой статьи вызовет усмешку некоторых зарубежных критиков. Какая, мол, в России поэзия! Не до жиру, быть бы живу. Все ценное из России давно эвакуировано - осталось лишь пятно на карте, да суп из детских пальчиков.

Сотня фактов больших и малых как бы подтверждают подобное безотрадное суждение. В России теперь выходит мало книг, посвященных поэзии. Каждый сборничек - событие. Неисписанная бумага вызывает почти такой же трепет благоговения, как ломоть хлеба. Порой не то что напечатать, написать стихотворение не на чем (...)

После всего сказанного покажется сумасбродством следующее: "но" (...) все же именно теперь русская поэзия переживает период высокого подъема (...) Первый признак поэзии в эпохи расцвета - ясность. Современные русские поэты все от Вячеслава Иванова до Маяковского прояснели (...) Эта ясность нераздельно связана с человечностью современной поэзии (...)

Напомню о некоторых блестящих достижениях за последние годы:

"Двенадцать", "Скифы" Александра Блока.

"Зимние сонеты" Вячеслава Иванова. Второе явление поэта (первое двадцать лет тому назад поэта - поэтам, ныне поэта всех - всем).

"Белая стая" и "Подорожник" Анны Ахматовой. Полное преодоление жеманной изысканности "Четок" во имя ясности и простоты.

"Новый камень" Осипа Мандельштама.

"Человек", "Мистерия Буфф" и др. Владимира Маяковского. В особенности "Человек", который остается самой мощной поэмой нашего века.

"Трерядница" и "Исповедь хулигана" Сергея Есенина. Трагическая лирика современной деревни во всей подлинности, т.е. высказанная не "мсье" Верхарном в парижском кабинете, а рязанским подпаском.

"Сестра моя жизнь" Бориса Пастернака. Самый яркий довод в пользу жизнеспособности лирики, несмотря на водворение эпоса. Новизна, глаза, целина чувствований ребенка, примитива, грядущего человека.

"Первое свидание" и др. Андрея Белого.

"Лебединый стан" Марины Цветаевой (...)

Теперь любят сравнивать две великие революции - французскую и русскую, их величье и их преступления. Но в одном русская революция безусловно отлична от предыдущих: она непосредственно, не дожидаясь спокойствия кабинетов и мастерских реакции породила новый стиль в искусстве, который по значительности можно сопоставить с романтизмом.

Она дала наряду с "Памятником" Татлина, с театром Таирова, с "Эпопеей" Андрея Белого - современную русскую поэзию.

- В этом же номере напечатано "Письмо в редакцию" И.Э.:

Я предвидел, что статья моя "Над схваткой" многих весьма раздразнит, несмотря на ее спокойный, отнюдь не вызывающий характер (...)

Г.Кайранский в газете "Последние новости" пробует отрицать факты. Он объявил мои утверждения голословными (...) Опровергая мои утверждения, г.Кайранский либо молчит, либо говорит неправду. Факт остается, горький факт, отмеченный резолюцией петербургского союза писателей, хорошо известной в Москве: часть зарубежников травит писателей, живущих в России. Надо было, чтобы Блок умер, чтоб Сологуб потерял жену, для того, чтобы вместо клеветы и хулы раздались восхваления. Этим сказано все!

В этом же номере информация:

- В Москве в первые годы революции, 1917-1918гг., существовало небольшое, но симпатичное издательство "Геликон", издавшее со вкусом несколько художественных книг: "Гравюры Дюрера", монографию о художнике Шагале, "Опыты о стихах" Брюсова, "Герои и героини" Муратова, сочинения Э.Т.Гофмана с иллюстрациями Масютина и др. Благодаря энергии и настойчивости своего молодого редактора Абр.Гр.Вишняка, это издательство возобновило теперь свою деятельность в Берлине (Alte Jakob str. 129). Это издательство имеет в виду издавать книги по беллетристике и художеству. С иллюстрациями и в художественном выполнении, но не по дорогой цене: детские книги для младшего возраста, иллюстрированную серию небольших литературных шедевров, монографии о русских художниках и др. Издательство это приобрело уже несколько новых произведений, в том числе новый роман Ильи Эренбурга "Необычайные похождения Хулио Хуренито".

Русская книга, Берлин, 1921, N9, с.21

Октябрь

В Берлине И.Э. общается с русскими эмигрантами - писателями, художниками, философами. Из воспоминаний Е.Г.Лундберга:

1921

Группа писателей собралась пить чай и ликеры в нарядном кафе над рестораном Вилли. Начались тосты. Кто пил за литературу, кто за мудрость, кто за свободу. "Против насилия!" - поднял бокал, закусывая от внутренней боли губы, экспатриированный философ. Все стихли. Ясно было, против кого направлен тост. Помолчали, обнялись, выпили. Только И.Эренбург и я остались в стороне. О чем думал Эренбург, я не знаю. А я - о рабстве полунищего среднего человека на этом милом сердцам культурных людей кладбище Европы.

Е.Г.Лундберг. "Записки писателя". т.2, Л., 1930, с.209

В кафе "Вилли" беседовали: Л.И.Шестов, Вы, А.М.Ремизов и я (...) Шестов был мрачен и лиричен. Ремизов замысловато острил, радовался европейскому уюту и жаловался: "Что дальше? Темно и страшно" - ему хотелось домой, но он знал, что возврата уже нет.

Из письма Е.Г.Лундберга И.Э. 29 мая 1961 (ЦГАЛИ, ф.1204, оп.2, ед.хр.1841, л.16)

- Г.Алексеев вспоминал:

Часам к восьми подбиралась публика. За генеральским столиком залаживался коротенький Минский с плешью, отороченной пепельным слинялым мехом. Он мирил, упрашивал и объявлял собранию о том, что Илья Григорьевич сейчас прочитает, наконец, стихи. Эренбург все в том же посыпанном пеплом костюме - прейскурант обедов за последние восемь лет, отсаживался к незанятому столику и тенорком, захлебывающимся от волнения, объявлял, что череп земли окончательно раскололся надвое. 15 молодых людей в безукоризненных проборах сообщали друг другу приличным шепотом о талантливости автора, а 10 девиц млели от восторга перед очевидной красотой стихов.

Глеб Алексеев. "Живые встречи", Сполохи, Берлин, 1922, N8, с.29

- Журнал "Action" публикует статью И.Э. "Москва"

- И.Э. знакомится с немецким поэтом Карлом Эйнштейном:

Я подружился с поэтом Карлом Эйнштейном. Это был веселый романтик, с огромной головой, на которой красовалась шишка. Он рассказывал, что был на Западном фронте солдатом и заболел психическим расстройством. Он напоминал мне моих давних друзей, завсегдатаев "Ротонды", и любовью к негритянской скульптуре, и кощунственными стихами, и тем сочетанием отчаяния с надеждой, которое уже казалось воздухом минувшей эпохи. Карл Эйнштейн написал пьесу о Христе. Его предали суду за богохульство. Я пошел на судебное разбирательство (...) Эксперты на процессе Карла Эйнштейна цитировали труды просвещенных теологов XX века.

ЛГЖ, т.1, с.382-383

- И.Э. предложил владельцу издательства "Геликон" А.Г.Вишняку выпустить иллюстрированное издание книги "А все-таки она вертится". Получив согласие издателя, И.Э. обратился к своим парижским друзьям с просьбой прислать фотографии новых образцов западного искусства для иллюстраций книги.

1921

20 октября

И.Э. пишет письмо М.Цветаевой.

А.Э.

2 ноября

Берлинская газета "Дни" сообщает:

В пятницу 3-го ноября состоится очередное собрание "Дома Искусств", на котором будет заслушан доклад Ивана Пуни на тему "Современная русская живопись и русская выставка в Берлине". Оппонентами выступят: Альтман, Архипенко, Габо, Лисицкий, Маяковский, Шкловский, Штеренберг, Эренбург и др.

3 ноября

М.Цветаева отвечает И.Э.:

Мой дорогой Илья Григорьевич!

Передо мной Ваши два письма: от 5-го сентября и от 20 октября. Получила их сегодня у Изабеллы Григорьевны (...) Чует мое сердце, что там на Западе люди жестче. Здесь рваная обувь - беда или доблесть, там - позор (...) Примут за нищую и погонят обратно - тогда я удавлюсь. Но поехать все-таки поеду, хотя бы у меня денег хватило ровно на билет (...) Если уеду, не имея ни одного адреса, пойду в Риге к Вашему знакомому, на которого раньше отправляла письма, у меня есть несколько золотых вещей, может быть, поможет продать (...) Единственная радость - стихи. Пишу как пьют, и не вино, а воду. Тогда я счастливая и уверенная. Стихи о каторге Вами у меня предвосхищены, это до того мое (...)

Вам я пишу, потому что мне некому все это сказать и потому, что я знаю, что для Вас это только иллюстрация по революционному быту Москвы 1921 года (...) Теперь буду писать часто. Там я писала о "Лике войны". Прекрасная книга.

АЭ.

10 ноября

И.Э. пишет письмо М.Цветаевой.

13 ноября

Берлинская газета "Руль" сообщает:

В настоящее время книгоиздательство "Геликон" возобновило свою работу в Берлине. Готовятся: (...) Новые романы, в числе которых И.Эренбурга "Необычайные похождения Х.Хуренито и его учеников" (...) Там же готовится сборник памяти Блока под редакцией Левенсона с участием Бакста, Судейкина, Маковского, С.Черного, Эренбурга, Шлецера, Зноско-Боровского и др.

20 ноября

М.Цветаева получает письмо И.Э. и сообщает о нем М.Волошину:
Только что письмо от Эренбурга: почтой из Берлина. Шло десять дней. Утешает, обнадеживает. Сережа в Праге учится, Эренбург обещал к нему съездить. Завтра отправляю письмо Сереже, буду писать о тебе. (...) Кстати, об Эренбурге: он оказался прекрасным другом: добрым, заботливым, не словесником! Всей моей радостью я обязана ему.

М.Цветаева. Сочинения, т.2. М., 1988 с.448-449

21 ноября

Эренбург (...) опубликовал статью под названием "Сегодняшнее русское искусство" в парижском издании "Amour de l'art" В ней он пишет, что французские художники в течение семи лет (с начала первой мировой войны) страдали из-за отсутствия информации о России - это время Эренбург называет "духовной блокадой", однако он же констатирует известные совпадения между их творчеством и работами советских художников.

Москва-Париж. Каталог выставки, 1981, т.1, с.62

25 ноября

И.Э. пишет скульптору Жаку Липшицу:
Спасибо за фотографии (...) Для книги я выбрал вещь 1918 года. Мне она больше по душе и как будто более в соответствии с тем, что я пишу о Вас. Клише уже сделано, очень хорошее. Книга выйдет через недели 2-3, и, конечно, будет прислана Вам тот час же (...) Архипенко уже здесь, разумеется, в моде. Это естественно. Но вовсе не естественно процветание в Париже его продолжателя Чаки (немецкий "модерн"). Леже хорош! Ей-ей!

Ксерокопия в собрании А.Д.Гдалина (СПб)

- И.Э. пишет из Берлина (Прагерплац 4а, Прагерпансион) Г.Издебской:
Я прочел Вашу статью в "E.N". Спасибо за нее. Есть в ней кое-что, с чем я не согласен, и что по-моему вытекает из недохватка в материале. Но общее верно и хорошо (...) Я в Берлине, увы, но как бы вне его. Сижу над корректурами шести печатающихся здесь моих книг.

ПГИ, л.9

26 ноября

Берлинская газета "Руль" публикует статью Вл.Вальтера "Еще о "них" и о "нас":
В 7-8 и 9 номерах "Русской книги" помещен ряд статей И.Эренбурга, посвященных вопросу о положении искусства, в частности, поэзии, здесь

за рубежом, и там, в далекой и близкой Совдепии, на родине. Не будем говорить о личных поэтических вкусах Эренбурга. Суть этих статей не в том, что Эренбург превозносит Маяковского и Есенина, творящих "новую" поэзию, центр тяжести этих статей именно в противуположении "нас" и "их". Эренбург прежде всего упрекает "широкие круги русской эмиграции" в том, что в ослеплении политической борьбы эмиграция на писателей, оставшихся там, переносит ту ненависть, то отречение, которое возбуждались в ней борьбой с большевизмом. Что в разгаре борьбы эмиграция рубит не только большевизм, как политическое течение, но и те живые ростки искусства, которые пробиваются сквозь голодную почву Советской России. Больше того, "именно настаивающие на своей любви к России не только не лелеют, может быть, нашу единственную национальную гордость, но отрекаются от нее". Это тяжелое обвинение, обрекающее действительно на духовное бесплодие, на духовную смерть всех нас, изгнанников, если оно верно. (...)

Где провести границу между служением музам и низким прислужничеством? От Мейерхольда-художника, все те, кому дорог русский театр, не отреклись и не отрекутся. С ним будут, быть может, не соглашаться, спорить, но в нем будут ценить художника, ищущего и мятущегося. Но тот же Мейерхольд был членом российской коммунистической партии. Почему? - вероятно потому, что нет окончательного раздела между искусством и жизнью, и уходя в коммунизм, он сам, хотя бы отчасти, отвергает себя от служения "единой, может быть, национальной гордости" (...) Для Эренбурга все те, кто не с ним - мертвецы, неспособные родить живое слово. Не будем столь категоричны. Нам, современникам, в мучительных сплетениях жизни, за трескотней и шумом событий, слов и мыслей, не предсказать, где жизнь, как пойдут ее пути. Исскуство, как и история, управляется своими, неисповедимыми судьбами. Вместе с Эренбургом мы верим и знаем, что русское искусство, несмотря ни на что, живо и мощно. Но в противовес Эренбургу не будем безоговорочно отрицать одну его сторону и превозносить другую. Долетающие до нас из Совдепии голоса лишь поддержат нас в широком приятии всех даров русского искусства и в этом приятии - залог нашего единства и нерузрушенной связи с теми, оставшимися.

<u>27 ноября</u>

И.Э. пишет М.Шкапской:

Дорогая Мария Михайловна, дошло ли до Вас мое письмо? Напишите, а то очень трудно писать в пространство. Знаю, что вышла Ваша книга. (...) Я очень много работал. Сейчас печатаются мои новые книги: 1) роман, или, вернее, нечто вроде: "Необычайные похождения Хулио Хуренито", 2) Книга рассказов, 3) книга о новом стиле исскуства - жизни: "А все-таки она вертится!" Вышли стихи. Пересылаю Вам через Москву.

Страшно рад был услышать о Вас от Алексея Михайловича[1]. Мы в Берлине. М.б. поедем в Италию, м.б. пробудем здесь. Возможно, что к апрелю будем дома. Все же жизнь у вас, а не здесь. Горячий привет шлет Вам Любовь Михайловна. Пишите.

ФШ, л.1

29 ноября

Состоялось организационное собрание по созданию в Берлине "Дома Искусств". Цель этой новой организации - объединение деятелей русской литературы и искусства, создание клуба, устройство лекций, литературных вечеров, издание периодического журнала и т.д. Собрание было созвано учредительной группой. Председательствовал Н.М.Минский. На собрании присутствовали г.г.Абрамович, Андрей Белый, Зинаида Венгерова, Гессен, Д.Далин, Л.Мартов, И.Пуни, А.Ремизов, Сумский, Алексей Толстой, Лев Шестов, проф.Шацкий, Илья Эренбург, проф.Ященко и др. Собрание утвердило список членов организации, которых насчитывалось в данный момент около 50. Избранные в Совет "Дома искусств" оказались г.г.А.Белый, З.Венгерова, Н.Минский, Пистрах, И.Пуни, Ал.Ремизов, А.Толстой и проф.Ященко. В ревизионную комиссию - г.г.Бланк, Богуславский и Станкевич.

Новый мир, Берлин, 1921. 3 декабря

30 ноября

В помещении издательства "Скифы" в Берлине состоялся вечер сотрудников "Скифов". Присутствовавшие на вечере Андрей Белый, Р.Р.Вальтер, Зин.А.Венгерова, Е.Г.Лундберг, Н.Минский, С.Ремизова-Довгелло, А.М.Ремизов, д-р Зелле, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И.Эренбург взяли на себя инициативу организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации.

Новый мир, Берлин, 1921. 4 декабря

Ноябрь

И.Э. пишет книгу рассказов "Неправдоподобные истории" и отдает рукопись в берлинское издательство С.Ефрон.

- И.Э. знакомится в Берлине с французским искусствоведом Вольдемаром Жоржем.

- М.Цветаева присылает И.Э. в Берлин книгу А.Блока "О символизме" с надписью: "И.Г.Эренбургу. М.Ц. Москва, ноябрь 1921".

Собрание И.И.Эренбург (Москва)

---

1 А.М.Ремизов

1921

9 декабря

В "Доме искусств" состоялся первый "литературный субботник", привлекший довольно значительную аудиторию. Читали свои произведения Андрей Белый, Н.Минский, Ал.Ремизов и Илья Эренбург.

Новый мир, Берлин, 1921, 8 декабря

- На первой "субботе" в Доме искусств А.М.Ремизов прочел свои воспоминания о петербургской весне 20-го года и одну из своих сказок, А.Белый - главу из своего нового романа, И.Г.Эренбург - последние стихи, Н.М.Минский - рецензию о последних стихотворных сборниках Кузмина и Гумилева. В заключение молодые поэтессы Кальма и Татида и молодой поэт Исцелянов прочли стихи. Следующий вечер состоится в субботу 10-го декабря в том же помещении (Ландграфен-кафе, Курфюстерштрассе).

Руль, Берлин, 1921, 7 декабря

5 декабря

В Берлине, в кафе Ландграф состоялось организационное заседание учредителей Вольной Философской Ассоциации ("Вольфилы"), ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, вне всякой партийности и политических устремлений. Намечены следующие доклады и лекции: 1) Андрей Белый: "Ветхий и Новый Завет", "О культуре" и "Александр Блок, как философ", 2) Проф.Ф.А.Браун: "О происхождении языка", 3) З.А.Венгерова: "О Тагоре" и "Бог у Эмльса", 4) С.Каплун: "Об утопическом социализме", 5) Е.Г. Лундберг: "Опыт комментария к "Фаусту"и "Об исканиях А.Чехова", 6) Н.М.Минский: "Власть и Труд", "Нужна ли религиозная истина" и "От Данте к Блоку", 7) Александр Шрейдер: "Философия гнева", 8) И.Эренбург: "Оправдание вещи", 9) Проф.А.Ященко "Бартолус".

Членами Совета Вольфилы избраны: Андрей Белый (предс.), проф.Ф.А.Браун (тов.предс.), Р.Р.Вальтер, З.А.Венгерова, Д-р В.Зелле, проф.Д.Койген, Е.Г.Лундберг (тов.предс.), Н.М.Минский (тов.предс.), А.М.Ремизов, С.Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетн.предс.), Александр Шрейдер (секрет.), И.Эренбург и проф.А.Ященко.

Новый мир, Берлин, 1921, 11 декабря

8 декабря

В четверг 8 декабря 1921 года в помещении столовой Союза Российских Студентов в Германии, по примеру прошлого года, возобновляются литературно-художественные Четверги. В первый четверг выступает И.Эренбург, который прочтет свои стихи и "Портреты современных русских писателей". Вход для членов Союза 2 марки, для гостей 5 марок.

Руль, Берлин, 1921, 6 декабря

- "Одиннадцатый четверг", состоявшийся 8 декабря, прошел с большим успехом. Небольшое помещение Союза было переполнено слушателями, И.Эренбург, шумно приветствуемый аудиторией, прочел целый ряд своих стихов и отрывки из своей новой книжки "Портреты современных русских поэтов и писателей".

Руль, Берлин, 1921, 13 декабря

11 декабря

Газета "Руль" сообщает:

В Берлине организовалось новое русское издательство "Огоньки", ставящее своей задачей издание в первую очередь русской беллетристики и поэзии. В первую серию книг намечается включить произведения графа А.Н.Толстого, Ильи Эренбурга, Марины Цветаевой, А.М.Ремизова, А.Дроздова, И.С.Соколова-Микитова и др. (...) Во главе книгоиздательства стоит А.Г.Левенсон.

- Берлинская газета "Новый мир" сообщает, что в издательстве "Геликон" печатаются и скоро выйдут в продажу книги И.Э.: "А все-таки она вертится", "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников","Золотое сердце и Ветер", а также книга "Про разных зверей. Стихи", с иллюстрациями Любови Козинцевой (издание последней книги осуществлено не было).

- Берлинская газета "Новый мир" сообщает, что намечен доклад И.Э. "Об оправдании "Вещи".

14 декабря

Состоялась первая публичная лекция, устроенная берлинским "Домом Искусств". Андрей Белый читал на тему "Культура современной России".

В середине ноября (1921 г.) группой находящихс сейчас в Берлине русских писателей и художников основан был союз деятелей русской литературы и искусства, назвавший себя по аналогии с Петербургской организацией - "Домом Искусства". "Дом Искусства" должен был стать организацией аполитической, преследующей только культурные цели, защиту правовых и материальных интересов деятелей искусства и литературы как за границей, так и в России. Кроме того, "Дом Искусства" поставил одной из своих задач устройство еженедельных вечеров, на которых не только встречались бы члены и гости "Дома", но и читались бы новые произведения писателей, исполнялись музыкальные произведения и пр. Предполагает "Дом Искусств"и устройство публичных лекций, концертов, театральных представлений и пр.

Вечера "Дома" устраивались еженедельно. На этих вечерах читали свои произведения: Андрей Белый, А.М.Ремизов, А.Н.Толстой, Н.М.Минский, И.С.Соколов-Микитов, З.А.Венгерова, И.Г.Эренбург и целый ряд молодых поэтов и писателей: Кальма, Татида, Оцуп, Иллисон, Лурье,

Гл.Алексеев и др. Выступали Анна Мейчик, Ф.А.Гартман, проф. Градуан, И.Вестерман и др. "Домом" устроены были также два закрытых доклада о новом искусстве И.Г.Эренбурга и о петербургских поэтах - В.Лурье. 13-го января "Домом Искусств" был устроен вечер памяти В.Г.Короленко. Несколько вступительных слов о В.Г.Короленко сказал Н.М.Минский, доклад о Короленко прочитал Е.Г.Лундберг.

Во главе "Дома Искусств" стоит совет, избранный на общем собрании членов. В состав совета входят: Н.М.Минский (председатель), А.М.Ремизов (тов.председателя), С.Г.Каплун-Сумский (секретарь), З.А.Венгерова (казначей), Андрей Белый, Н.Д.Милиоти, Ф.А.Гартман, А.Н.Толстой, И.А.Пуни, С.М.Пистрак, проф.А.С.Ященко.

В состав контрольной комиссии входят В.Б.Станкевич, Р.М.Бланк, К.Л.Богуславская.

Вечера "Дома Искусств" устраивались в Кафе "Ландграф" Курфюрстерштрассе, 75. В начале февраля "Дома Искссти" начинает выпускать еженедельный "Бюллетень "Дома Искусств" в издании "Геликона".

НРК, Берлин, 1922, N1, с.34

В Берлине существовало место, напоминающее Ноев ковчег, где мирновстречались чистые и нечистые; оно называлось Домом искусств. В заурядном немецком кафе по пятницам собирались русские писатели. Читали рассказы Толстой, Ремизов, Лидин, Пильняк, Соколов-Микитов. Выступал Маяковский. Читали стихи Есенин, Марина Цветаева, Андрей Белый, Пастернак, Ходасевич. Как-то я увидел приехавшего из Эстонии Игоря Северянина; он по-прежнему восхищался собой и прочел все те же "поэзы". (...) Пришел как-то Чириков, сел рядом с Маяковским, спокойно слушал. Теперь мне самому все это кажется неправдоподобным.

ЛГЖ, т.1, с.391

15 декабря

В Берлинском книгоиздательстве "Аргонавты" вышел в свет "Справочник-альманах" на 1922 год. В литературно-художественном отделе альманаха статьи З.Венгеровой, И.Эренбурга и мн.др.

Новый мир, Берлин, 1921, 11 декабря

20 декабря

И.Э. пишет из Берлина Г.Издебской:

Не сердитесь за молчание (...) Я вообще писать не люблю. Теперь, в частности, ибо, увы, пишу большой роман. "Лик войны" я вышлю Вам с рассказами, кои выходят на днях.

ПГИ, л.10

23 декабря

И.Э. пишет М.Шкапской:

1921

Постараюсь переслать Вам вышедший здесь мой сборничек "Кануны" (стихи 1915-1921) - там старые, половина "Раздумий" и штук 12 новых, заграничных. Впрочем, я весь окунулся в прозу. Работал зверски. Написал три книги, все они уже почти напечатаны и выйдут в свет в начале января. Главная: "Необычайные приключения Хулио Хуренито и его учеников, мистера Куля, м-р Дэле, Карла Шмидта, Эрколе Бамбучи, Алексея Спиридоновича Тишина, негра Айши и Ильи Эренбурга". Одно название в 50 строк, в книге - 350 стр. Это отнюдь не стилизация, но сатира современности, от "Ротонды" 1913 г. до Москвы 1921. Потом трогательные рассказы "Неправдоподобные истории", третья - полный памфлет о новом стиле "А все-таки она вертится". Вышло все. Рассказывал о Вас мне Алексей Михайлович[1]. Я очень рад, что он здесь - прояснилась (также от Белого) эмигрантская атмосфера. Сейчас снова пишу роман. Работаю много. Возможно, будущим летом встретимся в Питере или Москве.

ФШ, л.2

Конец года

Книга И.Э. "Неправдоподобные истории" вышла в издательстве С.Ефрон в Берлине; печатала ее типография Шпамера в Лейпциге.

1 А.М.Ремизов

1922 год

Начало января

В берлинском издательстве "Геликон"вышел роман И.Э. "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников". И.Э. отправляет экземпляры книги в Советскую Россию.

- Появление "Хулио Хуренито" памятно всем. На два или три экземпляра, попавших в Петроград, записывались в очередь на несколько месяцев вперед - в две-три недели Эренбург стал известен; больший или меньший успех сопровождал с тех пор каждый новый его роман. Это, разумеется, не случайный успех - занимательная книга нравится читателю.

В.Каверин. Вечерний звон. М., Советский писатель, 1982, с.18

6 января

И.Э. обращается к Г.Издебской с просьбой посодействовать в получении разрешения на въезд во Францию.

Должен Вас предварить, что в "Clarte" появятся мои статьи о русском искусстве. Правда, теперь отношение французского правительства к русским делам несколько изменилось, и я думаю, что можно добиться отмены постановления обо мне (...) Я скучаю, пишу, пью скверный кирш.

ПГИ, л.11

13 января

И.Э. пишет М.Шкапской:

Сегодня я выслал Вам в Москву с оказией безусловной следующие книги: 1) "Неправдоподобные истории" (рассказы), 2) "Лик войны", 3) "Книга" (№7-8), 4) "Раздумия". Вы их, вероятно, получите вскоре после этого письма. Жаль, что я не мог выслать уже вышедших "Необычайных похождений Хулио Хуренито" (слишком тяжело), это моя главная вещь и хорошо изданная (...) Кончаю книгу стихов "Опустошающая любовь".

ФШ, л.3

14 января

А.М.Ремизов передает И.Э. полученное с оказией письмо от М.Шкапской. В ответном письме И.Э. благодарит Шкапскую за сообщение о его

дочери Ирине и просит найти "знакомого с аппаратом", чтобы сфотографировать ее.

ФШ, л.22

22 января

Берлинская газета "Руль"публикует рецензию на "Неправдоподобные истории":

Несмотря на все предостережения и предупреждения, читатель, конечно, не удержится от выводов из этих полуюмористических полусатирических очерков, живописующих разные неожиданные осложнения советской действительности. В рассказах И.Эренбурга, талантливых и своеобразных, нет не только восстания против этой действительности, но и хотя бы глухого осуждения ее. Но при всем том его рассказы говорят сами за себя.

27 января

На эту же книгу публикуют рецензию парижские "Последние новости":

Книга, безусловно, больше своего названия и несравненно значительнее той излишне скромной характеристики, которую автор дает книге в своем кокетливом и малоискреннем предисловии. Рассказы Эренбурга, вошедшие в лежащий перед нами сборник, не "петитная ерунда", не "межскобочное многословие", как это думает автор, а подлинная попытка заглянуть в загадочный лик русской революции и подслушать голос многострадальной и растерянной русской души (...) Спокойно, объективно, без тени горечи и раздражения Эренбург рисует оба полюса русской жизни - и тех, что творят революцию, и тех, что видят в ней лишь сатанинское наваждение.

29 января

Берлинская газета "Руль" сообщает:

В начале февраля книгоиздательство "Огоньки" в Берлине выпускает из печати ряд книжных новинок, а именно: А.М.Ремизов. В поле блакитном, гр.А.Н.Толстой. Китайские тени, Савватий. Тетрадь в сафьяне, Илья Эренбург. Опустошающая любовь, Марина Цветаева. Стихи к Блоку.

Январь

В издательстве "Геликон"выходит книга И.Э. "А все-таки она вертится" (обложка Фернана Леже). В издательском предисловии, помещенном в книге, читатели информируются о том, что издательство согласно не со всеми утверждениями автора о новом искусстве.

1922

- И.Э. и художник Эль Лисицкий приступают к изданию международного журнала-обозрения "Вещь", посвященного новому искусству. Субсидировать выпуск журнала берется издательство "Скифы".

- Начиная с февраля с.г. в Берлине предполагается выход ежемесячного международного обозрения современного искусства "Вещь"под редакцией художника Лисицкого и поэта Ильи Эренбурга. Издание это будет преследовать двоякую цель: - осведомлять русских художников и писателей о последних достижениях европейских мастеров и давать (на иностранных языках) информационный материал для Запада о состоянии русских искусств. В журнале предполагается участие писателей: Маяковского, Есенина, Вильдрака, Сандрара, Эпштейна, Соффичи и др., художников: Татлина, Малевича, Родченко, Глеза, Леже, Риверы, Северини, Гаусмана, Ван-Десбурга и др., театральных постановщиков: Мейерхольда, Таирова, кинокомедианта Чарли Чаплина и др.

НРК, Берлин, 1922, N1, с.35

4 февраля

Елизавета Полонская высылает И.Э. свою первую книгу "Знамения" с надписью: "Илье Григорьевичу Эренбургу Е.Полонская 4.II.1922"

Собрание И.И.Эренбург (Москва)

6 февраля

В издательстве Ладыжникова вышел в свет 1-ый номер ежемесячного критико-библиографического журнала "Новая русская книга" под редакцией проф.А.С.Ященко. В номере статьи Андрея Белого, А.Ремизова, И.Эренбурга, рецензии, хроника, книжная летопись и пр.

Голос России, Берлин, 1922, 8 февраля

- В первом номере журнала "Новая русская книга" напечатана статья И.Э. "Новое искусство в России" и его рецензии на книги С.Есенина "Трирядница", "Исповедь хулигана" и А.Кусикова "Искандер Намэ".

10 февраля

Марина Цветаева пишет в Москве стихотворение "Небо катило сугробы", открывшее ее цикл "Сугробы", посвященный И.Э.

11 февраля

И.Э. пишет в Париж скульптору Жаку Липшицу:

Неделю тому назад я выслал Вам книгу "А все-таки она вертится". Очень рад буду услышать Ваше мнение о ней.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой помочь "Вещи", предназначенной для России. В частности, следующие пункты:

1) Мы устраиваем анкету. Ответьте срочно на вопрос: "Каковы по Вашему мнению состояние и тенденции современной скульптуры". Желателен обстоятельный ответ. (Если Вы предпочитаете по -французски, да не послужит это задержкой).

2) Обратитесь ко всем известным Вам художникам и скульпторам (интересным) с просьбой прислать материал - репродукции (фото), сообщения и пр. Жду от Вас скорого письма и ответа на анкету.

Ксерокопия из собрания А.Д.Гдалина (С.Петербург).

- И.Э. пишет в Петроград М.Шкапской:

Получили ли Вы посланные через Бориса Леонидовича[1] мои книги - рассказы и роман? По почте послал Вам "Книгу". В ближайшем N будет моя заметка о " Mater Dolorosa". Пильняк сидит еще в Ревеле, и рукописи Вашей я еще не получил (...) Шлите стихи свои и чужие. Я издаю "Вещь".

ФШ, л.7

12 февраля

В газете "Голос России" рецензия А.Даманской на книгу И.Э. "Неправдоподобные истории":

Отчего автор назвал свою захватывающую с первых страниц и волнующую до конца книгу рассказов "Неправдоподобными историями" - так же непонятно, как заявление в совершенно ненужном предисловии о том, что книга эта "не отображение Великой Российской Революции". Непонятно и неверно. Рассказы эти все до единого - совершенно правдоподобны, и - подлинное отражение, если не Российской Революции, то, во всяком случае, того темного, жуткого хаоса, в который заклубилась русская жизнь. (...)

За эту большую любовь, за то великое сострадание к России, к теперешней России, которую И.Эренбург первый из русских писателей отобразил так наглядно - так мучительно ярко, охотно прощаешь автору и какую-то нарочитость, какие-то выверты языка.

- Валентин Парнах дарит И.Э. и Л.М.Козинцевой свою книгу "Карабкается акробат" (Париж, 1922) с надписью: Любови Михайловне Козинцевой-Эренбург с благодарностььью за ее очаровательный портрет. Илье Григорьевичу Эренбургу, автору "Хулио Хуренито" на память о наших "маниакальных" встречах в "Prager Diele", автор "Подрагиваний пролетариата". 12.II.22. Berlin.

Собрание И.И.Эренбург. Москва.

14 февраля

И.Э. пишет на бланке "Вещи" Г.Издебской:

---

1 Пастернака

Я послал книгу “А все-таки она вертится” (получили ли Вы ее?) в Лондон фабрике “Donfull” и получил в подарок чудесную трубку. (...) Я издаю здесь журнал “Вещь”. Очень прошу пропагандировать. Нужны нам статьи, освещающие последние поиски в области искусства Западной Европы, фотографии, заметки, стихи и пр. Журнал специально для России.

ПГИ, л.12

16 февраля

И.Э. пишет М.М.Шкапской:

Получил рукопись “Барабана”от Пильняка. Еще не прочитал как следует. В целом лучше первой. Крепче.

ФШ, л.4

22 февраля

И.Э. отвечает Ж.Липшицу на полученное от него письмо:

Письмо Ваше будет в №1 “Вещи”. Хотим присоединнить одну репродукцию Вашей работы (...) Пожалуйста, пропагандируйте нашу “Вещь”, чтобы ей слали снимки и статьи.

Ксерокопия из собрания А.Д.Гдалина, (С.Петербург).

24 февраля

М.И.Цветаева пишет И.Э.:

Мой дорогой! Эти дни у меня под Вашим знаком, сколько надо сказать Вам, что руки опускаются ! Или же - правая к перу! - Стихотворному, - ибо не одним пером пишешь письмо и стихи. И весомость слов - иная (...) А многое из того, что мне надо сказать Вам, уже переросло разговорную речь. Не: пытаюсь писать Вам стихи, а: пытаюсь Вам стихов не писать (Сейчас увидите, почему). Знаете, раньше было так: иногда - толчком в грудь: Свинья! Ни одного стиха человеку, который - человеку, которому ... И внимательно (прослушав) - “Не могу. Не ясно”. - И сразу забывала. Стихи к Вам надо мной как сонм. Хочется иногда поднять обе руки и распростать дорогу ему. - Стерегущий сонм. И весьма разномастный.

АЭ.

25 февраля

В Праге вышел N8 журнала “Воля России”, поместивший под названием “Большевистский быт” рецензию В.Архангельского на книгу И.Э. “Неправдоподобные истории”.

26 февраля

И.Э. пишет Г.Издебской:

1) "А все-таки" Вам выслал 15.2.

2) Насчет "Хуренито" - попытайтесь. Если предварительно переговоры приведут к чему-либо, вышлю Вам доверенность на право перевода.

3) Пишите в "Вещь" (о Польше, о Париже). Можете писать на любом языке. Будет переведено хорошо.

ПГИ, л.13

Февраль

И.Э. участвует в вечере Дома искусств в берлинском кафе Ландграф по случаю приезда в Берлин Б.Пильняка и А.Кусикова:

Послушать приехавших из России писателей собрался весь литературный Берлин. За сиреневыми столиками "Ландграфа"в уюте отсвечивающих ламп сидели рядом самые неожиданные люди: влево от Гессена, блестевшего плешью и очками, мистер Красин в ловко сшитом - по уайльдовски - сером костюме; за взлохмаченной головой "хозяина русской земли" - Виктора Чернова - двойника священника Петрова, поместился Дан в клинообразной ассирийской бороде. Тут же 52 молодых девушки, пишущих стихи, и 52 молодых человека, пишущих стихи и рассказы. Из дальнего угла - горят глаза Белого, Ремизова, поодаль еще гр.Толстой, Соколов-Микитов, у стойки проф.Ященко - "Новая русская книга", свисающие кудри Пуни, за кудрями - трубка Эренбурга, чадящая как паровоз.

"Встречи с прошлым", Вып.7. М., Советская Россия, 1990, с.179-184

- В февральском номере "Новой русской книги" Иван Пуни откликнулся на книгу И.Э. "А все-таки она вертится":

Я не буду останавливаться на жалких перлах тривиальности, вроде, например, того что старое буржуазное искусство отражало психологию потребителя, новое коллективистское - производителя. Все это так условно и дешево, что просто хочется предложить Эренбургу подумать о том, не отражает ли конструктивное искусство психологии бюрократии, например, в виду ее организующей роли в современном обществе.

НРК, 1922, N2, с.11

- Там же напечатаны три рецензии И.Э. - на "Пугачева" С.Есенина, на "Разлуку" М.Цветаевой и на "Tristia" О.Мандельштама.

- В этом же номере рецензия Романа Гуля на книгу И.Э. "Кануны":

Илья Эренбург - один из русских, сильных и талантливых поэтов.

И, как у всякого подлинного таланта, у Ильи Эренбурга есть свое, никем и ничем неподмененное, творческое лицо, - эренбурговское, а в лице этом свои яркие, индивидуальные черты (...) Но в Эренбурге никогда нет "полутонов", напротив, всегда и все - "досказано". Раньше уходивший в поэзию католических монастырей, в утонченную мистику национализма, молившийся о "Христовой стране" России, Эренбург теперь иной (...) Весь Эренбург теперь с красной Россией сегодняшнего дня и ее неведомый путь - свят ему. Но в подлинном приятии революции поэ-

том - приятии до конца, есть трагедия "человека" - предчувствие своего умирания, тоска предсмертная.

НРК, 1922, N2, с.18

3 марта

Эль Лисицкий пишет в Москву художнику А.М.Родченко:

Дорогой товарищ Родченко. Мы, наконец, осуществили здесь идею, давно уже родившуюся у нас в России - издание международного журнала современного искусства. Вокруг него объединены все, создающие новые ценности или этому помогающие. Мы просим Вас прислать все, что у Вас есть.

Затем мы разослали ряду западных мастеров анкету с вопросом: "Как Вы усматриваете дальнейший путь современного искусства?" (У живописцев мы спрашивали о живописи, скульпторов о скульптуре, архитекторов об архитектуре и т.д.) Просим Вас прислать свой ответ на эту анкету. И фотографии с работ. Журнал редактируется мной и Эренбургом.

А.М.Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки.
Письма. М., Советский художник, 1982, с.115

7 марта

И.Э. пишет М.Шкапской:

Сегодня ж выслал Вам почтой заказной бандеролью книги (...) Скажите Шкловскому, чтобы писал скорее. Первый N "Вещи" выйдет через неделю, второй - 15/IV (...) Скоро (дня через три) выйдут здесь мои "Опустошающая любовь" и "Портреты русских поэтов"(...) Повторяю просьбы (...) 2) Найти поэтессу Елизавету Полонскую. Сказать ей, что книгу получил. Хочу ей написать, не знаю адреса. (...) Много трудного. И во внешнем (травят здесь, страшно за то, что там, и вообще гадко) и во внутреннем.

ФШ, л.5

10 марта

В берлинском издательстве "Огоньки" вышла книга лирики И.Э. "Опустошающая любовь", оформленная художником А.Арнштамом.

- Первая книга Эренбурга, которая попала мне в руки и которая до сих пор хранится в моей библиотеке - это маленький томик, названный "Опустошающая любовь"(...) В этой книге, однако, я нашел удивительно характерную строфу, которую, пожалуй, можно считать жизненной программой Эренбурга, программой, которую он выполнял всю свою долгую и трудную жизнь:

Запомни только - сын Давидов -
Филистимлян я не прощу.

1922

Скорей свои цимбалы выдам,
Но не разящую працу.

В этих строчках заключается тайна, а может быть, и трагедия Эренбурга.

Я.Ивашкевич. "Воспоминания об Эренбурге". ВЛ, 1984, N1, с.196-197

В Берлинском издательстве "Аргонавты" вышла антология И.Э. "Портреты русских поэтов" - эссе о 14 современных поэтах (Ахматовой, Балтрушайтисе, Бальмонте, Блоке, Брюсове, Белом, Волошине, Есенине, Вяч.Иванове, Мандельштаме, Маяковском, Пастернаке, Сологубе и Марине Цветаевой) и их стихи.

- В московском альманахе "Костры" опубликованы стихи И.Э. "Зарубежные раздумия":

Вышел первый литературно-художественный альманах "Костры" с произведениями Л.Андреева, И.Новикова, Глобы, Яковлева и Эренбурга.

Правда, 1922, 11 марта

19 марта

Берлинская газета "Голос России" публикует рецензию на N1 журнала "Новая русская книга":

Интересный и занимательный журнал. В нем прочитаешь все - от начала до конца. Белый и Ремизов знакомят заграничную публику с культурными настроениями Петербурга - Москвы. Эренбург пишет о новом искусстве в России, правда, пишет он довольно невнятно, но во всяком случае от русской жизни отделы журнала - критика и рецензии, хроника, судьба и работа русских писателей и пр. - составлены хорошо.

Но в этом журнале нет того, что остается обыкновенно непрочитанным у читателя, ищущего занимательности, и обращает самое большое внимание настоящего любителя русской книги. Русская книга дает не только изящную литературу, создатели и творцы нашей книги связаны не только с кругами Эренбурга (а его довольно много в "Русской книге").

21 марта

И.Э. пишет в Москву В.Г.Лидину:

Дорогой Владимир Германович, письмо Ваше получил - рад буду Вам быть полезен. Шлите рукописи. Устроить их довольно легко (...) С Алексеем Николаевичем[1] у меня отношения дурные (главным образом по причинам литературно-идеологическим), но я смогу передать рукописи, которые Вы укажете, ему. Остальное устрою в журнале Белого "Эпопея"(...) Очень рад буду, если напишите, что нового в литературной Москве. Дошли ли до Вас мои книги?

---

1 Толстым

1922

(Здесь и далее письма Лидину цитируются по фотокопиям из АФ; подлинники - собрание Е.В.Лидиной, Москва).

23 марта

И.Э. пишет в Петроград искусствоведу Э.Ф.Голлербаху:

"Вещь"очень рада будет Вашему сотрудничеству. К сожалению, присланные статьи нам не подошли. О фарфоре для нас чересчур "музейно". О поэтах - Вы нападаете на Москву в резкой форме, а ведь мы все же, употребляя дурацкую российскую терминологию, обретаемся в "левом" фланге искусства. Очень рады будем особливо всякого рода информации (выставки, книги, журналы и пр.)

ОР ГПБ ф.207, ед.хр.99

24 марта

Очередная пятница "Дома Искусств"ознаменовалась переходом его в новое помещение на углу Лютер и Мотцштрассе (...) Читали А.Белый, И.Эренбург и А.Толстой - вещи, уже появившиеся в печати, что не способствовало усилению впечатления.

Накануне, Берлин, 1922, 26 марта

26 марта

И.Э. сообщает Э.Ф.Голлербаху, что передал присланные им для "Вещи" материалы в редакции "Новой русской книги" и "Накануне"

ОР ГПБ ф.207, ед.хр.99

28 марта

В.И.Ленину направляется из представительства РСФСР в Германии книга И.Э. "Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников".

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.
М., изд. Политической литературы, 1982, т.12, с.260

29 марта

И.Э. посылает Е.Полонской "Хулио Хуренито" и письмо:

Спасибо, дорогая, за книгу. Многое в ней очень по мне. (Все, что о наших днях, т.е. о пафосе потери). Я об ней пишу в "Русской книге" (единственное место, где здесь могу писать) (...)

Письма И.Э. к Е.Г.Полонской приводятся по подлинникам и ксерокопиям, хранящимся в АФ.

- И.Э. пишет М.Шкапской:

Ужасно обидно, что до Вас не дошли мои книги. Делаю еще попытку - высылаю сегодня по почте "Хуренито" - это самое важное. Кроме того, Вам из склада вышлют завтра две мои книги, которые только что

вышли: “Опустошающая любовь” и “Портреты русских поэтов” (...) Мне понравились стихи Полонской (...) Пильняк мне не “чужд” и не “далек”, а просто неинтересен. Он здесь вел себя очень нехорошо. Писать об этом не следует, да и скучно. Когда дойдет до Вас Хуренито - Вы найдете там собирательного Алексея Спиридоновича - это двойник его.

ФШ, л.6

31 марта

Берлинская газета "Накануне" сообщает, что вышла из печати и поступила в продажу в открытый в Берлине розничный магазин книга И.Э. “Опустошающая любовь”.

- В берлинском издательстве “Мысль” вышла составленная И.Э. антология “Поэзия революционной Москвы”, куда, в частности, вошли шесть его стихотворений.

1 апреля

И.Э. пишет Г.Издебской:

Спасибо за письмо и за Ваше попечение о Великом Учителе. Газеты заняты теперь выяснением его философской и политической позиций, забывая, что он особенно любил трубки BBB, красные фуляровые платки и Айшу.

Еще к Вам большая просьба: мне необходим мой перевод повести Жамма “Клара Элебез”. Возможно, что оттиск его имеется у Лебедева или Дилевского (кажется, я им дал тогда). Если же нет, может быть, Вы можете проглядеть в Тургеневской библиотеке “Русскую жизнь” за 1916 год приблизительно за летние месяцы, взять эту книжку и прислать мне заказным. Я Вам верну ее через 3-4 дня с неимоверной благодарностью.

“Вещь” выходит, наконец, завтра (двойной номер) и будет Вам выслана (...) Жду статью для майского номера (...) Из 6 рассказов написал 4. Скоро кончу. Название “Шесть повестей о легких концах”. На днях получите мои стихи в “Портретах”.

ПГИ, л.14

- Газета"Накануне" печатает рецензию А.Вольского на “Хулио Хуренито”:

Книга И.Эренбурга, несмотря на ее внутренние противоречия и “провалы”, остается все же одной из очень интересных, остроумных и ярких среди заграничной русской беллетристики. Ее блестящие парадоксы, грандиозное письмо, даже “библейская откровенность”, о которой мечтал Пушкин, не оставит читателя равнодушным от первой страницы до заключительного трахтарарах.

2 апреля

Вышел в свет и поступил в продажу №1-2 журнала “Вещь”.

1922

Голос России, Берлин, 1922, 2 апреля.

- Номер открывается передовой статьей, написанной И.Э., содержит- стихи Маяковского, Пастернака, Есенина, Вильдрака, Жюля Ромена, эссе В.Шкловского и А.Кусикова, Глеза, Корбюзье, А.Таирова. В номере напечатана статья И.Э. "Русская поэзия", подписанная псевдонимом Жан Сало. Свои ответы на анкету "Вещи" о состоянии современного искусства в первый номер журнала дали Леже, Северини, Липшиц. В номере помещено объявление: "Принимается подписка и производится розничная продажа журнала"Вещь" в Генеральном представительстве для всех стран - в книжном складе "Образование", Берлин, Нюрнбергерштрассе, 65. В России: в книжных магазинах "Знамя" и "Наш путь" (в Москве) во всех отделениях т-ва "Книга" и в книжном складе "Известий ВЦИК".

- В журнале "Вещь" помещена информация "Статьи о русской поэзии в иностранных журналах":

В №4 "Signaux" статья Эренбурга "Русская поэзия и революция" (...) В №13 "Esprit nouveau" напечатана статья Ильи Эренбурга "Русский театр и революция". Иллюстрации - постановки Московского Камерного Театра (...) в №4 американского журнала "Broom" - статья Эренбурга "Заметки о современном русском театре" и фотографии некоторых московских постановок.

Переводы: в "Signaux" стихи Маяковского , Цветаевой, Эренбурга (...) В "Action" стихотворение Эренбурга.

- В "Правде" опубликована статья Н.Мещерякова "Кривое зеркало", посвященная вышедшему в Москве сборнику "Костры". Негативно оценивая весь альманах, говоря о его "безнадежно унылом, мрачном тоне", автор выделяет среди других материалов "Зарубежные раздумия", заявляя, что "стихотворения Эренбурга - это единственно интересные вещи во всем сборнике".

- В берлинской газете"Голос России" опубликована рецензия на "Поэзию революционной Москвы":

В предисловии к сборнику И.Эренбург как бы заранее пытается оградить себя от возможных нападок в небрежности и бессистемности, допущенных при составлении сборника; располагая произведения различных авторов по алфавиту, он подчеркивает свое заявление о том, что настоящая книжка не является антологией, а только способом ознакомления заграницы с творчеством современных поэтов в России. Задача эта, однако, выполнена не совсем удовлетворительно: отсутствие многих авторов, конечно, не может быть объяснено только невозможностью достать соответствующие материалы, а значительную долю пробелов должно отнести за счет небрежного составителя. Каким признаком, собственно, руководствовался И.Эренбург, составляя настоящий сборник, - угадать трудно: Ахматова, например, представлена всего восемью строками, в то время как Пастернак да и сам составитель приведены целыми циклами.

1922

8 апреля

Газета “Накануне”печатает рецензию А.Вольского на книгу И.Э. “Портреты русских поэтов”:

Очень удачна мысль помещения после каждого"портрета"образцов творчества зарисованных художников. Таким образом получается род продуманной антологии, столь необходимой в современных условиях книжного рынка, а цельность впечатления не нарушается искусственным подбором “с мясом вырванных цитат”.

15 апреля

И.Э. пишет на бланке “Вещи” Г.Издебской:

Шлю Вам сборник новых стихов. “Вещь” вышла, высылается Вам. Жду Жамма. Еще просьба, нет ли у Вас “Жилета Семена Дрозда”? Одолжите на несколько дней для перепечатки. Как перевод “Хулио Хуренито”?

ПГИ, л.15

16 апреля

Берлинская газета “Голос России” опубликовала статью ВиктораЧернова “Эолова арфа революции” (отклик на составленную И.Э. антологию “Поэзия революционной Москвы”):

Самого себя составитель почтил шестью страницами: больше этого во всем сборнике выпало лишь четверым счастливцам: Вячеславу Иванову, Сергею Есенину, Марине Цветаевой и почему-то еще Б.Пастернаку. Несмотря на весь этот варварский произвол составителя, сборник интересен. Его выручает естественное богатство материала, из которого составителю пришлось черпать. Никакого сомнения быть не может: современная русская поэзия красочна и богата.

Середина апреля

НРК №3 публикует рецензии И.Э. на сборники стихов И.Одоевцевой “Двор чудес”, Е.Полонской “Знамения”и фельетон по поводу книги И.Бостунича “Масонство и русская революция”, подписанный: “Масон ложи "Хулио Хуренито", мексиканского толка, 32 ст. ("принц королевской тайны"), хасид и цадик, чекист в 4 личинах (жид - мадьяр - латыш - китаец) Илья Эренбург".

23 апреля

Берлинская “Накануне” печатает рецензию А.Вольского на журнал “Вещь”:

Дама, долго вертевшая "Вещь", сказала: - Хоть убейте, ничего не понимаю. Неужели я так поглупела? В этом наивном заявлении - лучший комплимент для "Вещи".

- В берлинской газете "Руль" рецензия на книгу И.Э. "А все-таки она вертится":

Автор не беседует с читателем, а почему-то считает своим долгом кричать во весь голос. Крик этот начинается сейчас же за вышеупомянутым своеобразным издательско-авторским выражением. Почему-то Эренбургу понадобилось воспроизвести на одиннадцати языках изречение Галилея, которое, может быть, никогда Галилеем не было сказано, но по которому названа книга Эренбурга: "А все-таки она движется!" (Кстати, как раз по-итальянски изречение Галилея приведено у Эренбурга совершенно неверно: le pur si move! вместо Eppur si muove! (Уже одно это искажает смысл галилеевского изречения. Никто не заставлял Эренбурга отрекаться от каких-либо взглядов, как было с Галилеем (не в пику же своему издательству он выписал в самом деле слова Галилея), и даже прочтя его книги трудно догадаться, почему было необходимо кричать, что земля вертится (...)

В своей книге Эренбург пишет о многом, но обо всем пишет немного, пользуясь по преимуществу стилем рекламы, и то и дело пуская в ход все крупные и крупнейшие шрифты, имеющиеся в типографии (...) Эренбург ждет торжества коллективизма, хотя и не знает, каким образом оно осуществится, и к этому торжеству он заранее приспособляет пути искусства и литературы. Но вот беда: из самой же книги Эренбурга видно, что новые направления в искусстве, о которых кричит Эренбург, осуществляются только в Западной Европе, находящейся во власти политических реакционеров, а социальные новаторы, захватившие в свои руки Россию, оказываются художественными реакционерами. Г.Эренбург не дает себе труда объяснить этот странный парадокс (...)

Для всех новаторских стремлений в современном искусстве И.Эренбург нашел очень упрощенную формулу: это, по его мнению, искусство производителей - рабочих, тогда как старое, буржуазное искусство было искусством, отражавшим психологию потребителя. Но он забывает, что в искусстве производителем является не рабочий, - рабочий тут потребитель, - а художник.

24 апреля

И.Э. пишет М.Шкапской:

Вчера закончил наконец новую книгу рассказов "6 повестей о легких концах". Во всяком случае - хорошо или плохо - значительно лучше летошних "Неправдоподобных историй".

ФШ, л.25

1922

28 апреля

В Париже выходит №10 журнала "Современные записки", в котором помещена статья М.Вишняка "На родине". Большое место в ней уделено И.Э.: Из писателей и поэтов менее крупной величины И.Эренбург, очутившись в "никчемной эмиграции", пожалуй, решительнее других восстает против нее.

- Последнее заседание "Дома Искусств" превратилось в диспут, посвященный недавно вышедшему журналу "Вещь". В качестве основы прений послужила прочитанная А.Шрейдером рецензия на журнал. В прениях приняли участие А.Белый, Н.М.Минский, г.Парнах, г.Петровский, г.Соковнин. Возражали докладчику редакторы "Вещи" - И.Г.Эренбург и Э.Лисицкий. Во время прений выяснилась любопытная подробность: А.Белый, громивший "Вещь" со всех точек зрения, увидевший в ней даже "личинку Антихриста", - признался в конце концов, что самой "Вещи" он никогда не читал и даже не видел.

Публика, по обыкновению, смеялась.

Накануне, Берлин, 1922, 30 апреля

29 апреля

И.Э. пишет из Берлина в Москву Р.С.Соболь:

Хочется рассказать Вам о зимнем московском вечере, когда я лазил по каким-то трущобным домам Домьяновской, разыскивая Вас. Право же, у меня плохая память только на номера.

Я очень хотел видеть Вас и немного на Вас сержусь, что Вы снисходя к моему московскому суматошеству больше не сделали ничего, чтобы нам повидаться. Получили ли Вы книги, которые я оставил уезжая для Вас? Я с нежностью о Вас часто думаю. Напишите мне, как Вы живете? Вспоминаете ли иногда меня? Письмом обрадуете. Ласково целую Ваши руки. Илья Эренбург.

ОР ГПБ ф.1164

30 апреля

Берлинская газета "Руль" сообщает, что по "чекам долга" в фонд Объединенного студенческого комитета помощи голодающим граф А.Н.Толстой внес 100 рублей, художник Л.Пастернак - 50, писатель И.Эренбург - 100 рублей (за 17 и 18 апреля).

- Берлинская газета "Голос России" печатает большую рецензию на журнал "Вещь". В ней отмечается, что "редакция "Вещи", ликвидируя "блокадную" изолированность художественной России от художественного Запада, устраивает в своем журнале "стык" между ними".

Апрель

В Петрограде, в издательстве "Неопалимая купина" вышла книга стихов И.Э. "Раздумия".

1922

- И.Э. передает рукопись "6 повестей о легких концах" издательству "Геликон". Иллюстрировать книгу взялся Эль Лисицкий.

- В книге №1 берлинского журнала "Веретено" отзыв В.Амфитеатрова-Кадашева о "Хулио Хуренито":

Эренбурговское "Нет" не испугает даже кролика. Ибо оно - просто-напросто - увертливый, лукаво-трусливый глум исподтишка над всем в мире, не исключая и революции, которую Эренбург будто бы так любит.

- И.Э. встречается в Берлине с другом своей юности Н.И.Бухариным, который вместе с К.Б.Радеком приехал на конференцию трех Интернационалов:

Мы с ним (Бухариным) просидели часа три в маленькой пустой кондитерской. Помню, я сказал, что многое происходит не так, как нам мерещилось на Новинском бульваре. Он ответил: "Вы - известный путанник", потом рассмеялся и добавил: "Меня тоже называют путанником". Но вам легче - вы путаете в романах или в частных разговорах, а я, как никак, член Политбюро".

ЛГЖ, т.2, с.164

- Кооперативное издательство "Время" выпустило в Москве литературно-художественный, научно-популярный, иллюстрированный альманах "Возрождение", в котором под заголовком "Строфы мятеженой души" помещены шесть стихотворений И.Э. из циклов "Крымские раздумья" и "Московские раздумия". Объявленное в альманахе продолжение публикации этого цикла не последовало.

- Московское издательское товарищество выпустило первый сборник альманаха "Трилистник", в котором помещены стихотворения И.Э. из книги "Раздумия".

- В Петрограде опубликована рецензия на книгу стихов И.Э. "Опустошающая любовь":

Что-то случилось с Эренбургом; невольно вспоминаешь его недавние книжки, в особенности, изумительный "Огонь" (1919) и "Молитву о России" (1918). Там билось и страдало живое сердце (...) В этой изящной книжечке, с ятями и твердым знаком, со страниц толстой меловой бумаги, смотрит совсем другой Эренбург, спокойный, холодный, бесконечно-рассудочный и необыкновенно туманно-многословный. Простота и ясность былого языка утрачены. Стихи полны атрибутами дешевого символизма, прежде Эренбургу совсем не свойственного (..).

Прежние книги Эренбурга - ранили, волновали, - эта оставляет абсолютно спокойным. Не "Опустошающая любовь", а "Опустошенная душа", так хочется назвать ее.

Утренники, 1922, кн.2

- Московский журнал "Россия" пишет о "Портретах русских поэтов":

Книжка Эренбурга, его характеристики не обладают общеобязательностью историко-литературного исследования, но зато обладают более высокой обязательностью - художественной.

1922, N2, с.28

1922

3 мая

И.Э. пишет Г.Издебской:

Как Вам "Вещь" понравилась? В здешней русской прессе из-за нее целый скандал. Как ее встретил русский Пасси и русский Montparnasse? N1-2 мы сделали академическим. 15 мая выходит 3-ий. Там уже много боевого. На все фронты. Не движется ли дело с "Хуренито"? "Дрозда" получил - спасибо. Когда перепишут - верну. "Клару" продал. Сейчас вожусь с "13 трубками".

ПГИ, л.16

5 мая

И.Э. пишет М.Шкапской:

Хуренито мне дорог потому, что никто (даже я сам) не знает, где кончается его улыбка и начинается пафос. Об этом пишут, спорят и пр. Одни - сатира, другие - философия etc. В нем я более чем где-либо, правдив, без обязательств хоть какой-нибудь, хоть иллюзорной цельности. Популярность - неважна (хотя мне было и интересно узнать, что при всей остроте и актуальности он очень понравился Ленину и Гессену!). Занимательность - находка. Это европейская проза. Ну, будет мне расхваливать свой товар (...) Вы спрашиваете меня о Пильняке и др. Вы правы в догадках. То есть о нем лично я Вам писал - он мне очень не понравился. Вел себя во всех отношениях неблагородно, каялся и пр. Напоминал сильно Алексея Спиридоновича[1] . С А.М.[2] и Б.Н.[3] сложнее. Официальные отношения хорошие. Внутри с их стороны, неприязнь. Причины? Первая и главная та же, что у Дома литераторов. Далее, отмеченное Вами мое умение резкостью отчуждать. Еще - Хуренито. А все-таки, Вещь и пр. - чужое, непонятное. Думаю, что считают лицемером и подлецом. Я к ним отношусь хорошо (никогда не строю моего отношения на отношении ко мне). Но от злобы устал - старость. Еще прибавился Кусиков (стойло-пегасовская армейщина). Тьфу! Люблю (лично) Пастернака и Цветаеву. Глубоко ценю Маяковского (тоже лично).

Мария Михайловна, Вас очень нежно люблю и помню. Нашей дружбе радуюсь. Пишите чаще.

ФШ, л.10-11

-"Дом Искусств" пере ... чуть было не сорвалось вы-рождается в заправский эмигрантский клуб. Жрецам лень забавлять, публике - скучно слушать. Приятнее всего пить, болтать да кушать.

---

1 герой романа "Хулио Хуренито"

2 А.М.Ремизов

3 Андрей Белый

В последнюю пятницу выручил Эренбург - снизошел до прочтения одной из "Шести повестей о легком конце", повестей еще не напечатанных, как настойчиво он указал "специально для невнимательных рецензентов". Повесть "Испорченная фильма" оказалась остроумной пародией на кинематографический сценарий, с примесью политики; высмеяны и белые генералы "почти Павлы" и Верховный Совет и позорное бегство в Константинополь профершпилившихся авантюристов и смесь крови и духов в душной атмосфере контр-разведки.

Читал Эренбург в темпе кино-оператора, без передышки, быстро быстро сменяя одну талантливую картину другой. К сожалению, о прениях даже не заикнулись, несмотря на вызванный интерес, и прочтенное бессильно повисло в воздухе. Публика возобновила прерванное было утоление голода и жажды.

Тогда на подмогу выпорхнула поэтесса, пропевшая а ля Северянин голосом сирены пару звучных стихов. Еще одна поэтесса, доселе добросовестно записывавшая в толстую "книгу судеб" посетителей, что-то прошептала, так невнятно, что слышны были жидкие аплодисменты. Тем вечер и кончился. Напрасно Минский ходил по быстро пустевшему залу с книжкой, предлагая прочесть кое-что из нее.

Эренбург сразу обрезал: "Скучно".

Да, скучновато.

Накануне, Берлин, 1922, 9 мая

7 мая

Русское универсальное издательство в Берлине выпустило литературно-критические очерки Федора Иванова "Красный Парнас". Одна из глав, названная "Поэт земной радости", посвящена И.Э. Портрет И.Э., помещенный в книге - работы С.Залшупина.

- В "Универсальном издательстве" вышла книга Федора Иванова "Красный Парнас", посвященная новейшим русским поэтам. Книжка может послужить недурной хрестоматией для широкой публики. Впрочем, в этом отношении досадны многочисленные промахи составителя: едва ли И.Эренбурга можно назвать поэтом "земной радости", едва ли, вообще говоря, стоит прибегать к таким отжившим приемам литературных характеристик.

Литературное приложение к газете "Накануне", 1922, 7 мая

Там же помещена заметка "Русская книга в Берлине":

Издание же "скифами" журнала "Вещь" (где Жан Сало хвалит редактора, а редактор рекомендует Жана Сало, а издатель ругает обоих) едва ли можно отнести к числу удачных завоеваний революции.

- В "Известиях" рецензия П.С.Когана на "Хулио Хуренито":

Книга Эренбурга сверкает парадоксами, искрится блестками жизни и вдохновения. Автор был в гуще обоих миров. Он, как пензенский крестьянин, "может сравнить". Его не обманула "демократическая" культура. Обывательский комфорт не убил в нем чутье поэта, не помешал ему

почувствовать тяжесть демократических цепей. Тем ценнее этот голос, прозвучавший из сердца независимого и просто человеческого.

10 мая

В Берлин я прибыл утром десятого мая. В тот же день Парнах повел меня в "Романишес кафе" у самого Зоологического сада. Это кафе было подобие парижской "Ротонды", но гораздо чище. В нем собирались немецкая и иностранная художественная богема. Там бывали Цветаева, Белый, Есенин. Нам там сразу бросился знакомый силуэт Ильи Эренбурга. Мы подошли, Эренбург представил меня своей жене, Любови Михайловне, и второй даме, которая, кажется, была Эльза Триоле. Мы разговорились, Илья Григорьевич тотчас спросил меня:

- Привезли ли вы французского табаку? Хотя бы на одну трубку?

Я с удовольствием дал ему нераспечатанную пачку. С первой же затяжкой он, казалось, вздохнул в себя воздух любимой Франции. Я сказал, что приехал сюда, чтобы быть поближе к России.

- Очень хорошо, что вы возвращаетесь, - живо отозвался Илья Эренбург. - Культурных людей так мало: в них очень нуждаются.

М.Талов. Памяти друга. (Рукопись, АЭ).

- В помещении о-ва "Штурм" (Потсдамештр., 184-а) открылась выставка картин художницы Л.Козинцевой-Эренбург. Выставка открыта ежедневно 10 - 6 час., по воскр. 12 - 2.

Накануне, Берлин, 1922, 10 мая

Выставлялась на всякий случай. Для каталога. Здесь решилась на студию, в Москве бы не хватило наглости. Рядом с немецким экспрессионизмом мои вещи имели тихий, чистоплотный вид. В газетах хвалили. (...) Единственно, с кем считаюсь, это Лисицкий, с ним часто встречаюсь.

Из письма Л.Козинцевой - А.Родченко.

(А.М.Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М., Советский художник, 1982, с.117)

11 мая

Газета "Наша речь", выходящая во Владивостоке, помещает рецензию на книгу И.Э. "Неправдоподобные истории":

Жуткая эта книга, жуткие гротески исковерканной, нелепой жизни, которая сложилась в нынешней России, жизни, в которой наряду с "трубным зыком" и "железной утробой" и подвижницы - Дуняши "из запоздалых Четьи-Миней", и миллионы "крохотных трагедий". Но "неправдоподобной"мы бы ее не назвали. Это в "петитной ерунде", как ее называет автор - отражение подлинной России, замученной и все-таки мучительно-родной и близкой, ее воистину неправдоподобной "черушистости".

1922

12 мая

В берлинском "Доме Искусств" (...) собрались в минувшую субботу сотрапезники. Вечер отходил . Ал.Толстой дочитывал превосходные свои воспоминания о Гумилеве. В них хорошие - приподнятость и отрешенность от привычных мерил, юмор, глаз художника - глядящего на художника же. И вдруг - аплодисменты. Минский - восставший против себя самого - радостно возвестил: - пришел Есенин (...)

Заходил по залу Минский, уплотнился Эренбург (...) Черносотенный фон Дома чернел еще пуще и надулся - так надуваются отсыревшие за зиму обои. И еще раз кинулся к дверям Минский - вошла Айседора Дункан.

Накануне, Берлин, 1922, 14 мая

- И.Э. пишет в Петроград:

Дорогие Серапионовы Братья, позавчера лишь я получил Ваш альманах и рукописи. Говоря предварительно с "Геликоном" я думал, что речь идет о неизданных вещах. Присланное, ввиду того, что это выходит в России, уж он взять отказался. Я обошел другие и-ва. Хочет взять "Русское Творчество" (ред.А.Толстой). Лично мне это и-во не особенно по вкусу, но сие не столь важно. Условия они предлагают хорошие. Сегодня должны дать окончательный ответ (...) Позвольте прибавить, что альманах по-моему очень хороший.

ВЛ, 1987, N12, с.176

14 мая

И.Э. пишет М.Шкапской:

Прилетел на аэроплане Есенин с Дункан. Произвел большой "бум". Если бы не возраст (см."Суждения Учителя о земной любви") все было бы великолепно. Скоро выходит Ваш "Барабан". Мне обидно, что здесь бойкотируют "Хуренито" - всячески замалчивают. Если бы это был "Вечный мрамор", я бы не тревожился. Но это - сегодня о сегодня. Пожалуйста, пропагандируйте Учителя. Нельзя ли о нем где-нибудь написать в питерских изданиях? Дайте его почитать писателям, в частности, Серапионовым Братьям. У них больше всех мне понравился рассказ Слонимского "Дэзи".

ФШ, л.12

- В киевской "Пролетарской правде" напечатана в изложении рецензия П.С.Когана на книгу И.Э. "А все-таки она вертится".

- Берлинская газета "Голос России" сообщает:

В салоне при книжном магазине "Заря" на Тауэнцуиенштр., 16 открыта выставка рисунков, акварелей и графических работ Бобермана, Дыдышко, Экстер, Фейтельберга, Госиассона, Козинцевой-Эренбург, Родченко, Рабиновича, Степановой, Челищева, Зака, а также Пабло Пикассо.

1922

15 мая

В Берлин приезжает Марина Цветаева с дочерью:

Вот и Прагер-плац. Ищу пансион Эренбурга. Вот он. С кафе рядом. Вынимаем вещи, как вдруг из подъезда выходит сам Эренбург. "А-а! Марина Ивановна!" "Здравствуйте, Илья Григорьевич, вот и мы". "Как вы доехали? Ну, расспросы будут потом, а теперь надо взять вещи". Эренбург взял вещи в две руки, перед ним раскрылись дверцы лифта и мы все поехали. Через минуту мы были наверху. Мы пошли бесчисленными коридорами и, наконец, оказались в тупике. Илья Григорьевич открыл дверь, впустил нас в большую комнату и прибавил: "Вы можете вымыться". Мама тотчас же начала мыть голову, после чего к нам пришел Эренбург. Я чувствовала большую радость - сев рядом с Эренбургом я начала ласкаться и удостоилась нескольких приятных в мою сторону слов и, между прочим, крещения Бегемотом. Потом пришла Любовь Михайловна. Она была похожа на молодое высокое дерево (...)

Потом пришел Илья Григорьевич и пригласил маму пойти обедать. Мама отказалась, потому что мы только что обедали в вагоне-ресторане. Наши хозяева ушли, а мы остались одни (...)

Потом пришел Эренбург с Любовью Михайловной и мы вместе пошли в кафе Диле. Мама пила с Эренбургом кофий, Любовь Михайловна - содовую, я - какао. (...)

Я, оставшись, читаю эренбурговскую книгу Тарзан от обезьян. Скоро приходит мама. Я даже начала прыгать от радости Эренбурга и нового города, но мама запретила мне так увеселяться.

Через некоторое время нас позвал Эренбург ужинать. Я пошла с радостью, ибо очень проголодалась, потому что за границей подаются очень маленькие порции.

Дневник А.Эфрон (Машинопись, АЭ)

- И.Э. пишет письмо П.С.Когану:

Уважаемый Петр Семенович, Марина Ивановна Цветаева говорила мне, что Госиздат был бы склонен издать мои книги. Дело идет о "Необычайных похождениях Хулио Хуренито" и "А все-таки она вертится" (выпускать в России вторую без первой мне не хотелось бы). Если это действительно так, то думаю, что с моей стороны не будет задержки. Обе книги изданы здесь в 3000 экз., в Россию прошли лишь отдельные экземпляры. Причем "Хуренито" разошелся уже в количестве 2000 экз. и к 1 июля будет весь распродан. Итак, в случае принципиального согласия, прошу сообщить мне: 1) когда (крайний срок) книги будут выпущены в свет - это главное обстоятельство; 2) условия. "Хулио Хуренито"должен пойти в том же виде. А "А все-таки" кое-что - детали - прибавлю (из показательных явлений последнего года) (...) Марина Ивановна говорила также, что Вы написали статьи об этих моих книгах. Буду Вам очень признателен, если Вы пришлете вырезки газетные в статье - здесь достать невозможно.

ЦГАЛИ ф. 237, оп. 1, ед. хр. 147, л. 1

- И.Э. пишет Г.Издебской:

1) Прилетел Есенин с Дункан (в России прозвана "Дунька - коммунистка"). Изумительный

Лучше Стивенсона (15 лет тому назад он пас коров). Едет с ней в Америку - ангажемент ему 5000 дол. в месяц. Объясняются друг с другом жестами.

2) Приехала Марина Цветаева с дочкой. Живут у нас. Толкотня. Гам. Рассказы. Стихи.

3) Издатель требует сдачи рукописей.

4) Хочу 1 июня уехать из Берлина. Куча дел.

ПГИ, л.17

16 мая

Из дневника А.Эфрон:

После завтрака иду к Эренбургам узнать, сколько времени, может ли И.Г. одолжить табаку маме и сказать, где находится почта. Время сказали, табаку дали, на почту взять обещали. Я запечатлела эренбурговское лицо поцелуями. От него пахло трубочным дымом. Вернувшись, я сейчас же написала папе письмо. (...)

Мы пошли домой. Скоро забили к обеду. Я пришла скорей всех и уже пила бульон из чайной чашки. С нами обедали издатели - Геликоны, муж и жена. Эренбург сказал проходящей горничной: "Битте бир". На нашем столе стояли через минуту три бутылки пива. Я не ошиблась - мне тоже налили. После обеда нам привезли вещи из багажа. Мы сейчас же начали разгружать наши чемоданы. Извлекли для Эренбурга из глубины кулич и пасху, плясуна и мальчика на санках. Все из дерева. Кроме того, мама ему еще что-то подарила.

(...) Эренбург похож на ежа. А из верхнего и нижнего кармана по любимой черной гладкой трубке. А Любовь Михайловна полная противоположность. Чистая, стройная, со совершенно белым цветом кожи, в белом платье с косынкой. Похожа на луну по белизне. А Илья Григорьевич как серый тучистый день. Но такие глаза, как у собаки. Эренбург, как царь, курит из своих двух любимых трубок. Мама и Любовь Михайловна курят папиросы.

Машинопись, АЭ

- Газета "Накануне" сообщает:

Московское издательское Товарищество. Вышла в свет и поступила в продажу первая книга альманаха "Трилистник". Содержание: (...) Илья Эренбург. - "Раздумия".

19 мая

В пятницу, 19 мая, состоится очередное заседание "Дома Искусств". Ожидается выступление С.А.Есенина, А.Б.Кусикова, И.Г.Эренбурга (вступительный доклад) и др.

Накануне, Берлин, 1922, 20 мая

На пятничном заседании выступали А.Б.Кусиков и недавно приехавшая из России М.И.Цветаева (...) Публика тщетно ожидала появления С.А.Есенина и разошлась с чувством легкого разочарования.

Накануне, Берлин, 1922, 23 мая

- И.Э. и Эль Лисицкий обращаются с письмом к В.Э.Мейерхольду:

Вам отправлен №1-2 журнала “Вещь”. Обращаемся к Вам с убедительной просьбой прислать нам воздушной почтой для №4 “Вещи”, который будет специально посвящен искусству в России, статью о постановке “Великодушный рогоносец” и фотографии ее.

Вс.Мейерхольд. Переписка. М., Искусство, 1976, с.215

20 мая

А.Н.Толстой пишет К.И.Чуковскому:

Альманах Серапионовых братьев я приобрел - выхватил у Эренбурга - для издательства “Русское творчество”.

Москва, 1964, N4, с.158

22 мая

И.Э. пишет послесловие для издания в “Геликоне” своей книги"Лик войны".

25 мая

В Петрограде опубликована рецензия на “Неправдоподобные истории”:

Атмосфера безумия есть основное настроение всех рассказов, но безумие это не страшно: оно так тесно сплетено с благодушнейшим легкомыслием, в тоне которого мы узнаем обо всех ужасах, что едва ли комулибо придет в голову взывать к равнодушным небесам по поводу трагических фарсов, весело рассказанных талантливым поэтом. Он и не ищет воздействия, ни морального, ни политического.

Литературные записки, 1922, №1

27 мая

Пражский журнал “Воля России” №20 помещает статью “Русские журналы за границей”:

После большой рекламы, с нарочито диковинной обложкой вышел в Берлине временник “Вещь”, с текстом на трех языках. “Вещь” хочет быть манифестом некоего нового “конструктивного” искусства. Но дальше нескольких общих фраз дело не идет. В чем существо “конструктивного” искусства в №1-2 “Вещи” не разъяснено, если не считать призывов Вал.Пар-

наха, рекомендующего в качестве изобретателя новых танцев, сделать джаз-банд “общим достоянием”.

В “Вещи”много претензии, головных усилий, ненужной запутанности (вплоть до типографских вывертов), но очень мало достижений.

Следует отметить, что, вероятно, в насмешку над читателем, “Вещь”печатает письмо о “Русской поэзии” апокрифического “француза” Жана Сало (не Saland-ли?) изобретенного, очевидно, одним из новых и бесцеремонных редакторов журнала.

28 мая

И.Э. получает статью от Г.Издебской (возможно, о польской поэзии). В ответном письме обещает Издебской напечатать ее статью в ближайших номерах “Вещи” и сообщает:

№3 выйдет 1 числа. Через 10 дней я уезжаю не то в Шварцвальд, не то на остров Гельголанд.

ПГИ, л.12

29 мая

М.И.Цветаева дарит И.Э. вышедшую в издательстве “Геликон” свою книгу “Разлука”, написав на ней: “ - Вам, чья дружба мне дороже любой вражды и чья вражда мне дороже любой дружбы. Эренбургу - Марина Цветаева. Берлин, 29-го нового мая 1922 г.”

Собрание И.И.Эренбург (Москва)

31 мая

И.Э. пишет М.Шкапской:

Дорогая Мария Михайловна, после всего я также вздумал расхвораться и пишу Вам валяясь, посему кратко и о делах: (...)

3) Прошу, либо написать где-нибудь о “Хуренито”, либо одолжить его кому-нибудь, кто сие сделает, Не думайте - тщеславие. Эта книга для современной России, и как раз там ее не знают. Пусть услышат хоть по отзывам.

4) Если видели Иринку, напишите, какая она? Поругайте при встрече Екатерину Оттовну, Тихона Ивановича и Ирину за то, что так редко пишут.

5) Пришлите мне как-нибудь экземпляр моих “Раздумий”, я их так и не видал.

6) Дайте Замятину на прочтение “Хуренито” и “Неправдоподобные истории” - я его ценю как прозаика (лучше Пильняка много. Единственный европеец).

7) Запретите Пильняку хвалить меня, и вообще произносить мое имя (...)

11) У меня теперь гостья - Марина Цветаева.

12) Болит голова (небольшой жар).

13) Пишите.

ФЩ, л.13

- А.Соболь посылает И.Э. сборник своих повестей “Бред” с надписью: “Илье Эренбургу с любовью от автора. Москва 31.V.1922 г.”

Собрание И.И.Эренбург (Москва)

Май

В Москве вышел первый номер журнала “Под знаменем коммунизма”, в котором помещена рецензия Г.Горбачева на “Хулио Хуренито”:

Чрезвычайно остроумная, богатая парадоксальными яркими мыслями, сделанная согласно правилу эстетики нового промышленного капиталистического города так, что может быть без всякого труда обращена в великолепную, интересную, выразительную, остроумную кинематографическую фильму, - эта книга претендует быть откровениями нового Заратустры для новой российской интеллигенции, принявшей Октябрь, но не ставшей коммунистической. И надо признать, что пока ничего равного этой книге в этой среде не создано, хотя эта книга слишком еще не до конца додумана, сумбурна (как и вся не вполне себя осознавшая сменовеховская идеология) для того, чтобы стать чьим бы то ни было символом веры.

Под знаменем коммунизма, М., 1922, N1, с.112

- “Бюллетень книги” (Москва) публикует рецензию на книгу И.Э. “Раздумия”:

Книжка стихов Ильи Эренбурга свидетельствует о росте дарования этого молодого поэта - одного из талантливых современных русских поэтов. Она нужна во всех библиотеках повышенного типа.

N3-4, с.85-86

1 июня

В Берлине вышел N3 журнала “Вещь”. Номер открывала редакционная статья “Торжествующий обоз” ("Левое искусство, одним из рупоров которого является “Вещь”, после иллюзорной возможности создать в безвоздушном пространстве новую эстетическую культуру, снова переходит на положение полулегальной секты"). В номере - стихи Маяковского, Есенина, Асеева, статьи А.Озанфана и Ле Корбюзье; статья А.Таирова “Сценическая атмосфера”, а также статья о музыке С.Прокофьева; ответ на анкету “Вещи” А.Архипенко и Х.Гриса; заметки Эль Лисицкого “Выставки в Берлине” и статья И.Э. “Крестины "Вещи" (напечатана без подписи). Среди объявлений номера - информация о том, что N4 будет посвящен искусству России, а №5 - Америки; сообщается о выходе романа И.Э. “Хулио Хуренито” (кинематограф + кандидовские медитации).

1922

3 июня

И.Э. пишет из Берлина В.Маяковскому:

О "Вещи" - она издается только для России (эмиграция не в счет). Но - 1) Мы не получаем из России материалов, №4 должен быть специально посвящен России. Шлите свое и всех, кому "Вещь"близка. 2) №1-2 "Вещи" взяла "Книга" (1500 экз.) для Москвы. Но он почему-то не поступил там в продажу. №3 они вообще не хотят брать, ссылаясь на пошлину. Без срочной присылки серьезной партии материала из России (стихи, статьи, хроника и прочее) мы прикончимся (...) хотя денежно "Вещь" здесь обеспечена на №6. Я думаю, что она, окрепнув, и связавшись с Россией, т.е. выправив линию, может быть полезна. Я послал Вам мои книги "Хулио Хуренито", "А все-таки" и др. (на "Росту"). Получили ли Вы? Очень хотел бы получить Вашу "Люблю", ее здесь нет.

ВЛ, 1992, N III

4 июня

Берлинская газета "Накануне" сообщает, что вышел и поступил в продажу №4 журнала "Новая русская книга".

Журнал рецензирует книгу И.Э. "Портреты русских поэтов":

К недостаткам книжки следует отнести разве только некоторую неполность: отсутствуют, например, такие замечательные поэты, как Кузмин, нет почему-то Гумилева. А с другой стороны в книжке достаточно полно представлен Пастернак и, хотя Эренбург и оговаривается, что он был с Пастернаком наиболее близок, но, думается, это не мотив.

- В этом же номере публикуется "Автобиография" Эренбурга:

Люблю курить трубку, и в кафе глядеть, как кругом развлекаются. Работаю тоже в кафе, дома трудно (парижская привычка, корни экономические - в комнате не топили). Работать люблю. Пожалуй, больше всего. Мне кажется, что сделать вещь "честно", хорошо - одна из основ нашей новой этики (новой, конечно, только по остроте и голизне выражения). Сейчас написал "6 повестей о легких концах". Хочется еще.

– В берлинской газете "Голос России" рецензия на художественную выставку:

Последняя выставка "Штурма" весьма характерна для немецкого искусства. Замечательно, что немцы - народ прежде всего мастерства и организации, народ по своей культуре чуждый дилентатизму, именно в области искусства являются представителями дилетантизма, сочетаемого с большими претензиями (...) Тем большим контрастом кажутся выставленные здесь работы нашей соотечественницы Л.Козинцевой. Здесь - краски, а не Бог знает что, здесь рассчитано и выписано, а не намазано, здесь школа и - по сравнению с немцами - мастерство. Каждое полотно ставит себе живописные и технические задачи; здесь есть поиски, изуче-

ние материала и - прежде всего - добросовестное отношение к искусству. При этом работы Л.Козинцевой проникнуты основным стремлением современного искусства - к максимальной ясности и простоте. Это одно уже выгодно отличает от сумбурных, неряшливых, претенциозных упражнений, развешанных рядом, неизвестно почему пользующихся репутацией последнего слова немецкого искусства.

5 или 6 июня

И.Г. и Л.М.Эренбург/и уезжают на летние месяцы из Берлина на Северное море: видимо по совету А.С.Ященко они выбрали для отдыха небольшой островок Рюген и поселились там в местечке Бинц, на вилле Альгиц.

10 июня

И.Э. пишет М.Цветаевой:

Дорогая Марина Ивановна, мне очень хочется написать Вам, но не знаю, где Вы ныне. Боюсь, что без моего присмотру, и к тому укрепленная моим неудачным открыванием островов - Вы засели в Берлине. Пришлите адрес! (...) Я начинаю видеть нашу встречу и рад моим последним словам. Они были уже правдой. Т.е. я жду от Вас после "переулочков" - проспектов (а ведь это название от перспектив!) Понимаете? Напишите скорей. Помимо всего хочу узнать различные факты - приехал ли наконец Сергей Яковлевич? Куда едете (уехали)? Пришлите Ваше "письмо" Толстому, и - если были - отклики на него. Не забудьте отдать рукопись "Верст". Обнимаю моего Бегемота[1], С.Я.[2] горячий привет. Нежно и прямо (по-собачьи) целую Вашу голову.

ВЛ, 1973, N9, с.195-196

11 июня

В письме М.Шкапской И.Э. описывает свою жизнь на острове Рюген:

Сижу на острове, который, увы, чрезмерно обитаем. Собираюсь отдыхать и пр. (действительно, сильно всячески износился). Все, что Вы пишите о "Хуренито" меня очень радует (...) Меня очень интересует мнение Замятина о "Хуренито" (...) Я послал Вам №4 "Книги" - там найдете мою "Автобиографию". Вот как будто все достоверности. Вокруг: немецкий курорт, море, главным образом, как понятие (нечто вроде бобового кофея, который пьет теперь вся Германия, не моргая глазом и гордо его именуя "Мокка"), В Берлине шип братьев-писателей (накану-

---

1 Так И.Э. звал дочь М.Цветаевой

2 Сергею Яковлевичу, мужу Цветаевой

новцы не хотят мне простить отказа писать у них, но что делать? - слишком лев для них), и пр. Внутри некоторый феномен усталости, quand-même[1], клубок страстей (нечто вроде "комка у горла"), отчаянное желание писать с десяток больших романов, отвращение к письменным принадлежностям и пр.

ФЩ, л.34

- И.Э. пишет Г.Издебской:

Около 10-15 июля я буду (на несколько дней) в Берлине. "Дрозд" еще нужен (перепечатывают). Недели через две верну.

ПГИ, л.3

- В приложении к "Петроградской правде" ("Литературная неделя") напечатана рецензия М.Шагинян на "Хулио Хуренито":

Новый замечательный роман Ильи Эренбурга, составляющий целое событие в нашей литературе, является сатирическим обозрением, не в кабацко-афишном, а в античном смысле слова (...) Вся низость и пошлость военной идеологии осмеяны Эренбургом с беспощадной иронией, голосом патетическим и хлестким, как голос другого гениального еврея, Генриха Гейне (...) Не щадит, впрочем, Эренбург и самое революцию, которую любит по ницшеански, - как мост к будущему. Подобно настоящей классической сатире, схватывающей все судороги старого лица мира, и все гримасы, роман Эренбурга начинается легко и забавно, а кончается грозно и патетически.

14 июня

И.Э. сообщает А.С.Ященко о том, что обосновался в Бинце, просит прислать ему туда новые номера "Русской книги" и рецензии на его книги, которые появятся в берлинских изданиях.

РБ, с.147

- И.Э. пишет письмо Е.Полонской (не сохранилось)

- Б.Л.Пастернак надписывает и пересылает И.Э. книгу "Сестра моя жизнь" ("Любимому другу Илье Григорьевичу Эренбургу Б.Пастернак. 14.VI.22 Москва")

Собрание И.И.Эренбург, Москва

- В тот же день перед отъездом в Берлин Б.Л.Пастернак в письме Ю.Юркуну, адресуясь фактически к М.А.Кузмину, издевательски отозвавшемуся об эренбурговских публикациях о Пастернаке в берлинских журналах, пишет: "От Берлинской литературной шумихи, в которую я, уже без моего ведома и против воли отчасти втянут, буду, разумеется, держаться в стороне".

см. ВЛ, 1981, N7, с.230

---

1 несмотря ни на что *(франц.)*

1922

15 июня

И.Э. пишет М.Цветаевой:

Дорогая Марина Ивановна, я очень сержусь на Вас. Как бы и чем бы Вы ни были заняты, я полагаю все же, что у Вас могло найтись несколько минут, хотя бы для чисто делового письма мне. Вы хорошо знаете мои "опекунские"по отношению к Вам чувства и понимаете, что знать: что с Вами, почему Вы хотите писать в Прагу и пр. - для меня не праздное любопытство. Пока не ответите, ничего не могу сказать, кроме этих слов укора. Вас и Алю целую. Ваш Эренбург.

АЭ

- А.Вольский в газете "Накануне" рецензирует книгу И.Э. "А все-таки она вертится":

Взятая вне общей своей концепции, она покажется многим сумбурной, "ядовитой", циничной ("каждая плевательница может стать Мадонной"); но таково свойство эренбурговского стиля: всякую мысль, по существу беззлобную подавать под крепким, перечным соусом уничтожающего сарказма.

- В Антверпене (Бельгия) вышел специальный номер (№9-10) журнала "Люмьер", посвященный Советской России; в нем - произведения А.Толстого, С.Есенина, В.Маяковского, И.Эренбурга, О.Мандельштама, М.Цветаевой. В нем также напечатаны многочисленные восторженные отзывы о русской литературе, принадлежащие Ш.Вильдраку, Р.Аркосу, П.К.Жуву, Ф.Элленсу, Ж.Шеневьеру, Ж.Р.Блоку, С.Цвейгу, Ж.Дюамелю и другим известным литераторам.

Москва-Париж. Каталог выставки, 1981, т.1, с.245

16 июня

И.Э. получает письмо от М.И.Цветаевой и пишет ей:

Дорогая Марина, я получил, наконец, жданную весть. Простите мне мое вчерашнее письмо с укором. Я думал, что Вы одна в Берлине и не понимал Вашего молчания. Теперь многое знаю. Наша собачья правда - не предавать. Поэтому там, где могло быть сто путей - один путь. Очень жду Ваших новых стихов. Пришлите! Жду еще, когда прочитав "Хуренито", скажете мне о нем. Отдых у меня чудной: позавчера начал новую книгу. "13 трубок" (13 историй). Каких? Гнусно-мудро-трогательных. Пока написал три - английская трубка лорда Грайтона, баварская Петра Шумера и голландская - Мартина ван Бро-ота. По-существу - смута. Возможно, что эта классификация чужих трубок (жизней) поможет найти некоторое равновесие. Ибо в дальнейшем хочу дописать мой роман[1], а для него, кроме больших сил, нужно и большое равновесие - он о катастрофе, о торжестве стихии над волей, а отправляясь на тиф, нужно

---

1 "Жизнь и гибель Николая Курбова"

сделать прививку. Жду писем и стихов. Нежно обнимаю и целую Вашу голову, которая может по-кошачьи западать, и по-песьи - прямо сгибаться. Ваш Эренбург.

ВЛ, 1973, N9, л.196

17 июня

И.Э. получает письмо М.Шкапской, открыткой сообщает ей, что у Е.Г.Полонской имеется второй экземпляр "Хулио Хуренито".

ФШ, л.14

19 июня

И.Э. пересылают из Берлина открытку М.А.Зенкевича, извещающего его о посылке рукописей стихотворных драм с просьбой устроить их печатание в берлинских издательствах. И.Э. пишет Зенкевичу, что постарается ему помочь.

РО ГЛМ, Москва

- И.Э. пишет письмо А.С.Ященко:

Я работаю у себя на балконе. Закончу вскоре новую книгу "13 трубок" (истинное наследство Великого Учителя). В кафе же хожу лишь на часок после обеда и вечером.

И.Э. просит прислать ему книги, необходимые для работы над статьей о новой прозе (Альманах "Серапионовых братьев" и сборник рассказов Вс.Иванова).

РБ, с.147-148

20 июня

И.Э. пишет М.Цветаевой:

Дорогая Марина (позвольте отчество опустить - не фамильярность). Ответить могу лишь на своем языке. 1. Люблю Вас истинно и крепко. Не так-то и так-то, а просто - как могу. Люблю и предан. 2. Никогда не хочу никого обращать в свою веру - нищий не может одарить богача (...) Очень увлечен "трубками". Пишу уже 6-ю. (...) Очень жду Ваших стихов (...) Хуренито не идея, а лирика (...) Марина, дорогая, простите, что пишу о "титаническом горе", а не о том, о чем бы хотелось говорить. Но я не умею писать. В кафе (наше место!) Вам расскажу. А Вы - пишите.

ВЛ, 1973, N9, с.197

21 июня

И.Э. получает из Советской России посылки с книгами, журналами, газетами, рукописями (в частности, книги Б.Л.Пастернака и Н.С.Тихонова). Б.Л.Пастернак прислал ему для передачи М.И.Цветаевой письмо, датированное 14 июня. И.Э. отправляет письмо Пастернака в Берлин,

сопроводив запиской: "Дорогая Марина, шлю Вам письмо Пастернака. По его просьбе прочел это письмо и радуюсь за него. Радуюсь также за Вас. Вы ведь знаете, как я воспринимаю Пастернака. Жду очень Ваших стихов и писем. Нежно Ваш Эренбург."

Среди присланных Б.Л.Пастернаком книг был и сборник "Современник" №1 с надписью: "Другу и соратнику с благодарностью и радостью за "Хуренито", восхищение которым объединило редко на чем сходившихся и чаще разбредавшихся Маяковского, Асеева и других друзей и соратников. Б.Пастернак", и книга "Сестра моя жизнь".

Собрание И.И.Эренбург, Москва.

- Владелец "Геликона" А.Г.Вишняк пишет из Берлина в Москву В.В.Маяковскому:

Я сейчас получил письмо от Ильи Григорьевича Эренбурга, в котором он мне сообщает, что Вы имеете возможность устроить заказ на две его книги; "Хулио Хуренито" и "А все-таки она вертится". Книги эти, в качестве образцов, высылаются мною Вам одновременно с этим письмом воздушной почтой. Замечу, что в настоящий момент я могу Вам предоставить скидку в размере 45%.

Маш.копия. АЭ

21-22 июня

И.Э. пишет Е.Г. Полонской:

Сейчас получил от тебя 3 книги стихов. Огромное спасибо. Книги пока только проглядел, но уже много в "Орде" определенно понравилось. О ней (а может о всех) напишу.

И.Э. сообщает также Полонской о том, что получил письмо от "Островитян" (группы петроградских поэтов, возглавляемой Н.С.Тихоновым).

22 июня

И.Э. отправляет М.Шкапской список опечаток в "Раздумиях".

ФШ, л.15

23 июня

И.Э. пересылает А.С.Ященко присланные из Москвы рукописи для "Новой русской книги", сообщает о получении посылки с книгами и просит зарезервировать в журнале место для рецензии на "Орду" Н.Тихонова.

РБ, с.148

- В Петербурге выходит журнал "Литературные записки" №2. В нем рецензия А.Рашковской на стихи И.Э. из альманаха "Костры":

В стихах И.Эренбурга ("Зарубежные раздумия") гневная нежность (...) Но больше нежности, чем гнева, - так, отдаленный от лика России, он не знает, прекрасен или страшен этот лик. Знает одно: мучительно ему быть не с нею в эти окровавленные, жертвенные дни.

- В том же номере отзыв А.Горнфельда о №№1-2 журнала "Вещь":

Издательство "Скифы", издающее "Вещь", в конце концов так испугалось беспардонности своих редакторов, что в заключение номера, после всех курбетов, манифестов и деклараций, скромненько прибавило мелким шрифтом: "В составлении "Вещи" редакция издательства "Скифы" участия не принимает".

24 июня

И.Э. пишет М.Цветаевой:

Дорогая Марина, спасибо.

Мне кажется, что в отношении меня Вы начинаете прозревать. Или только до первого cafe (...) Пишу 8-ую трубку. Занятно. Приеду, прочту Вам. А Вы - стишки. И записки. И еще полаете, помурлычите. И в Diele. И напротив. Много! (Буду в Берлине около 10-го - 15-го июля). Грустно - нет в эти дни ветра. А я неистово люблю ветер. Обнимаю. Ваш Эренбург. Пишите! И пришлите все же стихи!

АЭ

28 июня

А.К.Воронский, обозревая в "Правде" современную русскую литературу, пишет:

Вообще эмигрантская литература линяет с каждым днем. Выходят из печати вещи, которые давно следовало бы переиздать нашему госиздату. Такова, например, превосходная книга И.Эренбурга "Необычайные похождения Хулио Хуренито" и ряд других.

29 июня

М.Цветаева пишет Б.Пастернаку:

Я в Берлине надолго, хотела ехать в Прагу, но там очень трудна внешняя жизнь. Здесь ни с кем не дружу, кроме Эренбургов, Белого и моего издателя Геликона.

М.Цветаева. Сочинения, т.2, М., 1988, с.475

31 июня

М.Зенкевич посылает И.Э. свои книги "Четырнадцать стихотворений" (Пг, 1918) и "Пашня танков"(1921) с одинаковыми надписями: "Поэту И.Эренбургу дружески Мих.Зенкевич. 1922 31 VI".

Собрание И.И.Эренбург (Москва)

1922

Июнь

В берлинской типографии Хекендорфа издательством "Геликон" напечатана книга И.Э. "Золотое сердце" (мистерия), "Ветер"(трагедия). Обе вещи написаны в Киеве в 1919 году. Это единственная книга И.Э. 20-х годов, на которую не было ни одной рецензии. Издевательский многословный пересказ "Золотого сердца" привел И.Василевский (Не-Буква) в пасквиле "Тартарен из Таганрога"(Накануне, Берлин, 1922, 29 окт.)

1 июля

И.Э. получает письмо от Е.Г. Полонской и пишет ей ответ:

Рецензия Шагинян[1] вполне комильфотна, и даже хороша в иных местах(...) Я заканчиваю книгу "13 трубок"(уже сделал!) Кроме того курю из них штук пять и на солнце старею.

3 июля

И.Э. закончив работу над "13 трубками", пишет предисловие к ним.

В 1964 году одному из читателей И.Э. сообщал:

Я писал эти рассказы в дождливое лето по одному в день, чтобы вечером прочитать их двум скучавшим в эту дождливую погоду женщинам. Насколько я помню, мне хотелось показать, что интригу сочинить не трудно, и что это может заставить любого читать книги.

АЭ

4 июля

И.Э. получает от М.Шкапской книги петроградских авторов (Зоргенфрея, Г.Иванова, Одоевцевой). Благодарит ее за посылку и сообщает:

Недавно имел большую радость, получил "Сестру мою жизнь"Пастернака. Наконец-то выпустил Гржебин. Удивительные стихи.

ФЩ, л.16

- И.Э. сообщает А.С.Ященко, что в ближайшее время напишет для "Новой русской книги" рецензии на книги Н.Тихонова "Орда", Б.Пастернака "Сестра моя жизнь", на сборники "Наши дни" и "Современник"; просит прислать альманах "Серапионовых братьев", необходимый для работы над статьей о новой прозе. И.Э. посылает Ященко статью "О некоторых русских критиках"

РБ, с.149

---

1 на "Хулио Хуренито"

5-6 июля

И.Э. пишет рецензии на "Сестру мою жизнь", "Орду" и "Литературный дневник" М.Шагинян.

6 июля

М.Цветаева написала статью о Б.Пастернаке "Световой ливень" и посвятила ее И.Э. Статья, являющаяся откликом на книгу Пастернака "Сестра моя жизнь", предназначалась для "Новой русской книги", но И.Э. опередил Цветаеву, напечатав там свою рецензию на "Сестру мою жизнь". Статья Цветаевой с посвящением "Эренбургу" была опубликована в журнале "Эпопея" №3 (декабрь 1922, вышел в январе 1923).

7 июля

Утром И.Э. посылает А.С.Ященко написанные для "Новой русской кники" рецензии; сообщает, что 19-20 июля собирается быть в Берлине, чтобы держать корректуру статей (И.Э. ошибся в месяце и написал на письме дату 7/6, так это и напечатано в РБ, с.147: отсюда и ошибки комментаторов в РБ). Днем И.Э. получает письмо от А.С.Ященко и книгу Серапионовых братьев. В ответном письме И.Э. сообщает, что кончил книгу "13 трубок" ("7 печатных листов - 18 дней при купании и прочем"), и что статью о Серапионах сможет написать только в августе.

РБ, с.149

9 июля

Киевская "Пролетарская правда" рецензирует "Вещь":

Журнал зовет к совместной работе вот уже 8 лет разобщенные искусства Запада и Востока (...) Все виды искусства представлены в журнале с достаточной полнотой и поэтому "Вещь" доступна всем.

11 июля

Петроградская газета "Жизнь искусства" рецензирует "Вещь":

Первые два номера (№1-2) представляют довольно беспорядочное собрание статей о "вещах" и напрасно редакция надеется, что эта каша может заменить цемент, способный спаять "два союзных окопа". Издана "Вещь" элегантно, а текст на трех языках (...) "Вещь" способна ошеломить читавшего Бокля Епиходова.

12 июля

И.Э. пишет Б.Л.Пастернаку:

Дорогой Борис Леонидович, шлю Вам рецензию о "Сестре", которая будет в "Книге". Бога ради простите ее примитивизм, не забывайте, что

это "рецензия", т.е. нечто для критиков par exellence. Марина Цветаева написала о Вас длинную и, вероятно, прекрасную (еще не читал) статью "Светлый ливень". Пойдет в "Эпопее" - журнал Белого.

Дорогой, пишите! Я Вам отправил последнее время несколько писем. Обнимаю крепко. Ваш Эренбург.

(Приводится по фотокопии из АФ).

- И.Э. пишет М.А.Зенкевичу, что получил его письмо и рукописи:

Мне очень понравился "Титаник" с его изумительным концом и многое в других. Я еду через несколько дней в Берлин (на неделю). Там попытаюсь пристроить стихи в журналах ("Эпопея" Белого и др.) и пьесу.

ОР ГЛМ, Москва

- Получив два письма от М.М.Шкапской И.Э. сообщает, что на днях вышлет ей несколько рассказов из книги "13 трубок", которая должна выйти в Берлине к октябрю, для их публикации в Петрограде. И.Э. пишет, что начал новую книгу стихов "Звериное тепло" и посылает одно из лирических стихотворений.

ФШ, л.35

15 июля

Киевская "Пролетарская правда" рецензирует книгу "А все-таки она вертится":

Вы о Пушкине - а он о Родченко, вы о дельной реформе, а он о фотографии океанского парохода, вы о конгрессе Коминтерна, а он о башне Татлина. Повсюду спешит, задыхаясь, его мысль, повсюду брызжет его поверхностное, но блестящее остроумие, и повсюду он говорит меньше, чем он может сказать.

16 июля

С.Третьяков пишет о книге "А все-таки она вертится":

Для нас, в читинском захолустье, ведших долбежку эстетического тупоголовия, книга Эренбурга не дает новых выводов, все это уже сказано, но она радует, как отклик из-за рубежа на работу, ведомую в России футуристами и левыми искусствостроителями; она - дружеское рукопожатие через тысячи верст, она же - первый, по-существу, опыт осознания новых перспектив в искусстве в обстановке той Европы, которая до последнего времени была оплодотворительницей мирового искусства.

Дальневосточный телеграф, Чита, 1922, 16 июля

Середина июля

И.Э. приезжает в Берлин: передает рукопись книги "13 трубок" в издательство 'Геликон"; встречается с А.С.Ященко.

1922

20 июля

Л.М.Козинцева-Эренбург пишет А.М.Родченко:

Рада очень, что Вам понравилась "А все-таки". Я гипнотизировала Вами Эренбурга, который ведь Вас не знал, но очень все-таки боялась, что не так истолкую Вас, так как только один раз Вы говорили со мной. Теперь эта книжка выйдет в немецком переводе, и если Вы хотите поместить другую вещь, вместо киоска, то вышлите скорей. Вообще пришлите все, что у Вас есть, всегда будет возможность использовать. Насчет монографии очень трудно, но во всяком случае пришлите материал. Эренбург и я приложим все старания, чтобы она вышла. Те фотографии, которые Вы мне дали, - мы посылали во Францию, там их смотрели, но при печатании все-таки выбрали Шевченко, Штеренберга и пр. К сожалению, нельзя было настоять, так как мы уже были в Германии. Это я пишу о статье в журнале "L'amour del'art". Киоск же, помещенный в книге, сделал Вам рекламу здесь, его сейчас же перепечатали в немецком архитектурном журнале. В югославском журнале "Zenit" был целый рассказ, где действие происходило "у Родченково киоску". Но так как он написан был по-сербски, то я мало что поняла. Редактор же этого журнала, некто Мнуич (18 лет) писал даже Эренбургу, что он влюблен в Вас. Остальные фотографии я дала венгерцам (очень жалею!). Они взяли для какой-то книги, одна или две даны для Америки, и еще пара для Германии. Эти две книги предполагают издать в будущем. Текст Лисицкого и Эренбурга.

А.М.Родченко. Статьи. Воспоминания. Автобиографические записки. Письма. М., Советский художник, 1982, с.116

21 июля

И.Э. встречается с В.Ф.Ходасевичем, незадолго до этого приехавшим в Берлин.

ВЛ, 1988, N9, с.217

27 июля

И.Э. возвращается на остров Рюген.

28 июля

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я ездил в Берлин! Суета! Маята, дела, беготня и пр. Вернулся сюда вчера. Корректура, груда писем и пр. (...) Видел Виктора Борисовича[1] и дружески беседовал обо всем. Ваш привет ему передал.

ФШ, л.36

---

1 Шкловского

1922

Июль

Вышел №6 "Новой русской книги". В нем напечатана статья И.Э. "О некоторых критиках" по поводу пошлых банальностей о стихах А.Белого, М.Цветаевой и др. в петроградском журнале "Утренники", а также рецензия И.Э. на книгу Б.Пастернака "Сестра моя жизнь".

- В связи с выходом в Петрограде книги И.Э. "Раздумия" Инн.Оксенов пишет:

Психологически интересно и исторически ценно медленное, глубокое стремление поэта от того безысходного пессимизма, которым была проникнута его "Молитва о России" (написанная, если не ошибаемся, в 1917 году); отблески этого безверия еще явственны в "Огне" (1918 год). Так же медленно и так же глубоко восходит поэт от исключительно-личного к мировому ("общественное" у Эренбурга всегда становится космическим). В своем роде Эренбург - характернейший поэт нашей эпохи: характерна и эта зыбкая форма, с полуощутимыми ассонансами и полуассонансами, и та мятущаяся, порою холодная, порою нестерпимо-пламенная стихия, влитая поэтом в свое изменчивое русло.

Книга и революция, Петребург, 1922, N6, с.59

Июль-август

И.Э. написал 25 стихотворений, составивших книгу "Звериное тепло".

- И.Э. возвращается к своему старому замыслу - роману "Жизнь и гибель Николая Курбова", который он оставил полгода назад; втянувшись в работу, он сидит над романом по 12-16 часов в сутки.

4 августа

Орган ЦК компартии Украины помещает рецензию на "Хулио Хуренито":

Илья Эренбург не умрет, как умер его "учитель" (для этого, сверх всего прочего, надо иметь высокие желтые сапоги), но пройдет еще немного времени и он найдет какую-нибудь - пусть свою - но все же правду и реальность и этому порукой является его острая, живая, волнующая, интересная книга.

Коммунист, Харьков, 1922, 4 августа

8 августа

И.Э. посылает М.Шкапской новые стихи для передачи в какой-либо журнал:

Настроение скверное. К тому же расхворался (сердце).

ФШ, л.37

Середина августа

В берлинской типографии Е.А.Гутнова отпечатан тираж книги “Шесть повестей о легких концах”. Обложка и шесть рисунков выполнены Эль Лисицким.

- Вышел 7-ой номер “Новой русской книги” с рецензией И.Э. на “Орду” Н.Тихонова.

И.С.Соколов-Микитов пишет редактору “Новой русской книги” А.С.Ященко:

Свинство печатать такие порожние рецензии о русском поэте Тихонове (в седьмой книжке - эренбургова): Тихонов стоит тысячи Пастернаков и Мандельштамов.

РБ, с.212

13 августа

Берлинская газета “Руль” помещает рецензию на роман И.Э. “Хулио Хуренито”.

15 августа

Петроградский журнал “Жизнь искусства" №31 помещает статью М.Кузмина ”Говорящие":

Пастернак достаточно пострадал от дружественной критики Эренбурга, а в журнале “Вещь” некий французик из Бордо, вдохновленный тем же критиком, выразился даже приблизительно так, что Россия, мол, погибнет, но не унывайте: - у вас есть Пастернак. Такой позиции едва ли кто выдержит и едва ли кто будет за нее благодарен.

Там же сообщения:

Берлинское издательство “Аргонавты” выпустило “Портреты русских поэтов” И.Эренбурга;

Московское книгоиздательство “Костры” выпустило сборник стихов Эренбурга “Зарубежные раздуми”.

20 августа

Газета “Голос России” сообщает о выходе в Берлине N1 журнала “Веретеныш”.

- Берлинский журнал “Веретеныш” N1 рецензирует “Опустошающую любовь”:

Дух ненависти - дух бесплодия, и новая книга Эренбурга воистину книга “порожнего сердца”. Человек, ждущий от поэзии просветления, с негодованием отвернется от нее, ибо найдет в ней черный хаос бунта и ненависти и не найдет поэзии.

- И.Э. получает письмо от М.Шкапской, сообщает ей, что в Берлине готовится к изданию ее книга “Кровь-руда”, пишет о своей работе:

Сейчас сижу над романом (начал его еще зимой, но забросил) - "Жизнь и гибель Николая Курбова". Ритмическая проза (при желании мог бы выдать за стихи, но неприлично - вышло бы томов десять). Кончил детство своего героя (чекиста) и юность. Сейчас ему уже 25 лет, и дело подходит к роману, т.е. к гибели.

Написал 11 глав из 40. Замысел отважен: гибель неотвратимая, т.е. трагедия сильного "конструктивного" человека. Как выйдет, не знаю. Часто одолевает лень. Тогда курю трубку. Гляжу на дождик.

ФШ, л.38

- И.Э. пишет Е.Полонской, беспокоится из-за ее молчания, рассказывает о встречах с В.Б.Шкловским:

Он тебя очень ценит и любит. Он славный, но без базы, т.е. без больших прямых линий. Весь - детали. Впрочем, м.б. так и лучше.

Если были где-либо статьи об "Учителе" и обо мне - пожалуйста пришли.

Август

Марк Слоним откликнулся на статью И.Э. "Новое искусство в России":

Главный недостаток статьи Эренбурга - бездоказательность и абстрактность. Он не может указать, в чем именно заключаются достижения нового искусства и ограничивается либо утверждением отвлеченных философских принципов, совершенно не раскрывая их эстетического содержания - либо выносит за общую скобку памятник Татлина, и картины Малевича, постановки Камерного театра и произведения "Бубнового валета".

Воля России, Прага, 1922, N8, с.24

Конец августа - начало сентября

И.Э. Й Л.М.Козинцева возвращаются в Берлин. По-видимому, И.Э. решил не селиться больше в Prager pansion и сменить берлинскую квартиру. На сентябрьских письмах в качестве обратного адреса он дает адрес издательства "Геликон" - Бамбергерштрассе, 9.

И.Э. продолжает работу над романом о Курбове, а редкие часы отдыха проводит в берлинских кафе; встреча И.Э. с приехавшим в Берлин Б.Л.Пастернаком.

8 сентября

Опять кафе Ландграф: Пастернак, Эренбург, Шкловский, Зайцев, Муратов и другие, - отмечает в своем дневнике Н.Берберова.

ВЛ, 1988, N9, с.217

9 сентября

М.Бенедиктов, отзываясь на статью И.Э. "О некоторых критиках", пишет:

Почему Эренбурга так шокирует плохая критика и не оскорбляет плохая поэзия. Плохие поэты не менее "Случайных посетителей" редакции "Утренников" портят вкус - особенно, когда другие плохие поэты возводят их в гениев.

Последние новости, Париж, 1922, 9 сентября

После 10 сентября

И.Э. поселяется в отеле "Hans Trautenau" на Trautenaustrasse,9

11 сентября

В газете "Московский понедельник" первая публикация из книги "13 трубок" ("Трубка коммунара")

13 сентября

И.Э. получает письмо из Петрограда от М.Л.Слонимского. В ответном письме И.Э. пишет:

У Вас еще острее, чем у некоторых Ваших "братьев" чувствуется, что сила притяжения не в чувствительности материала, а в обработке, что в России начали писать настоящую прозу. Спасибо еще за хлопоты о моих "трубках". Посылаю на имя "Серапионовых" экземпляр только что вышедшей моей книги "6 повестей о легких концах" (...) Поблагодарите Груздева за письмо. Его слова передам Ященко, который, безусловно, будет рад воспользоваться его сотрудничеством.

ВЛ, 1987, N12, с.178-179

- И.Э. получает письмо от Е.Полонской и в тот же день отвечает ей:

Приехал сюда Пастернак. Это единственный поэт, которого я сумел полюбить настоящей человеческой любовью (человека). Вне всего этого - у него изумительные стихи. Мне радость. Знаешь ли ты его "Сестра моя жизнь". Стараюсь вопреки всему (а все бывает всяким и часто всем) работать. При прозе это - письменный стол и многие часы. - Роман. Что выйдет не знаю. Чую меж подъемов странные срывы. Многие главы будут, вероятно, слабыми. Впрочем, написана лишь одна треть и ту переделываю. "Хуренито" у меня купил Госиздат (...) Вчера получил письмо от Слонимского и Груздева, очень милое. Отвечаю. Пильняк меня не только ненавидит, но и распространяет обо мне самые мрачные слухи, так что у меня с ним не может быть никаких дел, кроме членовредительских. Спасибо за то, что пишешь об Ирине (...) Может быть ее привезет ко мне сестра моя этой зимой. Может быть весной я буду в Питере.

1922

Середина сентября

И.Э. постоянно встречается с приехавшим в Берлин Б.Л.Пастернаком.

- В.А. Каверин посылает И.Э. для опубликования в Берлине свой доклад о Гофмане.

Письмо В.Каверина А.М.Горькому 24 сентября 1922 г.
Лит.наследство, т.70, М., 1963, с.171

22 сентября

Андрей Белый дарит И.Э. берлинское издание романа "Петербург" с надписью: "Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством постоянной связи. Андрей Белый".

Собрание И.И.Эренбург, Москва

24 сентября

Н.Берберова записывает в своем дневнике:

Вечером - в Прагер Диле на Прагер Платц - около 15 человек составили столики в кафе (Пастернак, Эренбург, Шкловский, Цветаева, Белый).

ВЛ, 1988, N9, с.217

- В Москве и Петрограде заграничные книги стали появляться в продаже только весной с.г., а в провинции и до сих пор не появляются. Тем не менее в Саратове заграничные издания на днях поступают в продажу в книж.маг.Госиздата. Получена первая партия книг из произведений А.Толстого, И.Эренбурга, С.Есенина и др., которые в первую очередь будут отпускаться для партийных и профсоюзных библиотек. Заграничные издания, между прочим, выделяются хорошей бумагой и четкой печатью.

Саратовские известия, 1922, 24 сентябр

25 сентября

Газета "Московский понедельник" продолжает публикацию новелл Эренбурга ("Трубка племени Гобулу").

Сентябрь

Д.Выгодский опубликовал рецензию на книгу И.Э. "Портреты русских поэтов":

Нескрываемый субъективизм автора этой лирической книжки избавляет его от целого ряда упреков. Напрасно было бы упрекать автора в том, что им дан портрет и стихи Цветаевой и упущены, напр., М.Кузмин, или З.Гиппиус, или Гумилев. Напрасно, потому что Эренбург и в этой

книжке выступает не критиком, не историком литературы, связанным внешними рамками, а лирическим портретистом, свободным не только в выборе тем, но и в истолковании их (...) То же самое и в выборе образцов того или иного автора: Эренбург выбирает не то, что характерно для поэта, а то, что ему нравится в нем. И спорить против выбора опять-таки невозможно. Книжка Эренбурга, его характеристики не обладают общеобязательностью историко-литературного исследования, но зато обладают более высокой обязательностью - художественной.

Россия, М., 1922, N2, с.28

1 октября

И.Э. в Берлине принимает участие в вечере, посвященном 30-летию литературной деятельности А.М.Горького.

5 октября

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я столько пишу вообще, что не умею вовсе писать писем (...) Я завядаю перед трудностями своей работы - романа. Ответственность темы, сложность сюжета, ритм меня доканают. Это самое трудное из всего, что я делал в моей жизни (если не считать растапливания коктебельских"мангалок"). Кончив первую часть (15 глав), я ее всю переделал. Теперь сижу над 17-й главой. А всего что-то около сорока! Хочу кончить к Рождеству, а боюсь, что будет посмертным (не тревожьтесь: только сильный насморк) (...) Читал о Вас в статье Троцкого (...) Я искренне люблю всех "Серапионовых". Здесь теперь моя радость - Пастернак. Ходасевича не люблю - (ни поэта, ни человека). Так что это у нас обоюдное.

ФШ, л.8-9

- Н. Оцуп дарит И.Э. свою книгу "Град" с надписью: "И.Эренбургу с рукопожатием Ник Оцуп, Берлин, 5 октября 22 г. Pragerdiele"

Собрание И.И.Эренбург, Москва.

8 октября

Берлинская газета "Руль" помещает рецензию на "6 повестей":

Плодовитый г.И.Эренбург выпускает одну книгу за другой. Читая только что выпущенный новый сборник его рассказов, можно подумать, что он страшно торопился. Все его "шесть повестей о легких концах" написаны как бы на лету, короткими, куцыми фразами, то без подлежащего, то без сказуемого, Через каждые два слова точка. И всюду вместо повествования какая-то пулеметная стрельба словами и образами.

10 октября

И.Э. получает письмо от Е.Г. Полонской и ее стихи; пишет ей о своей работе:

Мой роман - на 19 главе. Дело трудное, скверное, но занятное все же. Хотя план расчерчен детально заранее и напоминает диаграмму какого-нибудь главка, но ... герой меняется, хоть биография остается прежней. В общем, он хороший человек, но, увы, должен погибнуть. Месяца через два это будет сделанным делом (т.е. он погибнет). “6 повестей” ты, вероятно, уже получила. Здесь сейчас моя любовь - Пастернак. Знаешь ли ты его стихи? А в Питере уже как общее явление прозу пишут хорошую, а стихи скучные.

16 октября

Газета “Московский понедельник”, переименованная в “Новости”, “Двенадцатой трубкой” продолжает публикацию эренбурговских новелл.

20 октября

И.Э. встречается с приехавшим в Берлин В.Маяковским и становится свидетелем примирения Маяковского с Пастернаком в кафе “Леон”:

Я провел с ними весь день: мы пошли в кафе, потом обедали, снова сидели в кафе. Борис Леонидович читал свои стихи. Вечером Маяковский выступил в Доме искусств, читал он “Флейту-позвоночник”, повернувшись к Пастернаку.

ЛГЖ, т.1, с.255-256

По мере того, как я слушал Пастернака, все становилось стихами. Как Орфей, он превращал в поэзию окружающий мир: сутулая спина Эренбурга; красные, возбужденные глаза Шкловского; новый смокинг Дули Кубрика; фигура официанта в заношенной белой тужурке; мраморный столик кафе; я сам, ставший частью этого мира, - все преображалось, все начинало жить до сих пор скрытой от глаз жизнью.

В.Андреев. “История одного путешествия”. М., “Советский писатель”, 1974, с.312

Однажды в кафе - на этот раз это было в “Прагердиле” - я решился прочесть Пастернаку одно стихотворение. За столом кроме Бориса Леонидовича сидели Эренбург и Шкловский. Взволнованный до полного косноязычья, - увы, не пастернаковского, - я кое-как пробормотал мои стихи. Пастернак повторил одну приглянувшуюся ему строчку, Эренбург отметил удачный образ, а Шкловский сказал, что мы все в молодости плаваем под чужими парусами.

там же, с.317

“Дом искусств”, основанный, если не ошибаюсь, А.Вутманом и Е.Г.Лундбергом, и ставивший своей целью устройство постоянных вечеров, лекций, концертов и выставок, просуществовавший с 1921 года до конца “русского Берлина”, то есть до 1925 года, не ставил никаких политических ограничений для желающих воспользоваться его “свободной трибуной”. Здесь выступали А.Толстой, И.Эренбург, В.Шкловский, Ма-

рина Цветаева, Андрей Белый, Б.Пильняк, Игорь Северянин, Б.К.Зайцев,Ю.Айхенвальд, Глеб Алексеев, Владимир Познер, Шаршун, Владислав Ходасевич, Е.Чириков.

там же, с.303-304

25 октября

"Правда" печатает инспирированную Лениным статью Я.Яковлева "О "пролетарской культуре" и Пролеткульте":

Тов.Плетнев заявляет: "Изобразительное искусство нового мира будет производственным искусством, или его не будет вовсе". Во всем этом много верного. Но об этом, только гораздо лучше и ярче, написал в книге "А все-таки вертится" Илья Эренбург, бывший сотрудник "Биржевых ведомостей", эстет, ненавидивший Советскую республику за то, что она разбила его прекрасные игрушки, а ныне "сменовеховец", познакомившийся с тем, как на Западе буржуазия душит элементы искусства ей враждебного, поглядевший на новые грузоподъемники Копенгагенского порта, витрины магазинов, сравнивший их мощь и красоту с декадентским вырождающимся искусством и ... вызвавший на бой все признанные течения западноевропейского искусства. Эренбургу по дороге с футуристами, кубистами, дадаистами, которые, будучи плодом упадка, декаданса буржуазного искусства, в то же время судорожно ищут новых путей в технике и мастерстве.

28 октября

В московской газете "Труд" печатается рецензия на "Хулио Хуренито":

Что это: блестящий памфлет на капиталистический Запад и "кустарную" восставшую Россию, остроумнейший ли фельетон, роман приключений или легкая философия американизированного буржуа? Все вместе (...) Блестящая книга найдет своего увлеченного читателя.

29 октября

И.Э. пишет из Берлина Е.Полонской:

Приехал Маяковский. Гляжу на "эту глыбу" и радуюсь. Читал свои старые стихи (Флейта-позвоночник) прекрасные стихи, сам разволновался. Было очень жутко. Еще что? Еще ходит Ходасевич и злится. Друг твой[1] все носит тот же стакан с самодельной бурей.

- В литературном приложении к газете "Накануне" (ред. А.Н. Толстой) публикуется фельетон И. Василевского (Не-Буквы) "Тартарен из Таганрога" ("О 12 новых книгах г. Ильи Эренбурга"):

---

1 В.Б. Шкловский

Перед нами или безнадежно лишенный своего стиля и своих слов иммитатор, графомански плодовитый коммивояжер, кривляющийся на разные лады суетливый "Тартарен из Таганрога" или впрямь больной, которого надо лечить, от души пожалев его и по-человеческому пожелав ему скорейшего и радикального выздоровления.

- И.Э. пишет Е. Полонской:

Меня очень весело ненавидят. Вчера была здесь обо мне большая статья в "Накануне" некоего Василевского. Предлагает бить меня по морде костью от окорока. По сему случаю Василевского и Толстого хотят откуда-то исключить и прочее, а я веселюсь в полное семейное удовольствие, сказал бы Зощенко.

И.Э. получает от М.Л. Слонимского книгу "Шестой стрелок", благодарит его в письме и посылает ему рукопись своей статьи об альманахе "Серапионовы братья".

(Копия письма предоставлена И.И. Слонимской для АФ)

__30 октября__

И.Э. пишет М. Шкапской:

Здесь теперь Маяковский. Разговаривая с ним, мне приходится задирать к небу подбородок - и это очень показательно. Большой поэт. Огромный, глыбастый человек (между прочим, хочет казаться проще, примитивней, чем на самом деле) (...) Я - весь в романе (...) Сейчас идет 27-я глава. Осталось 7 глав. Скоро кончу.

ФШ, л.17
(опубликовано: ВЛ, 1973, N 9, с.200)

__Октябрь__

Московский журнал "Рупор" № 4 опубликовал главу из "Хулио Хуренито" и статью Андрея Соболя об этой книге:

"Необычайные похождения" - это книга о великой смеси. Это книга о той "русской каше", которая, давным давно разопрев, на куски разнесла все горшки как руками человеческими сделанные, так и те, что обжигаемы были богами, и осколками покрыла весь мир (...)

И в эту русскую кашу, которой любое масло не вредит, Илья Эренбург, иудей из Москвы, вливает еще ложку, - нет, не дегтя, ибо и русская каша не бочка меда, - горячей еврейской крови, собрав ее на длинном тернистом пути от Кинешмы до Парижа и от Мексики до Конотопа.

- Журнал "Печать и революция" № 7 публикует рецензию Б. Арватова на журнал "Вещь" № 1, 2, 3:

Вообще "Вещь" не так далека от эстетизма, как ей кажется. Наоборот: вместо того, чтобы строить новую эстетику, - эстетику вечно изменяющейся, совершенствующейся, технически и социально целесообразной реальности, она провозглашает новый штамп все того же эстетизма, но с другим фетишем: современной техникой. Для нее техника не средство,

а цель, и в этом ее основной порок, от которого ей следовало бы поскорее избавиться.

- В статье В.Я.Брюсова "Вчера, сегодня и завтра русской поэзии" ("Печать и революция" №7) утверждается, что в книге "Опустошающая любовь" И.Э. вернулся "к обычным приемам символистов".

- Журнал "Печать и революция" № 7 сообщает, что в № 16 парижского журнала "L'Esprit nouveau" напечатана рецензия на книгу И.Э. "А все-таки она вертится".

- Русская Универсальная Библиотека в Берлине выпустила отдельным изданием в серии "Зеленая библиотека" (вып.3) перевод И.Э. повести Франсиса Жамма "История девушки былых времен". ("Клара Элебез") Перевод был авторизован и впервые опубликован в журнале "Русская мысль" № 5 за 1916 г.

Начало ноября

Журнал "Новая русская книга" N 9 печатает статью И.Э. "Новая проза", посвященную альманаху Серапионов, и рецензию И.Э. на "Литературный дневник" Мариэтты Шагинян.

- В том же номере рецензия Ф. Иванова на "6 повестей о легких концах":

Во имя чего же опустошение и кровь? (...) Не спрашивайте Эренбурга. Он не ответит вам. У него своя правда. Правда Агасфера, веками познавшего тщету и юдоль земного, спокойно взирающего на гибель культуры и миров, ибо не оценить нищему, знающему только холод бродяжничества, знающему последнюю человеческую мудрость, мудрость покорности - редкость уютного жилья. Вот основное, что придает новой книге Эренбурга своеобразное очарование и остроту.

3 ноября

В пятницу 3-го ноября - очередное собрание "Дома Искусств", на котором будет заслушан доклад Ивана Пуни на тему "Современная русская живопись и русская выставка в Берлине". Оппонентами выступят: Альтман, Архипенко, Габо, Лисицкий, Маяковский, Шкловский, Штеренберг, Эренбург и др.

Дни, Берлин, 1922, 2 ноября

После доклада Ив. Пуни, обстоятельно и строго коснувшегося "русской" выставки, вывезенной из Совдепии на показ Европе - возникли прения, очень оживленные, во время которых один из присутствовавших не сдержался и обозвал худ. Альтмана, пропагандирующего портреты Ленина, "шибером от искусства". В воздухе повис обмен "любезностями", в пылу которых различались реплики - "хам", "сам я читал твою автобиографию в журнале" и т.д. - еще звонче и сильнее, в результате чего председатель Андрей Белый объявил собрание закрытым и группа во

главе с Маяковским, Габо, Штеренбергом и представителем "порядка" Бриком демонстративно покинула очередную "пятницу".

Руль, Берлин, 1922, 5 ноября

После доклада слово взял В. Шкловский. В своей речи он между прочим коснулся работ молодого художника Натана Альтмана и допустил такое выражение, что у него есть и хорошие картины, но есть и такие, которые не покупают даже шибера. С места раздался голос: "Потому что он сам шибер". Присутствовавший на собрании В. Маяковский громко произнес : "прошу председательствующего обратить внимание на то, что один из присутствующих здесь позволяет себе хулиганские выходки". По окончании речи Шкловского, Маяковский снова выступил со своим заявлением и начал требовать, чтобы вопрос о брошеном по адресу художника Альтмана оскроблении был выяснен и ликвидирован.

Начинается шум. Художник Залит требует слова. Председатель заявляет, что он не слышал оскорбительных слов и пытается ликвидировать инцендент. Залит громко заявляет, что он не отказывается от произнесенноего выражения и требует слова для выяснения. (...) Уже после закрытия собрания В. Шкловский в повышенном тоне начал упрекать некоторых лиц, что они приходят на собрания, чтобы сводить личные счеты, позволяют себе неуместные выходки, чем причиняют только вред "Дому Искусств".

Дни, Берлин, 1922, 5 ноября

5 ноября

В берлинской газете "Руль" рецензия Е. Яновского на повесть Франсиса Жамма "История девушки былых времен", в переводе И.Э.:

Прекрасно рассказанная повесть, занимательная, без нарочитых кунстштюков, точная в образах без докучного "историзма", повесть о старой провиницальной и католической Франции (...) Перевод принадлежит И. Эренбургу - этого достаточно, чтобы читатель не только следил, не утомляясь, за нитью повествуемого, но и радовался красоте повествования, мерного и полного образно-ясных сравнений.

- Берлинская газета "Дни" сообщает:

В правление "Дома Искусств" поступило два заявления - одно индивидуальное, другое коллективное - с предложением об исключении из числа членов "Дома Искусств" И. Василевского (Не-Буква) и гр. А.Н. Толстого. Поводом для этого послужило помещение в газете "Накануне" статьи "неприличного содержания" по адресу И. Эренбурга ("Тартарен из Таганрога"). Чрезвычайное общее собрание по этому вопросу созывается во вторник, 7 ноября.

- Аналогичное сообщение напечатала газета "Руль".

7 ноября

На вторник (7 ноября) было назначено общее собрание "Дома Искусств", на котором должен был обсуждаться вопрос об исключении А.

Толстого и И. Василевского за напечатание в газете "Накануне" статьи последнего о творчестве Эренбурга. На собрание прибыло столь незначительное количество членов "Дома", что собрание не могло состояться.

Руль, Берлин, 1922, 9 ноября

- Берлинская газета "Накануне" публикует "Письмо в редакцию" И.Э. с опровержением сообщения газеты "Руль" о его причастности к попыткам исключить из членов "Дома Искусств" Василевского (Не-Буквы) и А.Н. Толстого; в конце письма И.Э. заметил:

Я оставляю также на совести газеты "Накануне" печатание подобных нападок на писателя, который в силу своих воззрений не участвует ни в единой из берлинских газет и поэтому лишен возможности на них ответить.

- Андрей Соболь опубликовал эссе "Портреты современников. Илья Эренбург":

Сейчас он далеко от России - где-то в Берлине, в маленьком тихом пансионе дымит своей неизменной трубкой, пугая добропорядочных немок, но все книги его последних двух лет только о ней - нелепой, великой, богатой и нищенской, непостижимой и чудесной.

Даже когда он рассказывает о голландцах, о неграх, о французах ("13 трубок"). Ибо ею рожден, с нею крепко спаян, на веки, ибо понял он ее скорбь, подслушал подлинное биение ее сердца, не испугался молний ее ночных, бурей рожденных и сквозь "истории неправдоподобные" угадал правду ее мучительную. Он искренен и в искренности своей огневой беспощаден - когда-нибудь будущий историк, говоря о смерти старого мира, скажет: - И был среди врагов его одним из упорных поэт Илья Эренбург.

Сегодня, М., 1922, № 8, с.5

12 ноября

Берлинская газета "Дни" перепечатала письмо И.Э. в редакцию, опубликованное в газете "Накануне".

- В этом же номере "Дней" помещена рецензия на "6 повестей о легких концах":

Г.Илья Эренбург - талантливый беллетрист, не знающий, что он пишет и для чего он пишет. Разбираемая книжечка повестей - яркие, талантливые ассоциации, долженствующие вызвать бредовую картину: не Россия, а - бред; не процессы осмысленного искания цели жизни, а куча связанных обломков чего-бы то ни было, пересыпаемых автором.

15 ноября

По инициативе недавно организованного в Берлине "Клуба писателей", группа русских писателей подносит приветственный адрес Гергардту Гауптману в день его юбилея. Адрес составлен Андреем Белым, переписан А.М.Ремизовым по-русски - прописью с глаголицей, по-не-

мецки - готическим и латинским (и подписан почти всеми находящимися в Берлине русскими писателями (...)

Под адресом подписались Белый, Ремизов, Зайцев, Ходасевич, Бердяев, Лидин, Айхенвальд, Осоргин, Муратов, Чириков, Горький, Матусевич, Эренбург, Франк, Ященко, Шкловский, Толстой, Венгерова, Крандиевская, Минский, Одоевцева, Гуль, Дроздов, Пастернак, Оцуп.

Дни, Берлин, 1922, 15 ноября

16 ноября

Московская газета "Новости" печатает четвертую по счету новеллу из книги "13 трубок".

18 ноября

И.Э. завершает работу над романом "Жизнь и гибель Николая Курбова".

- И.Э. получает письмо от М.Шкапской. В ответном письме он сообщает ей, что ее книга "Кровь-Руда" выйдет в декабре и пишет о себе:

Я заработался до умопомрачения. Чувствую себя отвратительно. Дал себе клятву до весны ничего не писать. Если удастся, съезжу на Рождество недели на две в Париж, нет - в Брюссель или Прагу. Хотел в Италию, так там назло фашисты объявились. Не везет. Кончил роман (сейчас диктую машинистке - дикое занятие!). Вышел он лохматый и разный по манере и неровным по подъему. Но все же, кажется, я в нем чего-то достиг. Это - роман (как таковой) и наш, т.е. современный. Никогда я не знал такой трудной, сложной и мучительной работы. Я уже продал его представителю издательства "Новая Москва", и здесь в "Геликоне".

ФШ, л.18-19

-И.Э. пишет Е.Полонской:

Я кончил роман. Он большой (по размеру), нелепый до крайности. У меня к нему болезненная нежность - не мудрено, он мне обошелся весьма дорого. Такой сгусток теплоты кажется давно не испытывал. Не буду по крайней мере полгода ничего писать. Хочется на неделю в Париж - здесь отдохнуть нельзя. Да не пустят, а вот Маяковского пустили - вчера уехал.

- И.Э. диктует машинистке законченнный им роман "Жизнь и гибель Николая Курбова"; завершил правку не раньше 26 ноября.

- И.Э. пишет Г.Издебской в Париж:

К Вам приедет поэт Маяковский (он сегодня уехал в Париж, визу ему устроил Дягилев). Помогите ему посмотреть парижских обормотов. Я сам помышляю съездить недели на две в Париж . Остановка только за визой (...) Не могли бы Вы мне помочь? "Вещь" будет выходить. Каталог будет выходить. Если что-нибудь выйдет из рассказов, напишите.

ПГИ, л.19

19 ноября

Литературное приложение к берлинской газете "Накануне" сообщает, что Госиздат приобрел у писателей, проживающих в данное время заграницей, несколько книг; среди них книга И.Э. "Хулио Хуренито"

- Газета "Накануне" поместила ответ И.Василевского (Не-Буквы) на письмо И.Э.:

Меня спрашивают: как могло письмо И.Эренбурга появится в "Накануне" с резкими словами по моему адресу? Но как же иначе? Нельзя же мечтать о свободе печати только на словах, или считать ее монополией только одной стороны (...) Когда Евг.Чириков в своей брошюре "Смердяков русской революции" не критиковал, а ругался неприличными словами в адрес Максима Горького, никто не вздыхал тогда о травле писателя. Когда Ал.Яблоновский всеми способами воистину "по-базарному" "обкладывал" Ал.Толстого "за сменовеховство", и тогда никто в эмиграции о травле писателя не сказал ни слова. Но когда г. И. Эренбургу указали на то, что своей саморекламой в тексте он переходит все границы, - какие-то Бахрахи и Каплуны сочли своевременным завздыхать - Помилуйте... Травля писателя. Разве можно? Но именно И. Эренбург более, чем кто бы то ни было на свете, застрахован от травли.

23 ноября

И.Э. получает письмо от Е.О. Шмидт-Сорокиной с сообщением о том, что альманах "Круг" будет печатать отрывок из романа "Жизнь и гибель Николая Курбова" под названием "Тараканий брод". И.Э. сообщает об этом в письме М. Шкапской.

ФШ, л.20

25 ноября

И.Э. получает письмо от М. Шкапской и два письма от Е. Полонской. Отвечает им. Сообщает М. Шкапской:

Скоро выходят (у "Геликона") две прекрасные книги стихов (толстые!) "Темы и вариации" Пастернака и "Ремесло" Цветаевой (...) Встретив Веру Инбер, скажите ей, что нежно помню ее (...) (Мы с ней давние друзья) (...) Пильняк-негодяй! Честное слово. И ничем оправдать его нельзя. А каяться он умеет - все щеки мне облизал (три дня отмывал). Пастернак здесь. Чудный! В общем, держусь только письмами из России, а то бы совсем пал духом.

ФШ, л.21

- Е. Полонская сообщает И.Э. о том, что берлинское издание "Хулио Хуренито" изымается в Петрограде, что книгу считают "опасной". В ответном письме И.Э. замечает.

То, что он "опасен" - я знал. Но это заметили как будто поздновато: ведь Госиздат купил у меня второе издание, оговорив, что снабдит оное

предисловием, которое должны были написать или Бухарин (я хотел) или Покровский. М.б. теперь они передумают (точнее их). Напиши мне подробно всё, что знаешь об изъятии этой книги (...) Стихи Тихонова мне нравятся, но в них есть одно плохое: какой-то arriere-gout[1] акмеизма. После стихов московских - Пастернака или даже Асеева стих (материал) порой пресен. Но думается он (т.е. Тихонов) еще сильно переменится.

26 ноября

И.Э. пишет Е. Полонской:

Дорогая, я вчера отправил тебе письмо и забыл ответить касательно пьес. Конечно, я ничего не имею против того, чтобы ты их дала театральным людям на просмотр, но на успех не расчитываю (внешние препятствия). Во всяком случае, можно попробовать. Посылаю тебе кусок пробный книжки моей "Звериное тепло". Жду больших писем.

Ноябрь

Берлинское издательство С. Ефрон выпустило роман Ф. Элленса "Басс-Бассина-Булу" в русском переводе под редакцией И.Э.

- В Париже вышел № 3 художественно-литературного журнала "Удар", в числе ближайших сотрудников которого названы: А. Бретон, А. Глез, М. Жакоб, В. Жорж, П. Кремень, И. Лебедев, Ж. Липшиц, Б. Сандрар, Т. Тцара, А. Федер, О. Цадкин, И. Эренбург и другие.

- В конце ноября в Берлине, в издательстве "Геликон" вышла книга стихов И.Э. "Звериное тепло".

Конец ноября - начало декабря

И.Э. обращается к парижским друзьям (Ж. Липшицу, А. Глезу, П. Мак-Орлану) за содействием в получении разрешения на двухнедельную поездку во Францию.

3 декабря

"Петроградская правда" публикует статью Инн. Оксенова о "6 повестях о легких концах":

В творчестве же самого Эренбурга это несомненный шаг вперед, как в отношении овладения формой, так - и это для писателя еще важнее - как одна из вех на его пути "приятия революции". За время революции Эренбург совершает в своем роде очень последовательный путь, начав с душного пессимизма "Молитва о России" и "Огни" (стихов 1917-1922), пройдя через "Раздумия" (1921), выходит на широкую дорогу, по которой

1 Привкус *(франц.)*

ныне идут лучшие наши таланты, крепко держащие связь с "недрами". Теперь Эренбург, несомненно, один из наших литературных союзников в эмиграции, и думаем мы, мог бы многое сделать для расслоения последней.

5 декабря

И.Э. пишет П.С. Когану о трудностях, которые встречают его книги в России:

1) Московский Госиздат приобрел "Хулио Хуренито". Я не знаю, печатают ли его? Но знаю точно, что в Петрограде ГПУ конфискованы все экземпляры "Хуренито".

2) Я получил почти все авторские экземпляры "6 повестей" назад, в том числе и посланный Вам на адрес "Известий" (я потерял Ваш домашний адрес) с пометкой "non admis". Эту же книгу я предложил Госиздату, но ответа не получил. Никак не могу понять, почему "повести" не пропущены.

3) В "Новостях" печатались мои "Трубки". И вот одна (в № 13 XI) появилась с непостижимыми купюрами, даже не обозначенными многоточиями и совершенно уродующими рассказ. А ведь газета тоже, кажется, издание Госиздата. Если это не чересчур затруднит Вас, может быть Вы смогли бы выяснить в чем дело? Я пишу только для России. Эмиграции я чужд и враждебен. А в России...

ЦГАЛИ ф. 237, оп. 1, ед. хр. 147, л. 3-4

- О том же И.Э. пишет Е.Г. Полонской в ответ на ее письмо. В этом же письме:

Белый. Хохол волос и гениальность. Поссорившись со мной (из-за Маяковского) обругал печатно "6 повестей": "жалкий талант". Потом встретились (за обедом), растрогался, признался: а я ведь книги не читал. Впрочем, гению быть человеком вовсе не обязательно. И, вероятно, то, что мы больше люди, нежели прочие (т.е. пророки, проще, hommees des lettres) - просто hommes без "des" признак нашей посредственности.

- И.Э. пишет Г. Издебской:

Поездка Маяковского и многое иное показывает, что получить визу не невозможно, но нужно, чтобы в Париже начали.

ПГИ, л.20

15 декабря

- Пятница, 15 декабря. В "Доме Искусств" (Cafe Leon, Nollendorf. pl.). И. Эренбург будет читать свои произведения. Начало в 9 час. вечера.

Дни, Берлин, 1922, 15 декабря

В помещении "Объединения Российских студентов" состоялся доклад Ильи Эренбурга о конструктивном искусстве: доклад вызвал боль-

шие дебаты. После доклада И. Эренбург прочитал одно из своих последних произведений.

Накануне, Берлин, 1922, 22 декабря

16 декабря

И.Э. пишет В.Г. Лидину о происшедшем с ним инциденте:

Со мной произошло нечто чаплинское, т.е. "трагедия-буфф", как пишут в умных журналах: вчера среди бела дня я потерял бумажник, в коем находилось все мое богатство - около 200 долларов! Что ж, как иудей, я вспомнил талмудические утешения и купил на аванс новый бумажник. Пошел в "Prager Diele".

17 декабря

И.Э. сообщает В.Г. Лидину о дальнейшем ходе событий:

Вчера отправил письмо (...) и вот представьте, вечером я получил по почте в конверте бумажник со всеми долларами. Письмо без марки. Адрес выведен четким готическим почерком. Ни письма, ни адреса отправителя. Вынуты лишь германские марки - ничтожная сумма относительно к долларам - около 80 тысяч. Забавное предприятие - правда? Вся Prager Diele потрясена.

- И.Э. пишет Е. Полонской:

Последние дни живу довольно оживленно, главным образом со стороны бюджетной, а именно, позавчера потерял на улице бумажник со всеми своим богатством (240 долларов), а вчера, когда уже садился за какую-то халтуру (переводить), получил по почте от неизвестного покровителя русской литературы все назад. Виктор Борисович[1] говорил об этом как о сюжете. "Сюжет, как явление стиля". Точно. Еще он, прочитав мой последний роман (заглавие - "Жизнь и гибель Николая Курбова"), сказал, что у меня есть не то двойник, не то вроде - Слонимский. Почему ты мне не посылаешь своих стихов? Я по ним соскучился. Сейчас - в кафе. Воскресенье. Выползает Лафорг. От этого в глубине не вылечился, и вероятно, не вылечусь. Я ужасно люблю понедельник.

Устал. Стар. Много сплю. И хочется брюзжать. Еще шаг - мягкие туфли. Не влюбляйся - это самое воскресное занятие. Лучше пиши злую прозу и нежно люби. И то и другое - твое. Это я наверное знаю. Получила ли ты "Звериное тепло" и негритянский роман? Я послал тебе также "Темы и вариации" Пастернака (...) Очень вероятно, что в апреле буду в Питере - вот тогда и наговоримся!

- И.Э. пишет М. Шкапской:

Не сердитесь, что жалуюсь и хныкаю. Но я только теперь чувствую, до какой степени устал от работы. Решающим ударом оказался роман.

---

1 Шкловский

Он меня совсем опустошил, - так я его писал. Прочитав его в рукописи Виктор Борисович сказал: "Это самая храбрая вещь, ибо не знаю, кто теперь не будет вешать на вас собак". И это верно. И это еще впереди. Пока надо отдохнуть. В январе уеду куда-нибудь на две недели (...) Книги Цветаевой и Пастернака пришлю, также "13 трубок" на той неделе.

ФШ, л.57

- А.М. Горький в письме Ф. Элленсу отзывается о русском переводе "Басс-Бассина-Булу":

Я уже прочитал эту оригинальную книгу, как только перевод ее был издан в Берлине (...) Поскольку перевод позволяет судить о художественном значении книги, оно мне кажется неоспоримым.

Архив А.М. Горького, т.VIII, М., 1960, с.91

- Берлинская газета "Дни" печатает рецензию Андрея Белого на стихотворный сборник И.Э. "Звериное тепло":

Небольшая, но очень ценная книжечка, говорящая мне, о, конечно же, больше многих творений г. Ильи Эренбурга, который то привлекает, то ударяет меня очень больно, отталкивая. Но вот 25 стихотворений, помеченных Binz an Rugen. Я на Рюгене некогда был; был в Арконе; я видел там белолобые скалы, изваянные так четко и так привлекающе скульптурою линий своих; и почему-то: напоминают мне скалы Арконы безукризненно, четко изваянный стих Эренбурга; здесь не место формально анализировать строки строгого ямба, которым писано большинство стихотворений Эренбурга, где встречает нас такое многообразие пэонов, пауз, внутренних перебоев, дающих скульптуру обычной плоскости ямба и создающих в нем третье измерение; и как скалы Арконы слагаются в какие-то формы доисторических тяжелых животных, так твердокаменная порода стиха Эренбурга живописует всю тяжесть животную человеческого тела; великолепно описаны Эренбургом все тельные ощущения, тело изваяно в мраморе скал; это какой-то тяжелый, доисторический храм, выдолбленный в горных породах; что-то от Микель-Анджело чувствуется в форме стиха и в образе живописания тела.

- И.Э. сообщает М. Шкапской о рецензии А. Белого на "Звериное тепло" ("Белый напечатал восторженную статью. Я относительно люблю эти стихи. Они верно мои").

ФШ, л.57

И.Э. пишет Г. Издебской:

Я действительно был совершенно раздавлен своим романом - вплоть до неврастении и прочих последствий (...) Я очень хочу приехать на две недели в Париж (...) Роман мой уже переписан. Выйдет он весной одновременно в Берлине и в Москве.

ПГИ, л.21

<u>Середина декабря</u>

В Берлине вышла книга В.Б. Шкловского "Zoo или письма не о любви". Одна из глав ее названа "О весне, Prager Diele, Эренбурге, трубках,

о времени, которое идет, губах, которые обновляются, и о сердце, которое истрепывается в то время, как с чужих губ спадает краска"; в ней Шкловский писал:

Прежде я сердился на Эренбурга за то, что он, обратившись из еврейского католика или славянофила в европейского конструктивиста, не забыл прошлого. Из Савла он не стал Павлом. Он Павел Савлович и издает "Звериное тепло". Он не только газетный работник, умеющий собрать в роман чужие мысли, но и почти художник, чувствующий противоречие старой гуманной культуры и нового мира, который строится сейчас машиной. Меня же из всех противоречий огорчает то, что пока губы обновляются - сердце треплется и то, что забыто, истрепывается вместе с ним, неузнанное.

19 декабря

И.Э. шлет записку М. Шкапской, касающуюся ее издательских дел.

ФЩ, л.58

22 декабря

Берлинская газета "Руль" публикует заявление русских писателей, протестующих против попыток "Союза христианской молодежи" изъять из продажи книгу С.С. Юшкевича "Леон Дрей". И.Э. подписал это письмо вместе с Пастернаком, Горьким, Ходасевичем, Шкловским, Зайцевым, Шмелевым и другими.

25 декабря

И.Э. пишет Е. Полонской:

Виктор Борисович сказал обо мне прекрасно "Павел Савлович" (я переделал в Пал Салыча и так себя именую).

Ранее 27 декабря

И.Э. получает письма А. Глеза, сообщившего, что он обратился к Эдуарду Эррио с просьбой разрешить Эренбургу въезд во Францию, и П. Мак-Орлана, подтвердившего свое согласие свидетельствовать перед властями, что присутствие И.Э. в Париже необходимо.

27 декабря

И.Э. получает письмо Ж. Липшица и, отвечая ему, просит похлопотать в Министерстве иностранных дел разрешение на въезд во Францию, которое должно быть направлено во французское консульство в Берлине. "Маяковский, - пишет И.Э. - получил через Дягилева (я не могу). Таиров - через некоего Маршака (...) Приехать я хочу на две недели в январе."

1922

(Ксерокопия - собрание А.Д. Гдалина, СПБ)

29 декабря

Н.Н. Никитин пишет А.К. Воронскому:

Эренбург?

Эклетичен, как щенок, лающий на 10 лаев, под всех знакомых взрослых собак. Вам, конечно, может нравиться его "Курбов", но если вы вглядитесь в ритм вещи, в стиль диалога (особенно диалога, - такие, например, фразы, их строй: "ценю я свободу ... как в Англии..." "Идеи? - Это так не модно, есть лишь одно ... моя свобода..." "Я обожаю Метерлинка..." "Воляй-Сюпрем"), в эту отрывочность, ненужность вещей, о которых сообщают действующие лица, диалог - тоже ритмичный, Вы скажете - Белый. Жалко только, что однопроцентный раствор. Белый - в языке элегантен, и шаманством своего бреда - заразителен. И в данном случае: хороший повторитель не стоит даже пальца хотя бы маленького оригинала. Мне Чапыгин - интересен более.

Литературное наследство, т.93, М., Наука, 1983, с.573

30 декабря

В берлинском "Клубе писателей" Эренбург читал отрывки из романа "Жизнь и гибель Николая Курбова".

НРК, Берлин, 1923, N 1, с.37

- И.Э. пишет В. Лидину:

Как обстоит дело с цензурой моего романа? Не знаете ли Вы результатов чтения Каменевым его? Если его будут печатать, убедите, пожалуйста, Ангарского выслать корректуру - в рукописи тьма опечаток.

31 декабря

Л.М. Козинцева-Эренбург пишет М. Шкапской:

Очень хорошо, что Вы написали И.Г., чтобы он возвращался. Я все время хочу, он - как-то неопределенен. Пожалуйста, пишите ему чаще.

ЦГАЛИ, ф.2182, оп.1, ед.хр.544, л.1

Декабрь

В Москве вышел № 6 журнала "Красная новь" с отрывком из романа "Жизнь и гибель Николая Курбова".

- Отрывок написан в новой для Эренбурга манере: она и в ритме, и в стиле - от "Эпопеи" Андрея Белого. И она кажется органически чуждой Эренбургу, сила которого была в яркости фельетонно-плакатной его манеры. Впрочем, по маленькому отрывку еще трудно делать какие-либо выводы.

Ю. Соболев. Россия, М., 1922, N 5, с.30

- Публикуется рецензия на "Шесть повестей о легких концах":

Эта новая книга Эренбурга - опыт конструктивизма в прозе. Конструктивность фразы, кинематограф лиц, персонажей, эпизодов. План - наша современность. Стиль - либретто, скелет сценария. Можно не соглашаться с такой прозой. Но для теперешнего Эренбурга она органична, это логический ход от книги "А все-таки она вертится" - гимн конструктивизму.

Россия, М., 1922, N 5, с.31

- Литературная хроника:

Илья Эренбург закончил новый роман "Жизнь и гибель Николая Курбова", выходящий одновременно на английском языке в Нью-Йорке и на русском в Москве в к-стве "Новая Москва". В Испании вышел на испанском языке его роман "Хулио Хуренито" (Изд. El Labor, Barcellona).

Россия, М., 1922, N 5, с.31

- В № 11-12 "Новой русской книги" помещена статья А.С. Ященко "Литература за пять истекших лет":

Явились два первоклассных прозаика. Мы разумеем И. Эренбурга и П. Муратова (...) Можно по разному оценивать художественные и жизненные воззрения Эренбурга, и мы лично не принадлежим к сторонникам его пессимистического и отравленного отношения к жизни, его склонности к изображению гнусных ее сторон, но нельзя отрицать, что его роман[1] - злой, саркастический - полон остроумия и часто неотразимой иронии. И по стилю, и по тону Эренбург не подражает никому из наших писателей.

- Книгоиздательство "Новая Москва" выпускает в ближайшее время альманах "Недра" под редакцией Н. Ангарского при участии В. Вересаева, П. Орешина, Ив. Шмелева, В. Казина, К. Тренева, М. Герасимова, С. Сергеева-Ценского, Ал.Н. Толстого, Вл. Лидина, И. Эренбурга, Н. Ляшко, Н. Никандрова, К. Федина, С. Федорченко.

- Возникшее в Берлине "Книгоиздательство писателей" выпустило новый альманах "Одиссея" с произведениями Алексея Ремизова, Андрея Белого, Глеба Алексеева, А. Дроздова, Алексея Толстого, И. Эренбурга, Вл. Лидина и др.

Россия, М., 1922, N 5, с.32

- Организованная прошлым летом Артель Писателей "Круг", в которую вошли московские и петербургские поэты и прозаики, развила в последнее время очень значительную деятельность (...) Вышел 1-ый № Альманаха "Круг" с повестями и рассказами В. Каверина, М. Зощенко, Бориса Пильняка, Евг. Замятина, А. Малышкина и стихами Б. Пастернака, В. Казина, Н. Асеева, И. Эренбурга, В. Ильиной, С. Обрадовича, П. Орешина.

---

1 "Хулио Хуренито"

1922

Печать и революция, 1923,, N 11-12

- Вышел журнал "Печать и революция" № 8. В нем рецензии Як. Черняка на книги "Необычайные похождения Хулио Хуренито" и "Опустошающая любовь", а также рецензия Л. Розенталя на книгу "А все-таки она вертится":

Рядового читателя книга Эренбурга утомит разбросанностью мыслей, крикливостью и намеками на малоизвестные факты. Для более осведомленного человека она неубедительна и как всякая компиляция не нужна.

- В журнале "Книга и революция" № 9-10 напечатана статья А. Ольшевского "О последних произведениях И. Эренбурга".

1922

В течение года

И.Э. знакомится с Юлианом Тувимом:

В 1922 году в бюргерский скромный пансион на Траутенауштрассе, где я жил, пришел неизвестный мне человек, застенчиво и гордо сказал: "Я - Тувим". Я тогда не знал его стихов, но сразу почувствовал смятение: передо мной был поэт. Все знают, что стихотворцев на свете много, а поэтов мало, и встречи с ними потрясают. Пушкин говорил, что вне часов вдохновения душа поэта "вкушает хладный сон". Не этот ли мнимый холод обжигает окружающих? "Хладный сон" Тувима был страстен, горек, неистов.

ЛГЖ, т.1, с.398

- В Берлине И.Э. знакомится с О.Г. Савичем:

Савич мой добрый и старый друг. Черновики многих моих книг испещрены пометками Савича - он замечал немало прегрешений. Хотя в ранней молодости он был актером, он для меня неотделим от литературы. Он не только пишет или переводит, он страстный читатель, и, кажется, нет ни одного автора и в XIX веке, и в советское время, которого он не прочитал бы. Я ему многим обязан (...) Познакомились мы давно, кажется, в 1922 году. Он моложе меня всего на пять лет, но тогда он казался мне подростком.

ЛГЖ, т.2, с.122

В 1922 году Савич поехал в Берлин навестить мать и тетушку (они жили тогда в Германии). Из Берлина О.Г. отправил въездную визу В.Г. Лидину, который, приехав в Берлин, и познакомил Савича с Ильей Григорьевичем.

О.Г. полюбил Эренбурга и на всю жизнь.

А.Я. Савич. "Минувшее проходит предо мною" (Рукопись, АФ)

- В Париже в типографии "Франко-Русск. Печать" вышла книга А. Ветлугина "Третья Россия", одна из глав которой посвящена ИЭ:

Когда этот феноменальный человек в огромной шляпе, в знаменитой куртке, не выпуская трубки изо рта, переплыл двадцать морей и явился во взлохмаченную Москву 1917 г - эффект получился необычайный. Москва не Латинский квартал, шляпой и трубкой на Тверской можно сделать побольше, чем косовороткой на бульваре Сен-Мишель.

"Стихи о канунах" - книжка аккуратно сделанной беспорядочности, тщательно обдуманной истерии, заранее предпринятого трагоса и в итоге очень маленького искусства. В кафе "Бом" книжка возросла до размеров Апокалипсиса. Ходульность была принята за пафос, картонные громы за прорицания Патлюсского отшельника.

1922

Человек в огромной шляпе остался очень доволен и энергично записывая в блокнот по 2-3 стихотворения в сутки, к осени 1917 приготовил новую истерику - "Молитву о России" (...)

Теперь человек в огромной шляпе взял новое комиссионное поручение - поссорить зарубежных писателей с писателями, оставшимися там, за великой китайской стеной. С той же старательностью и с теми же нанятыми слезами, под ходульными косноязычными заголовками, изобретая никогда не сказанные слова, выдергивая отдельные двусмысленные пассажи, он плачет, вопит, бьет себя в грудь. В 1917 он молился о спасении России от большевиков, теперь он хочет, но не смеет, пытается, но виляет - молиться о спасении большевиков от России.

"Метро величайшее изобретение западной цивилизации. Все это я любил, все это мне было близко и дорого, но все это гниет, зреет в России суровая культура" и т.п. - с кривляниями, с истерикой, засыпая пеплом собственную грудь, чужой ковер, лицо собеседника, гнусавил он в Париже на квартире у одного здорового писателя[1]. Писатель теперь ходит по знакомым и спрашивает: нельзя ли без Ильи Эренбурга?

---

1 А.Н. Толстого

1923 год

Начало января

Главлит в Москве запрещает Госиздату выпуск книги И.Э. "Шесть повестей о легких концах".

4 января

А.М. Ремизов дарит И.Э. книги "Русалия" (изд. Гржебина, Берлин - Петербург - Москва), "Пятая Язва" (М. - Пб., 1923) и "Петушок" с надписями -

На "Русалии": "Ковалеру обезьянего знака 1 степени с жужелиным хоботком обезьяньей вольной палаты Обезволпала на елку. Тут все для музыки. 4.1.23, Алексей Ремизов".

ЛГЖ, т.1, с.618

На "Пятой язве": "Илье Григорьевичу Эренбургу Алексей Ремизов на новый год с благодарностью за доброе слово о моем слове".

Собрание И.И. Эренбург.

7 января

Берлинская газета "Дни" сообщает:

С января текущего года в берлинском издательстве "Манфред" под редакцией В. Пиотровского начнет выходить периодически двухмесячный альманах "Струги". В первой книге примут участие: Ю. Айхенвальд, Ю. Балтрушайтис, А. Белый, Ф. Иванов, В. Ирецкий, И. Новиков, В. Лурье, Б. Пастернак, В. Пиотровский, А. Ремизов, А. Толстой, И. Эренбург, М. Цветаева, В. Ходасевич и др.

- И.Э. пишет Е. Полонской:

Я рад, что тебе понравилось "Звериное тепло". Но неужели ты не получила книжки в целом виде? Я посылал ее заказной бандеролью. Кажется, стихи неплохие. Хотя, конечно, "капитуляционные". Что-то смахивающее на Ходасевичей и эта часть самая плохая.

Вышла "Темы и вариации" Пастернака. Я брежу ею. (...) М.б. я особенно люблю его мир, как противостоящий мне и явно недоступный. Спасибо за стихи. Люблю последнюю строфу. Очень хорошие стихи пишет Тихонов (...) Прочти в "Красной нови" отрывок из моего романа[1]

---

1 "Жизнь и гибель Николая Курбова"

(из первых глав и в первой редакции - я переделал и сильно сгладил "ритмичность" - т.е. "беловщину"). Не знаю, как будет с Московск. изд. - пропустят ли его. Знаешь ли ты, что "6 повестей" не пускают в Россию? Снято ли запрещение с Хуренито в Питере? Все вместе это меня огорчает, тем паче, что я почти наверное весной приеду в Россию (на все лето) в Питер и в Москву. Все жду, чтоб кто-нибудь в России написал обо мне нечто внятное. Жду тщетно. Кроме статьи Шагинян - ни слова!

12 января

И.Э. получает письмо от В.Г. Лидина и отвечает ему:

Пожалуйста, напишите, удалось ли устроить Вам что-либо с "Неправдоподобными историями" (...) Если что-либо напишите обо мне, или будут заметки, не забудьте прислать. Мне это очень важно, так как собираюсь весной в Москву, кроме того угнетают непрятности - запрещение "6 повестей" и пр.

14 января

В литературном приложении к берлинской газете "Накануне" рецензия на русский перевод романа Ф. Элленса "Басс-Бассина-Булу":

Это написано не без чисто-галльского юмора, который в русском переводе изо всех сил старался сохранить редактор перевода г. Эренбург.

Середина января

В издательстве "Геликон" вышла книга И.Э. "13 трубок" с обложкой работы Л.М. Козинцевой-Эренбург.

16 января

И.Э. пишет В. Лидину:

В Прагер-Диле все по старому. Да и вообще в Берлине, т.е. горничные грешат, трубки обкуриваются и пр. Только все дико вздорожало. Мы обормотствовали и я ухлопал тьму денег. Толстой продолжает в "Накануне" ругать всех и расхваливать "Аэлиту" (...). На днях сажусь снова за работу: авантюрно-утопическое-сатирическое нечто: "Трест гибели Европы". Вышли мои "13 трубок".

- В.Б. Шкловский дарит И.Э. свою книгу "Сентиментальное путешествие" (Геликон, Берлин, 1923) с надписью: "Дорогому Эренбургу талантливому человеку имеющему храбрость иногда писать плохие книжки, литературу же движут плохие, а не хорошие книги талантливых людей. Племянник Виктор Шкловский".

Собрание И.И. Эренбург

1923

21 января

В берлинской газете "Руль" рецензия на книгу И.Э. "Звериное тепло":

Эренбург - поэт-мастер-конструктор. Он скуп и бережлив на слова и образы - в иные строки его проходится вчитываться по несколько раз - но тем сильней захватывают они и западают в памяти музыкой, иногда удивительные по своей строгой, лаконичной выразительности и законченности. В "Зверином тепле" своем Эренбург опять проявил характернейшую особенность: он талантливый эклектик. В стихах его и Мандельштам, и Пастернак, и казалось бы, кто еще дальше от Эренбурга? - Кузмин, мотивы которого ясно сквозят в иных строках. Но это вовсе не значит, что Эренбург "под влиянием", идет от кого-нибудь. Вот настоящий поэт-мастер, он настолько умело мог впитать чужие настроения, что они звучат у него неподдельно своими и вся его книжка - свое лицо.

- Газета "Накануне" дает объявление о книгах издательства "Геликон":

Выходят в январе:

И. Эренбург "Тринадцать трубок". Рассказы. Цена м.5-

Выходят в феврале:

И. Эренбург "Звериное тепло". Стихи. Цена м.1-

Выходят в марте:

Илья Эренбург. "Отреченные стихи". Цена м.1.50 (не вышла)

Илья Эренбург. "Жизнь и гибель Николая Курбова". Роман.

Ранее вышли:

Илья Эренбург. "Ветер. Золотое средце". Трагедии. Цена м.3.60

Илья Эренбург. "Шесть повестей о легких концах". С иллюстр. Л. Лисицкого. Цена м.4-

Илья Эренбург. "А все-таки она вертится". Книга о новом искусстве. С многочисл. иллюстр. Цена м.6-, в перепл. м.8-, особ. экз. м.9-.

Печатаются:

Антология современной французской прозы. Вступительная статья И. Эренбурга (Дюамель, Моран, Пруст, Ромэн, Сандрар, Элленс).

Илья Эренбург. Из испанских поэтов. (Обе книги не вышли)

26 января

Газета "Накануне" сообщает:

В берлинском издательстве "Огоньки" вышла книга стихов И.Э. "Опустошающая любовь".

28 января

Газета "Дни" публикует рецензию Михаила Осоргина на книгу И.Э. "Тринадцать трубок":

Тринадцать трубок И. Эренбурга рассказывают тринадцать историй, пересказать содержание которых, конечно, нельзя. Истории разноценны

по занимательности, разнообразны по техническим приемам и языку, космополитичны по содержанию. Единственное, что их объединяет, это присутствие в каждой истории одного и того же персонажа, автором не предусмотренного, Ильи Григорьевича Эренбурга, дыхание которого слегка отравлено четырнадцатой трубкой.

Эренбург приемлет мир, как объект наблюдений, пользуясь им лично лишь в пределах настоятельной потребности организма. Не снисходя до огульно-отрицательного к миру отношения, он не возвышает его до степени отрадного факта.

Когда Эренбург не упражняется в трудных пассажах языка (что обязан делать дома и для себя каждый виртуоз, и что Илья Эренбург публично проделывает в интересных все-таки "Шести повестях о легких концах"), а пишет по-настоящему, с уверенностью и простотой уже почтенного и известного писателя, - тогда книга Эренбурга берется и прочитывается до конца. Такова и эта книга, злая, искусно пародирующая, книга ума одинокого и независимого. Но пессимизм его и скептицизм его ленивы, не заражают. Ставя точку и расставаясь с читателем, он протягивает ему вялую и неуважающую руку, решительно не обещая ему впредь ни возвышающего пафоса, ни искристого смеха. И даже в юморе Эренбурга слишком много ума и остроумия: он отпугивает, не вызывая ни твеновского смеха, ни гоголевских слез. В нем чувствуется ядовитая, но не змеиная, а табачная проникающая слюна.

Не в упрек писателю Эренбургу все это говорится, потому что он все же писатель настоящий, крупный, любящий слово и не только умеющий использовать талант свой, но и работать умеющий. Не студиец, а мастер. И не его вина, что не любит он того, во что верит, и верит ли во что по-настоящему - сам не знает. Жизнь, наступающую на него со всех сторон, - он умом приемлет, а от сердца отгоняет дымом тринадцати трубок. Пожалуй из всех современных писателей русских это - самый крупный циник, и больше всех обреченный на одиночество. Таково впечатление внимательного читателя - автору же вольно это отрицать.

Не знаю, как нынешний, взрослый прозаик Эренбург относится к молодому поэту Эренбургу, написавшему "Молитву о России", вероятно - с родительским снисхождением. И правда, тот был юн, немножко нелеп, как необкуренная трубка. Нынешний Эренбург покрылся ровным черным глянцем и продается в красивых издательских футлярах. К прежнему нельзя было не относиться с любовью, теперешнему же более приличествует почтение, и трубка у прежнего была дешевая, российская - у нынешенго английская, значительная, достойная красоваться в коллекции. Тот курил нервно, порывисто, - этот регулирует равномерность своего дыхания с тем же искусством, как лорд Грайтон, герой истории пятой трубки.

К счастью, и этот еще молод. Это дает нам право надеяться, что однажды он нарушит темп своего дыхания и - в порыве любви или ненависти - закусит свой мундштук. Трубка, может быть и погибнет, но ку-

рильщик снова станет человеком и снимет, наконец, свою кандидатуру на вакантный пост ... ангела Лаодикийской церкви.

29 января

В 7 1/2 час. вечера в "Кафе Леон" очередное закрытое собрание "Клуба писателей", "Вечер поэтов" (Шкапская, Эренбург, Рафалович, Лурье, Одоевцева, Георг. Иванов, Оцуп и др.) Входная плата для членов и гостей по приглашению 200 марок.

Дни, Берлин, 1923, 28 января
НРК, Берлин, 1923, N 1, с.37

30 января

И.Э. пишет В. Лидину:

Что с "6 повестями" и с "Неправдоподобными историями"? Напишите об этом сейчас же, а то здесь предложения для России, но я жду предварительно ответа от Вас.

Я написал о Вашей книге в "Книгу".

Prager Diele закрывается в 11 ч. (poleges stunde) Увы!

Я пишу новую книгу "Трест Д.Е." (История гибели Европы по последним данным).

31 января

№ 4 Календаря искусств (Харьков) сообщает:

Возникшее в Берлине "Книгоиздательство писателей" выпустило новый альманах "Одиссея" с произведениями Алексея Ремизова, Андрея Белого, Глеба Алексеева, А. Дроздова, Алексея Толстого, И. Эренбурга, Вл. Лидина и др.

с.17 (альманах не разыскан)

Январь

НРК (№ 1, с.47) пишет о судьбе и работе русских писателей, ученых и журналистов:

Ил.Гр. Эренбург выпустил недавно книгу рассказов "13 трубок" и "Звериное тепло" (стихи). Печататеся измененное второе издание "Лик войны" и роман "Жизнь и гибель Николая Курбова". Последняя книга одновременно выходит и в Москве, там же в Госиздате выходит второе издание "Хулио Хуренито", в Петербурге же эта книга конфискована. Госиздат приобретает и "6 повестей", которые были запрещены Главлитом. "Хулио Хуренито" переведен на немецкий и французский языки и переводится на английский и шведский. Сейчас Эренбург пишет новый роман "Трест Д.Е." (история гибели Европы по последним данным).

- Там же опубликована рецензия на "13 трубок":

1923

Странная книга: читаешь ее - запоем, от начала до конца - не отрываясь: стало быть с удовольствием. А кончил - отложишь и такое ощущение, точно наглотался, но не задушевного трубочного дыма ("дых-дух-душа", комментирует по руководству Белого автор), а едкого, коричневого, табачного меда (...) Для Эренбурга - человека нет; есть вместо него что-то очень грязное, гадкое - в лучшем случае, просто - жалкое - нечто автоматическое, одетое в человеческий костюм, шляпу и ботинки. И задача автора в каждой из "13 трубок" стащить это столь необходимое последнее одеяние и разоблачить зазнавшегося героя. Выходит на поверку, что и человечешки то даже не оказывается - так одна склизкая, общая оболочка (...) Что же существует все-же на свете? Кому нужна эта книга, дающая впечатление исключительной злой пустоты, и во имя чего автор - безусловно талантливый и оригинальный - обратил свою живую душу в "дых"? В былые дни чувствительные курсистки, прочитав подобную книгу, обязательно покончили бы самоубийством, оставив "записку", под влиянием, мол, такого-то, "ощутила тщетность" и т.д. Как бывало после представлений "Жизни человека". Теперь курсистки подросли и вообще самоубийство, если прожил случайно день, - вещь праздная.

- Там же Роман Гуль рецензирует "Звериное тепло":

Крошечная книжка. Можно спрятать в карман жилета. Но жаль смять: очень хороша. Всего 25 стихотворений. Но более ярких у Эренбурга не было. Все 25 - об одном. О любви. Нет, ошибся. Три ворвались с Кремлем и революцией. О любви - 22.

- В № 11-12 за 1922 год журнала "Книга и революция" Иннокентий Оксенов пишет о "Портретах русских поэтов":

Антология, составленная Эренбургом, заключает избранные произведения четырнадцати поэтов с очерками-портретами каждого автора. Эти портреты, рисованные Эренбургом, очень импрессионистичны и интересны, как современный портрет, являющийся в большей степени портретом художника, чем оригинала (...) Удачна характеристика Мандельштама (...) Личной склонностью составителя антологии следует объяснить присутствие в сборнике Балтрушайтиса и Пастернака наряду с отсутствием Гумилева и Кузмина.

- В № 1 "Книги и революции" А. Рашковская рецензирует книгу И.Э. "А все-таки она вертится":

Книжка живая, увлекательная, интересная, но искусная, но искусственная, но хитрая. И бестолковая. Особенно в части, касающейся "нового стиля" в литературе. Все эти схемы и "символы веры" новой литературы, как и все извне данные, а не изнутри рожденные программы - теоретичны, абстрактны и бедны содержанием. (...) Эренбург остался Эренбургом, не умирал, не возрождался и так естественно, что ему близок А. Белый и нравится Пильняк, хотя он и старается уверить нас, что выше всех все-таки Чарли Чаплин (самый популярный человек в мире). То, что "она" вертится, этими самыми приемами и методами, уже 10-12 лет доказывают футуристы и с ними сущие, так что по существу ничего нового И. Эренбург не открывает.

- Там же обзор В.Я. Брюсова поэзии 1922 года "Среди стихов"; он начинается рецензией на книгу И.Э. "Опустошающая любовь":

Перед мной книга новых стихов И. Эренбурга, - которая по счету, уже не вспомню: десятая? двенадцатая? хотя И. Эренбург сравнительно молодой поэт. Мне его новые стихи решительно не нравятся. Но тема книги - наша революция, стихи сделанные умело, - для взгляда, не слишком изощренного, - чуть не мастерские. (...)

Общий смысл книги дан в ее заглавии. Октябрьская революция была для России "опустошающей любовью"; эта любовь спасает и спасет Россию, тогда как для "испепеленной" Европы спасения нет. Но с этой основной мыслью сплетены в стихах И. Эренбурга разные мистические (и чисто-религиозные) представления (...)

Есть ли в книге хорошие стихи? Есть, и даже очень хорошие, но нет ни одного цельного стихотворения, ни одного настоящего "произведения искусства". Не лишенный таланта, автор, спешно, не вдумываясь в свои темы, не работая, как художник, набрасывает книгу за книгой. Жаль.

Надеяться, что И. Эренбург перестанет небрежно записывать первые приходящие в голову слова, станет серьезно работать, и тогда явится в нашей литературе выдающимся поэтом, - трудно. Но совершенно безнадежно, чтобы такого выдающегося поэта мы получили в лице Владислава Ходасевича, потому что этот - не небрежен: он явно работает, даже черсчур, и, следовательно, дает все, что может дать.

- В Твери вышла книга Бориса Гусмана "Сто поэтов". Один из очерков посвящен И.Э.:

От "веры" к "безверью", из одного "тупика" в другой, сдирая "прирастающие к телу ризы", в слепоте своей, то "хваля", то "кляня" бродит в жизни Илья Эренбург, отражая эти судорожные метания в своих стихах, в которых он "не о себе говорит - о многих и многих"

- В Москве выходит № 2 альманаха "Возрождение", в критическом отделе которого помещена рецензия Э. Миндлина на поэтический сборник И.Э. "Раздумия":

Ныне, во имя наиглубочайшего грехопадения поэзии, когда фиговым листочком внешнего мастерства пытаются прикрыть наготу полой, слепенькой душонки, "Раздумия" Эренбурга - единственно оправданное явление из хаоса трижды бессмысленных других книжных явлений. Именно поэтому, вероятно, осталась эта книжка, большая и значительная по заключенному в ней неподдельному пафосу, - малозамеченной, ибо подлинное всегда незаметно.

- В журнале "Эхо" № 5 опубликована статья Ю. Соболева о "6 повестях" и "13 трубках":

Много луковой усмешки в "6 повестях", но есть в них и горечь выстраданной любви, есть в них и волнующая мечта о правде новой жизни.

с.23

1923

1 февраля

Б.К. Зайцев пишет из Берлина в "Книгоиздательство писателей в Москве":

Знаю, что Эренбург продал в Россию роман по 5 английских фунтов за лист (правда - в Госиздат или в трест, точно не помню, одним словом - Ангарскому)

РО ГЛМ, ф.300, оп.1, д.46, л.2

2 февраля

И.Э. пишет В. Лидину:

У Ангарского 7 пятниц. Денег возвращать ему, разумеется, не следует. Так как мне нужно выслать сейчас деньги дочке и сестрам, я посылаю Вам телеграмму, в которой прошу все деньги, т.е. 15 ф. и 5 д. отдать моей сестре Изабелле Григорьевне Эренбург - Кривоколенный переулок 14, кв. 45. Этим заканчиваются Ваши мытарства по эренбурговско-ангарским преисподням. За все сделанное великое спасибо! (...) Вчера был специально у Левенсона (он мне клялся, что послал Вам 30 экз. заказным). Обещал сегодня выслать на всякий случай 1 экз.

Альманах не печатается еще. От "Нов.сполох" (впрочем, как и от старых) предостерегаю. "Струги" - терпимое, редактор их мальчишка - Пиотровский. "Шестая дверь" еще не вышла. Только альманах "Одиссея". Ященке просьбу Вашу передал сегодня. Выслал Вам "13 трубок".

Здесь все стало хуже. Из Прагового Логова[1] выгоняют в 11 ч. вечера. Все весьма напоминает кафе Бома в сентябре 17-го.

Горький, Ходасевич и Тихонов издают толстый журнал "Эпоху". Белый собирается, кажется, жениться. Ремизов ищет квартиру и т.д. Какие-то крысиные будни.

Статьи о себе в №8 "Печати и Революции" я не видел. Не было ли обо мне что-нибудь в статьях и обзорах Брюсова и Асеева в N7 того же журнала? Если вообще будут рецензии, не забудьте прислать.

№5 "России" я не видел. Скажите в редакции, чтобы мне как сотруднику выслали. Вообще пропагандируйте присылку мне журналов и книг. Буду отвечать тем же.

- И.Э. пишет Е.Полонской:

Я пишу книгу ТРЕСТ Д.Е. История гибели Европы по последним данным. Это очень смешно, но не весело. Все-таки я ее очень люблю - эту пакостную едкую Европу!

Получила ли ты мои "трубки" (это не "всурьез"). Кланяйся от меня Серапионам. Они хорошие, особливо их иудейская часть + Зощенко и Тихонов. Что ты пишешь? Я жду твоих новых стихов. Ругают ли меня в Питере так же сильно, как в Берлине. (Скажи правду!)

1 Кафе Prager Diele

1923

8 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

Что с "6 повестями? Я получил от Воронского письмо, в котором он говорит, что задерживает Мещеряков[1]. Нельзя ли двинуть дело? А "Неправдоподобные"? Еще просьба: узнайте, набирают ли уже "Курбова"? Здесь тишина. Пастернак едет в Москву. Сидим в Prager.

Сегодня у Ферстера[2] будем есть блины. Я пишу сатирическую утопию "Трест Д.Е.". История гибели Европы по последним данным (1928-1940). Написал 3 листа - половину.

9 февраля

И.Э. пишет А.К.Воронскому:

Сестра моя получила официальную справку в иностранном отделе Главлита (Москва, Сретенский бульвар) о том, что "6 повестей о легких концах" в Россию не допускаются. Буду Вам бесконечно благодарен, если Вы поможете разъяснить это явное недоразумение и настоять на пересмотре решения.

Я жду ответа от Госиздата касательно этой книги (т.е. "6 повестей"). Я сейчас пишу новую вещь: "Трест Д.Е." (История гибели Европы по последним данным). Это сатира-утопия. Европа гибнет между 1928 -1940 гг. при содействии американского треста, организованного авантюристом Енсом Боотом. Я предлагаю эту вещь для "Красной нови". В ней будет около 6 печатных листов, и ее можно напечатать в двух книжках. После этого издать отдельной книгой. Я написал уже 16 глав. Всего будет 40, а книгу я закончу в течение месяца.

Если Вас "принципиально" эта вещь занимает, напишите мне (так же и об условиях), и я Вам вышлю все, что будет к этому времени написано. В Москву я полагаю приехать весной.

Литературное наследство, т.93, М., 1983, с.570

И.Э. пишет Е.Полонской:

Я пишу новую вещь ТРЕСТ Д.Е. (История гибели Европы по последним данным) Весело. Действие происходит между 1926 - 1940 гг. Трест американский, а во главе его европейский авантюрист Енс Боот. Получила ли ты "13 трубок" и читала ли в "Кр. нови" отрывки из Курбова? Напиши. Жду очень твоих новых стихов. Люблю их по настоящему. "Хам" Тихонова - здорово. Прекрасный тяжеловоз.

- Берлинская газета "Накануне" сообщает о выходе в издетельстве "Манфред" первого альманаха "Струги", в котором помещен отрывок из еще не опубликованного романа И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова".

---

1 Речь идет об издании романа "Жизнь и гибель Николая Курбова"

2 Русский ресторан в Берлине

1923

11 февраля

Белградская газета "Новое время" помещает рецензию на вышедшую в переводе под редакцией И.Э. книгу Ф.Элленса "Басс-Бассина-Булу":

Прежде всего нужно заметить, что переведена книга из рук вон плохо. Что редактировал в ней Эренбург и для чего читателю объявляется, что перевод сделан под его редакцией - не знаю, но это редактирование не делает чести ни переводчику, ни редактору (...) Стыдно издательству Ефрона преподносить читателю этот сок духовной навозной лужи (...) Книга эта никого, кроме большевиков, привлечь к атеизму не может. Обязанность критики только предупредить читателя о том, что читать ее просто не стоит.

Январь-февраль

В берлинском журнале "Сполохи" (№ 15-16) рецензия Веры Лурье на "Звериное тепло":

Эренбург вполне современен, как по темам, так и по выполнению. Никогда назад, всегда вперед - его путь, и в этом его большая заслуга.

18 февраля

Берлинская газета "Дни" сообщает:

И.Эренбург заканчивает новый фантастический роман "Трест Д.Е." и книгу рассказов "Любовь и три апельсина".

В том же номере газеты еще одно "шутейное" объявление:

Известная художница Л.М.Козинцева заканчивает большой труд - апологию "конструктивизму", озаглавленную "Она не перестала вертеться". В художественных кругах книга вызывает много толков; выходит в издательстве "Макабуз".

20 февраля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Сегодня сажусь за прерванный болестями "Д.Е.". Это очень веселая и жуткая штука. Уже 2/3 Европы ликвидированы. Остаются пустяки. Получил листы Московского изд. "Курбова". Смысл текста трудно понять: 600 (шестьсот) смысловых опечаток.

21 февраля

И.Э. пишет В.Лидину:

Таиров передал мне 15 ф. Спасибо!

Вышла Ваша "Шестая дверь". Только что получил ее. Издана средне. Получил "Одиссею" - сборник по-моему на редкость плохой, частью позорный (рассказ Савватия, напр.). Посылаю Вам рецензию на него в "Днях".

Ваша книга в "Геликоне" уже брошюруется. Обложка наборная - красный и черный шрифты. Мне нравится как издано. Я получил корректуру "Курбова" (московского изд.) Там около 600 (шестисот) опечаток! Дал телеграмму, чтобы задержали печатанием, но не знаю - успеют ли. Если будут отзывы о нем и о сборнике "Недра", пожалуйста, пришлите.

23 февраля

В "Доме Искусств" читают свои произведения М.Шкапская и И.Эренбург. Начало в 7 часов вечера.

Дни, Берлин, 1923, 23 февраля

25 февраля

В берлинской газете "Руль" рецензия на "13 трубок":

Книга Эренбурга читается с захватывающим интересом. В его рассказах есть фабула - не частая гостья русских писателей, есть напряженность, быстрое развитие действия (...) В его сатире отсутствует смех, хотя бы горький, хотя бы злобный. Не потому, что он считает этот презренный мир недостойным своего смеха, а потому, что ему вообще не смешно, что он так же серьезен, как дети, обрывающие лапки у живой мухи.

- Киевская газета "Пролетарская правда" под заголовком "Луи Ру" публикует одну из новелл из "13 трубок".

28 февраля

В 8 часов вечера в помещении кафе "Леон" открылся вечер Цеха поэтов. Доклад о современной русской поэзии - Георгий Адамович, только что приехавший из Петербурга, и Николай Оцуп. Г.Адамович, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева и Николай Оцуп прочтут свои стихи. Оппонентами Ю.Айхенвальд, В.Шкловский, И.Эренбург и др.

Дни, Берлин, 1923, 27 февраля
Руль, Берлин, 1923, 28 февраля

Контраст миролюбивости стиха "цехистов" со страшной агрессивностью их доклада подчеркнули оппоненты Эренбург и Шкловский. Ими было указано, что группа "Цеха" является весьма искусственным образованием и напрасно думает, что говорит новые слова. Они лишь топчутся на месте и рабски реставрируют старые формы. В то время, как московские поэты, против которых так восстают петроградские "цехисты", действительно говорят новые слова.

Отвечая своим оппонентам г.Оцуп вскользь указал, что всякий хороший и содержательный доклад о поэзии должен быть неизбежно скучен.

Руль, Берлин, 1923, 3 марта

- И.Э. пишет В.Лидину:

Я залпом прочитал "Морской сквозняк" (кстати, заглавие мне кажется неубедительным). Многое в ней мне очень понравилось. Главы о чуде

XX века, о гусе и князе и др. - превосходны. Я страшно радовался ее языку, который, очевидно, означает известный перелом. К недостаткам (или свойствам мне чуждым) я отношу 1) элемент философский, несколько близкий... "третьей столице", например, все главы о России, ученый и пр. 2) отсутствие единого объединяющего сюжета - порой кажется, что это том превосходных рассказов в комлекте журнала за год, то есть начало 1-го рассказа, 2-го и т.д. потом продолжение 1-го, 2-го и т.д.

За эти замечания не сердитесь. В общем, вещь хорошая, и только русской культурностью можно объяснить дальнейшее, то есть успех "Третьей столицы" и пр.

Посылаю Вам снова вырезку из "Clarte", где имеется о Вас. Как "6 повестей" и "Неправдоподобные истории"? Я заканчиваю "Д.Е." Сегодня получил телеграмму от "Круга" с предложением дать им по 75 рублей за лист. Вероятно, так и выйдет.

Здесь все по старому - вчера был на балу "Sturm". Немцы целовались и густо камемберисто пахли. Пришлите мне, пожалуйста, "Эхо" и другие московские журналы.

Февраль

Альманах "Недра" (гл. редактор Н.С.Ангарский) печатает в №1 отрывок из романа И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова" - "Тараканий брод".

- В журнале "Сибирские огни" №1-2 статья В.Правдухина "Литература о революции и революционная литература":

У публики, у потребителя, по крайней мере у того, который шумно обнаруживает себя в возрождающемся мелком, пошловатом журнальчике типа "Запад", "Эхо", "Рупор" и т.д. большим успехом пользуются такие произведения, как "Хулио Хуренито" Ильи Эренбурга. Эренбург - апостол нового течения в искусстве, пресловутого "конструктивизма", проповедник перенесения центра тяжести искусства в область нарочитой постройки машинизации, интеллектуального омеханизирования в согласии с современной шумихой, "ритмом" больших городов.

Его книга безусловно знамение времени, евангелие для людей, жалко стремящихся жонглировать и скакать в согласии с этим внешним ритмом. Его книга читается с таким же "захватывающим интересом", с каким публика смотрит на головоломные трюки цирковых акробатов, с таким же волнением в крови (...) Эренбург рисует нам мертвые души, создает свой мирок для них, но оказывается, что в этом мирке даже сокрыто и затаенно нет места живому. А мертвое всегда предполагает живое. Одно мертвое не есть мертвое, оно становится просто бесформенным, безобразным и бессмысленным, каким и оказалоась книга Эренбурга "Хулио Хуренито".

- "Красный журнал для всех" (Петроград) №1-2 печатает рецензию В.Князева на "Зарубежные раздумия":

1923

Поэт понял правду пролетарской революции, осознал ее ("Я не трубач - труба... дано им верить, мне звенеть") и, если не принял ее целиком (издевки, вроде - "потешной электрификации"), то исключительно только из-за органической своей глубоко интеллигентской неспособности приобщиться к новой жизни. Но это новое он не проклинает, наоборот: "прославляю я победы меня сумевших побороть". Европу же, издевавшуюся над рабочей Россией - бичует и чувствует себя там среди всеобщего, мещански-сытого, тупого самодовольства, окончательно выбитым из жизненной колеи.

1 марта

В московском журнале "Эхо" под заголовком "Борцы за Россию" опубликован отрывок из романа И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова".

2 марта

И.Э. пишет В.Лидину об издании его книг в Германии.

4 марта

Журнал "Печать и революция" №2 публикует рецензию на книгу И.Э. "Портреты русских поэтов":

Эренбург, конечно, человек очень и очень искушенный (...) Он пробавляется больше "афоризмами", - из каждого своего любимца приготовляет кушанье нестерпимо пряное, - то ли сладкое, до приторности, то ли кислятина - в рот не возьмешь. В большинстве же случаев всех пикантностей помаленьку: что-то вроде огурца с перцем и медом. Такой рассейский джинджер, - хоть и щиплет, а противно.

- В берлинской газете "Дни" Михаил Осоргин рецензирует первый номер альманаха "Струги":

Об Илье Эренбурге положительно неудобно больше говорить! Он так много пишет и печатает, с такой потрясающей быстротой, что делается за него уже не радостно, а страшно. Во всем, что он пишет, есть что-то; есть и в новом романе "Жизнь и гибель Николая Курбова". Но это эренбурговское "что-то" раскидано и разметано по книгам, книжкам, рассказикам, романам, и собрать и осмыслить эренбурговскую сущность невозможно. Есть в нем хорошая злость и здоровый нигилизм, а где его положительное? Так можно обратиться в беллетриста-фельетониста, а это плохо.

5 марта

В парижской газете "Звено" №5 Михаил Осоргин рецензирует "Портреты русских поэтов":

"Портреты" поэтов - сжатые, отчетливые психологические этюды. Это - не критика стихов, не обсуждение их эстетической ценности, не

исследование стиля. Эренбурга интересует в поэте человек - его характерное неповторимое лицо, его своеобразный жест, его особый голос. Он читает стихи, и воображению его представляется автор. Нечего и говорить, что это творческое построение может вовсе не соответствовать эмпирической действительности. И в то же время художественно быть правдивее ее.

10 марта

И.Э. пишет В.Лидину и Е.Полонской деловые письма об издании их книг в Германии.

16 марта

И.Э. выступает в берлинском "Доме Искусств".

НРК, 1923, N3-4, с.45

24 марта

И.Э. диппочтой отправляет в Москву на имя А.Я.Аросева рукопись романа "Трест Д.Е."

20-е числа

В Петрограде вышел альманах "Город", в котором Лев Лунц рецензирует "Хулио Хуренито":

"Хулио Хуренито" книга "опасная", не русская. Это сатира, но для русского читателя непривычная. Ведь у нас принято осмеивать только градоначальников, дьячков, пьяниц и врачей. А Эренбург смеется над всем и над всеми. "Хулио Хуренито" - сатирическая энциклопедия. Лукиан в Греции, Петроний в Риме, Рабле и Вольтер во Франции, Свифт в Англии. Незачем продолжать этот общеизвестный трофейный список. Я только выделю из него бессмертный роман Рабле, потому что к нему ближе всего стоит книга Эренбурга.)...) "Хулио Хуренито" - не философский трактат о "кризисе цивилизаций", не проповедь и даже не роман, - это сборник анекдотов (...) В два месяца Эренбург задумал осмеять всю цивилизацию. Нечего и говорить, что талантливейшая книга наполовину испорчена газетной дешевкой (...) Эренбург наспех сработал свою замечательную книгу. И ему принадлежит теперь только честь открытия нового пути. А русская литература ждет еще своего Рабле.

28 марта

И.Э. пишет Е.Полонской:

С Асеевым лично не знаком. Стихи его большей частью люблю. Его же статьи остроумны, но чрезмерно легки, и не той легкостью, которую я люблю.

1923

В.Б.[1] кончил новую книгу "ЦОО". Среди зверей сего сада имеюсь и я, описан не особенно удачно, но "благожелательно". Встретив меня как-то, спросил: "Скажите, а почему я Вас так не любил?" Но я никак не мог ответить на сей важный вопрос.

С Европой я кончил, и от жалости чуть-чуть не плакал. Мне очень хочется поскорей тебя познакомить с моим новым героем, племянником Хулио Хуренито, с Енсом Боотом. Ах, как умел любить этот человек m-me Люси Бланкафар, урожд. Фламенго - Финикианскую царевну - Европу! Посылаю тебе в качестве экзотики последнюю страницу рукописи. Издавать ее в России будут, кажется, если сему не воспрепятствует ни прекрасная "Анастасия"[2], ни не менее прекрасный Пильнячек Б.

Меня продолжают усердно хаять. Дело в том, что я должен быть чем-то средним между неслыханным циником и Боборыкиным. Получить это среднее не так легко и, естественно, что люди потеют.

30 марта

"Вечерняя красная газета" (Петроград) помещает рецензию на первый номер альманаха "Недра":

Эренбург в своем "Тараканьем броде" все время ловится читателем на самых курьезных бытовых промахах: трудно, прожив героическое время за рубежом, писать о нем героические произведения.

31 марта

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я не пишу никакой книги, кончив "Трест Д.Е." и не желаю столь вскоре возвращаться к нравам уже погибшей Европы. Итак, остается практиковаться на письмах к друзьям, неизбалованным моим глубоко светским почерком (...) От Аросева я пока получил только телеграмму с просьбой выслать конец и с обещанием письма. Я выслал ему неделю тому назад через представительство конец рукописи. Ответа еще не получил. Читал ли он ее при Вас? Как нашли со стороны цензурной? (...) Здесь же все по-старому, пожалуй, за исключением совсем удивительной весны. В "Цоо" обо мне между прочим имеется, скоро весна, в "Прагер Диле" вынесут на веранду столики и Эренбург, наконец, увидит небо. Итак, я сижу на верандах кафе и вижу небо. Вероятно, это плюс чисто женское воспитание сделают меня действительно новым Жуковским.

Я читал заметку Лунца о "Хуренито" в "Городе" и был польщен. Все мои грехи там ровно вдвое умалены: я писал эту книгу не два месяца, а 28 дней (...) "КУРБОВ" наконец вышел в Москве, здесь же будет готов на днях.

---

1 Шкловский

2 Цензура

1923

ФШ, л. 23-24

1 апреля

Газета "Накануне" сообщает о деятельности издательства "Геликон":

Вышли в марте: Илья Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова, роман; Лик войны, издание второе. Печатаются: Антология современной французской прозы. Вступительная статья И.Эренбурга (Дюамель, Мориак, Пруст, Ромэн, Сандрар, Элленс); Илья Эренбург. Из испанских поэтов. (Обе книги не вышли).

- Рижская газета "Сегодня" печатает рецензию на книгу И.Э. "13 трубок".

- К.Чуковский записывает в дневнике:

Вчера купил себе в подарок Илью Эренбурга "Хулио Хуренито" - и прочитал страницы 82. Не плохо, но и не очень хорошо: французский скептицизм сквозь еврейскую пропись с русским нигилизмом в придачу. Бульварная философия - не без ловких - в литературном отношении - слов.

К.Чуковский. Дневник. 1901-1929. М., Советский писатель, 1991, с.241

2 апреля

Газета "Накануне" сообщает:

В Берлин прибыла труппа Камерного театра (...) Будет пять постановок: "Федра", "Саломея", "Принцесса Брамбила", оперетта "Сестры-близнецы" и мелодрама "Мориц Саксонский".

- Берлин настроен сверхпатриотично (...) Для него Камерный театр был принужден переименовать "Адриенну Лекуврер" в "Морица Саксонского", а "Жирофле-Жирофля" в "Близнецов".

И.Эренбург, "Берлин". Россия, 1923, N9

11 апреля

В берлинском "Клубе писателей" А.Я.Таиров прочел доклад "О задачах Камерного театра".

НРК, Берлин, 1923, N5-6, с.43

Таиров цитировал отрывки из статей, писем и даже "деклараций", подписанных крупнейшими именами новейшего французского искусства и приводил отзывы английской и американской печати, как иллюстрацию к той борьбе, которую вызвали спектакли Камерного театра (...). Несколько огорчил слушателей г.Таиров тем, что совершенно не коснулся по существу вопросов творчества и работы Камерного театра, но он попросил у аудитории снисхождения в виду понятной усталости. В прениях, развернувших вопрос значительно шире, выступали: Ф.А.Степун, П.П.Муратов, И.Эренбург и др.

Дни, Берлин, 1923, 13 апреля

13 апреля

В "Доме Искусств" состоялся диспут на тему "О внешности книги". В оживленном диспуте приняли участие В.Шкловский, И.Эренбург, худ. Лисицкий, С.Сумский и др.

НРК, Берлин, 1923,N5-6, с.42

16 апреля

Петроградская "Вечерняя красная газета" откликается на выход в свет романа И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова":

Гнусная и грязная книга, полная клеветы на революцию (в частности, на Чрезвычайную комиссию), обывательщины и патологически-судорожных попыток низвести героическое и бессмертное до уровня свидригайловщины, пошлости, низменности. Автор, несомненно, душевно и нравственно больной человек, и для чего больной бред этого калеки печатают и распространяют - совершенно непонятно. Остерегаем тружеников Петрограда от покупки этого клинического гнилья.

19 апреля

И.Э. пишет В.Лидину:

Чтобы прожить хорошо 3 месяца в каком-нибудь местечке у моря или в горах по сегодняшним ценам и сегодняшнему курсу Вам нужно примерно 60-80 долларов. Я буду очень рад, если Вы решите приехать. Если Вам нужно будет что-либо касательно визы и пр. - можете рассчитывать на меня. Ященко выслал Вам №2 "Р.Книги", где имеется большая рецензия о "Шестой двери". О "Морском сквозняке" я буду сам писать в "Книге".

21 апреля

И.Э. пишет Е.Полонской:

Что касается "Трубок" и халтуры, то должен тебе откровенно сознаться - здесь ты имеешь дело не просто с виноватой нежностью во взоре, а со священной проституцией. Я написал эту книгу в две недели сидя на балконе в Бинце. Писал и сам вслух смеялся. Это на меня действовало ничуть не хуже морского воздуха. Если же выражаться менее изысканно: охота пуще неволи. Я буду очень рад, если ты меня разругаешь за подобные занятия подробней.

Ты, наверное, уже получила моего "Курбова". Вот эту книгу я писал с великим трудом. Правда, я почти заболел от нее. Не знаю, вышла ли она от этого лучше. Напиши свое мнение - им я очень дорожу.

Кстати, или, вернее, некстати: вопреки всем серапионам вселенной - программа максимум - писать легко (увы, это граничит с вздором и редко кому дается).

Здесь все то же, т.е. Берлин, холод и в достаточной дозе графалексейниколаевичтолстой (тьфу, какое длинное слово). Читал твое стихо-

творение "Договор" - хорошо. Я определенно люблю твой пафос. Вообще, я тебе верю: искусство существует вне антуража, "Лефы", вероятно, ерунда, а стих Пастернака, а Коонен в "Федре" - реальность. Итак, я снова отрекаюсь, и снова за искусство.

Прекрасен "Хам" Тихонова. Баллад не люблю. Что делают Серапионы? Здесь начинается "Беседа" (Горького с Ходасевичем). Это очень приличная беседа и меня туда не пущают. Да, так вот, Горький напечатал в одном бельгийском журнале переводы Зощенко ("Казимира") и Федина ("Сад") и статью о Серапионах. О поэтах там сказано следующее - точно перевожу - "согласно мнению Ходасевича, который по-моему является самым крупным поэтом современной России, молодой Николай Чуковский подает величайшие надежды. Его поэма "Козленок" идет в первом номере "Беседы". Я люблю баллады Познера, молодого человека, проживающего ныне в Париже, где он учится в Сорбонне. Весной он собирается вернуться в Россию и вновь присоединиться к "Серапионам". Он пишет свободным стихом с юмором. В его стихах интересная смесь иронии и благородства. Баллады Одоевцевой полны оригинальности и интереса".

Теперь ты видишь, как хорошо информируют симпатичных бельгийцев.

22 апреля

Берлинская газета "Дни" сообщает о выходе в немецком переводе книги И.Э. "Хулио Хуренито".

28 апреля

И.Э. пишет приехавшему в Берлин в командировку П.С.Когану письмо с просьбой назначить ему время для встречи.

ЦГАЛИ ф.237, оп.1, ед.хр.147, л.5

29 апреля

И.Э. пишет М.Шкапской:

Я весьма расстроен упорным, чисто эпическим молчанием Аросева. Конец рукописи они давно получили. Телеграфировал. Ответ: "письмо послано". Еще раз. Тоже самое. Старнные бывают на свете письма (чтоб не сказать люди). Может быть Вы можете как-нибудь воздействовать на них, чтобы они ответили. Если можно, пришлите мне пьесу, о которой пишете. Дело в том, что я поглядев Коонен в "Федре", решил во что бы то ни стало написать для Камерного театра трагедию.

ФШ, л.28-29

Апрель

В Госиздате тиражом 15000 экз. вышел роман И.Э. "Хулио Хуренито" с предисловием Н.И.Бухарина:

"Хулио Хуренито" - прежде всего, интересная книга.

Можно было бы, конечно, сказать много "серьезных" и длинных фраз по поводу "индивидуалистического анархизма" автора, его нигилистического "хулиганства", скрытого скептицизма и т.д. Не трудно сказать, что автор - не коммунист, что он не очень шибко верит в грядущий порядок вещей и не особенно страстно его желает. Все это было очень верно и очень почтенно.

Но все же книга от этого не перестает быть увлекательнейшей сатирой. Своеобразный нигилизм, точка зрения "великой провокации" позволяет автору показать ряд смешных и отвратительных сторон жизни при всех режимах . Но особенно удались автору те страницы, где бичуется капитализм, война, капиталистическая культура, ее добродетели, высоты ее филисофии и религии. Автор - бывший большевик, знает кулисы социалистических партий, человек с большим горизонтом, прекрасным знанием западно-европейского быта, острым глазом и метким языком. Книга поэтому получилась веселая, интересная, увлекательная и умная.

Говорят, о вкусах нельзя спорить:

Однако все - вероятно, потому что позабыли о латинских герундиях и герундивах, - только и делают, что "спорят о вкусах".

Надеемся, что читатели обнаружат хороший вкус и с удовольствием прочтут занимательного "Хулио Хуренито".

- В московском издательстве "Первина" тиражом 4000 экз. вышла книга И.Э. "Портреты современных поэтов", повторяющая берлинское издание "Портретов русских поэтов", но без стихов.

- Публикуются две статьи Е.Замятина об И.Э. Одна, как часть работы "Новая русская проза", в журнале "Русское искусство" N2-3, другая - под заголовком "Эренбург" в N8 журнала "Россия":

Эренбург - самый современный из всех русских писателей, внутренних и внешних - или не так: он уже не русский писатель, а европейский, и именно потому - один из современнейших русских. Это - конечно, еретик (а потому - революционер) - настоящий. У настоящего еретика есть то же свойство, что у динамита: взрыв (творческий) - идет по линии наибольшего сопротивления. Оттого в 1918 году он написал "Молитву о России", а в 1922 г. - "Хулио Хуренито" и "Повести о 13 трубках". Труднее всего идти, когда под ногами все колышется, нет ничего твердого, никаких - говоря по-ницшевски - "костылей достоверности". И такой трудный путь Агасфера - путь на все посягающего скепсиса - выбрал Эренбург. Полнее всего это в романе "Хулио Хуренито"... "Жизнь и гибель Курбова" - несомненный симптом, что Эренбург услышал музыку языка в прозе (чего ему так не хватало в "Хулио Хуренито")- пусть даже пока не свою музыку: важно - услышать. Белый - лекарство очень сильное, очень ядовитое, очень опасное; многих - несколько капель Белого отравили; Эренбург, я думаю, выживет.

- В том же номере "России" опубликован первый очерк И.Э. о жизни в Германии - "Письмо из кафе".

- "Сибирские огни" №4 публикуют статью Ильи Груздева "Искусство без искусства":

Часто бывает, что ревность прозелита не всегда удобна и может предательски выдать то дело, которому служит. То же случилось и с Эренбургом. Его книга "А все-таки она вертится" сообщает, что свойствами нового искусства явятся: ясность, конструктивность, пропорция, гармония, точность, солидность, простота, целесообразность, разумность, организованность и ... можно было бы прибавить еще 20 или 30 столь же похвальных свойств, без того, чтобы дело продвинулось бы сколько-нибудь вперед. Не "она" вертится в книге Эренбурга, вернее, не "оно", поскольку речь идет об искусстве, вертится сам автор вокруг этих совершенно относительных понятий. Понятие конструктивность, оторванное от понятия "конструкция материалов" и перенесенное в вопросы искусства вообще, потеряло все свое специальное значение, стало простой абстракцией, так как всякое искусство, поскольку оно заслуживает этого названия - "конструктивно". Нехорошо получается и тогда, когда Эренбург трактует об утилитарности нового искусства. Здесь-то и можно заподозрить его в самом махровом "эстетизме". Трубка "Дониль" не только приятна на вкус, но и дает полное эстетическое удовлетворение. Те, кто "возлегают в прекрасных каютах "Аквитаний", - "вандалы", обладая высокими шедеврами, они не понимают их красоты. Если бы город вместо гонорара скульптору, построил бы еще несколько автобусов, общественную уборную (подземную), грузоподъемник, - граждане получили бы не только блага комфорта, но и новые эстетические эмоции. Где уж тут красивое - оно ускользает.

Говорилось ли когда-либо раньше так много и по всякому поводу о "красоте". И уже не веришь Эренбургу, а объясняешь только кокетством его заявления, что больше всех выставок, спектаклей и книг, его поразили писсуары Лондона.

<u>11 мая</u>

В "Доме Искусств" состоялся диспут на тему: "О рецензиях". Вступительное слово сказал В.Ирецкий, в прениях приняли участие И.Эренбург, А.Шрейдер, Б.Харитон, В.Шкловский и др.

НРК, Берлин, 1923, N5-6, с.42

Несколько слов о влиянии политики на библиографию сказал И.Эренбург.

Дни, Берлин, 1923, 17 мая

- Е.Полонская шлет из Петрограда И.Э. свою книгу "Под каменным дождем" с надписью: "От любви в плетенке Фьезоле. 11 мая 1923 Петроград ЕП"

Собрание И.И.Эренбург

12 мая

В парижской газете "Последние новости" статья Андрея Левенсона о художественной выставке:

Новым эпизодом явилась выставка Мане-Каца, устроенная галерееей Персье, 38 рю де ля Боэси, в самом средоточении того постоянного Салона нового искусства, что тянется от церкви Сэн-Филипп дю Руль до площади Св.Августина. Мане-Кац, питомец школы, основанной в свое время в Петербурге Бакстом и Добужинским, испытал сильное воздействие законченной и пластичной техники Яковлева (...) Ряд портретов - Белоусова, где разрешается композиционная задача связи музыканта с инструментом и человека с вещью, Эренбурга, отлично построенный - завершает выставку, каталог которой украшен предисловием критика Вольдемара Жоржа.

- Берлинская газета "Дни" в рубрике "Театр и искусство" анонсирует:

В двадцатых числах мая в Берлине состоится бал, организуемый недавно основанным союзом русских художников. Комитет состоит из следующих лиц: К.Коровин, А.Архипенко, А.Арнштам, И.Пуни, М.Шагал, Б.Зак, К.Богуславская, К.Голубев-Багрянородный, П.Зябкин. В день бала выйдет газета-однодневка, любезное участие в которой принимают Б.Зайцев, П.Муратов, В.Шкловский, С.Рафалович, А.Ремизов, Поль Вестхейм, М.Мальцер, Е.Феррари, И.Эренбург, Р.Беллинг и др.

13 мая

В берлинской газете "Накануне" рецензия на "13 трубок":

За Евгением Замятиным или Алексеем Толстым установилась слава писателей хороших, крепких; за Борисом Зайцевым - писателя устаревшего, отстающего от жизни на сотни верст. За Ильей Эренбургом ходит слава писателя плодовитейшего, трудолюбием своим затмившего и Немировича-Данченко, и Боборыкина, и Шеллера-Михайлова. С утра до вечера и с вечера до утра пишет Илья Эренбург стихи и рассказы, статьи и романы, выкидывая их на рынок с быстротой отменной ротационной машины. Следы явной торопливости носит и его очередная книжка "Тринадцать трубок".

15 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Дорогой Владимир Германович, я получил "Морской сквозняк". Хотел писать о нем в "Р.Книге". Но Ященко получил уже тоже книгу и дал писать о ней Бахраху (которому книга весьма нравится). Я послал ее сегодня переводчику на немецкий. Надеюсь, выйдет. Ю.И.[1] писал о Вас

1 Ю.И.Айхенвальд

в "Руле". Хвалил (...) Рад буду Вас видеть здесь. "Круг" выписал телеграфно мою книгу "Трест Д.Е.", а теперь почему-то не отвечают и очевидно "саботируют". Не знаете ли Вы, в чем дело? Напишите мне. Я весьма заинтригован. Карточку пришлю. Мне пишут из Петербурга, будто там "Курбов" изъят. Так ли это? Здесь говорят, что им все возмущены. Бедный Ангарский, наверное, рвет на себе волосы.

16 мая

В "Клубе писателей" И.Э. прочел новый роман "Трест Д.Е."

НРК, Берлин, 1923, N5-6, с.43

Слушал чтение И Эренбургом его нового фантастического романа "Трест Д.Е." и не мог все время отделаться от охватившего меня гнетущего чувства (...). Когда "Даешь Европу" кричат пьяные комиссары, то это звучит очень гордо. Когда в Агитпропах ставят пьесы на эту тему, то, значит, им так приказывает начальство. Но, когда писатель с именем под видом романа преподносит русской публике политический шарж, написанный в стиле провинциального Агипропа, то это не может не вызвать сожаления.

С.Соловейчик. Европа из Агитпропа. Дни, Берлин, 1923, 24 мая

- И.Э. пишет из Берлина Е.И.Замятину на адрес редакции журнала "Россия":

Дорогой Евгений Иванович, я прочел Вашу статью о моих книгах и очень захотелось поблагодарить Вас. Мое восприятие Вас как самого большого мастера заставило меня с волнением ожидать Вашей оценки. Поэтому Ваши хорошие слова так порадовали и ободрили меня. Для меня они не рецензия, а письмо мне же в порядке вежливости. Надеюсь, что судьба как-нибудь сведет нас и сможем побеседовать. Сердечный привет! Ваш Илья Эренбург.

ИМЛИ ф.146. оп.1, ед.хр.8

18 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Вчера я видел Николая Семеновича[1] и узнал от него о всех злоключениях, постигших "Курбова". В итоге, он написал не спросив моего согласия предисловие, которое даже в его пересказе носит возмутительный характер. Неужели книга в Москве, действительно, так встречена всеми. Вспомните, что я здесь ничего не знаю, что это для меня крайне важно, и напишите.

Очевидно, в связи с этим, моя вторая беда: сегодня я получил телеграмму от Воронского: "Трест Д.Е." политически отклонен. Это меня

---

1 Ангарского

совсем зарезало. Я рассчитывал на гонорар за эту вещь. Деньги мне теперь нужны до крайности. Посему очень прошу Вас, если "Трест" не запрещен вообще цензурой, то попытайтесь предложить его в другое издательство, а если запрещен, то отрывки в журналы.

- И.Э. посылает В. Лидину свою фотографию для сборника "Литературная Россия", куда вошли образцы прозы современных русских писателей.

- Из рукописи неопубликованного предисловия Н.С. Ангарского к роману И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова":

Хотя И. Эренбург по своему литературному направлению (сумбурный, вычурный стиль) и отношению к жизни стоит особняком в "Библиотеке Современников" "Новой Москвы", тем не менее редакция сочла возможным напечатать его книгу.

Эренбург хорошо знает эмигрантскую среду, ее быт и нравы, и совершенно беспомощен в изображении русской действительности: здесь он пытается недостаток опыта восполнить интуицией, которая не всегда бывает удачной.

Революция и контрреволюция, профессиональный убийца-терроирист Высоков и стойкий, почти святой, чекист Курбов, князь Соб-Бабакин из "Монако" - с одной стороны и "Тараканий брод" с другой, идеалистка-интеллигентка Катя из "пятерки" Высокова и садист Андрематов из Ч.К. - словом весь роман развивается в густо насыщенной, пряной атмосфере на фоне разнузданно-грубых, то "тонких и сложных", но всегда половых переживаний.

Ох уж эти модные "бездны и провалы" души! Венера Милосская и грех Содомский! Кто только не использует теперь эту "вечную" тему.

Париж, русско-французская, насквозь прогнившая буржуазия, организующая при содействии известного террориста Высокова (сравнение с Савинковым напрашивается само собой), священный поход против большевиков ("Братство Христа, меча и революции") - все это изображено вполне художественно, а, следовательно, верно и правдиво, но когда автор пытается столь же "объективно" подойти к изображению учреждений революции, когда он описывает "будни" Ч.К., то описание это мало чем отличается от описаний А. Яблоновского и других белогвардейских фельетонистов, к сожалению, тоже лишь интуитивно знакомившихся с Ч.К.

Автор ничем не отличается от тех "приемлющих" октябрьскую революцию добрых интеллигентов, кои приемлют "как красную" без Трибунала, Г.П.У. и других органов пролетарской диктатуры, что же удивительного в том, что гр. Эренбург столь сгущенными мрачными красками рисует Ч.К.? Конечно, было бы красивее, если бы французскому наймиту Высокову и его "пятеркам" Советская Власть приветствовала такое учреждение благородных рыцарей и "благородные" приемы борьбы. Но теперь уже даже российские нытики начинают понимать, что без диктатуры пролетариат не может удержать власти. Будем надеяться, что к этому скоро придут и наши заграничные друзья.

ИМЛИ ф.146, оп.1, N 20, л.1

- И.Э. пишет М. Шкапской:

У меня тьма неприятностей. Во-первых, был изъят "Курбов". Ангарский вчера признался мне, что он добился отмены сей меры ценой для меня тяжкой: он написал предисловие весьма сомнительного свойства, для меня всячески неприемлимое. Я возмущался, но ничего поделать не мог.

Далее: сейчас получил телеграмму от Воронского: "Трест политически отклонен рукопись передана Шкапской". Зарезали! Теперь надежда на Вас: может быть, можно как-либо помочь. Я не знаю, отклонило ли рукопись данное издательство или цензура. В первом случае, может быть, Вам удастся утстроить это в другом месте. А во втором придется ограничиться печатанием отрывков в журналах, тогда раздайте отдельные главы в различные места (...) Живу неважно. Хвораю: сердце саботирует. Ничего не пишу. Ездил немного по Германии. Мечтаю об отдыхе.

Злоключения "Курбова" меня не радуют. Зато была большая и полновесная радость: прочел статью Замятина обо мне. Редко чьи-либо слова произвели на меня столь ободряющее впечатление. Вышла "Беседа" пристойная и скучная. Нравится мне "Цоо".

ФШ, л.30-31

- В газете "Последние новости" (Петроград) рецензия на "Портреты русских поэтов", а в вечернем выпуске "Известий" (Одесса) - на "Хулио Хуренито".

19 мая

И.Э. пишет Е. Полонской:

"Курбова" взяли. После сего издатель, не спросив меня, чтобы спасти книгу, написал к ней возмутительное предисловие. Каково? Далее - вчера получил от Воронского телеграмму о том, что "трест Д.Е." отклонен по политическим мотивам. Меня против моей воли загоняют в "Zoo". Напиши, есть ли место в Петербурге, где я могу печататься и где сносно платят. Существуют ли еще издательства, которые купили бы что-нибудь. Не забудь - узнай и напиши.

Если ты встретишься с Замятиным, скажи ему, что я очень обрадован статьей его обо мне, и послал ему письмо через "Россию". Не думай, что я столь падок на похвалы. Просто я ценю очень мастерство и европейскость Замятина. Читала ли ты "Курбова"? "Д.Е." здесь выходит на днях и я постараюсь тебе переслать его, хотя это теперь трудновато.

20 мая

Открывается Grosse Berliner Kunstaasstellung am Lehter Bahnhof. На этой выставке значительное место уделено и молодому русскому искусству. Среди экспонатов европейская публика познакомится с конструк-

циями Л.Лисицкого и Л.Козинцевой, орнаментальным кубизмом С.Шаршуна, неореализмом К.Терешковича, макетами и костюмами арх. В.Константиновского и др.

Дни, Берлин, 1923, 18 мая

22 мая

И.Э. пишет М.Шкапской:

Судьба "Курбова" мне непонятна. Я никак этого не ожидал. Очевидно, отвык от климатических условий. Напишите мне, пожалуйста, подробно, что говорят о нем как в литературных, так и в нелитературных кругах.

Еще непонятней судьба Енса. Я злюсь сильно на "Круг". Они тянули дело три месяца и все время давали неправдивые телеграммы: "ответ послан" и т.п. (это Аросев).

Мои материальные дела пошатнулись и продать "Д.Е." в Россию для меня более, чем полезно. Может быть, Лидину и удастся это сделать. Если что-либо узнаете в этой области до Вашего отъезда в Крым - напишите мне, не поленитесь.

Я себя плохо чувствую. Думаю, что скоро удастся выехать из Берлина. Рад за Вас, что едете в Крым.

Увидав Екатерину Оттовну, скажите (я ей писал на днях и скоро опять напишу), чтобы она нелепыми слухами не смущалась. Я надеюсь, что хотя бы части "Д.Е." Лидин продаст. Тогда он ей переведет 56 долларов и пусть не задумываясь немедленно едет. Уговорите ее, пожалуйста!

ФШ, л.32

- И.Э. пишет В.Лидину:

Напишите мне, пожалуйста, почему "Курбов" вызвал такую бучу? Как он встречен в литературных кругах? Были ли о нем отзывы.

"Д.Е." здесь уже готова. Обложка вышла очень хорошо (карта Европы). Гонорар - гроши.

Моя статейка о "Морском сквозняке" будет помещена в ближайшем № "Русской книги".

Май

И.Э. посещает Веймар, знакомится с музеем Гете; посылает Е.Полонской открытку с видом музея.

- Веймар прекрасен! Я долго стоял у простого протертого кресла, на котором умер Гете. Я ходил по проулкам и площадям. Навстречу мне кидался горячий дух лип.

И.Эренбург. "Белый уголь или слезы Вертера". Прибой, Л., 1928, с.146

- Вместе с венгерским фотографом и художником Моголи-Надем И.Э. посетил "Баухаус" и познакомился с работами Кандинского:

Утром я смотрел мастерские. Здесь преподают и работают лучшие художники современной Германии: седые старики Клее и Файнингер, полурусский Кандинский, молодые "конструктивисты". Немного напоминает это московский "Вхутемас", пожалуй строже, деловитей и преснее. Самое живое - "конструктивисты". Здесь преподает молодой венгерец Моголи-Надь, здесь долго работали русский Лисицкий и голландец Ван-Десбург.

И.Эренбург. "Белый уголь или слезы Вертера". Прибой, Л., 1928, с.147

24 мая

И.Э. пишет в Госиздат по поводу рассчетов за издание "Хулио Хуренито".

ЦГАЛИ ф.2563, оп.1, ед.хр.89, л.18

26 мая

В петроградском "Литературном еженедельнике" под заголовком "Отсебятина" печатается рецензия на "Портреты современных поэтов", изданные в Москве издательством "Первина".

Май

В Берлине в издательстве "Геликон" вышел роман И.Э. "Трест Д.Е. История гибели Европы"; обложка работы В.Константиновского.

28 мая

И.Э. пишет В.Лидину:

Сейчас получил Ваше письмо о том, что Вам удалось пристроить "Д.Е." и пришел в великий восторг. Спасибо большое! Радуюсь Вашему хорошему ко мне отношению. Потом Вы прекрасный товарищ, а мы все этим не избалованы (...) Я вчера выслал Вам экземпляр "Д.Е.", а сегодня Лежневу. Если эти не дойдут, сообщите по воздушной почте с указанием, на какой официальный адрес я могу переслать книгу через представительство. С рукописи пусть не набирают, там тьма описок, кроме того, я сделал кое-какие изменения. Что касается надписи на полях, которые имеются в берлинском издании, то в случае затруднений, их можно упразднить. Обложку здешнего издания (карту) можно взять, заплатив художнику. Пропуски в тексте, если таковые будут, отметить точками (...) Касательно "6 повестей": я согласен на 4. Но очень хотелось бы сохранить 2: "Витрион" и "Меркюр" (хотя бы с пропусками). Выясните это, пожалуйста, и напишите. В берлинском издании этой книги много опечаток. Поэтому для набора мне придется в случае успеха выслать исправленный экземпляр (...) Вас лягнула на днях мимоходом Нина Петровская в "Накануне" (...) Я расхворался и на днях уезжаю в Гарц. Не теряю

надежды летом здесь встретиться с Вами. Пишите мне на адрес "Геликона".

Май

В одесском журнале "Силуэты" №12 фельетон А.Зорова "Обезьяны в сюртуках (Опыт мистера Эренбурга)":

"Хуренито" - это миллион пощечин. То увесистых - как булыжник, запущенный с мостовой пьяным хулиганом. То изощренно тонких, как ядовитый газ искусного алхимика. Но всегда метких. Ударяющих по самым больным, самым затаенным, укрытым, респектабельным, самым защищенным многовековыми панцирями уголкам "гуманитарной цивилизации".

Конец мая - начало июня

И.Э. отдыхает в горах Гарца:

Сейчас я сижу на верхушке Брокена. Правда, здесь до неприличия холодно и сыплет хороший крещенский снег.

И.Эренбург. "Белый уголь или слезы Вертера". Прибой, Л., 1928, с.135

3 июня

В киевской газете "Пролетарская правда" рецензия на книгу И.Э. "А все-таки она вертится".

4 июня

И.Э. получает в Гарце открытку от М.Шкапской и письмо от А.Я.Аросева; он пишет М.Шкапской:

Я чувствую себя плохо и доктор загнал меня в Гарц. Сегодня над нами на Брокене выпал снег (это в июне-то!), отель топят. Сплошное Д.Е.! Сижу здесь пока не поправлюсь (простуда). Хочется работать. С "Курбовым" у меня несчастье. В чем дело, толком не знаю. Коли напишете обо всем подробно, очень обрадуете. Я послал Вам на питерский адрес экз. "Д.Е." Как он показался Вам в целом? Издан, по-моему, очень забавно. Видали ли Вы Ирину? Что она?

ФЩ, л.33

- И.Э. сообщает В.Лидину:

Аросев пишет мне, что Курбов конфискован. О том же говорит Ангарский. Так ли это?

7 июня

И.Э. сообщает из Гарца А.С.Ященко, что, возможно, на днях он перекочует в Берлин.

РБ, с.150

9 июня

И.Э. пишет Е.Полонской:

Спасибо за доброе слово о "Курбове". Я его особенно воспринимаю п.ч. ты совершенно права, говоря, что эта книга "для немногих". Его ругают и будут ругать. Он больное дитя и не сделает карьеры, как "удачник" баловень Хуренито. Но я за это его люблю. За то, что писал его мучительно. И видишь, моя ненависть передалась тебе (первоначально эпиграф ко всей книге был "Молю, о ненависть, пребудь на страже"). Пишу тебе на курорте в Гарце, куда я отправился утешать свое взбунтовавшееся сердце. Ничего из этого пока не выходит. Бессилие и тоска. Холодно немилосердно. Сижу в кафе. Немцы богомольно слушают какой-то фокстротик. Когда я скрипнул стулом, раздалось "тссс". Так мы развлекаемся в Европах. Здесь я останусь недели 2. Потом до конца июля буду в Берлине. Лунц, верно, сразу попадет к Ходасевичу и К° и его настроят. Ты ему скажи, чтобы он все же разыскал обязательно меня. Кроме тебя и "великой русской литературы" у меня с ним общая любовь - старая Испания. "Д.Е." я тебе выслал. Напиши, дошло ли? Как читала?

12 июня

И.Э. получает письмо от Е.Полонской и отвечает ей:

Я получил твое письмо очень хорошее. Спасибо. Но за правду - правда. Не отдавай еретичества. Без него людям нашей породы (а порода у нас одна) и дня нельзя прожить. Мы евреи. Мы глотнули парижского неба. Мы поэты. Мы умеем насмехаться. Мы... Но разве этих 4 обстоятельств мало для того, чтобы не сдаваться?

13 июня

И.Э. пишет Е.Полонской из Брокена:

Издыхаю от жары, пива и немцев. Но это не по существу. Айхенвальд печатно объявил меня самым грязным писателем планеты. Тоже между прочим. О стихах 1) Если тебе удастся найти издателя, м.б. соединить в одну книгу новые и "Звериное тепло"?

- И.Э. пишет В.Лидину:

В понедельник 18-го я буду в Берлине и вышлю Вам экземпляр "Д.Е." и "6 повестей" через наше представительство воздушной почтой, так что не позже 23-го они будут у Вас. Пожалуйста, до этого времени задержите набор. На этом я категорически настаиваю. Далее - непременное условие - все купюры отмечаются строчкой многоточий. (...) Мы завтра уезжаем, в понедельник - в Берлин, без комнаты и пр.

1923

16 июня

В петроградском "Литературном еженедельнике" рецензия А.Меча на роман И.Э. "Хулио Хуренито":

Хулио Хуренито - это блестящее скерцо, хитрый узор на политической канве. Мысли Эренбурга, неглубокие по существу, выражены ясно и резко, как удар хлыстом. Характеристики учеников сделаны мастерски, и вся книга выдержана в тоне едкой и колкой сатиры.

17 июня

Берлинская газета "Дни" публикует статью А.Бахраха о романах "Жизнь и гибель Николая Курбова" и "Трест Д.Е.":

"Николай Курбов" - сложный витиевато закрученный "роман приключений" с заманчивыми картинами быта че-ки и московских притонов, где пестрой панорамой проходит 1905-й год, война, революция, даже вплоть до зарождения нэпа - лишь момент из начавшейся неустанной борьбы идей с "числом" (неким неожиданно вынырнувшим из бездны апокалиптическим левиафаном) в аспекте нескольких случайно выхваченных социологических группировок ("Давно уже нет людей. Остались цифры беспокойные, требующие тщательного ухода" - точно вскользь замечает Эренбург). "ТрестД.Е." - жюль-вернейшая фантастика о гибели европейского континента (там в "Курбове" единицы и сотни, здесь уже миллионы, миллиарды, астрономические, беспрерывно растущие невыговариваемые числа) - все та же неравная битва мягкотелой, отжившей свой век идеи с жестким, во всеоружии выступившим "числом" - но уже в расширенном плане целых империй и частей света. Но обе эти книги не больше как углубление или расширение основных идей "Хуренито", причем разработанных не в глубину, а в сторону наименьшего сопротивления - в сторону наибольшей их популяризации (...) Его романы синтезируют в себе торжество цивилизаций и пророчат полную гибель и распад многовековой культуры. В этом серьезная опасность, даже в наш век, когда сама по себе книга перестала волновать и двигать, пребывая только более или менее приятным времяпрепровождением.

– Литературное приложение к газете "Накануне" публикует статью о Большой берлинской художественной выставке 1923 года:

В каталоге - Пуни, Лисицкий, Козинцева-Эренбург (...) Вещи Козинцевой-Эренбург кажутся несколько усталыми.

18 июня

И.Э. возвращается в Берлин.

19 июня

И.Э. пишет В.Лидину:

Умоляю "Трест" набирать не с рукописи, но с здешнего издания, а "Повести" исправить по последнему экземпляру.

Приехав в Берлин, узнал, что мою заметку о Вас почему-то обкарнали. "Книга" выходит на днях. Пришлю (...) Сюда едет Пильняк. Караул!

21 июня

В московском журнале "Красная нива" №25 рецензия на "Жизнь и гибель Николая Курбова":

Сцены в "Тараканьем броде" сделаны с большим мастерством, а окончание романа, нелогически приводящего к гибели ответственного работника Чека, читается не только с большим интересом, но и с напряженным вниманием, которое не всякий писатель может вызвать.

- "Известия" печатают рецензию С.Борисова на "Жизнь и гибель Николая Курбова":

Несомненное влияние Достоевского обнаруживается при чтении даже первых страниц этой книги. Сплошной психологический узор и напряженность углублены автором спирально закрученной фабулой. И в общем от книги странное впечатление. Книга ничего не утверждает и не отрицает. Созвучна ли она нашей революции, быт которой автор изображает? Ответ усложняется тем, что и на Николае Курбове, как и на всем написанном Эренбургом, лежит печать политического нигилизма.

Май - июнь

В Берлине вышел первый номер журнала "Беседа", в котором помещена статья Андрея Белого "О России" в России и о "России" в Берлине".

28 июня

И.Э. пишет В.Лидину:

Я пишу статью о Вас с радостью, раз есть еще время. Не позднее 10-го числа я вышлю ее воздушной почтой Лежневу. Скажите ему об этом. Статья будет небольшая, строк 100 примерно (...) Здесь все то же. Набобов у нас много, но вместо жары здесь стоят крещенские морозы. Еще приехал Никитин, он по-моему и с лица смахивает на незабвенного Пильняка. Был в "Диле". Последняя в опале. Вы можете в "Беседе" прочесть статью Белого, являющуюся чистым дилеборчеством.

Июнь

В №1 журнала "На посту" статья Б.Волина "Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик":

Добродушные большевики, сидящие в наших издательствах - дают приют этим господам, вскармливают их творчество, способствуют его распространению среди широчайших читательских кругов. Эти "приявшие" считают себя монополистами в изображении революционного быта,

по крайней мере, в такое положение их поставили государственные издательства. Но надо потерять всякое революционное чутье, чтобы решиться на выпуск в свет и на распространение такой, с позволения сказать, "революционной литературы", как "Жизнь и гибель Николая Курбова" - Эренбурга, или "Непопутчица" - Брика, или "Рвотный фронт" - Никитина. А между тем, эта рвотная литература искажает революционную действительность, пасквильничает, утрирует факты и типы и клевещет, клевещет, клевещет без конца и без зазрения совести на революцию, революционеров, на партию и на коммунистов (...)

Глава статьи, посвященная И.Э., состоит из разделов:

а) Партийный альбом, составленный Эренбургом, б) Эренбурговская расправа с Вечекой, в) Исторический мужчина Эренбург об исторических девках, г) Брызги дегтя.

Заканчивая главу об И.Э., Волин пишет:

Мы остановились так подробно на "Николае Курбове", чтобы рассказать нашей коммунистической, нашей пролетарской молодежи, что представляют собой все эти Эренбурги, каждый шаг которых отмечается в наших газетах, которых каждый клочок исписанной бумаги покупается на вес золота, которых наши издатели боятся оскорбить или обидеть даже предисловием, которые задравши хвост и закусив удила, клевещут на наше подполье, на нашу партию, на ее учреждения и вождей, искажают факты и события, спеша наверстать потерянное ими и их классом в годы гражданской войны и красного террора диктатуры труда.

- Журнал "Сибирские огни" в №3 публикует статью Якова Брауна "Мефистофель или цыпленок" (Творчество Ильи Эренбурга).

- В московском журнале "Бюллетень книги" рецензия на "Жизнь и гибель Николая Курбова":

"Жизнь и гибель Николая Курбова" представляет собой огромный социологический интерес. В романе даны все социальные категории, из которых складывалась общественная жизнь России последних двух-трех десятилетий. Но художественный талант И.Эренбурга не достигает глубины и утонченности его мыслительной одаренности. Ему удается убедить читателя не художественными приемами, не образностью и красочностью, а математическими выкладками, преподнесенными в форме красноречивой, с большим подъемом произнесенной речи (...) Роман Эренбурга доступен лишь наиболее квалифицированному читателю. Он должен иметься только в библиотеках повышенного типа.

- Этот же журнал пишет о книге И.Э. "Портреты современных поэтов", выпущенной московским издательством "Первина":

В заграничном издании этой книги за каждым "портретом" следовало несколько стихотворений данного поэта. Отсутствие такой антологии в настоящем издании значительно понижает его ценность для читательских масс.

- Н.Ангарский в журнале "Россия" №8 пишет о литературном Берлине статью "Русская литература или шницель по-венски":

1923

Кафе Прагер-Диле. Здесь за круглым столиком левые, здесь посвежее всего. Воздухом России пахнет, соленым, не сменовеховским. Левый издатель Вишняк-Геликон, в облаке трубочного дыма Илья Эренбург со слоновьими умными глазами, неистовый Шкловский, - из России пришельцы на месяц-другой: поэт Пастернак, Маяковский, Таиров.

1 июля

Рижская газета "Сегодня" помещает статью Б.Каменецкого "Погребение Европы":

Только что вышел в Берлине роман Ильи Эренбурга "Трест Д.Е." История гибели Европы". Как уже видно из заглавия, он написан (даже напечатан) с дешевой причудливостью. И так много в нем ненужной грубости и грязи, что производит он впечатление отталкивающее. Цинизм здесь доходит не до грации, а до гнусности, и кажется подчас, будто книга эта дурно пахнет. Лишь исключительны в ней проблески остроумия, а в общем она попросту скучна, и тем скучнее, чем старательнее словесные сальто-мортале автора (...)

Роман Эренбурга представляет собой одну из вариаций на современную тему о гибели Европы - тему Освальда Шпенглера и многих, многих других (...) Как ни усердствует автор в изобличении Европы, оно лишь обнаруживает в нем поразительный провинциализм. Изобличитель стоит в передней Европы, в ее притонах, и не имеет доступа в ее внутренние чистые покои. На ловца и зверь бежит; и вот бежит только то, что ему родственно, что приспособлено к его глазам, к его пониманию и вкусу: он замечает одну только накипь европейских столиц, ее лунапарки, ее пошлость, и в этой мелкой луже мелко плавает г.Эренбург. А Европа серьезная, та Европа, которая учит и учится, работает и созидает, все глубже и глубже, все победоноснее погружается в недра природы и природу запрягает в триумфальную колесницу человеческой культуры, - она для этого духовного провинциала отсутствует.

4 июля

М.Горький пишет В.Ходасевичу:

"Николая Курбова" читал, читал "Трест" и "13 трубок". Все это очень далеко от литературы. Мне кажется, что Эренбург был бы неплохим фельетонистом. "Дух земли" - это подлинный дух.

ГПБ. Книги. Архивы. Автографы. М., Книга, 1973

Начало июля

И.Э. из Берлина уезжает отдыхать на Северное море на остров Зельт.

1923

8 июля

Берлинская газета "Руль" публикует рецензию на книгу И.Э. "Трест Д.Е.":

Я долго думал о том, каким образом можно все-таки переделать Шпенглера для "великого немого". И понял это тогда, когда прочел новое произведение Ильи Эренбурга "Трест Д.Е."

Если бы завтра был объявлен мировой конкурс на составление сценария "по Шпенглеру", то несомненно первая премия достанется Эренбургу. Его новый роман есть не что иное, как Шпенглер, переработанный для понимания посетителей кинематографа всего земного шара от Парижа до Тамбукту. (...)

Собственно говоря, вряд ли даже и возможно смотреть на роман Эренбурга иначе, как на пародию. Вероятно Эренбург думал, что написал злую сатиру на современность. На самом деле "Трест Д.Е." - злая пародия на трактовку современности. Это своего рода философско-политическая Вампука, причем в данном случае и философия и политика взяты в весьма вампукистическом разрезе.

Для сатиры в "Тресте Д.Е." нет пафоса, нет настоящего чувства, чувства ненависти и гнева, презрения и насмешки, чувства искреннего и горячего, идущего из глубины души, того чувства, которое водит пером истинного сатирика.

Но этих чувств в "Тресте Д.Е." как и в большинстве произведений г.Эренбурга нет и в помине. Вместо них искусственное или прирожденное, какое-то никчемное равнодушие, мелкое и неимпонирующее (...)

Его роман смело можно рекомендовать - с некоторыми незначительными изменениями - для изучения на семинарах рабфаковцев, свердловцев и прочих комсомольцев. Если бы в политпросветах всей РСФСР нашелся хотя бы один талантливый - и к тому же владеющий русским языком человек, - то он, вероятно, для возвещения окончательной гибели капиталистически-империалистической Европы написал бы нечто подобное "Тресту Д.Е." Но по свойственной им глупости большевики не разобрали в чем дело и, обидевшись на Эренбурга за изображение гибели красной армии, отнеслись к "Тресту Д.Е." чересчур сурово.

А в общем роману Эренбурга можно предсказать большой успех. Он должен быть и будет прочтен каждым эмигрантом, непосредственно вслед за аналогичными произведениями Краснова и Наживина, являвшимися в данном случае литературными вдохновителями Ильи Эренбурга. Роман должен быть и будет переведен на немецкий, французский, английский языки, быть может, даже на испанский. Его переделают в настоящую фильму и, быть может, в конце концов, ГПУ сменит гнев на милость и пропустит "ТрестД.Е." в советскую Россию. Тогда его сможет цитировать Радек.

1923

11 июля

Писательница Н.И.Петровская, жена владельца издательства и альманаха “Гриф” С.Кречетова, пишет из Берлина в Рим переводчице С.И.Ресневич-Синьорелли:

Вам нравится Эренбург? Мне он иногда ненавистен. Так я о нем однажды написала, и он затаил на меня злобу. Но это ничего, я с ним поговорю на самых близких днях, если он в Берлине. Он - продукт современности. Со всего сорвал покровы и живет и творит одним отрицанием. Читать его мне противно, поэтому и страшно и весело, но это веселье гробовщика, это выкапывание самых последних мерзостей в человеке, - почему Вам могло так понравиться? Вероятно, по какому-то злому контрасту с самим собой? Он правда очень умен и талантлив, но качества его таланта мне лично отвратительны. Для того, чтобы Вы меня поняли, нужно прочитать его роман “Жизнь и гибель Николая Курбова”. Здесь в Берлине на счет этого романа относят самоубийство одного мальчика 18 лет. Эренбург читал, а тот слушал, да, придя домой, отравился газом. Конечно гипербола, но не глупая (...)

Какой он человек? Не знаю. Но думаю, что сговориться с ним легко, ибо честолюбив. Напишу Вам тот час же. Мне пришлось участвовать в одной французской антологии, которую он редактирует в “Геликоне”. Ничего! никаких козней не устроил. Думаю, что и разговор обойдется хорошо.

Минувшее. Исторический альманах N8, изд. Atheneum Париж, 1989, с.115

- Одесский вечерний выпуск “Известий” печатает очерк И.Э. “Письмо из Берлина” ("Запад")

14 - 15 июля

М.Цветаева пишет из деревни под Прагой в Берлин А.Бахраху:

Я больше года не была в Берлине, последние воспоминания плачевные! (если бы я умела плакать!) - я в неопределенной ссоре с Эренбургом и в определенной приязни с его женой.

15 июля

Журнал “Огонек” №16 печатает главу из книги И.Э.“История гибели Европы".

- В киевской газете “Пролетарская правда” рецензия на “Жизнь и гибель Николая Курбова”.

- В той же газете статья Б.Розенцвейга “О современной литературе”, коснувшаяся книги И.Э. “А все-таки она вертится”:

Вы о Пушкине - а он о Родченко, вы о дельной реформе, а он о фотографии океанского парохода, вы о конгрессе Коминтерна, а он о башне Татлина. Повсюду спешит, задыхаясь, его мысль, повсюду брыз-

жет его поверхностное, но блестящее остроумие, и повсюду он говорит меньше, чем он может сказать.

- Берлинская газета “Дни” под рубрикой “В кругах писателей и ученых” сообщает:

И.Г.Эренбург сдал в печать новую книгу стихов.

16 июля

В обзоре “Новые литературные сборники” газета “Последние новости” (Петроград) рецензирует сборник “Недра”, где был помещен отрывок из “Жизни и гибели Николая Курбова”:

Напечатанное в сборнике неизбежно должно внушить читателю мысль, будто агенты ЧК стоят на одном уровне с преступным уголовным элементом и будто Эренбургу революция представляется какой-то грязной клоакой, вроде трактира “Тараканий брод”, который он в напечатанных главах и описывает. Только прочитав роман целиком, а он издан отдельно той же “Нов.Москвой”, - можно понять, что Эренбург был далек от мысли дать злостное изображение революции и если в чем повинен, то только в искреннем непонимании революционной эпохи.

18 июля

И.Э. получает из Коктебеля письмо от М.Шкапской и отвечает ей:

Расскажите мне, каков теперь Коктебель? Поклонитесь тем, кто не плохо помнит обо мне. Еще просьба: найдите в деревне крестьян: Марину Васильеву и Гаврилу Стамова и передайте им от меня горячий привет. Они были с нами очень добры и я часто вспоминаю их (...) Мы сейчас на Северном море - есть такой остров Sylt у датских берегов. Здесь немки в ярких джемперах и таблички с курсом доллара. Впрочем, имеется море и не эрзац - Балтийское, но с приливом и пр. Я изредка пишу стихи и, несмотря на строгий запрет врачей, курю трубку. В Берлине были серапионы Лунц и Никитин. Первый мне очень понравился. Читаю Диккенса и стихи Пастернака (...) Собираюсь писать сентиментальный роман[1]. Книга стихов будет называться “Не переводя дыхания” (это без иронии).

ФШ, л.39-40

- И.Э. пишет В.Лидину:

Меня неистово обругал (в двух фельетонах) Ю.И.[2]: “грязь”, “пакость” и пр. (...) Пишите на “Геликон”. Мы попали в шиберское логово и через несколько дней удираем отсюда в Swinemunde. Здесь даже во время купания в море немцы смотрят на таблицу с указаньем сколько доллар.

1 “Любовь Жанны Ней”

2 Ю.И.Айхенвальд

1923

20 июля

М.Цветаева пишет А.Бахраху:

С Эренбургом мы разошлись из-за бессмертности чувств: его принципиальной, сгибшейся с моей, стихийной. Я требовала чудовищного доверия и понимания(вопреки очевидности отсылая его в заочность). Он - чего он требовал? Он просто негодовал и упирался в непонимание. Хотите пример? Люди его породы, с отточенной - и отчасти порочной - мыслью, очень элементарны в чувствах. У меня мысль и чувство, слово и дело, идеология и природный строй - сплошь разные и сплошь враждующие миры. "Мыслью я это понимаю, сердцем - нет!" - "Я люблю вещь в идее, но ненавижу ее на столе". - "Так ненавидьте ее и в идее!" - "Нет, ибо моя ненависть к ней на столе - слабость!" - "Не обратно ли?" - Коварная усмешка и: "Не знаю".

У меня всегда было чувство с ним, что он все ценное в себе считает слабостью, которую любит и себе прощает. Мои "доблести" играют у него роль слабости, все мои (т.е. все мое любимое и яростно защищаемое) были для него только прощенными минусами. Вам ясно? - Он, простив себе живую душу, прощал ее и мне. А я такого прощения не хотела. Как с женщинами: любуются их пороками и прощают: "милые дети!" Я не хотела быть милым ребенком, романтическим монархистом, монархическим романтиком - я хотела быть. А он мне мое бытие прощал!

Это - основное расхождение. Жизненное - в другом. Жизненное он ничего не простил мне - там, где как раз нужно было простить! Он требовал (теперь вспомнила!) каких-то противоестественных сложностей, в которых бы я плыла как в реке: много людей, все в молчании, все на глазах, перекрестные любви (ни одной настоящей!) - все в Prager Diele, все шуточно (...) Я вырвалась из Берлина, как из тяжелого сна. (...)

В основном благородстве его; в большой доброте и страдальческой сущности ни секунды не сомневаюсь.

А Любовь Михайловна - очарование. Она - птица. И страдающая птица. У нее большое человеческое сердце, но - взятое под запрет. Ее приучили отделываться смехом и подымать тяжести, от которых кости трещат. Она героиня, но героиня впустую, наподобие тех красавиц, с 39 температуры, танцующими ночь напролет. Мне ее глубоко, нежно, восхищенно - и бесплодно жаль.

21 июля

И.Э. переезжает на остров Гельголанд.

- В журнале "Книгоноша № 8-9 рецензия Т. Чурилина на "13 трубок":

"Тринадцать трубок" - предпоследнее произведение ставшего необычно плодовитым автора "Хулио Хуренито". Эти тринадцать повествований о стольких же трубках и о 31-й жизни ("13 главных, 18 дополнительных", как любезно статистирует И. Эренбург сам) являются хрестоматией, где начитанный найдет почти все на свете, коли не найдет обма-

на, а неначитанный или не поймет ничего вовсе, или восторгнется нововявленному творцу и гению (...) В конечном же "итоге" - эти изыски, стилизация и заимствования под аллитеризованным заглавием "Тринадцать трубок" - есть в сущности второе предостережение их автору - он мог бы и должен дать занятную современную книгу, еще более интересную, чем "Хулио Хуренито", если, конечно, внимет мудрому и хорошо сказанному ему еще не так давно слову: лучше меньше, да лучше.

25 июля

И.Э. получает письмо от Л. Лунца и отвечает ему:

Дорогой д-р Лев Лунц,

Спасибо за письмо. Даже не находясь в санатории, я привык жить от почты до почты. Идеал: получать письма, самому не писать. Все же могу сообщить Вам некоторые веселящие душу события. Я долго выбирал, куда нам ехать. Решил - остров Зельт: морские птицы, тюлени, прибой и пр. Приехали. Море нашли с трудом. В нем купался один немец, на берегу вывешивали курсы биржи. Узнав, что доллар (падает?) немец невероятно (одно слово неразб.) и стал нырять как рыба. Его вытащили и отпоили французским коньяком. Вместо моря имелись витрины ювелиров и меховщиков. В день приезда со мной случилось несчатье. Старое судно дает течь, как Вы сами знаете. А вот мои истлевшие брюки неожиданно дали две дыры, обнажив отнюдь не загорелые ягодицы. Это было в шикарном кафе стиля бидермайер. Один из посетителей, старый немец в тенисных брюках, абсолютно новых, ударил палкой об стол, так что чашечка в стиле бидермайера сломалась, и завопил: unverschamt. Мы сюда приезжаем для Erholung и должны смотреть вместо моря на... иностранных босяков. И при этом еще взымается куртакса. Вы легко поймете, что после этого мы покинули остров Зельт, так и не увидев ни морских птиц, ни тюленей.

Здесь: на Гельголанде, я купил себе клетчатые штаны для верховой езды (хотя остров любопытен тем, что на нем не имеется ни одной лошади) и изумрудные чулки. Я бодр и полон энергии. Остров, кстати, хороший (...) Я ничего не делаю. Рад буду получить от Вас письмо. Как здоровье? Что пишут Вам из Петербурга? Я давно не имел вестей от Е(лизаветы) Гр(игорьевны)[1].

Сердечный привет от Любови Мих(айловны) и меня.

В. Каверин. Вечерний день. М., Советский писатель, 1982, с.38-39

28 июля

Харьковская газета "Пролетарий" печатает статью Е. Приходченко "На посту коммунистической идеологии", где в связи с книгой И.Э. "Жизнь и гибель Николая Курбова" говорится:

1 Полонской

Не то беда, что Эренбург клевещет на революцию - это его святая обязанность, а то, что Советские и Госиздательства издают всю эту макулатуру под видом литературы.

29 июля

Журнал "Огонек" № 18 печатает рассказ И.Э. "Испорченная фильма" из книги "Шесть повестей о легких концах".

Июль

В журнале "Красная новь" № 5 А.К. Воронский отвечает Б. Волину на статью "Клеветники":

Тов. Волина в содрогание приводит, как Илья Эренбург рисует портреты вождей нашей революции. Про Ленина написано, что он точен как аппарат, что у него конденсированная воля в пиджачной банке, что сначала он сиднем сидел за книгами за кружкой бюргерского пива, а потом в две недели стал мифом; про Троцкого сообщено, что этот доморощенный Буонапарте - вождь степных орд и треугольник; относительно Бухарина, что он молоденький веселый грызун. Нельзя писать, что у ЧК табун автомобилей, что секретарь ЦК тычет самопишущим пером в чернильницу, что у коммуниста Аша волосики во всех несвойственных местах, а глаза, как у щенят, что паек он кому-то отдает, что у другого коммуниста угреватый нос (...) На весь этот "криминал" можно с неменьшим успехом ответить цитатами от обратного. (...)

Заполнив свою статью в части, касающейся романа Эренбурга, своими излюбленными цитатами о том, как он изображает коммунистов, тов. Волин полным молчанием прошел мимо главного героя его романа Николая Курбова. (...) Курбов и многие другие коммунисты изображены автором аскетами, святыми, подвижниками, а это совсем не то, что нужно тов. Волину.

- В журнале "На посту" № 2-3 опубликовано письмо книгоиздательства "Новая Москва" по поводу романа И. Эренбурга "Жизнь и гибель Николая Курбова":

По поводу критики тов. Волина издательство "Новая Москва" считает необходимыми заявить следующее:

"Жизнь и гибель Николая Курбова" входит в серию "Библиотека современников", издаваемую кн-вом "Новая Москва". Серия редактируется Ангарским, старым партийным работником и литератором. Это обстоятельство само по себе служит достаточной гарантией, что контрреволюционное произведение не могло найти здесь одобрения.

- В журнале "Печать и революция" № 4 рецензия К. Локса на роман "Жизнь и гибель Николая Курбова":

Избрав темой два последних десятилетия, то есть тему "войны и мира", Эренбург ввел в микроскопических дозах все социально необхо-

димые элементы, безнадежно изуродовав их и самим отношением к теме и изображением главных действующих лиц.

(...) Красная ли Россия, белая - про всякую в запасе “заспанный профессор” или садист. И та и другая Россия - одинаково “девка”, которая будет спать с каким угодно режимом. Это, так сказать, социальный пафос автора.

с. 268-269

- В журнале “Молодая гвардия” № 4-5 рецензия А. Исбаха на “Жизнь и гибель Николая Курбова”:

Книжку Эренбурга должен прочесть каждый, кто еще не убедился в той опасности, которая нам грозит с тыла идеологического фронта. Книжку Эренбурга должен прочесть всякий, кто хочет посмотреть, как наши Пильняки и Эренбурги клевещут на революцию и имеют возможность клеветать на нее в нашем же тылу.

А наш лозунг: Беспощадная борьба, беспощадная война всем клеветникам революции, как бы они себя не называли и под какой бы шкурой они не скрывались.

с.390

- Вышел № 5-6 НРК, в нем рецензия И.Э. на книгу В. Лидина “Морской сквозняк” и книги Л. Сейфуллиной “Перегной” и “Четыре повести”.

- Там же рецензия Романа Гуля на “Жизнь и гибель Николая Курбова”:

Несомненно: об этой книге будут много говорить, писать и спорить. Но спорить, писать и говорить будут плохо: политическая страстность и художественная притупленность - надменные спутницы дня - вынесут спор из плоскости литературы (где о ней говорить надо!) в плоскость политических препирательств. Уже известны мнения белой прессы и красной. Первое - “апология чеки”. Второе - “пасквиль на чрезвычайные комиссии”. В мнениях есть как-будто что-то разное. Но по существу они стоят друг друга. Главлит российский не прочь запретить книгу навеки. А будет разрешено рождние Главлиту эмигрантскому (где-гнибудь на берегах Сены) - приговор был бы не менее свиреп.

- Там же хроника русской научной и литературной жизни за рубежом:

В “Клубе писателей” 4 апреля читал свои новые стихи В.Ф. Ходасевич. В последовавшем обмене мнениями приняли участие: Андрей Белый и В.Б. Шкловский. 11 апреля А.Я. Таиров прочел доклад “О задачах Камерного театра”. В прениях участвовали Ф.А. Степун, И.Г. Эренбург, П.П. Муратов и др. 18 апреля свою первую книгу “Цоо” прочел В.Б. Шкловский. 25 апреля П.П. Муратов прочел доклад на тему: “Пространство в литературе”. В прениях участвовали Ю.И. Айхенвальд, Ф.А. Степун, В.Б. Шкловский и Н.А. Бердяев. 2 мая А.М. Ремизов читал отрывки из “Розановых писем” и пятимерную интермедию “Цво-фир-зон”. 9 мая Б.П. Вышеславцев читал свой рассказ “Париж”. 16 мая И.Г. Эренбург прочел новый роман “Трест Д.Е.” 23 мая Л.Е. Галич прочел доклад на тему: “Проблема бессилия у Достоевского”.

1923

- В ростовском журнале “Искры” рецензия Вс. Покровского на украинское издание “Треста Д.Е.”:

Эренбург - талантливый верхогляд. Именно поэтому он так удивительно мало понимает в истинном смысле настоящего исторического периода, периода нарастания сил мировой социальной революции и именно поэтому он так путает, безнадежно путает исторические перспективы. Это можно сказать и про “Хулио Хуренито”, и про “Жизнь и гибель Николая Курбова”, это с еще большим основанием можно скзать про “Трест Д.Е.”

В самом деле, можно ли сейчас, в 23 году, когда Коминтерн соединяет свыше 50 компартий, когда рабоче-крестьянские массы беспрерывно революционизируются, когда мы стоим накануне пролетарской революции в Средней Европе, а капиталистическое общество представляет собой картину противоречий и социально-экономического распада, можно ли сейчас, хотя бы даже в фантазии, предположить, что в будущем через 10-15 лет три американских миллиардера и авантюрист-маниак так просто, между прочим, как говорится, в свое удовольствие, разрушат Европу.

1 августа

И.Э. пишет В. Лидину: Нахожусь сейчас в Swinemunde. Здесь русские дамы и комары. Кроме того Кусиков, который в баре Splendin заказывает музыкантам: "3-ий Интернационал." Особенно донимают комары. Ответьте мне скорей (на “Геликон”)

7 августа

В журнале “Книгоноша” № 11 рецензия на “Трест Д.Е.”:

Сатира Эренбурга несколько поверхностная, но зато необычайно острая, никого не пощадила: слишком уж хорошо знаком автор с жизнью и бытом современной Европы. Общественная сатира, заключенная в рамки фантастического романа - вещь в литературе далеко не новая; у крупных писателей (например, у Свифта), однако, фантастическая фабула и сатира были равноценными, у других (таковы многие французские сатирики конца XVIII века) фабула является чем-то лишним и скоро забывается.

Эренбурга, к сожалению, следует отнести ко вторым. О разрушении Европы забудешь скоро, а отдельные герои романа (и, что самое ценное, герои из толпы, говорящие лишь два-три слова) надолго остаются в памяти.

с.6

17 августа

Главлит в Харькове разрешил издание “Треста Д.Е.”
- М. Слонимский пишет Л. Лунцу в Гамбург:

1923

С 1 октября издательство "Атеней" организует серию соглашательских альманахов (...) Ты альманахи уважай и, ради всего серапионовского, убеди Горького и Эренбурга возможно быстрее прислать рукописи. От их рукописей колоссально много зависит. Я им писал по два письма и трепещу, пока не получу от них ответа. Им 75 руб. гонорара с листа.

В. Каверин. Вечерний день. М., Советский писатель, 1982, с.39

18 августа

И.Э. пишет из Свинемюнде М. Шкаиской:

Верьте, здесь Коктебель тоже мнится иным миром и миром страшным. Нет, не хотел бы я вновь очутиться там, ведь с ним связаны у меня самые трудные и безлюдные месяцы моей жизни! (...) Я провел лето (сегодня - осень) пусто и невесело. Кроме красных боков Гельголанда и вспомнить нечего. Не работал. Впрочем, к зиме верно наберется крохотная книжица стихов, о которой я писал Вам. В ней, как и во многом ином, я являюсь робким учеником Пастернака. Посылаю Вам одно стихотворение (...)

Передали ли Вы мой привет крестьянам Гавриле Стамову и, особливо, Марине Васильевой? Это хорошая женщина. Еще в Коктебеле хороши холмы, но, разумеется, не натощак. Здесь сейчас все нам знакомое. Немцы, впрочем, удивляются. Надеюсь вскоре засесть за большой сентиментальный роман. Поездка Е.О.[1] расстроилась. Она сейчас на даче под Москвой с детьми.

ФШ, л.41-42

29 августа

И.Э. пишет Е. Полонской письмо, в котором речь, в частности, идет о его новой книге стихов "Не переводя дыхания":

Каждый раз читая письма: (кроме радости и пр. лирических предметов) почему ты не пишешь прозу? Злую, трогательную прозу расстроганной солнцем змеи?

Серьезно: попробуй, урви месяц. Жду твою поэму. В настоящий момент (т.е. в августе этого года) ничего издать в Берлине нельзя. Кризис и прочие умные слова.

Издатели у меня пробуют деньги занимать. Что дальше будет, неизвестно. Если будет возможность, устрою твою книгу.

Лучше Пастернака ничего не может быть! Тихонов при всех достоинствах в поэзии "корыстен" (термин, кажется, шагинянский) как самый закоренелый новеллист.

Я получил "На посту". Мне стало очень жутко от него. Напиши, так ли это? т.е. много ли таких постовых и считаются ли с ними всурьез?

---

1 Е.О. Сорокина (Шмидт)

Ты мне ничего не пишешь о моей просьбе. А теперь это особенно важно для меня, т.к. в связи с репатриациями и прочим здесь тиснуть книжку вряд ли удастся.

1) А мне хочется, чтобы она была издана.

2) Даже малая сумма здесь была бы крайне полезна. Словом, пожалуйста, выясни этот вопрос. Книга будет на днях окончательно готова. Если отдельно, то 20 стихотворений, если вместе с "Звериным теплом", то около 40. Напиши мне об этом скорей.

Через неделю возвращаюсь в Берлин и, если смогу, сразу сяду за сентиментальный роман. Было письмо от Лунца - он поправляется. Мое сердце мне с редким упорством докучает.

25 августа

По дороге в Берлин И.Э. приезжает в Бельгию. В Коксиде из отеля "Трианон" он пишет директору Госиздата Мещерякову, предлагая выпустить в Госиздате второе издание "Хулио Хуренито".

Август

Вышел журнал "Горн" № 8 с рецензией Р. Эркмана на "Раздумия"; там же статья Н. Чужака о романе "Жизнь и гибель Николая Курбова":

У Эренбурга многое от Блока. То же любопытное проявление яркосвятительских негативов на "рыжем" фоне; то же своеобразное скрещение революции с притончиком "Тараканий брод"; то же, наконец, унылое приятие революции (как же не прять, когда - великомученица и правду сквозь "Тараканий брод" несет!) и - с тем же самым затаеным вздохом: "на спину б надо бубновый туз". Ах, эти кожаные куртки: все такие интересные, такие ... геометрические душки на безыдейно-расхлябанном обывательскоми фоне, только ... зачем они такие грубые и даже не гнушаются использованием какого-нибудь Андерматова и Чира (персонажи - одной ногой в Чека, а другой на скамье подсудимых), как будто революцию нельзя сделать в белых перчатках.

2 сентября

И.Э. пишет Е. Полонской:

Сегодня вернулся в Берлин (...) Книгу я кончил[1].

Начало сентября

И.Э. встречается в Берлине с приехавшим туда из Гамбурга Вс.Э. Мейерхольдом:

---

1 Сборник стихов "Не перводя дыхания".

Всеволод Эмильевич предложил мне переделать мой роман "Трест Д.Е." для его театра, говорил, что пьеса должна быть смесью циркового представления с агитационным апофеозом. Переделывать роман мне не хотелось; я начинал охладевать и к цирковым представлениям, и к конструктивизму; зачитывался Диккенсом и писал сентиментальный роман со сложной интригой - "Любовь Жанны Ней". Я знал, однако, что Мейерхольду трудно перечить, и ответил, что подумаю.

ЛГЖ, т.1, с.330

14 сентября

Киевская "Пролетарская правда" рецензирует "Трест Д.Е.":

Роман нескладно - по-эренбурговски - сшит и полон противоречий и логических невязок. Но, поистине, прекрасны многие его страницы, те, именно, в которых дано сатирическое описание буржуазного быта, буржуазной морали и политики. Эренбург соединяет в себе черты ядовитого и острого сатирика с основательным знанием всех закоулков западноевропейской жизни.

Первая половина сентября

И.Э. начинает работу над романом "Любовь Жанны Ней":

Я писал "Жанну Ней" в Берлине, в маленьком турецком кафе, где восторженные люди суетясь сбывали друг другу доллары и девушек. Я выбрал эту кофейню, столь непохожую на роскошные кондитерские западного Берлина, за непонятный говор, за полумрак, за угрюмость. Там каждое утро я встречался с моими героями. Выходя оттуда на улицу, полную чрезмерного света и толкотни, я ощущал всю нереальность этой полуденной жизни. Иногда я вздрагивал, завидев чуть сутулящуюся спину спешившей куда-то девушки-приказчицы "Кадеве" или же мастерицы. Может быть это Жанна ищет Халыбьева? Выдумав скверный конец, я уверовал в него, как в неизбежность. Не раз я докучал самому себе бабьим кудахтаньем: может быть есть еще выход? Да, я писал эту книгу честно и глупо, как пишет всякий писатель забыв и о науке, и о календаре.

И. Эренбург. Встреча автора со своими персонажами".
Прожектор, 1927, N 17, с.12

18 сентября

И.Э. пишет В. Лидину:

Я запродал на корню Лежневу новый роман и сейчас пишу с утра до утра. Печатать будет и в журнале и отдельно. Заплатил 95 р. за все вместе, изд. 10 тыс. экз. Работой я весьма увлечен. Называется роман "Любовь Жанны Ней". Действие Москва - Феодосия - Париж - Москва - Берлин. Думал, что выйдет нечто под Диккенса. Но результаты иные, не то уголовный роман, не то ... Тургенев! Страшно даже. Ну, посмотрим, что получится.

1923

19 сентября

В харьковской газете "Коммунист" рецензия на роман И.Э. "Гибель Европы" (Трест Д.Е.):

Если у Эренбурга нет ни одного намека на понимание того, что понимает сейчас каждый рабочий нашего Союза, - роли пролетариата в грядущих схватках, - зато у него достаточно красок и самых цветистых, положено на характеристику капитализма и социал. соглашателей (...) Именно эти черты критической оценки капитала и его прислужников, острый рисунок того будущего, к которому капитал влечет человечество и составляет положительную часть книги Эренбурга, искупающего его отрицательную сторону и позволяющую признать переиздание книги Госиздатом Украины делом не бесполезным.

23 сентября

И.Э. пишет Е. Полонской деловое письмо об издании его книг в Петрограде:

Я тебе напишу по-настоящему через две недели, когда кончу роман. Пока я мало похож на человека: скорей грамотная лошадь Ганебека или даже пишущая машишнка. Не говори об этом Иванову-Разумнику. Он напишет, что меня оседлала машинка или, того хуже, лошадь.

- Рижская газета "Сегодня" печатает очерк Веры Лурье "Русский литературный Берлин":

Попрежнему существует "Prager Diele", кафе с музыкой, чисто немецкое, которое больше года тому назад открыл Эренбург и с тех пор проводит там ежедневно вечера, курит трубку и говорит с друзьями. Все, кто желает видеть Эренбурга, просто туда отправляются, там у него есть и специальный "Stamm tisch"

В "Prager Diele" бывали Белый, Ходасевич, Цветаева, живущая теперь в Праге, Пастернак, Маяковский, когда они приезжали, заходит Шкловский, недавно был Мейерхольд и многие другие.

Эренбург написал новую книгу стихов; сейчас он работает над новым рассказом.

30 сентября

Берлинская газета "Накануне" публикует "Открытое письмо Илье Эренбургу" Э. Голлербаха:

"Хулио Хуренито" веселит, развлекает, но, в конце концов, нагоняет жесточайшую тоску: поймать бы Эренбурга в его любимом кафе, прижать к стене и допытаться - чего же он, собственно, хочет. Один трезвый человек убеждал меня, что "Эренбург вообще ничего не хочет, кроме одного: издать новую книжку и получить за нее гонорар". Я подозреваю, что этот трезвый человек - родной брат и единомышленник Вашего "Хулио Хуренито".

В "Курбове" уже не до "смехачей" и "смехунчиков", здесь уже подавно не "высочайшие горы", а болото. По силе "потрясения" мною испытанного, я могу сравнить эту вещь только с Андреевским "Рассказом о семи повешенных".

Сентябрь

В "Бюллетенях литературы и жизни" № 2 статья "Клеветник или скептик-упадочник (Литературный облик И. Эренбурга)":

В лице Эренбурга перед нами типичный представитель упадочной, деклассированной богемы, видавшей всякие виды, кланявшийся всяким богам и во всем разуверевшийся. Это - писатель с изъеденной скепсисом, вконец опустошенной душой. Правда, он очень талантлив - этот бродяга - bohemien, но талант у него чрезвычайно специфичен. Он чрезвычайно чуток ко всякой пошлости, он делает Эренбурга проницательным на все дурное. Вот писатель, у которого нет ни одной благостойной, утверждающей и примиряющей строчки. Он часто смеется и смешит, но смех его того сорта, который у немцев называется gelden humer, юмор висельника: все его произведения сплошь проникнуты трупным запахом и похоронным настроением.

- В московском журнале "Красная нива" напечатана рецензия на "Историю гибели Европы":

После "Похождений Хуренито", как острили критики, Эренбург имеет хождение наравне с умными людьми. Автор нескольких книжек салонных, католических и политико-кликушеских стихов, Эренбург в полчаса стал очень неплохим прозаиком, подменив остроумно скептицизмом с нигилистическим оттенком подлинное "убегание от окружающего". При известной наблюдательности и ехидности автора, книжка получилась занятая. Однако нельзя писать "Похождение № 1", "Похождение № 2" и т.д. Уже в "Курбове" есть повторение "Хуренито". В этой книге, определенно скучноватой, Эребург, сохраняя прежнюю позу всезнающего провидца судеб, соединенную с позой кинооператора, пытается в сотый раз предсказать судьбы мира. Язык цифр и газетных статей плохо введен в текст и сильно напоминает наклейки из колбасы и хлеба, которые пользовали, как фактуру, первые футуристы в живописи. Эренбургу надо лет 5 ничего не писать для того, чтобы его "Хуренито" не стал единственной книгой автора.

- И.Э. знакомится с Р.О.Якобсоном:

Кажется, в сентябре 1923 года из Праги приехал в Берлин друг Маяковского и Э.Ю.Триоле рыжий Ромка - лингвист Роман Осипович Якобсон, работавший в советском представительстве. В стихотворении, ставшем хрестоматийным, Маяковский вспоминал, как дипкурьер Нетте "глаза кося в печати сургуча, напролет болтал о Ромке Якобсоне и смешно потел, стихи уча". Роман был розовым, голубоглазым, один глаз косил; много пил, но сохранял ясную голову, только после десятой рюмки застегивал пиджак не на ту поговицу. Меня он поразил тем, что все знал -

и построение стиха Хлебникова, и старую чешскую литературу, и Рембо, и козни Керзона или Макдональда. Иногда он фантазировал, но, если кто-либо пытался уличить его в неточности, улыбаясь отвечал: "Это было с моей стороны рабочей гипотезой".

ЛГЖ, т.1, с.422

1 октября

"Известия" публикуют статью Эрде "Эренбург и эренбургщина":

В творчестве Эренбурга пульсируют современность и сам писатель - типичное дитя своего времени. Этим я не хочу сказать, что Эренбург - бытописатель революции (или контр-революции). Для этого ему не хватает ни формальной четкости, ни идеологической ясности. Но что в произведениях Эренбурга отражается наша эпоха - против этого спорить трудно. Вопрос только в том, как отражается: в каком зеркале, не в кривом ли? (...) Переберите одну за другой группы читателей Эренбурга. Кто они? Мещане, мелкие НЭПманы, эмигрантщина, короче говоря, обыватели. Но обыватели не простые, а рафинированные, с "идеологией", с "принципами", интеллигентствующие обыватели. Есть литература мужиковствующих. Ее можно сопоставить с литературой интеллигентствующих (...)

Эренбург на стыке двух культур. Но ни к одной из них не примыкает целиком. Поэтому ему не дано ни с одной из них органически слиться. Характерно, что белые считают Эренбурга красным, а красные - белым. Получается, как в старинном водевиле, один актер в двух ролях: "Флоридор есть Селестен, а Селестен есть Флоридор". А он в действительности - только великолепный анархиствующий, интеллигентствующий обыватель, т.е. в политическом смысле слова, ни рыба, ни мясо. Отсюда органическое непонимание Эренбургом революции, задач рабочего класса, психологии его вождей и т.д. и т.п. (...) Нужен ли нам Эренбург? Следует ли его издавать? После всего вышесказанного читателю должна быть ясна наша точка зрения. Эренбург типичен для социальной прослойки интеллигентствующих мещан. Но рабочему классу он для борьбы (а литература - одно из средств организации класса) не только не нужен, но в определенных условиях даже вреден.

3 октября

И.Э. получает письмо от Е. Полонской и отвечает ей:

7000 экз. "Курбова" затонули во время московского наводнения и таким образом эта книга тоже распродана (...) Пишу роман "Любовь Жанны Ней", сентиментальный "настоящий" роман с любовью, двумя убийствами, одной казнью, бегством, слепой, злодеями и прочим. Мне кажется, что это хорошо. Во всяком случае, ни над одной книгой после Хуренито я не сидел с такой радостью. Пишу две недели, готова уже треть, четыре листа. Сейчас Жанна уже вернулась из России в Париж.

Пишу его в турецкой темной кофейной. Как будто ты все это одобришь. Еще здесь осадное положение и прочее. Но я занят Жанной. Только ради бога не сочти это за стилизацию под Флобера.

6 октября

В "Петроградской правде" опубликована рецензия на "Трест Д.Е.":

В острой и занимательной форме Эренбургу удалось показать, что современная Европа несется к неминуемой гибели так, как если бы для этого сознательно и планомерно работала специальная организация. Автор с редкой конкретностью чувствует сдвинувшийся со своих основ мир и в этом он близок подлинно революционному мироощущению, но его анархическому скепсису чужды те надежды, которые окрыляют нашу революцию.

- И.Э. пишет Е. Полонской:

Посылаю тебе при сем стихи. Раньше всего очень прошу написать мне о них чистосердечно свое мнение, не смущаясь словами: подражание, пастерначество и пр. Далее: если издатель примет условия, пусть немедленно пускает книгу в набор. Общее заглавие "Не переводя дыхания", так называется и первый отдел, второй "Звериное тепло" (...) Я пишу уже 19 главу. Кончу через месяц. Вполне серьезно помышляю приехать на месяц в Россию.

8 октября

И.Э. пишет письмо В. Лидину:

Как видно Укргосиздат решил, что я эмигрант и что со мной можно обходиться как с Шульгиным. Никогда никто от них ко мне не обращался, и о выходе книги я тоже узнал только из газетного объявления. Сегодня, еще до получения Вашего письма, я отправил через представительство им послание. Указываю, что я гражданин СССР и состою под охраной всех существующих законов или обычаев об авторском праве, что право на издание "Треста" было мной передано "Земле и Фабрике", что это издательство, конечно, само с соответствующими требованиями, но что, если даже они удовлетворят все законные претензии издательства, я отнюдь не считаю вопроса ликвидированным и оставляю и тогда за собой право предстать перед ним с особыми авторскими претензиями. Письмо грозное. Не знаю, что из этого выйдет, но полагаю, что поступил правильно. Кроме того, посылаю Вам два официальных заявления: одно, если потребуется для газеты, другое в издательство. Думаю, что этим исчерпывается все, что я могу в данный момент сделать. Теперь о "Земле и Фабрике" - их заявление об отказе выплатить мне гонорар, я отстраняю. Я вполне письмом и заявлением доказываю свою невинность. Я не могу страдать от того, что другое издательство, с которым я не имею ничего общего, поступило незаконно (...)

Савич, кажется, остается здесь до 20-го октября. Я с утра до ночи сижу над романом. Кончил 19 глав. Страшен ли гнев Эрде?

9 октября

И.Э. пишет Е. Полонской, предлагая для издателя, с которым она ведет переговоры, состав своего собрания сочинений в 9-ти томах. И.Э. сообщает также, что несколько дней назад он выслал Полонской книгу "Звериное тепло" и рукопись сборника стихов "Не переводя дыхания".

(На письме - описка И.Э.: 9/9 вместо 9/10)

14 октября

В газете "Накануне" статья Романа Гуля "Два романа Эренбурга":

Илья Эренбург писатель интересный, но хаотичный, сумбурный. Его писательский путь чреват неожиданностями, неопределен. Эренбург мечется, рвется, выбрасывает на витрины русских магазинов берлинского Вестена одну за другой тонкие, толстые, красные, желтые, зеленые книги, порой неодинаковые по своим творческим основам. Последними стремительно вылетели два пестрых романа: "Жизнь и гибель Николая Курбова" и "Трест Д.Е." (...) "Жизнь и гибель Николая Курбова" - роман из русской революционной жизни. Но ни бытовой, ни психологической картины (к чему так привык читатель) - в романе не найти. В нем нет любимого реализма. Все Эренбургом взято пародийно, все гипертрофировано (...) Волюнтаристическим - вот как назвал бы я этот роман. Он ничего не расскажет, ничего не нарисует, не покажет. Как электрический многовольтовый удар - дает почувствовать всего Николая Курбова (...) "Трест Д.Е." - молчалив и железен. "Жизнь и гибель Николая Курбова" - полна звуками, но надо признать, что схожие в форме построения и разные в форме письма - оба романа - большие интересные книги, сделанные большим мастером.

15 октября

В Главное управление по делам литературы:

Кинематографическая контора "Киносевер" (Петроград, просп. 25-го Окт. 100) просит сообщить о возможности разрешения на кино-инсценировку романа Ильи Эренбурга "Жизнь и гибель Николая Курбова", выпущенного издательством "Новая Москва" в 1923 году. Готовясь начать работу над сценарием, "Киносевер" предполагает значительно развить по сравнению с романом противопоставление Высокова и Курбова и, с другой стороны, ослабить психологически чересчур форсированные приемы изображения работы Чрезвычайной комиссии, приблизив их к исторической действительности.

ЛГАЛИ, ф.4309, оп.1, д.54, л.12

1923

18 октября

И.Э. пишет В. Лидину:

Подписывайте договор на "13 трубок" и "Неправдоподобные истории". Но попробуйте улучшить условия двумя пунктами: 1) часть немедленно 2) пересылка через банк мне за их счет. Если Вам удастся это, попросите их немедленно по подписании договора выслать мне аванс. Как обстоит дело с "Трестом"? Я от украинцев накакого ответа не имел. Вообще, это зловредная страна, Вы, наверное, слыхали, что теперь они инсценируют в кинема "Курбова" и этим разрушают мой контракт. Пожалуйста, как только "Земля и Фабрика" получит от них какой-либо ответ, сообщите мне об этом. (...) Когда увидите Лежнева, скажите ему, пожалуйста, что я очень удивлен, не имея от него известий. Я не знаю, таким образом, получил ли он мою рукопись (15 глав)?

Любовь Михайловна спрашивает, нельзя ли устроить к "Трубкам" и "Неправд." ее обложки (...) Да, предупредите их, что один рассказ я дал в журнал "Звезду".

22 октября

И.Э. пишет Е. Полонской деловое письмо, посвященное издательским вопросам.

28 октября

В петроградском журнале "Литературный еженедельник" рецензия на роман "Трест Д.Е.":

Новый роман Ильи Эренбурга - "Трест Д.Е." ("История гибели Европы") - не что иное, как полубульварное, полуфельетонное развитие в формах романа шпенглеровской темы о "закате Европы", снабженное, правда, "оригинальным", чисто эренбурговским продолжением (...) Эренбург - блестящий фельетонист и знает основной формальный прием всякого фельетона: взять за основу узора кажущуюся истину, гиперболически раздуть ее в нелепость, в гротеск, в шарж, и затем с самым серьезным видом, с невозмутимой логической последовательностью, без тени улыбки на устах, продолжать пробег этой нелепости, нанизывание на нее новых нелепостей - до отказа, пока в руках ловкого кино-вертуна не останется ни одного аршина чарли-чаплинского боевика.

(...) Творчество Эренбурга является своеборазной попыткой прививки русской литературе американского романа или фиолсофски-облагороженного французского "желтого", бульварного (...) Оттого, являясь копилкой стилей, последним словом европейского стиля, он все еще не нашел своего, эренбурговского.

30 октября

И.Э. пишет В. Лидину:

Савич расскажет Вам все местные новости. От него узнаете, что может быть через месяц я буду в Москве. Кто отказался напечатать письмо? Дайте не в "Известия", а в "Правду". Теперь, после выступления Мещерякова, они напечатают.

Что вообще слышно с Укргосиздатом? Сейчас получил письмо от одного знакомого из Харькова, которому я поручил произвести бучу там. Укргосиздат признает свою вину, обязуется написать извинительное письмо и предлагает за десять тысяч экз. по сорок рублей за лист. Я, конечно, откажусь. Минимум 75, особливо при таком скандале.

Как повесть Ваша? Пишите. Надеюсь, что мы скоро увидимся. От Любови Михайловны привет. Она просит, если это возможно, устроить ее обложку к "Трубкам".

Октябрь

В Париже вышел XVII номер журнала "Современные записки", в котором помещены рецензии на две книги И.Э.

Ф. Степун пишет о "Жизни и гибели Николая Курбова":

Первая книга, написанная теперешним Эренбургом, "Хулио Хуренито и его ученики", - книга тяжелая, гнусная, смрадная, но остро талантливая и симптоматически чрезвычайно значительная, которую из истории наших дней не выкинишь и молчанием не обойдешь. "Жизнь и гибель Николая Курбова" никакого сравнения с "Хулио Хуренито" не выдерживает (...) В "Хулио Хуренито" ненависть Эренбурга ощущается еще ядом; в Николае Курбове - только желчью (...)

Вполне правильно почувствовав и рассчитав, что России нужен новый писатель, но этим новым писателем отнюдь не став, Илья Эренбург очевидно поторопился спровоцировать себя на написание романа вполне современного по стилю, и по идейному содержанию. Что из такого "предприятия" не могло выйти художественного произведения достойного дарования Эренбурга - само собой ясно.

- Михаил Осоргин рецензирует "Трест Д.Е.":

Новой книгой "Трест Д.Е." Илья Эренбург не побил собственного рекорда, установленного "Хулио Хуренито". "Трест Д.Е." - книга усталого остроумия и притупленной злости. Но, благодаря множеству профессиональных литературных трюков, этот длинный фельетон юмористической газеты все же прочитывается без особого утомления (...) Писывал Эренбург лучше; может быть и еще напишет неплохо. Пока же Эренбург - не в пример прочим - поражает количеством быстро, одна за другой выпускаемых книг. Качество от этого не выигрывает.

1 ноября

В пражской "Воле России" N 18 опубликована рецензия Михаила Осоргина на "Жизнь и гибель Николая Курбова":

1923

Нет на свете ни добра, ни радости, ни чистоты, ни свежего воздуха. Все отменено Ильей Эренбургом. Жизнь, это что-то вроде неприбранной мятой постели, на которой год не менялось белье; кругом окурки, остатки дряного ужина, пахнет селедкой и козлом (...) Очень неприятный роман написал на этот раз Илья Эренбург и очень плохой. Плохой скучным своим историко-биографическим построением, плохой, шаблонно вымученный завязкой и развязкой, извращенно рисующий жизнь и мелко ее воспринимающий. Плохой и по форме: ритм прозы, автомобильный бег слов, - мало все это удалось Эренбургу на этот раз. Хороши только отдельные фразы, неожиданно прекрасные и яркие сравнения; Эренбург большой писатель и умеет иногда мастерски видеть.

Как обычно, в романе Эренбурга много злости, но ленивой и неубедительной, более похожей на брань. Это тоже шаг назад; раньше Эренбург злился и ненавидел лучше ("13 трубок"). И увы! Нет самого ценного, что было в Эренбурге: нет юмора ("Хулио Хуренито") (...) Ждем от Эренбурга лучшей книги; можно не торопясь. Очень уж много он выпустил книг за последнее время, а это сказывается на их качестве.

4 ноября

В "Саратовских известиях" - статья о романах И.Э. "Хулио Хуренито", "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Трест Д.Е."

- Берлинская газета "Накануне" в рубрике "Жизнь писателей" сообщает:

Илья Эренбург написал новый роман "Любовь Жанны Ней", который будет печататься в журнале "Россия" и выйдет там же отдельной книгой. Его книга "Трест Д.Е." вышла в издательстве Украинского Госиздата и печатается на немецком языке. В скором времени Эренбург едет в Россию.

20 ноября

И.Э. пишет В. Лидину:

Я получил от Лежнева совершенно неожиданно достаточно грубое письмо (начина/ется: "Илья Григорьевич" и т.д.) Ничего не понимаю. М.б. Вы знаете, в чем дело? Денег я до сих пор за роман от них не получил. Как с журналом "Россия"?

Работаете ли? Здесь плохо. Писатели разъехались кто куда. Серафима Павловна[1] с дрожью влезла в вагон и покатилась в город - Париж (...) От сестры и Савича Вы знаете о предложении, которое мне сделали харьковские импрессарио. Я решил принять его и приехать в конце декабря на два месяца. (...) Завтра уезжаю на неделю в Брюссель проветриться.

---

1 Ремизова

1923

21 ноября

И.Э. пишет Е. Полонской:

Украинский Красный Крест пригласил меня на два месяца - "турне", прочесть лекции в Питере, Москве, Харькове, Киеве, Одессе. Я как-будто согласился и вы[иеду] к концу декабря. Что ты об этом думаешь? Напиши!

22 ноября

И.Э. презжает на неделю в Брюссель.

26 ноября

Петроградская газета "Последние новости" печатает статью своего заграничного корреспондента "В эмигрантском Берлине":

Опустел литературный Берлин. Насколько прошлой осенью замечался наплыв писателей в Берлине - многие приезжали погостить из Москвы, - настолько же теперь наблюдается бегство на Запад - в Париж, Италию или на Восток - в Россию. Год тому назад в Берлине учреждались "Клуб писателей", "Дом Искусств" - теперь они умерли естественной смертью. Год тому назад И. Эренбург открыл "Prager Diele" - кафе с музыкой, чисто немецкое - и с тех пор проводит там все вечера, курит трубку и говорит с друзьями. Все, кто желает видеть Эренбурга, просто туда отправляется, там у него есть и специальный "Stammtisch"

В "Prager Diele" бывали Белый, Ходасевич, Цветаева, живущая теперь в Праге, Пастернак, Маяковский, когда они приезжали, заходил Шкловский, был Мейерхольд и многие другие. И. Эренбург много работает. Он окончил новый роман "Любовь Жанны Ней", который выходит в издательстве "Россия". Его "Трест Д.Е." вышел в издательстве украинского Госиздата и печатается на немецком языке.

Эмигрантские писатели почему-то до сих пор считают его своим. Но вот новость: Эренбург решил переселиться в Россию и на днях едет в Москву.

Ноябрь

И.Э. завершает работу над романом "Любовь Жанны Ней"

- В Берлине вышел № 4 альманаха "Цех поэтов"; в нем статья Г. Иванова "Почтовый ящик":

Мандельштам, Ахматова, Ходасевич, Сологуб, Цех ... Кто еще? - Двати "молодых" под вопросом. Это - на одном берегу.

А на другом - Эренбурги. Имя же им Легион. (...)

И. Эренбург - специалист вульгаризатор хороших образцов. В частности его "Хуренито" - дешевая олеография с романов Франса. Писания его, как говорится, "для бедных". Общедоступность, конечно, тоже качество. И "бедные" (Ященко в Русской книге) от души приветствуют "первоклассного" писателя (...)

Эренбург пишет давно. Помню стих его из первой книжки:

На тонком столике был нежно сервирован

В лиловых чашечках горячий шоколад.

Потом пошли эволюции. Вещь хорошая для поэта, но И. Эренбург сделал из этого профессию. Закончив цикл стихов в манере, скажем, Фр. Жамма, он тотчас же начинает копировать поэта во всем Жамму чуждого. Так создавалась видимость "творческого пути".

Подделки были не очень тонки, но и не грубы. При том же Эренбург с течением времени все больше склонялся к левизне, к испытанному средству, чтобы замаскировать всякие грешки, даже самую бездарность. Ведь так мало читателей, способных отличить настоящего революционера в поэзии от "примазавшегося". Хлебникова от Крученых.

Но путь механических эволюций, фокусов и расчетов повидимому наконец Эренбургу наскучил. Повидимому он счел, что почва под ногами достаточно тверда, чтобы позволить роскошь побыть самим собой.

(...) На диспуте о Цехе Эренбург сказал: так, как пишите Вы (Цех), во Франции не пишет ни один школьник. И он совершенно прав. Все школьники, вкусившие "левых течений" и вошедшие в возраст, пишут теперь "как Эренбург". И не только во Франции, но и в нашей родной Чухломе.

4 декабря

И.Э. пишет В. Лидину:

Итак, недели через три мы как видно сможем дружески побеседовать, если не в Prager Diele, то в другом соответствующем месте. Теперь я жду лишь окончательного ответа импрессарио касательно срока и аванса.

Я был недавно в Брюсселе: глотал устрицы, пил вино и вообще всячески чревоугодничал. Представьте, там и не пахнет ни сквозняком, ни трестом Д.Е. Все на месте. Так спокойно, что человека, привыкшего к тряске, даже подташнивает.

- Л.М. Козинцева-Эренбург пишет В. Лидину:

Посылаю обложку, ее пришлось совершенно изменить. Печатать нужно, конечно, все красное одним цветом, таким, как цифра, только гуще, тот же цвет, что на берлинской книжке. Присылаю еще корешок, т.к. геликоновский не подходит и все портит. Если издатель не захочет делать клише для корешка, тогда лучше ничего не надо. Было бы лучше набирать цифры внутри книги (перечисления трубок, в начале каждого рассказа) не римскими цифрами, а арабскими и пожирнее.

Фотокопия - АФ; подлинник - собрание Е.В. Лидиной

9 декабря

В газете "Дни" Вера Лурье рецензирует только что вышедший альманах "Цех поэтов":

Центральным местом IV-й книги альманаха "Цеха поэтов" неосмненно является "Почтовый ящик" - литературные заметки Г. Иванова, ставя-

щие критика в затруднительное положение: они написаны остроумно, талантливо, зло и все же автор своим тоном крайне раздражает читателя. "Русская литература здесь - свалка, где червяки-читатели обгладывают падаль разных записок чудака". Такая фраза достойна сотрудника "Лефа". Удивляет и озлобленность автора. Разбирая весьма неблагосклонно Эренбурга, он припоминает, между прочим, стихи последнего из его первой книги. Прием едва ли удобный: бить врага грехами его юности. Странны такие обращения, сделанные г. Ивановым: "Мандельштам, Ахматова, Ходасевич, Сологуб, Цех ... кто еще? Два, три молодых под вопросом? - это на одном берегу. На другом - Эренбурги. Имя же им "легион".

13 декабря

Из Берлина в Москву, в адрес юбилейного Комитета по чествованию В.Я. Брюсова отправлена следующая телеграмма: "Шлем горячий привет Валерию Яковлевичу Брюсолву, неутомимому работнику искусства и культуры в день его 50-летия". Телеграмма подписана русскими и иностранными организациями (...) и след. лицами: А. Вишняк, Р. Гуль, А. Кусиков, З. Гржебин, И. Эренбург, проф. А. Ященко.

Накануне, Берлин, 1923, 20 декабря

17 декабря

Гублит подписал разрешение на выпуск "13 трубок" в московском издательстве "Новые вехи". Утверждена обложка работы Л.М. Козинцевой-Эренбург, однако в выходных данных издания, отпечатанного в Рязани, художник не указан.

- В Берлине состялось чествование Валерия Брюсова:

Устроенное в понедельник в зале "Берлинер Сецессион" чествование Валерия Брюсова прошло с большим успехом, несмотря на его импровизированный характер (...) С докладом о деятельности юбиляра выступил Илья Эренбург. В остроумном и ярком сообщении Эренбург отметил, что присвоение юбиляру звания "народного поэта республики" не вполне выражает действительные заслуги Валерия Брюсова в русской литературе. Это поэт, который не только любит истину, но и проповедует и распространяет ее. Он в смешанных аудиториях учил до революции "декадансу", а в 1920 году знакомил рабочих с Уолт Уитменом. Брюсов вечный учитель, как сын молодого, полного сил народа, он не знает разъедающего скепсиса и, любя поэзию, стремился сделать ее достоянием всего народа. Брюсов противопоставил увлечению славянофильством европеизм, знакомил Россию с выдающимися произведениями западной поэзии и литературы.

Брюсов примкнул к революции не во времена Нэпа, а в период военного коммунизма, в самые тяжелые годы. Он не отделил себя от революции, хотя пришел к ней своим собственным путем, и это его великая

заслуга, как бы на него не клеветали эмигрантские газеты Пасси и Шарлоттенбурга. Вместе с передовыми поэтами и писателями Запада он не на стороне прошлого, а на стороне будущего. (...) Доклад Эренбурга, горячо принятый аудиторией, был переведен тут же на немецкий язык секретарем Берлинской Секции Всероссийского союза Работников Печати Б.М. Шенфельдом.

Накануне, Берлин, 1923, 19 декабря

18 декабря

И.Э. уезжает в Прагу; перед отъездом он сообщает об этом открыткой В. Лидину.

- В конце года я приехал в Прагу. Молодые поэты меня встретили дружески, расправшивали о Маяковском, Мейерхольде, Пастернаке, Татлине - я был первым советским писателем, которого они видели. (Об этом написал Незвал в изданной посмертно книге воспоминаний).

Франтишек Кубка, рассказывая о своих встречах с советскими писателями и художниками, пишет, что часто видел меня в Праге (...) Я хорошо помню один из первых пражских вечеров, когда Роман Якобсон привел меня в кафе "Народна каварня", облюбованное участниками "Деветсила" - так окрестили себя чешские сторонники левого искусства. На диване у длинного стола сидели поэты Витезслав Незвал, Ярослав Сейферт, прозаик Владислав Ванчура и теоретик "Деветсила" критик Карел Тейге. Были еще молодые художники, но не помню, кто именно. Незвал пил сливовицу и восторженно вскрикивал. Потом Ванчура ушел домой, а мы начали переходить из одной "винарни" в другую и на рассвете оказались в пустой холодной закусочной, где по местным обычаям полагалось есть суп из требухи.

ЛГЖ, т.1, с.422-423

Конец декабря

И.Э. возвращается в Берлин.

30 декабря

В Берлине состоялась первая лекция И.Э. из цикла, названного им "Пьяный оператор" (О современной Европе). План лекции был опубликован заранее:

Замедленная и ускоренная фильма,
18000 черепов в цинковом ящике
Как я ехал по Руру
Фабрика этикеток
Он жертвует 1 франк на гильотину
Человеческие скачки
Штиннес и конструктивизм

1923

Носовой платочек фашистов
Интернациональность “чаво?”
Социалисты умеют даже хлопать дверью
До чего доводит сытость
Рассосавшийся нарыв
А дамы боксируют
Что такое уан-степ?
Роль простой лестницы
Господин аббат электрифицировался
Made in USA
Стоило ли придумывать беспроволочный телефон?
Радость машины и машинальная радость
Немецкая достоевщина и Salzkartoffel
Отчего во Франции пишут хорошие романы
Магдебург или экспрессионистский город наяву
Конструкция из брючных пуговиц
Дом в 24 часа
Оказывается Людовик XVI не умер
Чаплинианство, как новая религия
Фотогеничность дряни
Что такое оптимизм по “Кандиду”?
Два конца одной и той же фильмы.

Накануне, Берлин, 1923, 28 и 30 декабря

- В воскресенье 30 декабря в 8 ч. вечера в Гутман-зале по Бюловштрассе 104 (возле Ноллендорфплац) состоится лекция Ильи Эренбурга “Пьяный оператор” на тему “о современной Европе”. И. Эренбург уезжает в начале января в Россию, где прочтет эту лекцию в Москве, Петербурге, Харькове и др. городах. Билеты можно получить в магазине “Москва” (Неттельбекштрассе, 15), в “Книжном салоне” (Мартинлютерштрассе) и в книгоиздательстве “Геликон” (Бамбергерштассе, 7).

Руль, Берлин, 1923, 28 декабря

- “Пьяный оператор” - под таким оригинальным заголовком 30 декабря в небольшом зале Гутмана И.Г. Эренбург прочитал лекцию о Западной Европе. С лекцией этой талантливый поэт и наблюдатель собирается выступить в ряде городов России, отгороженной от старушки Европы волею судеб и рогатками виз и полупризнаний. И слушая Эренбурга понимаешь, что Европе есть причина отгораживать себя от наблюдательского глаза, от имеющих уши, чтобы слышать беспристрастную мерку чуткого человеческого сердца, чтобы понимать и ум и талант, чтобы передавать понятье. Европа все еще хочет нравиться и млеть от вздохов: “Ах ... Нет в мире лучшего края!” А свежий и игривый ветерок эренбурговского остроумия, даже не шквал, а только ветерок, увы, безжалостно сметает с сухой копии румяна и белила и нескромно обнажает перед зрителями увядающие красоты, тщательно замазанные лишаи, морщины и гримасы, заменившие прежнюю очаровательную улыбку.

(...) Несомненно, что в России фильма-лекция И.Г. Эренбурга будет иметь заслуженный успех, да и здесь, полагаю, повтори писатель свое чтение, многие, кто еще может услышать его, сказал бы ему спасибо за хороший вечер, помогающий немного отряхнуться от хаотической тряски каждодневных восприятий, обступивших нашу жизнь.

Накануне, Берлин, 1924, 4 января

Устроители лекции г. Эренбурга очевидно много потрудились при выборе помещения. Обстановка, действительно, европейская. Грязная винтовая лестница - точно в машинное отделение парохода спускаешься.

Тонким мальчишеским голосом г. Эренбург разносит старушку Европу. Лавры Шпенглера не дают ему спать. Современная Европа представляется ему фильмой, которую крутит пьяный оператор (...)

Объявление о лекции гласило, что она будет повторена в главных городах Европейской России. Это многое объясняет, но при чем тут Берлин, хотя бы и Гутманзал?

Руль, Берлин, 1924, 4 января

В течение года

Помимо указанных выше, вышли книги И.Э. “Четыре повести о легких концах” и “История гибели Европы. Трест Д.Е.” (обе в московском издательстве “Земля и Фабрика”)

- В Берлине вышел № 2 сборника “На чужой стороне” со статьей А. Кизеветтера “Крики литературной моды”:

Роман И. Эренбурга “Жизнь и гибель Николая Курбова” - это не роман, а телеграмма на 200 страницах. Писать романы нет времени. Приходится телеграфировать романы. Читаешь и думаешь: куда только он спешит? К какой важной цели? Поскорее выпустить плохонький роман с сменовеховским отливом? Стоило, подумаешь, спешить.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ И.Г.ЭРЕНБУРГА

ПЕРЕВОДЫ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

24—241

ПУБЛИКАЦИИ В.ПОПОВА И Б.ФРЕЗИНСКОГО ОБ ИЛЬЕ ЭРЕНБУРГЕ И ЕГО ОКРУЖЕНИИ

1. Попов В. Полвека назад (Об издании произведений И.Эренбурга в 1923 году). "Книжное обозрение", 1973. 5 октября
2. Попов В. Первые публикации И.Г.Эренбурга. "Сибирь", Иркутск, 1974, № 5, с.91-94
3. Попов В., Фрезинский Б. Войне не пройти. "Советская культура", 1981, 10 февраля (О содружестве И.Эренбурга и композитора С.Прокофьева).
4. Эренбург И. "Хемингуэй меня поразил своим мастерством" (Публикация В.Попова и Б.Фрезинского). - "Вопросы литературы", 1981, № 12, с.302-304
5. Эренбург И., Симонов К. 1941 (Публикация и предисловие Б.Фрезинского). - "Вечерняя Одесса", 1981, 21 ноября.
6. То же - "Вопросы литературы", 1982, № 10, с. 287-288.
7. Киреева М. Илья Эренбург в Париже 1909 года (Публикация, предисловие и комментарии Б.Фрезинского) - "Вопросы литературы, 1982, № 9, с.144-157.
8. Эренбург И., Толстой А. Рубашка Бланш. Стихотворная пьеса. Публикация В.Попова и Б.Фрезинского. - "Современная драматургия" 1982, № 4, с.158-171.
9. Эренбург И. Живы страсти - живы герои. (Публикация и предисловие В.Попова и Б.Фрезинского). "Литературная газета", 1983, 26 января.
10. Эренбург И. О Дурове. (Публикация и предисловие В.Попова и Б.Фрезинского) - "Советская эстрада и цирк", 1983, № 7, с.25-27
11. Эренбург И. Франция в сердце. (Публикация, предисловие и комментарии В.Попова и Б.Фрезинского) - "Иностранная литература", 1983, № 10, с. 209-222.

Перепечатано: Lettres Sovietiques, 1984, № 310, p. 144-150. Szovjet irodalom, 1984, № 12, p. 13-32

12. Эренбург И. "Он смягчал жизнь своей добротой" (Публикация и предисловие В.Попова и Б.Фрезинского) - "Литературная газета", 1983, 21 декабря.
13. Эренбург И. Слава защитникам Ленинграда (Публикация и предисловие В.Попова и Б.Фрезинского) - "Ленинградский рабочий", 1984, 13 января.
14. Ивашкевич Я. Воспоминания об И.Эренбурге (Перевод, публикация и комментарии Б.Фрезинского) - "Вопросы литературы", 1984, № 1, с. 194-201.
15. Попов В., Фрезинский Б. Есть у нас общая цель. По страницам неизданной переписки (К 50-летию выхода романа И.Эренбурга "День второй") - "Новый мир", 1984, № 8, с.240-245.
16. Эренбург И. Стихи из книги "Не переводя дыхания" (Публикация и предисловие Б.Фрезинского) - Альманах "Поэзия", вып. 40, М., "Молодая гвардия", 1984.

17. Эренбург И. Закал России силен. (Публикация и предисловие В.Попова и Б.Фрезинского) - "Литературная газета", - 1985, 1 января.
18. Эренбург И. Победа, которую выстрадали (Публикация В.Попова и Б.Фрезинского) - "Новое время", - 1985, № 19, с.26-30.
19. Эренбург И. Говорит Москва (публикация В.Попова и Б.Фрезинского) - "Наука и религия", 1985, № 5, с. 41-45.
20. Полонская Е. Стихи (Публикация и вступительная заметка М.Полонского и Б.Фрезинского) - Альманах "Поэзия", вып. 42, М., 1985, с. 121-123.
21. Полевой Б., Эренбург И. Из переписки (Публикация и комментарии В.Попова и Б.Фрезинского) - "Юность", 1986, № 7, с. 83-90
22. Эренбург И. Испанский закал (Публикация и комментарий В.Попова и Б.Фрезинского) - "Иностранная литература", 1986, № 7, с. 188-201
23. Эренбург И. Испанские репортажи. 1931-1939. (Составление, послесловие и примечания В.Попова и Б.Фрезинского) - М., Издательство АПН, 1986, 398 с. илл.
24. Письма О.Савича из Испании. (Публикация, предисловие и примечания Б.Фрезинского) - "Литературное обозрение", 1986, № 7, с.102-108.
25. В.Попов, Б.Фрезинский. Военные книги Эренбурга. Л., 1987, 84 с.
26. Полонская Е. Из книги "Встречи" (Публикация и подготовка текста М.Полонского и Б.Фрезинского) - "Нева", 1987, № 4, с.193-197.
27. Фрезинский Б. Неизвестное письмо Бабеля. "Вопросы литературы", 1987, № 4, с. 268-269.
28. Эренбург И. Чему меня научила жизнь (Публикация и послесловие В.Попова и Б.Фрезинского) - "Юность", 1987, № 7, с. 77-79
Перепечатано: Soviet Literature, 1988, № 5, p. 158-165.
29. Эренбург И. Литература не может напоминать унылый плац (Публикация В.Попова и Б.Фрезинского) - "Советская культура, 1988, 5 марта.
30. Савич О. Записи разных лет. (Вступительная заметка, публикация и комментарии Б.Фрезинского) - "Вопросы литературы", 1988, № 8, с. 135-159.
31. Фрезинский Б. Эренбург и Шостакович. "Нева", 1989, № 8, с. 205-208.
32. Савич О. Имажинист. (Публикация, предисловие и примечания Б.Фрезинского) - "Вопросы литературы", 1989, № 12, с. 272-275.
33. Фрезинский Б. К 25-летию публикации мемуаров "Люди, годы, жизнь". "Книжные памятные даты", М., "Книга", 1990, с. 137-140.
34. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1-3, М., "Советский писатель", 1990. Подготовка текста И.И.Эренбург и Б.Я.Фрезинского. Комментарии Б.Фрезинского.
35. Эренбург И. Собрание сочинений в 8 томах. Т.1. Стихотворения, "Хулио Хуренито", "13 трубок", рассказы. (Комментарий и подбор иллюстраций Б.Фрезинского) - М., "Художественная литература", 1990.
36. Илья Эренбург - Варлам Шаламов. Диалог 1966 года (Публикация, предисловие и примечания Б.Фрезинского) - "Советская культура", 1991, 26 января.

Перепечатано: газета "Мир" (Филадельфия, США), 1991, 21 февраля.
37. Попов В., Фрезинский Б. В питерских изданиях (к 100-летию И.Г. Эренбурга). "Вечерний Ленинград", 1991, 26 января.
38. Эренбург И. Люди, годы, жизнь (фрагменты, запрещенные цензурой). (Публикация, предисловие и примечания Б.Фрезинского) - "Независимая газета", 1991, 29 января.
39. Фрезинский Б. И дар богов - великолепный теннис (к 100-летию О.Э.Мандельштама) - "Спорт, человек, время", Л., 1991, № 2.
40. Фрезинский Б. Глаза зеленые весны (к 100-летию И.Г.Эренбурга) - "Спорт, человек, время", Л., 1991, № 3.
41. Пристли Дж. Предисловие к книге И.Эренбурга "Россия в войне"; Майский И. Слово об И.Г.Эренбурге (Перевод и публикация Б.Фрезинского) - "Памятные книжные даты", М., "Книга", 1991, с. 150-152
42. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 2. "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Рвач", "В Проточном переулке" (Комментарии, подбор иллюстраций Б.Фрезинского) - М., 1991
43. Эренбург И. Собрание сочинений т. 3. "Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца", "День второй", "Книга для взрослых" (Комментарии и подбор иллюстраций Б.Фрезинского) - М., 1991.
44. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 4. Очерки, репортажи, эссе. (Составление и подготовка текста И.И.Эренбург и Б.Я.Фрезинского, комментарии В.Попова и Б.Фрезинского, подбор иллюстраций Б.Фрезинского) - М., 1991.
45. Фрезинский Б. Эренбург, "Вещь", Маяковский. - "Вопросы литературы", 1992, № III

ПЕЧАТАЮТСЯ:
1. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 5. "Падение Парижа", Война. (Комментарий В.Попова и Б.Фрезинского, подбор иллюстраций Б.Фрезинского).
2. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 6. "Французские тетради", "Перечитывая Чехова", статьи о литературе и искусстве, "Люди, годы, жизнь", кн. 1. (Составление и подготовка текста И.И. Эренбург и Б.Я. Фрезинского, комментарии и подбор иллюстраций Б. Фрезинского).
3. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 7. "Люди, годы, жизнь", кн. 2-5 (Подготовка текста И.И. Эренбург и Б.Я. Фрезинского, комментарий и подбор иллюстраций Б.Фрезинского).
4. Эренбург И. Собрание сочинений, т. 8. "Люди, годы, жизнь", кн. 5-7 (Подготовка текста И.И. Эренбург и Б.Я. Фрезинского. Комментарии и подбор иллюстраций Б. Фрезинского).
5. Переписка И.Г. Эренбурга с В.Я. Брюсовым. (Публикация, вступительная статья и комментарии Б.Фрезинского) - "Брюсов и его корреспонденты", кн. 2. Литературное наследство, т. 96, М., "Наука".
6. Эренбург и Ахматова (Вступительная статья, публикация и примечания Б.Фрезинского) - "Анна Ахматова", Литературное наследство", М. "Наука".

7. Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в питерских изданиях. Альманах "Невский библиофил", СПб.
8. Елизавета Полонская и Лев Лунц (Предисловие, публикация и примечания М. Полонского и Б. Фрезинского) - "Вопросы литературы", 1993.
9. Три доклада Вс. Мейерхольда (Предисловие Б.Фрезинского, публикация и послесловие М.Полонского и Б.Фрезинского) - "Театральный Петербург", 1993.
10. Эренбург И. Книга для взрослых (Иллюстрированное миниатюрное издание. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Б. Фрезинского) - М., "Книга", 1993.
11. Бухарин Н. Революция и культура (Составление, вступительная статья и примечания Б. Фрезинского), М., "Республика", 1993.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Попов В., Фрезинский Б. "Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества", т. 2 (1924-1935)

В. Попов, Б. Фрезинский

«ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ: ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА»

Сдано в набор 2.11.1992. Подписано в печать 2.06.93. Формат 60×88 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Печатных листов 24,0. Тираж 2000. Заказ № 241. Цена договорная.

Издательство «Любавич»
198005, Санкт-Петербург, Московский пр., 19.
телефоны: 259-10-11, 552-35-52

Государственная типография № 4 г. Санкт-Петербурга Министерства печати и информации Российской Федерации. 191126, Санкт-Петербург, Социалистическая ул., 14